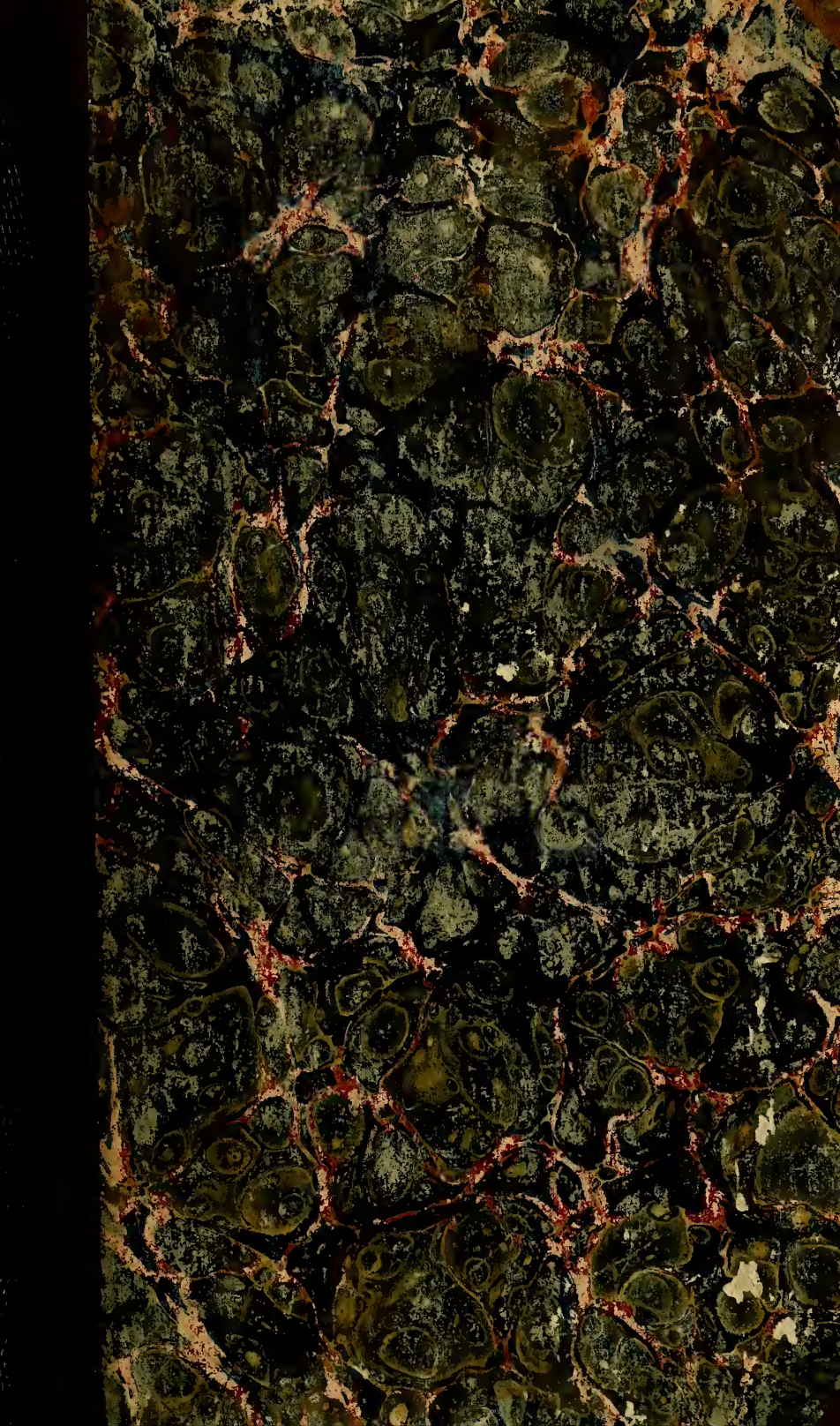

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
ІХ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С К А З К А

о

З о л о т о м ъ н ѣ т у ш к ѣ .

Ныгдѣ, въ тридевятиомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Дадонъ:
Съ молоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ,
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали;
Но никакъ не успѣвали.
Ждутъ, бывало, съ юга, — глядь,
Апѣ съ востока лѣзетъ рать!
Справятъ здѣсь, — лихіе гости
Идутъ отъ моря: — со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.

Т. IX. — Отд. I.

Что и жизнь въ такой тревогѣ!
 Вотъ, онъ съ просьбой о помогѣ
 Обратился къ мудрецу,
 Звѣздочету и скопцу:
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ, мудрецъ передъ Додономъ
 Сталъ, и выпулъ изъ мѣшка
 Золотаго пѣтушка.
 «Посади ты эту птицу,»
 Молвилъ онъ царю, «на спицу:
 Коль повсюду будетъ мирно,
 Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
 Но лишъ-чуть со стороны
 Ожидать тебѣ войны,
 Иль набѣга силы бранной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
 Приподыметъ гребешокъ,
 Закричитъ, и встрепенется
 И въ то мѣсто обернется.»
 Царь скопца благодарить,
 Горы золота сулитъ.
 «За такое одолженъе,»
 Говоритъ онъ въ восхищеньи,
 «Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы,
 Сталъ стеречь его границы:
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ сосна
 Шевельнется, встрепенется,
 Къ той сторонкѣ обернется,
 И кричитъ—Кири-ку-ку!

.....
 И сосѣди присмирѣли,

Воевать уже не смѣли :
 Таковой имъ царь Дадонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ!

Годъ, другой, проходитъ мирно;
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ, однажды царь Дадонъ,
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ :
 «Царь ты нашъ! отецъ народа!»
 Возглашаетъ воевода :
 «Государь! проснись! бѣда!»
 — Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ, зѣвая :
 А?... Кто тамъ?... Бѣда какая? —
 Воевода говоритъ :
 «Пѣтушокъ опять кричитъ;
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
 Царь къ окошку, — анъ на спицѣ,
 Видитъ, бьется пѣтушокъ,
 Обратившись на востокъ.
 Медлитъ нечего: «Скорѣ!
 Люди, на конь! Эй, живѣ!»
 Царь къ востоку войско шлетъ,
 Старшій сынъ его ведетъ.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ, и царь забылся.

Вотъ, проходитъ восемь дней,
 А отъ войска нѣтъ вѣстей:
 Было ль, не было ль сраженія, —
 Нѣтъ Дадону донесенія.
 Пѣтушокъ кричитъ опять.
 Кличетъ царь другую рать;
 Сына онъ теперь меньшова
 Шлетъ на выручку большова.
 Пѣтушокъ опять утихъ.

Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ!
 Снова восемь дней проходятъ;
 Люди въ страхѣ дни проводятъ,
 Пѣтушокъ кричитъ опять:
 Царь скликаетъ третью рать,
 И ведетъ ее къ востоку, —
 Самъ не зная, быть ли проку!

Войска идутъ день и ночь:
 Нимъ становится не въ мочь;
 Ни побоища, ни стана,
 Ни надгробнаго кургана,
 Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
 «Что за чудо?» мыслить онъ.
 Вотъ, осьмой ужъ день проходитъ,
 Войско въ горы царь приводитъ,
 И, промежъ высокихъ горъ,
 Видитъ шелковой шатерь:
 Все въ безмолвіи чудесномъ;
 Вкругъ шатра, въ ущельи тѣсномъ,
 Рать побитая лежитъ.
 Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ.....
 Что за страшная картина!
 Передъ нимъ его два сына,
 Безъ шоломовъ и безъ латъ,
 Оба мертвые лежатъ,
 Мечъ вонзивши другъ во друга.
 Бродятъ кони ихъ средь луга
 По притоптанной травѣ,
 По кровавой муравѣ.....
 Царь завылъ: «Охъ дѣти, дѣти!
 Горе мнѣ! Попались въ сѣти
 Оба наши сокола!
 Горе! смерть моя пришла.»
 Всѣ завыли за Дадономъ;
 Застонала тяжкимъ стономъ

Глубь долинъ, и сердце горь
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся..... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась, — и съ поклономъ
Его за руку взяла,
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала;
Уложила отдыхать
На парчевую кровать.
И потомъ, недѣлю ровно, —
Покорясь ей безусловно, —
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ, и въ путь обратной,
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой,
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ:
Всѣ бѣгутъ за колесницей,
За Дадономъ и царицей;
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ.....
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сарачинской шапкѣ бѣлой,

Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его, скопецъ.
«А, здорово, мой отецъ?»
Молвилъ царь ему: «что скажешь?
Подъ поближе! Что прикажешь?»
— Царь! отвѣтствуетъ мудрецъ :
Разочтемся наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Объщался мнѣ, какъ другу ,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою.
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу ,
Шамаханскую царицу. —
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты?» старцу молвилъ онъ :
«Или бѣсъ въ тебя ввернулся?
Или ты съ ума рехнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я, конечно, общалъ ,
Но всему же есть граница !
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской ,
Хоть коня съ конюшни царской ,
Хоть полъ царства моего!»
— Не хочу я ничего !
Подари ты мнѣ дѣвицу ,
Шамаханскую царицу ,
Говорить мудрецъ въ отвѣтъ. —
Плюнулъ царь : «Такъ лихъ же ! Нѣтъ ,
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь :
Убирайся, цѣля пока !
Оттащите старика !»
Старичокъ хотѣлъ заспорить ;

Но съ инымъ накладно вздорить :
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу, — тотъ упалъ ничкомъ,
 Да и духъ вонъ. Вся столица
 Содрогнулась; а дѣвица —
 Хи хи хи! да — ха ха ха!
 Не боится, знать, грѣха.
 Царь, хотъ былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно.
 Вотъ, въѣзжаетъ въ городъ онъ:
 Вдругъ раздался легкой звонъ,
 И, въ глазахъ у всей столицы,
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы;
 Къ колесницѣ полетѣлъ,
 И царю на темя сѣлъ,
 Встрепенулся, клюнулъ въ темя,
 И взвился; и, въ то же время,
 Съ колесницы палъ Дадонъ!
 Охнулъ разъ,—и умеръ онъ.
 А царица вдругъ пропала,
 Будто вовсе не бывало.

.....

А. ПУШКИНЪ.

ПРОЩАНІЕ

СЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ.

=

Сокрылось солнце за Невую,
 Роскошно розами горя.
 Въ послѣдній разъ передо мною
 Горишь ты, Невская заря!

Въ послѣдній разъ въ тоскѣ глубокой
Я твой привѣтствую восходъ:
На небѣ родины далекой.
Меня другое солнце ждетъ.
О, не скрывай, заря, такъ рано
Волшебный блескъ твоихъ лучей,
Во мглѣ вечерняго тумана,
Во тмѣ безмѣстныхъ почей!
О, дай насытить взоръ прощальный
Твоимъ живительнымъ огнемъ,
Горящимъ въ синеѣ хрустальной,
Блестящимъ радужнымъ вѣнцомъ!
Но пѣтъ!.... румяный блескъ слабѣетъ
Зари вечерней; въ слѣдъ за ней,
Печальный сумракъ хладомъ вѣетъ,
И тушить зарево огней.
Сквозь ткани ночи гробовыя,
На недоступныхъ высотахъ
Мелькаютъ искры золотыя,
И небо въ огненныхъ цвѣтахъ.
И стихнулъ вѣтеръ въ снѣжномъ полѣ;
И спитъ престольный градъ Царя....
О, не видать тебя мнѣ болѣ,
Святая Невская заря!
О, дай насытить взоръ прощальный
Твоимъ живительнымъ огнемъ,
Ты вновь одѣнешь западъ хладный
Огнями вечера; но, ахъ,
Не для меня ихъ свѣтъ отрадный
Заблещетъ въ розовыхъ вѣнцахъ!
Не для меня!.... Въ странѣ далекой,
Питомецъ бурей и снѣговъ,
Блуждать я буду одинокой
Въ глуши подоблачныхъ лѣсовъ.
Прими послѣднее прощанье!....

.....
.....

.....
Прости и ты, о градъ державный,
Твердыня сѣверныхъ морей,
Вѣнецъ отчизны православной,
Жилище пышное Царей,
Петра державное творенье!
О, кто бѣ, въ великую борьбу,
Кто бѣ угадалъ твое рожденье,
Твою высокую судьбу!
Подъ шумомъ бурь грозы военной,
По гласу мощному Петра
Въ лѣсахъ страны иноплеменной
Воздвиглась Русская гора.
На ней возсѣлъ орелъ двуглавый, —
И кликъ побѣдный огласилъ
Поля пустынные Полтавы,
И груды вражескихъ могилъ.
И вновь бѣдой неотвратимой
Надъ дерзкимъ Галломъ прошумѣлъ, —
И палъ во прахъ непобѣдимый,
И мѣръ свободой возкипѣлъ.
О, сколько доблестныхъ дѣяній
Вписала сѣверная сталь
Въ дневникъ твоихъ воспоминаній,
Въ твою гранитную скрижалъ!
Въ твоихъ священныхъ храмахъ вѣютъ
Народной славой знамена,
И на гробахъ твоихъ свѣтлѣютъ
Героевъ Русскихъ имена.
Вотъ Онъ, — зиждитель твой чудесный,
Твой полунощный Прометей!
Но тотъ похитилъ огонь небесный;
А сей носилъ въ душѣ своей.
Россія при дверяхъ могилы:
Ее держалъ Татарскій сонъ.
Явился Петръ, — и въ мертвы жилы
Дыханье жизни вдунулъ онъ.

Она возстала — Русь святая,
 Могуща, радостна, свѣтла,
 И, юной жизнью разцвѣтая,
 Годами вѣки протекла.
 Заря чудеснаго рожденья
 Въ тебѣ блеснулъ въ началѣ свѣтъ;
 Ты былъ предтечей воскресенья,
 И первымъ вѣстникомъ побѣдъ.
 Лѣтами юный, вѣтхій славой,
 Величья Русскаго залогъ, —
 Прости Петрополь величавый,
 Невы державной полубогъ!
 Цвѣти подъ радужнымъ сіяньемъ
 Твоей блистательной весны,
 И услаждай воспоминаньемъ
 Поэта пламенные сны.

П. ЕРШОВЪ.

ТРЕВОЖНОЕ РАЗДУМЬЕ.

=

Море синее, море бурное!
 Вѣтеръ воющій, необузданный!
 Ты, звѣзда моя полуночная!
 Ахъ, отдайте мнѣ друга милаго!

Гдѣ онъ, гдѣ? Скажи мнѣ, море!
 Чѣмъ въ далекой сторонѣ
 Опъ свое лепчетъ горе?
 Все ли помнитъ обо мнѣ?

Днемъ меня ли ищутъ очи?
Я ль одна въ его мечтахъ?
И меня ль, во мракъ ночи,
Видитъ онъ въ тревожныхъ снахъ?

Ты всегда, вездѣ летая,
Вѣтеръ, вѣтеръ, знаешь все.
Заставалъ ты, какъ вздыхая
Шепчетъ имя онъ мое?
Какъ, въ раздумьи и печальный,
Жадный взоръ стремить къ волнамъ,
И мой локонъ, даръ прощальный,
Жметъ къ пылающимъ устамъ?

Свѣтлой другъ тоски мятежной,
Полуночная звѣзда!
Будь вожатою надежной,
Нашей радостью всегда.
Ты предъ нимъ святой красою
Знакомъ будь любви моей....
Если жъ онъ плѣненъ другою,
О звѣзда, затмись скорѣй!

Скоро годъ уже промчится,
Какъ со мной разстался онъ;
А въ разлукъ часто снится
По неволѣ страшный сонъ.
Духъ сомнѣнье сокрушило:
Мнѣ ль измѣну пережить?
Лучше то, что сердцу мило,
Потерять, а не дѣлать.

Но я вѣрю, я мечтаю,
Что я съ нимъ соединюсь;
Я волненье думъ стѣсняю,
Я измѣны не боюсь.

Чуть коснется страхъ случайный,
 Я маню надежду вновь....
 Есть у сердца вѣстникъ тайный, —
 Не обманетъ онъ любовь!

Море синее, море бурное!
 Вѣтеръ воющій, необузданный,
 Ты, звезда моя полуночная!
 Ахъ, отдайте мнѣ друга милаго!

И. КОЗЛОВЪ.

П Ъ С Н Я

ЗАКУБАНСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

Не тигръ съ гіеною сдружился, —
 На гибель нашу, супостать,
 Могучій Зассъ вооружился,
 И съ нимъ коварный Джембулатъ.
 Проникнувъ къ намъ, какъ духи злые,
 Какъ грѣшнымъ людямъ Божій страхъ,
 Враги Ислама заклые
 Мутятъ спскойствіе въ горахъ.
 Услышь, о Аллахъ, правовѣрныхъ молитвы!
 Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы.

Какъ вихрь внезапно налетая,
 Какъ воръ прокрадываясь къ намъ,
 Гремятъ, аулы истребляя,
 И ночью рыщутъ по горамъ.
 Жилища въ пселеъ превращаютъ,
 Не внемлютъ воплямъ матерей;

Въ плѣнъ нечестивый увлекають
И женщинъ нашихъ и дѣтей.
Услышь, о Аллахъ, правотѣрныхъ молитвы!
Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы.

Стрѣлой ихъ кони мчатся въ стѣчу,
Ихъ пули прямо въ сердце бьютъ.
Огонь ли пустимъ имъ на встрѣчу, —
Они огонь перешагнутъ.
Займемъ ли дружными рядами
Кубани быстрой берега, —
Но не удержишь и волнами
Набѣга грознаго врага.
Услышь, о Аллахъ, правотѣрныхъ молитвы!
Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы.

Мы на присошки лишь припали,
Чтобъ путь имъ кровью наводнить, —
Они мгновенно насакали:
Мы не могли остановить.
Напрасны были всѣ препоны,
Ихъ Зассъ расторгъ, развѣялъ въ прахъ, —
И наши дѣти, наши жены,
Остались въ вражескихъ рукахъ!
Услышь, о Аллахъ, правотѣрныхъ молитвы!
Избавь насъ отъ Засса, отъ страшной съ нимъ битвы!

М. ВЕНЕДИКТОВЪ.

О Р Е Л Ъ.

Когда пернатыхъ царь стремится
Въ безоблачны страны парить,

Кавказъ его подножьемъ зрится, —
 Кто смѣетъ съ нимъ себя сравнить?
 Могучимъ, быстрымъ крыль размахомъ
 Къ зениту простираетъ путь ;
 Ничто объять не можетъ страхомъ
 Его безтрепетную грудь.
 Онъ къ солнцу близиться дерзаетъ,
 Предъ нимъ, онъ въждей не смыкаетъ,
 Пьетъ взоромъ блескъ его лучей ;
 А тамъ, перуномъ вооруженный,
 Своимъ величьемъ упоенный,
 Онъ вержется, стрѣлы быстрый,
 На долъ съ превыспреннихъ зыбей.

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

СТАРЫЙ РУССКІЙ ЗАМОКЪ.

Гдѣ волной серебряно-шумной
 Бьетъ Нарова о гранитъ, —
 Тщетно въ ярости безумной,
 За волной волну клубить, —

На горѣ есть замокъ древній;
 Мечъ и времени рука,
 Истребивъ окрестъ деревни,
 Пощадили старика.

Старецъ, что ты мраченъ нынѣ?
 Вкругъ тебя кипитъ народъ,
 И какъ прежде по ложбинѣ
 Рѣчка свѣтлая течетъ.

Иль грустишь ты, замокъ старый,
О мицувшихъ временахъ?
Иль еще звучать удары
Шведскихъ ядеръ на стѣнахъ?

«Я гляжу печальнымъ окомъ
На изнѣженный народъ.
Я въ раздуміи глубокомъ:
Ихъ мой взоръ не узнаетъ!

«Не советѣмъ зажали рапы,
Хоть отжилъ я грозный вѣкъ:
Ночью, въ нихъ гнѣзятся врапы,
Днемъ, обходить человѣкъ.

«Я завидую Наровѣ,
Хоть она меня старѣй:
Каждый годъ ей по обновѣ
Шлетъ Нептунъ, отецъ морей.

«И старушкою забыто,
Что унесъ минувшій годъ;
Все нечистое — ей смыто;
Все поить она народъ.

«Я же, хилый, время трачу,
Жизнь полезную сгубя;
Но на жребій мой не плачу:
Гибну, родину любя.»

Л. ЯКУБОВИЧЪ.

НЕВѢСТА.

ЭЛЛЕГІЯ.

Вольное подражаніе Андрею Шенюе.

=

О что сбылось съ тобой, невѣста молодая?
Увы, погибла ты о радости мечта!

Она уже въ тотъ край несется кораблемъ,
Гдѣ ждетъ ее любовь съ ей милымъ женихомъ,
Гдѣ пѣсень свадебныхъ услыша хоры;
Онъ встрѣтилъ бы ея плѣнительные взоры;
Заботливой рукой подъ ключъ положено
Въ узорныхъ кружевахъ ночное полотно,
И дивный аромат для локоновъ небрежныхъ
И радужный жемчугъ для персей бѣлоснѣжныхъ.
Въ раздумьи сладостномъ и пѣгой смущена,
Прелестная стоитъ на палубѣ одна,
Плѣняясь яркихъ волнъ блестящей синевою,
И полупочныхъ звѣздъ таинственной красою
Но вихрь вдругъ налетѣлъ и, въсяся, въ пеленахъ
Схватилъ ее, помчалъ, — она уже въ волнахъ!
Она уже въ волнахъ невѣста молодая!
Ужъ надъ прекрасною шумить волна морская!
Одинъ лишь тихій стоишь, былъ вѣстью роковой,
О жалкой участи любви ея земной;
И волны подняли клубяся вой унылой
Надъ раннею ея холодною могилой.

Увы, желанныхъ дней прекрасной невидать!
Невѣста!... жениху тебя ужъ не встрѣчать!
Утратилъ онъ съ тобой любви своей надежду,
Не наряжалась ты во брачную одежду,
Не билась грудь твоя подъ свѣтлымъ жемчугомъ,
И не украсила ты локоны вѣнцомъ.

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

=

П Р О З А.

ПРИГОЖАЯ КАЗНАЧЕЙША.

СЦЕНЫ УЪЗДНАГО ГОРОДА.

Ребятишки и женщины толпятся передъ окнами за-сѣдательскаго дома, ворота растворены настежь, и у подъѣзда горитъ разбитый фонарь. На крыльцѣ, за стаканами пуншу, съ трубками въ зубахъ, сидятъ секретари и повытчики, важно трактуя о ходѣ дѣлъ и продѣлокъ, о пріѣздѣ губернатора, и о прочемъ.

Въ сѣняхъ, на опрокинутыхъ кадахъ, на ящикахъ, мѣшкахъ, боченкахъ, стульяхъ, скамьяхъ, торчатъ за-сѣдатели, ихъ родственники канцелярскаго ранга, два отставныхъ капитана, частный приставъ и другіе, всѣ съ трубками, всѣ за стаканами. Дымъ, спертый въ сѣняхъ, какъ непроницаемый Лондонскій туманъ, густою нитью тянется на дворъ. Уединенная свѣча, засыпанная табакомъ, мелькаетъ въ углу, на кадкѣ. На очагѣ разложенъ огонь; у очага клокочетъ самоваръ; подлѣ самовара суетится кухарка. Собесѣдники, довольные собою и судьбою, румяные, кормные, здоровые, ведутъ живой и отчасти острый разговоръ о предстоящей ревизіи присутственныхъ мѣстъ его превосходительствомъ; повременамъ слышатся бѣглые споры и отрывистыя, безконечныя жалобы на худыя времена.

Но музыка рѣзкая, дикая, нѣстройная, заглушаетъ ихъ интересные разговоры. Она, вмѣстѣ съ произни-

тельнымъ визгомъ дѣтей, стукомъ сапоговъ, шарканьемъ башмаковъ, повелительными голосами матушекъ, дѣвственнымъ хохотомъ дочекъ и молодецкимъ гарканьемъ уѣздныхъ кавалеровъ, грохочетъ за дверью, въ залъ. Тамъ кипитъ Флегетонъ, тамъ завываетъ Тартаръ, тамъ жидовскій кагалъ!... Тамъ, было душно, темно, жарко, шумно, дико, нестройно. Танцовали *лакасейзъ*. Пыль, смѣшанная съ табачнымъ дымомъ, стоитъ столбомъ; три свѣчи нагорѣвшія освѣщаютъ залу. У дверей сидятъ странствующие жида музыканты, рыжіе, косматые, засаленные, вонючіе. Безъ склада, безъ ладу, они гудятъ, режутъ, гремятъ на цимбалахъ, на бубнахъ и скрипкѣ. Рядомъ съ ними сидитъ городничій, держа въ одной рукѣ трубку, въ другой стаканъ; за нимъ стряпчій, лекаръ, судья, исправникъ; далѣе, въ углу, казначей, — вся уѣздная аристократія, все что пишетъ другъ ко другу отношенія, все что ссорится или готово поссориться при первомъ случаѣ. Разряженные уѣздныя барыни дуются насупротивъ жидовъ. Скромныя, томныя, романтическія дочки пестрѣютъ смѣсью модъ всѣхъ вѣковъ и націй. Въ другой комнатѣ толпятся дѣти: они кричатъ, шумятъ, возятся, плачутъ, дерутся, и съ воплемъ прибѣгаютъ къ разряженнымъ маменькамъ, къ глубокомысленнымъ папенькамъ.

— Скажите, пожалуйста, Пафнутій Степановичъ, что это за ступа толчется? тихо сказалъ лекаръ, взоромъ указавъ на одну дѣвицу.

— Да это долговязая дочка нашего хозяина, сказалъ стряпчій. Она, вотъ видите, воспитывалась гдѣ-то въ большомъ домѣ, выросла на модныхъ сказкахъ. Видите, какъ она умильно на всѣхъ поглядываетъ.... словно филлинь глазами хлопаетъ.

— А это?

— А, батинька! Не проглядѣли же! Эта наша модница казначейша!

— Какая хорошенькая, скромненькая!

— Право? Ну что въ ней хорошаго? Глаза большіе, каріе, рѣсницы густы, длинны, а волосы свѣтлорусые. Ну, что же тутъ хорошаго? То-то молодость!...

— Но она тутъ лучше всѣхъ!

— Тише, тише! Осторожно. Не говорите такъ громко подобныхъ вещей. Барыни чутки на похвалы другимъ: онѣ васъ съ свѣта сживутъ за подобную ересь.

— Какъ? Неужели онѣ не могутъ видѣть ея наружныхъ достоинствъ?

— Видѣть?.... Онѣ видятъ.

— Такъ для чего же не признаются?

— Для того... для того... вотъ для того, что....

Стряпчій пустился въ метафизику, въ мудреные толки о составѣ и свойствахъ душъ женскихъ; пзъяснялъ различіе души дѣвичей, женской и старушечей, а лекарь между-тѣмъ наблюдалъ движенія ногъ, рукъ и взоровъ очаровательной казначейши, плавно какъ бѣлая лебедь носившейся по шероховатому полу. Она въ то время тащовала съ засѣдателемъ уѣзднаго суда.

— Такъ вы видите, почтеннѣйшій Кондрать Кондратовичъ, торжественно присовокупилъ стряпчій, оканчивая свой трактатъ и дергая за руку лекаря: что въ женщинахъ либо вовсе нѣтъ ни какой самостоятельной души, либо она есть. Жаль только....

— Прекрасно, Пафнутій Степановичъ! Зачѣмъ вы не профессоръ? Вы бы сдѣлали персвороть въ трансцендентальной философій.

— А вы будто слышали, что я говорилъ?

— Разумѣется!

— Полноте меня морочить! Вы такъ и впились глазами въ нашу модницу..... Нечего сказать, чудо какъ хороша!... Жаль только.....

— Что такое?

— Жаль только, говорилъ стряпчій, понизивъ голосъ: что у ней мужъ такой неудалой. Живеть скупо!

— Видно, не изъ чего тянуться.

— Не изъ чего? Онъ получаетъ полторы тысячи жалованья, а я полтораста? А исправникъ? А судья? А застѣатели?... А все-таки живемъ, не заѣдаемъ въкъ своихъ женъ.

— Ну, да ваше другое дѣло, возразилъ лекарь, улыбаясь.

— Хе, хе, хе, батинька! Да кому и жить какъ не казначею! Самъ сытъ и казна цѣла.... Ихъ доходы текущіе, безотвѣтные, не то что наши горькіе, да плаканные.

— Да можетъ-быть онъ и не пользуется.

— Нашли простяка! Смотрите на него.... Всякой куетъ деньгу, какъ совладѣть!

— Да у него ничего не видно.

— Въ томъ-то и сила, что денегъ на показъ не выставляютъ! Онъ себѣ на умъ: клѣветъ, да поклевываетъ, да зобокъ набиваетъ; а какъ наклеветается до сыта, тихомолкомъ и прочь отойдетъ. Это старый воробей. Видали мы такихъ! Правда, ихъ и не такъ-то много: большая часть скоро зазнаются и силой ломаются въ уголовную.... Вотъ, нашъ заморскій сычъ, исправникъ: пріѣхалъ зимой, на перекладной жену привезъ; былъ ниже воды, тише травы; передъ всякимъ жался, мялся, плакался на свою бѣдность, на свои недостатки; а какъ понабилъ карманъ, такъ и задралъ носъ. Ужъ ему и чортъ не брать, а просто свать. Смотрите, какъ дуется, какъ важничаетъ!... Да погоди, голубчикъ! какъ напустимъ на тебя губернскихъ ястребовъ, будешь ты и въ потьмахъ узнавать старыхъ пріятелей.

Лакаsezъ кончился; жида умолкли, и молчаніемъ

своимъ заставили стряпчаго прервать душеспасительныя сужденія. Только шарканье кавалеровъ и звонкое щебетанье барынь раздавалось въ комнатахъ. Въ это время пригожая казначейша подошла къ своему мужу, сидѣвшему въ углу.

— Ахъ, какъ душно здѣсь! сказала она, обмахиваясь платкомъ, вмѣсто опахала; грудь ея сильно волновалась подъ розовымъ ситцевымъ платьемъ; круглое личико ея пылало; каштановые локоны рассыпались отъ танцевъ; большіе черные глаза горѣли огнемъ удовольствія; дыханье было отрывисто.

— Отойди отъ окна, душинька, сядь здѣсь, отдохни, заботливо сказалъ казначей, почти насильно сажая ее подлѣ себя.

— Не правда ли, другъ мой, что онъ хорошо танцуетъ?

— Кто, душинька?

— Ну, тотъ молодой засѣдатель, что сперва танцевалъ съ повѣреншей, а потомъ со мною!

— А я право не видалъ.

— Такъ что же ты дѣлалъ, сидя одинъ въ углу?

— Смотрѣлъ на тебя, да зѣвалъ отъ скуки.

Казначейша съ негодованіемъ отвернулась отъ грубіяна, и ни слова. Безъ вниманія прислушалась она къ разговору дамъ, тихому, но внятному, — и поблѣднѣла.

— Пойдемъ, душинька, пойдемъ; пора домой; я устала, торопливо сказала она мужу.

— Погоди немного: нельзя же подняться намъ первымъ, равнодушно отвѣчалъ послѣдній.

Но пригожая казначейша настояла. Сквозь зубы распрощалась она съ хозяйкою и почти насильно увела мужа, собиравшагося отдать почтеніе разряженной судьихѣ.

Какъ разошлись прочіе, лѣтописи молчать: въ нихъ только просто сказано: «Лѣта 18** Іюня 17 дня, бысть «пиръ велій и дивный зѣло у застѣдателя нижня земска суда, Онуфрія Макаровича Цапенкова, получающа въ годъ жалованья двѣ гривны серебра, спрѣчь, двѣсти рублей; и курища вси табакъ Грецкій «въ трубкахъ Турскихъ и Нѣмецкихъ, и пища тамо «вина заморскіи и водки крѣпкіи, оковитки и наливки, *даже до успенія языковъ.*» Послѣдняя фраза значительно измѣнена въ другомъ новѣйшемъ спискѣ, гдѣ сказано напротивъ: «*даже до ели можаху*». Но оба эти выраженія есть явное подражаніе Византійцамъ. Сверхъ того, доказано, что всѣ наши лѣтописи подложны, и что даже ихъ сочинители никогда не существовали. Мѣстное преданіе гласитъ, что одного секретаря понесли на рукахъ, а другой выползъ самъ за ворота, и проспалъ тамъ всю ночь на чистомъ воздухѣ. Другіе присовокупляютъ, что ретивый частный приставъ, оступившись на крыльцѣ, вывихнулъ ногу. Но строгая и безпристрастная критика не должна основывать своихъ сужденій на преданіяхъ. «Страсть удѣлъ поэта, а не историка.» И такъ, заключимъ съ достоверностью, что исторія этого пира вовсе намъ неизвѣстна.

Николай Лаврентьевичъ, казначей, сидѣлъ подъ окномъ, въ спальнѣ, и въ разсѣяніи поглядывалъ то на проходящихъ, то на плакавшую жену. По-временамъ онъ поднимался, закуривалъ трубку и, садясь снова, гасилъ ее. Николай Лаврентьевичъ очевидно былъ не въ духѣ.

Мужчина лѣтъ сорока или болѣе, плотный, видный, съ лицомъ правильнымъ, но безъ всякаго выраженія, безстрастный какъ синяя ассигнація, труженикъ, сидѣвшій канцелярскій, онъ былъ угрюмъ въ бесѣдахъ, неповоротливъ въ движеніяхъ, словокъ въ пріемахъ,

сухъ и отрывистъ въ рѣчахъ. Происходя изъ простаго званія и на мѣдный грошъ выучившись грамотъ, отправился онъ въ чужія земли, — то есть, въ другую губернію, искать счастья. Тутъ онъ достигъ значенія. Правы его никогда не выступали изъ предѣловъ бухгалтеріи, его помыслы всѣ были форменные. Миръ его былъ — уѣздъ; губернія казалась ему необъятною вселенной; честолюбіе доходило только до девятаго класса. Губернскій казначей, губернскій контролеръ, были для него Геркулесовыми Столбами на поприщѣ службы. Далѣе не заносились его мечты, спутанныя указомъ 1809 года. Контроль, министерство финансовъ, департаменты, были ему извѣстны только по наслышкѣ, какъ Финикійскому мореходцу острова безпредѣльнаго океана, подернутаго таинственною мглою. Онъ писалъ четко и красиво безъ Грамматики, считалъ вѣрно безъ Ариѳметики, и велъ книги свои въ совершенной исправности. Какъ чиновникъ дослужившійся до *pas plus ultra* уѣздныхъ чиновъ и почестей, онъ подписывался кудряво.

Пріѣхавъ въ губернскій городъ, покровительствуемый своими единоземцами, Николай Лаврентьевичъ скоро былъ опредѣленъ писцомъ въ казенную палату. Тамъ проходилъ онъ всю свою службу, прослылъ ревностнѣйшимъ и точнѣйшимъ чиновникомъ, и получилъ мѣсто казначея въ уѣздномъ городкѣ. Богатый уѣздъ обѣщалъ большія выгоды, но простякъ не хотѣлъ или не умѣлъ ими пользоваться, и довольствуясь однимъ жалованьемъ, жилъ пополамъ съ горемъ. Тѣмъ хуже для него! Николай Лаврентьевичъ скоро потерялъ милость и довѣріе лицъ, имѣвшихъ на него ближайшее вліяніе, и частенько сталъ получать выговоры. Товарники его, чины уѣздные, были къ нему холодны, недоувѣрчивы: онъ былъ имъ какъ бѣльмо на глазахъ. Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ непріятностямъ, получивъ, по мнѣнію его, прочное

мѣсто, онъ хотѣлъ упрочить еще свое благосостояніе и блаженствовать на землѣ: въ слѣдствіе сего, онъ женился на пригоженькой, семнадцати-лѣтней дочери палатскаго ассессора, издавна выгнаннаго изъ службы. Словомъ, положеніе Николая Лаврентьевича было вовсе незавидно. Настоящее представлялось ему въ черномъ видѣ; а что касается до будущаго, — онъ не опереживалъ самого себя. Онъ грустилъ только о настоящемъ.

— Душинька, сказалъ онъ: пора бы объѣдать.

— Объдай, когда хочешь; я не буду, сказала Анна Степановна, сидя на кровати.

— Помилуй, Аннушка, что это съ тобою?

— Ничего! Я сыта моими слезами.

— Но скажи, ради Бога, объ чемъ ты цѣлый день проплакала? Такъ ли разгваливаются добрые люди?

Глубокій вздохъ былъ единственнымъ отвѣтомъ. Супругъ наморщилъ свое лоснившееся чело, насупилъ сѣрые глаза, и съ явною досадою принялся выколачивать недокуренную трубку. Анна Степановна молча плакала.

— Да перестань, ради Бога, плакать! Ну скажи, чего тебѣ хочется?

— Ахъ, Николай Лаврентьевичъ!...

— Ну, что такое? Что за горе у тебя, душа моя!

— Неужели ты и до-сихъ-поръ не понимаешь, не видишь и не знаешь нашего общаго горя?

— Право, нѣтъ. Скажи, матушка.

— Ахъ, Боже мой! Подумай, вчера у Онуфрія Макаровича я была одѣта хуже послѣдней пошитицы. Послушалъ бы ты, какъ онъ надъ нами смѣялся. О, это нестерпимо!

— И, душинька, пустяками-то огорчаешься! Ты всѣхъ ихъ была краше и пригоже.

— Пустяками? Развѣ тебѣ любо, когда критикуютъ твою жену?

— А по мнѣ такъ право ничего! Пускай ихъ! Собака лаесть, вѣтеръ носитъ.

Анна Степановна расплакалась еще пуще, видя явную холодность мужа къ ея горьчайшему горю. Долго ухаживалъ за нею Николай Лаврентьевичъ. Наконецъ, онъ потерялъ терпѣніе, взялъ шапку, накиннулъ шинель, и, выходя изъ комнаты, такъ сильно хлопнулъ дверь, что окна задрожали. Въ недоумѣніи, въ испугъ, Анна Степановна соскочила съ кровати, подбѣжала къ окну, и ясно увидѣла, что раздраженный супругъ, не оглядываясь, бѣжалъ черезъ улицу.

— Такъ этакъ-то? прошептала она, кусая губы.

Глаза ея засверкали; на лицѣ вспыхнулъ румянецъ.

— Малашка!

— Что прикажете, сударыня!

— Дай мнѣ умыться: гость идетъ.

Она умылась ключевой водою; привела въ порядокъ локоны; наинула на грудь аленькій левантиновый платочекъ; посмотрѣлась мимоходомъ въ зеркало, поправилась, пріосанилась, улыбнулась.

Замокъ въ дверяхъ щелкнулъ. Анна Степановна сѣла на диванъ, смутилась, вздрогнула, привстала.

— Съ праздникомъ честь имѣю васъ поздравить, Анна Степановна! сказалъ застѣдатель уѣзднаго суда, Никита Ивановичъ Завзятченко.

— Покорно благодарю! И вамъ того же.

Вѣжливый Никита Ивановичъ подошелъ къ ручкѣ. Казначейша смѣшалась, и, когда цѣловала его въ щеку, легкій румянецъ вспыхнулъ на ея лицѣ. Она потупила взоры, отступила, сдѣлала книксъ, сѣла, попросила садиться, замолкла.

Никита Ивановичъ, арміи отставной поручикъ, засьдатель уѣзднаго суда, и прочая, и прочая, былъ не старѣе тридцати лѣтъ. Онъ хорошо танцовалъ, пріятно кланялся, былъ красивъ, ловокъ и развязенъ въ обращеніи. Прибытіе его въ уѣздный городокъ сдѣлало эпоху. Батюшки, матушки захлопотали вокругъ его; дочери выпрямивались, разжеманились, начали закидывать глазки, приходить въ томное раздумье, строить воздушные замки, *романцуя* по своимъ огородамъ. Въ единственной красной лавкѣ не было отбоя отъ прозорливыхъ и экономныхъ матушекъ, отъ хлопотливыхъ и тороватыхъ дочекъ. Цѣны вдругъ поднялись. Все это по поводу Никиты Ивановича. Но и онъ былъ-непромахъ! Понявъ свою знаменательность въ глуши уѣздной, — дворянское достоинство и классную должность, — онъ съвысока принималъ торопливость матушекъ, дочекъ, ходилъ почти всегда въ мундиръ, и говорилъ протяжно. Онъ досадовали, бѣспились. Онъ не обращалъ вниманія, и терпѣливо выжидалъ побѣды надъ какой-нибудь помѣщицѣй дочерью, съ душами, землями, угодами и деньгами. Но его скоро разгадали: увидали, что онъ *неглижируетъ* городскими невѣстами; признали его насмѣшливость и безпредѣльную гордость; подмѣтили, что онъ попираетъ святейшіе законы уѣзднаго міра, ругается надъ его обычаями, и, что хуже всего, осмѣливается за стаканомъ пуншу дерзко разсуждать о честолюбивыхъ спорахъ судыхи съ исправницею и *критиковать* всѣхъ дамъ безъ изъятія. Дѣло пошло не на шутку: поклонницы возстали на своего идола! Его начали взвѣшивать, обсуживать, подмѣчать, и наконецъ соединенными силами подмѣтили, рѣшили и возгласили, что онъ, рѣченный засьдатель, Никита Ивановъ сынъ Завзятченко, безбожникъ, волтеріанецъ, картежникъ и пьяница, выгнанный изъ службы за дурное поведеніе. Въ такихъ случаяхъ достаточно вѣрить, только

вполовину! Разумѣется, что всѣ эти титула давали ему въ его отсутствіи, а лично его вездѣ принимали съ особенною ласкою и дружелюбіемъ. Въ такомъ случаѣ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ живутъ люди образованные!

Пригожая казначейша все-еще мялась, жалась, мѣшалась, краснѣла, перебирала концы своего платочка и робко поглядывала на знаменитаго своего гостя, ловко разкинувшагося на кожаныхъ креслахъ.

— А Николай Лаврентьевичъ? Вѣрно отдыхаетъ.

— Его нѣтъ дома-съ?

— И давно онъ ушелъ?

— Еще до обѣда-съ?

— И вамъ нескучно одинъ?

— Теперь, нѣтъ-съ.

Засѣдатель улыбнулся и погладилъ свои черные, густые бакенбарды. Длинное безмолвіе. Гость и хозяйка изрѣдка поглядываютъ другъ на друга.

— Довольны ли вы прошедшимъ баломъ? робко спросила казначейша.

— Помилуйте! Можно ли эту сбродную вечеринку назвать баломъ? Духота, темнота, толкотня, давка. Признаюсь откровенно, если бы не вы, я съ тоски бы умеръ въ этой сборной избѣ. Одинъ вы....

Никита Ивановичъ далѣе не сыскалъ словъ, и умильнымъ взоромъ досказалъ остальное.

Казначейша поймала налету умильный взоръ, и покраснѣла.

— Вы шутите-съ! сказала она принужденно улыбаясь.

— Помилуйте-съ! Это истина!

Они опять замолкли.

Самолюбіе Анны Степановны разгорѣлось отъ словъ уѣзднаго франта: она почти невольно улыбнулась, и заглянула въ зеркало. Но, къ чести ея, она скоро замѣтила несовмѣстность своего положенія: она долго

уже молчала наединѣ съ молодымъ и любезнымъ мужчиною, и могла подвергнуться острей уѣздныхъ языковъ, если кто-нибудь изъ прохожихъ заглянетъ къ ней въ окно. Это очень опасно. Окна въ домахъ уѣзднаго города дѣлаются не для того, чтобы смотрѣть изъ комнатъ на улицу, но для того, чтобы съ улицы можно было заглядывать въ чужія комнаты. Поэтому, безпокойство оттѣнилось на лицѣ Анны Степановны. Молчаніе разрѣшилось разговоромъ о погодѣ, который былъ скоро погребенъ въ молчаніе.

— Вѣрно я не дождусь Николая Лаврентьевича! сказалъ гость, вставая и раскланиваясь.

— Право не знаю-съ, куда онъ пошелъ! отвѣчала хозяйка, улыбаясь.

— И такъ, позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и пожелать добраго здоровья! сказалъ онъ, подходя къ ручкѣ.

Аннѣ Степановнѣ показалось, что температура почѣмъ милаго гостя примѣтно была выше противъ перваго, — онъ былъ горячѣе, продолжительнѣе, крѣпче. Она сказала:

— Какой милый засѣдатель!

Никита Ивановичъ, выходя изъ комнаты и еще разъ взглянувъ на нее, шопотомъ проговорилъ:

— Какая милочка!

Онъ вышелъ, а она въ одно мгновеніе очутилась въ спальнѣ у окна, и далеко проводила его взорами.

Что жъ вы заключаете изъ этой сцены? Что она холодна? Въ нашемъ уѣздѣ сценъ жарче этого не бываетъ. Она очень пламенна и чувствительна. Послѣ такихъ сценъ въ деревянномъ городкѣ идутъ прямо въ церковь и женятся; онѣ рѣшаютъ цѣлыя уѣздныя будущности.

Вскорѣ пришелъ и Николай Лаврентьевичъ. Онъ былъ похожъ на сомнамбула : шелъ и спалъ Московскими Вѣдомостями , которыя читалъ у повѣреннаго. Николай Лаврентьевичъ обрадовался , пашедъ жену въ лучшемъ расположеніи духа , и отъ души благословилъ приходъ Никиты Ивановича.

Скоро сказка сказывается , да не скоро дѣло дѣлается. Дни идутъ за днями. Казначей отъ зари до обѣда просиживаетъ въ казначействѣ ; считаетъ и переписываетъ тысячи , сводитъ счеты да отчеты. Работы казначею не стать искать : деньги приходятъ , деньги уходятъ черезъ его руки ; есть надъ чѣмъ поработать. А казначейша между-тѣмъ сидитъ дома , стряпаетъ , прибираетъ , гладитъ , мостъ : а какъ придетъ вечеръ да мужъ , то она въ зеленъ-садъ гулять уходитъ. Мужъ не нарадуется , что жена его начинаетъ свыкаться съ уѣздною жизнью и перестаетъ жаловаться на свою долю и счастье. Миръ и доброе согласіе посѣтили ихъ. Добрый Николай Лаврентьевичъ любитъ на нее : попригожѣла , пополнѣла , разцвѣла какъ маковъ-цвѣтъ. Углубясь въ контрольную бездну , въ преисподнюю бухгалтеріи , за счетами писаными и деревянными , сидитъ казначей , — днемъ въ казначействѣ , вечеромъ дома. Между-тѣмъ пригоженькая казначейша по садику гуляетъ , подъ бѣлою березою вечера просиживаетъ , гонитъ думу за думою , любясь полнымъ мѣсяцомъ , считая ясныя звѣздочки. А береза та была почти у самаго забора ; за заборомъ пустырь , — и кропивою поросъ.

Ходитъ дозоръ по городу , не полицейскій , не военный , — нѣтъ ! въ нашемъ городѣ живетъ народъ благочестивый , смиренный ; военного дозора тамъ и старики не запомнятъ : есть одна пквалидная команда , живая Патологія въ лицахъ : ужъ куда ей ходить дозоромъ по городу , — съ однимъ острогомъ не сладить , — по семеро одного стерегутъ ! — а ходилъ дозоръ по городу ,

самый зоркій, — судыха со стряпчихой, да съ двумя засѣдательшамн, да со всѣми малыми дѣтками. Ходили онѣ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, прошли мимо казначейства, заглянули на пустырь. Видятъ, — подъ березою сидитъ казначейша. Чуть не зачурались, чуть не понялись, — руки подняли, — крестъ сотворили. Глядѣли, разглядывали; разглядѣли, подошли къ забору, разцѣловались съ казначейшею, сказали слова по два, и назадъ пошли. Молча вышли онѣ на большую улицу, и частенько оглядывались назадъ.

— Ахъ, мать моя! воскликнула судыха: то-то, Матрена Карповна, не должно вѣрять.....

— Что такое? быстро подхватила стряпчиха, съ живѣйшимъ участіемъ взглянувъ на свою подругу.

— Да развѣ вы ничего не видали?

— Нѣтъ, а что такое?

— Ну, а на пустырь то?.....

— Кропива.

— Да не все кропива; есть и дорожка.

Какъ громомъ пораженныя ахнули барыни. — Дорожка! повторили онѣ въ одинъ голосъ, закусили губы и построились въ густую колонну. — Слово «дорожка» какъ молнія осѣнила ихъ нечаянностью, освѣтила имъ темный путь въ лабиринтѣ догадокъ. Ружья были на взводѣ, пистоны лопнули при словѣ «дорожка», и бѣглый огонь злорѣчія разлился на устахъ барабанною дробью. Толкамъ, догадкамъ и восклицаніямъ не было конца.

Въ это самое время, у Николая Лаврентьевича, углубленнаго въ указъ казенной палаты, крѣпко чесался лобъ, и онъ потиралъ его жирною, мягкою ладонью. Я вѣрю въ сочувствіе!

Натолковавшись досыта, въ одиннадцатомъ часу барыни разбрелись по домамъ и съ торжественною

радостью передали мужьямъ свои чрезвычайныя открытія. Угрюмые дѣти Оемиды слушали новости своихъ половинъ, и улыбались.

— Вотъ, Макаръ Макаровичъ! вотъ тебѣ и скромница! вотъ тебѣ и смиренница! торжественно возгласила судыха, обращаясь къ своему мужу, валявшемуся на диванъ съ трубою въ зубахъ.

— Что такое, мать моя! сказалъ судья.

— Такъ, ничего! сказала судыха. Нашей смиренницѣ нечего ходить къ людямъ: къ ней самой протоптали дорожку.

Судыха изложила свое открытіе ясно, кратко и убѣдительно. Мужъ съ умненьемъ слушалъ свою жену, и столько же удивлялся новости ли открытія, сколько сходству ея краснорѣчія съ краснорѣчьемъ трещетки.

— Такъ то, заключила она, изволятъ умничать и смиренничать эти модныя губернскія вѣтренницы! Вотъ вамъ и *пригожая* казначейша! Но погоди ты мнѣ, проказница! Непременно открою глаза дураку — мужу.

— Ну, вотъ нужда мѣшаться въ чужія дѣла! возразилъ Макаръ Макаровичъ. Не нами началось, не нами и кончится! Пусть ихъ какъ знаютъ, такъ и вѣдаются: наше дѣло сторона.

— Какъ, сторона! Да не обидно ли намъ было смотрѣть, какъ весь нижній судъ съ ней одной танцевалъ на послѣднемъ балѣ, а наши дочки просидѣли цѣлый вечеръ безъ кавалеровъ? Да не на твой ли счетъ поддакивалъ стряпчему у повѣреннаго этотъ дуракъ, казначей? Не хохоталъ ли онъ, когда стряпчій называлъ меня коровою? Нѣтъ, Макаръ Макаровичъ! во что бы то ни стало, я имъ докажу себя, я ихъ выведу на свѣжую воду, я ихъ уличу на дѣлѣ..... Видишь, въ какія ереси они пустились! Но я имъ!.....

Новость, безславившая казначейшу, разнеслась по городу установленным порядкомъ. Судыха почтительнымъ изустнымъ отношеніемъ увѣдомила исправницу; та приступила къ немедленному исполненію, и черезъ два часа открытіе, рассказанное «по секрету,» было опубликовано изустными циркулярами.

Молва идетъ, какъ рѣка течетъ: чѣмъ далѣе, тѣмъ шире, глубже, тише. Идетъ молва недобрая про добрую казначейшу: и старъ и малъ, — всѣ про нее какъ въ трубу трубятъ. У всѣхъ, на языкъ и на умъ, одна грѣховодница казначейша. Всѣ вопіютъ, день и ночь, про ея дѣла незаконныя. А молодыя старушки? А пожилыя вдовушки? А неутѣшныя дѣвушки? Онѣ соборъ изъ себя собрали, и казначейшу отлучали; онѣ никакъ не могли простить вины, которую принимали за злѣйшую обиду общему и своему цѣломудрію. Пустырь почти дѣлается гульбищемъ; туда подъ вечерокъ бѣгутъ барыни съ дочерьми взрослыми и съ малыми дѣтками; тамъ шопотомъ шепчутся маменьки, мигая одна другой; тамъ задумчиво поглядываютъ дочки на таинственную березу, и со вздохомъ потупляютъ взоры, воспламененные, быть-можетъ, сладостною мыслию о чужомъ счастьи. Малютки бѣгаютъ по кропивѣ, жжетъ ихъ кропива, какъ побѣда казначейши жжетъ ихъ сердобольныхъ родительницъ: они плачутъ и дерутся. Чудны уѣздные нравы!

Однажды, къ толпѣ присоединилась Марѳа Кирилловна со всею своею семьей, — съ маленькимъ, толстенькимъ мужемъ, съ плечистыми, врачными дѣтками, — пятью молодцами, да съ шестью дочерьми: всѣ они, какъ рекруты новобранцы, росли и шли «безъ рапжира»; они не похожи ни на отца, ни на мать, — кто рыжій какъ жидъ, кто бѣлъ какъ Чух-

на, кто черенъ какъ Цыганъ, — въ дочкахъ свои стати, — словомъ, сводный полкъ: каждый въ своей формѣ, въ своей отличкѣ.

Смерклося. Почти почь. Пришли на пустырь: подъ березою съ кѣмъ-то сидитъ Анна Степановна. Наблюдательницы стали приглядываться. Хотѣли всѣ подойти ближе; но судыха ихъ остановила: какъ опытная командирша знаменитой фаланги, она ихъ поставила въ боевомъ порядкѣ, на горѣ, за угломъ забора, а сама отважно пустилась на опасную рекогносцировку. Кралась, кралась, — все ближе и ближе, — но никакъ не могла узнать, съ кѣмъ сидитъ казначейша.

— Ахъ, другъ мой, что это ползетъ за заборомъ? ужъ не воръ ли? тихо прошептала Анна Степановна сидѣвшему съ нею мужчинѣ, указавъ на судыху.

— Да; похоже на то! вполголоса отвѣчалъ онъ, всматриваясь на пустырь.

— Подойду еще ближе, подумала себѣ судыха: притаюсь, подслушаю все, и потомъ выведу ихъ на чистую воду. — Видишь какъ шепчутся! сказала она, пробираясь по кропивѣ, къ забору, которая жгла жирныя ея колѣни. — Видишь, какъ *романируютъ*! прибавила она, почесывая.

Судыха притаилась въ кропивѣ. Судья съ дѣтми и знакомыми между-тѣмъ стоялъ на горѣ. Всѣ въ нерѣшимости глядятъ другъ на друга. Казначейшѣ опять что-то страшное почудилось, она робко прижалась къ своему собесѣднику, а онъ нѣжно и громко поцѣловалъ ее. Судыха не выдержала, — ахнула!

— Уйдемъ, другъ мой, уйдемъ скорѣе! говорила пригожая казначейша: мнѣ право страшно становится.

— Не бойся, милая; не уходи.

— Ага! знать завидѣла голубушка! Попались! Вотъ я вамъ!..... бормотала въ кропивѣ судыха.

Собесѣдникъ еще разъ поцѣловалъ казначейшу, — еще разъ содрогнулась Марѳа Кириловна, считая ихъ святотатственные поцѣлуи, и, увидѣвъ, что онъ встаетъ, совсѣмъ присѣла въ кропиву.

Осторожно взявъ попавшуюся палку, таинственный другъ казначейши на цыпочкахъ крадется къ забору. Страхъ оковалъ Марѳу Кириловну: она притаила дыханіе, прищурила глаза, и сидѣла ни живая, ни мертвая. Съ горяча она никакъ не могла распознать его. Онъ подошелъ къ самому забору, приподнялся, сколько могъ, занёсъ увѣсистую палку, и не давъ опомниться блюстителыни въ супружеской вѣрности, со всего плеча отвѣсилъ ей ударъ вдоль спины.....

Съ пронзительнымъ визгомъ ринулась судья въ кропиву. Изъ-за угла высыпалъ резервъ. Раздался вой, крикъ, шумъ, пискъ, визгъ. Анна Степановна ахнула въ свою очередь. Собесѣдникъ ея остоленѣлъ съ поднятою палкою, какъ Ахиллъ обманутый Апполономъ.

— Съ нами крестная сила! вскрикнулъ онъ. Вы ли это, Макаръ Макаровичъ?

— Такъ это вы, Николай Лаврентьевичъ? воскликнула вся толпа.

— Да, я! Я сидѣлъ подъ березою съ женою.

— Исковую подамъ! безчестіе сдѣру по табели о рангахъ! кричалъ судья, увиваясь вокругъ пораженной геронны.

— Я, право, ни въ чемъ не виноватъ, Макаръ Макаровичъ! говорилъ смущенный казначей.

Бѣдная Марѳа Кириловна едва поднялась на ноги, едва перевела дыханіе, едва разогнула спину. Стоны и вздохи ея оглашали пустырь. Казначей стоялъ неподвижно и протиралъ глаза. Маленькіе дѣти ревѣли; взрослые суетились около матери; толпа ахала, восклицала, и съ трудомъ удерживалась отъ смѣха.

— Жену высокоблагороднаго чиновника бить на убой! Это неслыханное злодѣйство!

— Да помилуйте, я ли виновать, что онѣ попали въ кропиву? Я ли виновать, что онѣ крались воровски въ мой садъ?

— И подлинно, матушка! подхватилъ судья: прилично ли тебѣ, высокоблагородной дамѣ, воровски подслу....

Громкая, звонкая, отчетистая оплеуха заградила уста витѣи и заключила высокопарную рѣчь его. Мужъ озлобился, хотѣлъ отвѣчать на ея рѣшительный вызовъ, и опустилъ руки.

— Мало тебѣ досталось, проворчалъ онъ сквозь зубы, и тихо побрелъ на гору.

— Ради Бога не погнѣвайтесь, матушка, на мою оплошность!

— Хороша оплошность! Спины не разогну!.... Ну, батя, Николай Лаврентьевичъ! ну мой голубчикъ! дождалась я отъ тебя чести: свѣта божьяго не взвидѣла....

— Ей, и въ голову не приходило, чтобы это вы были! Попуталъ лукавый.....

— Еще и не такъ попутаетъ. Охти, мнѣ спина! Мой Макарь раздѣляется съ тобою другимъ порядкомъ. Онъ тебя выучить глядѣть въ оба.

Такъ угрожала Марѣа Кирпловна, удаляясь съ пустыря съ изувѣченной спиною и съ волдырями на лбу, происшедшими отъ кропивы. Долго еще слышался ея голость; наконецъ онъ затихъ. Тогда только опомнился Николай Лаврентьевичъ, и пошелъ къ жепѣ, сидѣвшей, по обыкновенію, подъ березой. Она хохотала отъ всей души и, довольный судьбою мужъ, вторилъ ей отъ всего сердца.

Исправница, получивъ экстренное донесеніе о столь достославномъ пропсшествіи, съ радости чуть не умерла, чуть не утомила своего мужа своимъ хохотомъ. Лукерья Трифоновна хохотала до истерики, хохотала даже во снѣ, такъ сильно, такъ рѣзко, что исправникъ бѣжалъ въ уѣздъ.

Бѣдная Марѳа Кириловна съ недѣлю пролежала въ постели, съ мѣсяцъ никуда не показывала глазъ, а Макарь Макаровичъ, въ ожиданіи губернаторскаго приѣзда, писалъ жалобы, подводилъ законы, и составлялъ сильную партію противъ казначея.

Невинность Анны Степановны была торжественно признана городомъ, и всѣ толки, всѣ сплетни обратились на голову зачинщицы. Кумушки, сватыюшки болышею частію перешли на сторону исправницы. Она, принявъ подъ особенное покровительство Анну Степановну, чтобы тѣмъ нанести рѣшительный ударъ могуществу судьи. Но и Марѳа Кириловна не дремала: она воспламеняла ревность своего мужа и дѣйствовала черезъ своихъ пріятельницъ на враговъ исправника и казначея. Наконецъ, всѣ уѣздные чины перессорились между собою; не чернила, но желчь текла въ ихъ отношеніяхъ; они приготовили доносы другъ на друга, и, ожидая появленія губернатора, вооружились толстыми палками для личной безопасности на улицѣ. Ожесточеніе достигло высшей степени. Всѣ дѣла запутались:

Быть тутъ чуду! быть тутъ чуду!

Въ одно утро, когда въ уѣздномъ городѣ солнце сіяло съ необыкновеннымъ блескомъ, воздухъ былъ чистъ и тихъ, на деревьяхъ ни одинъ листокъ не шевелился, Никита Ивановичъ Завязтченко неожиданно получилъ предписаніе о перемѣщеніи своемъ въ

другой, отдаленный уѣздъ. Часа черезъ два, его уже не было въ городъ.

Черезъ два часа не стало и пригожей казначейши!

Всѣ изумились, — въ томъ числѣ и мужъ, Николай Лаврентьевичъ.

— Ну что, Макаръ Макаровичъ? сказала судьяха судья. Не говорила ли я тебѣ? Не основательны ли были мои подозрѣнія?

— Да, матушка! Ты была совершенно права.

— Такъ зачѣмъ же я пострадала?

— Ты пострадала совсѣмъ несправедливо.

— Но какимъ образомъ сидѣлъ тамъ мужъ въ это время?

— Онъ, матушка, повидимому, правилъ тогда должность Никиты Андреевича; который былъ въ откомандировкѣ на слѣдствіи.

— Теперь я докажу исправницѣ, какова была ея казначейша! вскричала Марѳа Кириловна съ жаромъ, схватила свой салонъ и побѣжала на улицу.

Война уѣздная, нѣсколько поутихшая до этого происшествія, возгорѣлась съ новою силою. Губернаторъ, который вскорѣ сюда пріѣхалъ, цѣлую недѣлю мирилъ враждующіе народы, и спокойствіе возстановилось не иначе, какъ перемѣщеніемъ всѣхъ ихъ въ другіе уѣзды.

А. ШИДЛОВСКІЙ.

Н О Ъ З Д К А

НА ГЕБРИДСКІЕ ОСТРОВА.

=

Къ разсвѣту въѣхали мы, полусонные, въ богатый городъ Глазго: мой товарищъ, хорошо знавшій эту вторую столицу Шотландіи, заранѣе приказалъ почталіону везти насъ на Георгіевскую Площадь въ Royal Hotel. Звукъ почтового рожка въ одно время вызвалъ къ дверцамъ нашей кареты услужливаго хозяина, и разбудилъ насъ, дремавшихъ отъ спокойной качки перекладнаго Шотландскаго экипажа. Мы нашли здѣсь прекрасную комнату и обильный ужинъ, въ которомъ первую роль играла дичина, запрещенный плодъ Великобританскаго рая: съ какимъ дерзкимъ аппетитомъ нарушали мы здѣсь законы «старой Англіи»! Хозяинъ казался очень доволенъ тѣмъ, что на его куропатокъ и бекасовъ наѣхали такіе рѣшительные законопреступники. Мой пріятель совѣтовалъ мнѣ воспользоваться хорошою погодою и, не останавливаясь въ Глазго, отправиться въ сѣверную часть Шотландіи или посѣтить нѣкоторые изъ Гебридскихъ Острововъ. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, пошли мы къ пристани, называемой Бромло. На широкой, прекрасной рѣкѣ, Клайдѣ, нѣсколько пароходовъ разной величины готовились къ отплытію: шкипера и матрозы приглашали проходящихъ воспользоваться отплытіемъ судовъ, и каждый восхвалялъ превосходство своего парохода передъ другими, обращая вниманіе охотниковъ на дешевизну цѣны, быстроту хода и другія важныя удобства. Ихъ голоса сливались съ шумомъ колесъ и клокотаніемъ воды отходящихъ и пристающихъ пароходовъ, и гулъ осо-

беннаго рода, производимый этою смѣсью мертвыхъ и живыхъ звуковъ, весьма хорошо вторилъ безпорядку, въ какомъ пассажиры спѣшили съ разной стороны и носильщики безирерывно сталкивались съ зрителями, прохаживавшимися близъ пристани. Картина дѣятельности поразительная для иностранца, — хотя я уже привыкъ-было къ подобнымъ сценамъ въ многолюдномъ Лондонѣ.

Дѣла моего пріятеля призывали его въ Ирландію; но онъ случайно узналъ отъ Г. В***, одного изъ своихъ Глазговскихъ знакомцевъ, что нѣсколько молодыхъ людей намѣреваются ѣхать на Гебридскіе Острова, чтобъ осмотрѣть мѣста, воспѣтыя Оссіаномъ, и предложилъ меня имъ въ сопутники. Я весьма обрадовался случаю, и онъ тутъ же представилъ меня Г-ну В***, который пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, обѣщая възнакомиться меня съ будущими моими спутниками. Между-тѣмъ пошли мы вмѣстѣ отыскивать судно, на которомъ бы могли совершить нашу романтическую поездку. Два небольшіе парохода, *The Highlander*, «Горецъ», и *The Hyland-chieftain*, «Предводитель Горцевъ», отправлялись въ ту сторону. Шкипера совѣтовали намъ торопиться, потому что въ концѣ сентября такая погода въ Шотландіи рѣдкость и въ бурные дни, которые скоро наступятъ, они не станутъ рисковать свои судна между Гебридскими скалами. Мы наняли для себя «Горца», такъ какъ онъ былъ стоворчивѣе на счетъ цѣны, позволяя впрочемъ шкиперу брать и другихъ пассажировъ и завозить во всѣ мѣста на пути, и въ пять часовъ пошли обѣдать къ Г-ну В***. Онъ жилъ въ прекрасномъ отдѣльномъ домѣ, въ небольшой улицѣ Bath-street.¹ Хозяинъ представилъ меня своей супругѣ и двумъ бывшимъ тутъ молодымъ людямъ, съ которыми мнѣ прійдется завтра ѣхать на пароходъ. Одинъ изъ нихъ былъ Англійскій адвокатъ, путешествовавшій для

своего удовольствія, а другой Эдинбургскій студентъ, Шотландецъ, весьма веселый малый. За простымъ, но обильнымъ обѣдомъ, который былъ приправленъ занимательнымъ для мня разговоромъ о предстоящей поѣздкѣ и о нашей святой Руси, время быстро протекло до дсвятатаго часу: намъ объявили, что дамы ожидаютъ насъ уже за чайнымъ столикомъ. Этотъ Англійскій обычай, сидѣть послѣ обѣда, когда дамы встанутъ, по нѣскольку часовъ за бутылкою, еще наблюдается въ Шотландіи во всей точности, хотя въ Англіи уже выводится. Мнѣ предложили попробовать народнаго Шотландскаго напитка, *виски*, — родъ нашей сплушки, только почище и прегнанной изъ ячменя, а не изъ ржи. Всѣ небогатые Шотландцы, тотчасъ послѣ обѣда, вмѣсто Португальскаго или Французскаго вина, пьютъ виски, смѣшанный съ кипяткомъ и сахаромъ: это питье называется *тодди*. Между десертомъ подаютъ печенныя изъ овсяной муки лспешки, сухія, тонкія почти какъ листъ бумаги: въ Шотландіи очень любятъ и много употребляютъ хлѣбъ этого рода. Я замѣтилъ еще, что къ чаю всегда подаютъ здѣсь, кромѣ хлѣба, разныя сахарныя варенья, чего въ Англіи никогда мнѣ не случилось видѣть. Часу въ одиннадцатомъ я отправился въ свой трактиръ, условившись съ новыми своими товарищами явиться къ пароходу.

Настало утро. Ирландскій пароходъ дымился и ждалъ послѣднихъ пассажировъ. Путешественники пожали руки друзьямъ, остающимся на берегу, и судно быстро поспеслось внизъ по рѣкѣ. Скоро отыскалъ я моихъ спутниковъ, къ которымъ присоединился еще одинъ помѣщикъ изъ горной Шотландіи, Г. Кембель, и мы четверо, съ чемоданами нашими, заняли каюту «Горца». Около тридцати человѣкъ мужчинъ и женщинъ, болышею частию изъ рабочихъ, которыхъ шкиперъ согласился за малую плату доста-

вить въ разныя мѣста, помѣстились на носу парохода, и оживили палубу своими разговорами и восклицаніями. Погода была чудесная, — тепло, ясно и тихо; огромныя колеса машины съ шумомъ ломали зеркальныя струи Клайда; дома, корабли, деревья, горы, — все двинулось съ мѣста вмѣстѣ съ нами и, кружась, понеслось въ противоположную сторону. При всемъ искусствѣ и стараніи шкипера, мы долго не могли выбраться изъ лабиринта кораблей, пароходовъ и барокъ, столпившихся у пристани и на рѣкѣ. Другой пароходъ, нашъ спутникъ, успѣлъ въ тѣснотѣ опередить насъ, и поплылъ передъ нами, очищая намъ дорогу.

Рѣка становилась все шире и великолѣпнѣе; понижающіеся берега поспѣшно украшались передъ нами зеленымъ бархатомъ тучныхъ пастбищъ и пестрыми группами загородныхъ домовъ; паровыя машины дѣятельно вырывали глыбы земли изъ дна Клайда и углубляли фарватеръ, заносимый пескомъ. Проплывъ сначала миль десять на сѣверо-западъ, гдѣ рѣка вдругъ поворачиваетъ къ западу, мы встрѣтили довольно свѣжій вѣтеръ, и поднявъ паруса, быстро приблизились къ замку Дунбартонъ, передъ которымъ судно остановилось, чтобы высадить нѣсколько палубныхъ пассажировъ и принять другихъ. Издали, этотъ замок кажется орлинымъ гнѣздомъ, повѣшеннымъ на утесъ: базальтовая скала, на вершинѣ которой онъ построенъ, раздѣлилась сверху на двое и являетъ видъ величественный. Спутникъ нашъ Кембль объяснилъ намъ, что замокъ Дунбартонъ служитъ защитою и ключемъ входу въ рѣку Клайдъ, и что начало его покрыто мракомъ неизвѣстности: у Оссіана называется онъ Балклута. Укрѣпленный природою и искусствомъ Дунбартонъ считался неприступнымъ; однако жъ въ 1571 году солдаты регента Морри, подъ начальствомъ капитана Крофорда, влѣзли на скалу,

въ темную и бурную ночь, и, послѣ отчаяннаго сопротивленія гарнизона королевы Марін, завладѣли твердынею, къ которой днемъ ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ бы приблизиться. Полюбовавшись съ полчася грознымъ Дунбартономъ, мы пустились къ Гриноку на парусахъ. Нѣсколько дсревень, кипящихъ народомъ, по обѣ стороны широкаго устья промелькнуло мимо насъ, и мы опять остановились: передъ нами стоялъ торговый городъ Гринокъ, лежащій на южномъ берегу. Здѣсь обыкновенно останавливаются большія суда, прибывшія изъ-за моря, и перегружаются, потому что мслководіе не позволяетъ идти далѣе. Это въ родѣ нашего Крошштадта, только городъ построенъ не на островѣ, а на длинной выдавшейся въ морѣ косѣ: мы замѣтили также нѣсколько укрѣпленій, съ коихъ однако жъ пушки были сняты. Гринокъ извѣстенъ тѣмъ, что тамъ родился славный механикъ Джемсъ Ваттъ, который ввелъ въ употребленіе и усовершенствовалъ пароходы. Нѣсколько лодокъ отдѣлилось отъ берега и привезло намъ новыхъ пассажировъ, взявъ отъ насъ тѣхъ, которыхъ путь простирался только до Гринока. Мы опять помчались. Я сидѣлъ на палубѣ, и, закутавшись въ плащъ отъ рѣзкаго вѣтра, смѣлся отъ души приключенію одного джентльмена: онъ имѣлъ надобность ѣхать изъ Гринока въ Гласго; въ торопяхъ, не спросивъ, куда нашъ пароходъ идетъ, ловко вскочилъ онъ на палубу, и, въ полной увѣренности, что мы плывемъ въ Гласго, началъ преспокойно любезничать съ одною дамою, которая ѣхала изъ Дунбартона въ Дьюнунъ. Черезъ нѣсколько времени ошибка обнаружилась глазамъ его во всей своей наготѣ. Надобно было видѣть досаду и безпокойство несчастнаго дснди! Несмотря на всѣ наши утѣшенія, на обѣщанія высадить его на берегъ при первой возможности, онъ, съ самымъ печальнымъ лицомъ, сказалъ намъ то, что собрался-было въ Глас-

го на званый обѣдъ, и что теперь — долженъ его лишиться! Мы дѣйствительно увидѣли, что онъ былъ въ бальномъ костюмѣ. Проѣхавъ мили три, мы были на высотѣ мѣстечка Гурокъ; но оттуда, на бѣду опрометчиваго господина, не выслали ни одной лодки съ пассажирами, и онъ долженъ былъ, по-неволѣ, нестись на парусахъ въ сторону, діаметрально противоположенную званому его обѣду. Онъ бѣсился, кричалъ, топалъ ногами, забавлялъ всѣхъ насъ своимъ нетерпѣніемъ. Время и пароходъ летѣли быстро, и корабельный steward, провіантмейстеръ, уже дважды докладывалъ, что обѣдъ готовъ. Мы рѣшились наконецъ сойти въ каюту, приглашая и нетерпѣливаго франта раздѣлить нашу корабельную трапезу и, за стаканомъ Шотландскаго пива, забыть свои гастрономическія надежды, но онъ былъ такъ разгоряченъ, что и слушать насъ не хотѣлъ. Мы сѣли за столъ. Вышедъ опять на палубу, мы узнали, что пароходъ править на сѣверъ въ узкій заливъ, называемый по-Шотландски Лохъ-Лонгъ, «Длинное Озеро», съ тѣмъ, чтобы показать намъ прелестные виды его береговъ. Дѣйствительно, черныя скалы и холмы, покрытые яркою зеленью, окружили насъ плѣнительною и разнообразною панорамою, — но что значило все это въ сравненіи съ живописною, единственною въ мірѣ картиною франта, игрою жестокой судьбы увлекаемаго, безъ обѣда, въ бальномъ нарядѣ, на утесистые и мрачныя Гебриды! Мы болѣе занимались имъ, нежели видами Лохъ-Лонга. Бѣдный джентльменъ! Мы не смѣли его посадить на эти пустыя берега, потому что отсюда нѣтъ постоянного сообщенія съ Глазго, и онъ бы могъ, не-хотя, остаться тамъ на цѣлую недѣлю. Пріятный нашъ спутникъ, Кембъ, горный помѣщикъ, хорошо знавшій свое отечество, рассказывалъ намъ исторію здѣшнихъ мѣстъ и соединенныя съ ними преданія, на которыхъ Вальтеръ-Скоттъ и другіе писатели осно-

вали свои повѣсти. Джентльменъ, пропустивъ званый обѣдъ, принужденъ былъ питаться преданіями: онъ узналъ по-крайней-мѣрѣ, что Лохъ-Лонгъ былъ извѣстенъ Норманнамъ подъ именемъ Скипафіорда, и что Законъ, король Норвежскій, посылалъ сюда свои ладьи для грабежа, въ началѣ XIII столѣтія. Это очень любопытно. Не желая, чтобы почъ застала насъ въ узкихъ проливахъ, между острововъ, мы приказали перемѣнить курсъ къ югу, и пристали у деревни Дьонунъ, къ великому удвольствію голоднаго пассажира, который наконецъ ступилъ на землю, и обѣщался быть въ другой разъ осмотрительнѣе. Хотя намъ и весьма хотѣлось засвѣтло пройти Бюотскій проливъ, однако жъ мы не упустили случая взглянуть на развалившійся замокъ Дьонунъ, лежащій близъ деревни того же имени. Въ немъ жили нѣкогда предки герцога Аргайль, и донынѣ наследники этого дома титулуются коннетаблями королевскаго замка Дьонуна. Мы только бросили бѣглый взглядъ на это мѣсто, и продолжали плаваніе. Маякъ, устроенный близъ Дьонуна, мелькнулъ издали, и мы скоро въѣхали въ проливъ между островомъ Бютъ и берегами графства Аргайльшеръ. На островъ красуется не большой, но прекрасный городъ Ротси, и проливъ, который вдругъ дѣлается уже, получаетъ видъ особенно привлекательный: съ сѣве а утесы Ковала, съ южной стороны крутые берега Бюта, кажется, касаются другъ друга вершинами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны курганы, высокія могильныя насыпи Норвежскихъ воиновъ, дѣлавшихъ частые набѣги на эти земли; вдали, къ сѣверо-востоку, синѣетъ покрытая снѣгомъ вершина Бен-Ломона, одной изъ высочайшихъ горъ Шотландіи. Проливъ такъ извилистъ, что и опытные лоцманы съ трудомъ пробираются, однако жъ мы благополучно достигли широкаго залива Лохъ-Файнъ,

и только издали взглянули на островокъ Ингмарнохъ, лежащій къ югу. Къ сѣверо-западу подымались безплодные и скалистые берега полуострова Кантайра, и мы осторожно приближались къ нимъ на высоту деревни Тарберта. Здѣсь оканчивается прозябѣніе; кромѣ скалъ, ничего не видно. Далѣе, къ устью Криніанскаго канала, мы проѣхали мимо горы Слямгойль, «Горы любви,» на которой, какъ намъ рассказывалъ словоохотный Кембль нашъ, Оссіановъ герой Дермидъ, родоначальникъ всѣхъ Кемблевъ, палъ отъ руки врага. Заходящее солнце подарило насъ въ этотъ день послѣднею прелестною картиною, которую скоро стеръ мракъ ночи. Мы остановились ночевать въ одной пристани.

Заунывные звуки любимаго инструмента Шотландскихъ горцевъ разбудили меня весьма рано. Я вышелъ на палубу: утро было прекрасное, розовая заря расцвѣчивала востокъ небосклона, на передней палубѣ горный Шотландецъ, въ полномъ нарядѣ, игралъ на своемъ big-pipe, похожемъ на нашу вольнку. Звукъ этого простаго инструмента имѣетъ удивительное вліяніе на горныхъ жителей Каледоніи: коль скоро онъ раздастся, взоры ихъ проясняются и невольная улыбка на устахъ озаряетъ ихъ угрюмыя лица. Уже многіе изъ пассажировъ обоего пола, пользуясь этою музыкою и свѣжимъ утромъ, танцевали на палубѣ; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько нашихъ матрозовъ, и составилъ весьма пріятный танецъ въ родѣ кадрили. Пароходъ между-тѣмъ тихо скользилъ по каналу, въ устьѣ котораго мы провели ночь. Криніанскій Каналъ длиною верстъ въ пятнадцать, прорѣзываетъ перешеекъ, соединяющій полуостровъ Кантайръ съ твердою землею Шотландіи: онъ оконченъ лѣтъ за двадцать, и всѣ суда, идущія къ Гебридамъ и далѣе къ сѣверу въ океанъ, попомощію его избавляются отъ опаснаго обхода въ

стодвадцать миль вокругъ. Для проведенія его черезъ перешескъ, надобно было разсѣкать гранитныя и базальтовыя горы, и инженеры боролись съ немовѣрными трудностями. Нѣсколько шлюзовъ, устроенныхъ на этомъ каналѣ, задерживали наше плаваніе, и мы только черезъ четыре часа, достигли до его конца, и вступили въ Лохъ-Крипіанъ. Выбравшись изъ этого залива въ океанъ, цѣлый народъ малѣйшихъ острововъ, населяющій необъятную обширную равнину, предсталъ передъ глаза наши, которые невольно стремились впередъ, къ каменнымъ великанамъ, господствующимъ надъ ними. Высоты большаго острова Джура, самаго гористаго изъ всѣхъ Гебридъ, ясно видны были отсюда. Вдали рисовались черныя горы Мулла. Мы быстро пролетѣли мимо острововъ Люйна, Истъ-деля и Керрера, — второй изъ нихъ извѣстенъ тѣмъ, что доставляетъ лучшія въ свѣтѣ аспидныя доски, — и часу во второмъ остановились въ прекрасной гавани деревни Обанъ. Обанъ ведетъ обширную торговлю съ островами и Ирландіей. Здѣсь къ намъ присоединились шестеро Англійскихъ путешественниковъ, желавшихъ также посѣтить знаменитую Стаффу. Выходя изъ гавани, мы любовались на величественную картину грозныхъ утесовъ Морвена, гдѣ Оссіановъ Фингалъ доказывалъ свое мужество; проливъ Мулла, отдѣляющій островъ того же имени отъ Морвенскаго берега, близъ котораго мы плыли на сѣверъ, представляетъ удивительные, единственные виды. Уже въ десятомъ часу вечера примкнули мы къ мѣстечку Тобермори, чтобы провести тамъ ночь. Я нашелъ въ гостинницѣ чистую комнату, славный чай и милую хозяйку, которая радушно приняла меня, особенно узнавъ, что я пріѣхалъ изъ такой дальной и малонзвѣстной стороны, — Россіи! Около полусотни домовъ, построенныхъ въ два ряда на гористомъ берегу, составляютъ

это мѣстечко, какъ мнѣ рассказывала хозяйка, единственное на цѣломъ островѣ Муллѣ, который хотя и имѣетъ въ окружности до трехсотъ миль, но такъ изрѣзанъ морскими рукавами и заливами, что самая большая его ширина только двадцать пять миль. Тобермори построено лѣтъ за тридцать Обществомъ Поощренія Рыбной Ловли въ Сѣверныхъ Моряхъ.

Ясное утро предвѣщало благопріятный день, — уже третій нашего путешествія, — и мы, при попутномъ вѣтрѣ, обогнули сѣверную оконечность Мулла. Тайрій и Коллѣ были уже въ виду, но отливъ не позволилъ приблизиться намъ къ Стаффѣ. Мы направили путь мимо ея къ югу на островъ Айону. Вотъ и Айона! Она начала показываться, какъ-будто выходила изъ воды. Сильный вѣтеръ между этими островами и подводные камни, дѣлали плаваніе наше не безопаснымъ, — но Нептунъ съ нами, такъ кто противъ насъ! Судно остановилось въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каменистаго берега и сильнаго буруна, ходившаго близъ него. Нѣсколько лодокъ выѣхали намъ на встрѣчу и высадили насъ на камни, и мы, перепрыгивая съ одного на другой, съ немалымъ трудомъ, но благополучно добрались до берега. Едва ступили мы на землю, какъ толпы полунагихъ ребятишекъ, съ крикомъ, окружили наше общество, предлагая намъ собранныя ими ракушки и камни. Сначала, крикъ и шумъ ихъ насъ забавляли, но это скоро надоѣло, и мы начали бранить и разгонять ихъ. Тщетный трудъ! Они ни слова не понимали по-Англійски, и не переставали насъ беспокоить.

Настоящее названіе Айоны, «Острова Волнъ», есть I (Ай); нѣкоторые писатели называютъ ея *Айколм-киль*, правильнѣе *Ай-Колумбъ-киль*, — что на Гальскомъ языкѣ значитъ «островъ Колумбовой кельи». Этотъ малый, но знаменитый островъ былъ нѣкогда свѣ-

тильникомъ холодныхъ странъ Келедоніи; дикіе кланы и кочующіе варвары получали отсюда всѣ блага просвѣщенія и вѣры. Онѣ имѣетъ не болѣе трехъ миль длины и одну ширины, и самое большее его возвышеніе около четырехъ сотъ сажень надъ водою. Число жителей обою пола простирается до пяти сотъ душъ. До введенія христіанства, по словамъ преданія, здѣсь обитали Друды, и имѣли свои храмы и жертвенники, на которыхъ кровь человѣческая неразъ лилась въ честь боговъ ихъ свирѣпой мифологіи. Намъ показывали странныя развалины одного такого храма, полупогребеннаго въ землѣ, поросшаго мхомъ и травой. Въ 565 году прибылъ сюда изъ Ирландіи славный святой, Колумба, для проповѣданія Пиктамъ Вѣры Христовой, устроилъ монашескія кельи, провелъ жизнь въ трудахъ обращенія язычниковъ и умеръ на этомъ островѣ. Насажденная имъ вѣра утвердилась и процвѣла, и его монастырь скоро сталъ посылать проповѣдниковъ, и даже епископовъ въ разныя мѣста. Но въ 807 году Норманны сдѣлали высадку, разграбили монастырь, убили нѣкоторыхъ монаховъ, а прочихъ разогнали. По отбытіи этихъ Варяговъ, монахи другаго ордена заняли развалины Колумбовой обители, исправили, распространили ее, и жили здѣсь спокойно до самой реформаціи. Здѣсь были большая коллегія для воспитанія юношества, семинарія и огромная бібліотека, въ которой хранились важныя для Шотландіи документы. Въ 1456 году Эней Сильвиусъ, бывшій потомъ папою подъ именемъ Пія II, во время пребыванія своего въ Шотландіи, отыскивалъ тамъ потерянные книги Тита Ливія, но такъ же безуспѣшно, какъ и дерево, на которомъ, вмѣсто яблоковъ, рождаются красныя дѣвнцы и за которымъ проѣхалъ онъ всю Шотландію. Однимъ словомъ, Айона была убѣжищемъ учености во времена мрака и невѣжества. Сверхъ того служила она мѣстомъ погребенія умер-

шихъ Шотландскихъ королей, и Шекспиръ, въ Макбетъ, называетъ островъ этотъ святою землею, назначенною для принятія тѣла Дункана:

..... carried to Colm's kill
The sacred storehouse of his ancestors
And gardian of their bones.

Слава Айоны была такъ велика, что, кромѣ Шотландскихъ, здѣсь похоронены тѣла четырехъ Ирландскихъ королей, восьми Норвежскихъ и одного Французскаго, котораго имени я не могъ узнать. Жители доселѣ показываютъ ихъ могилы. Нынче этотъ островъ принадлежитъ герцогу Аргайль и славится только хорошими пастбищами. Нѣсколько десятковъ бѣдныхъ, разкиданныхъ хижинъ, мужчины и женщины дикаго вида, полунагіе, въ страшныхъ лохмотьяхъ, съ растрепанными волосами, говорящіе Гальскимъ языкомъ, по выходѣ нашемъ на берегъ почти заставили насъ думать, что мы находимся на какомъ-нибудь дикомъ островѣ Южнаго Моря, а не въ Шотландіи. Пройдя немного во внутренность острова, увидѣли мы высѣченный изъ одного куска каменный крестъ футовъ въ десять вышиною съ разными, почти изгладившимися отъ времени, рѣзными фигурами. У креста встрѣтилъ насъ съдой господинъ въ одеждѣ стариннаго покроя, и, объявивъ, что онъ здѣшній школьный учитель, — слѣдственно главный ученый острова, — предложилъ намъ свои услуги съ пристрастными ужимками и поклонами. Онъ вызывался показать и объяснить всѣ мѣстныя достопримѣчательности. Шкиперъ парохода предварилъ насъ объ немъ, прибавивъ, что должность Айонскаго чичерона составляетъ доходъ этого оригинала, и мы съ охотою приняли его предложеніе. Приблизясь къ другому подобному кресту, нашъ ученый, съ важнымъ видомъ и трагическою миною, началъ свой разсказъ, вытверженный

имъ нанзустъ и лѣтъ тридцать повторяемый всѣмъ путешественникамъ. Онъ намъ между прочимъ сказалъ, что подобныхъ крестовъ было на островъ столько, сколько въ году дней, но лишь три уцѣлѣли отъ ярости реформатовъ. Мы шли далѣе, и словоохотный учитель безпрестанно останавливалъ насъ своими разсказами, желая показать свои археологическія свѣдѣнія. Мы прибыли къ развалинамъ женскаго монастыря: однѣ стѣны цѣлы, все прочее исчезло, кромѣ части каменнаго пола и находящихся въ сосѣдствѣ гробницъ. На многихъ надгробныхъ камняхъ видны еще Латинскія надписи. Нашъ чичероне, разсказывая преданія о монахиняхъ, тщательно избѣгалъ Латинскихъ надписей, которыхъ объясненія мы часто съ намѣреніемъ у него спрашивали, между-тѣмъ какъ онъ, будто не замѣчая нашихъ вопросовъ, продолжалъ свой урокъ. Латинскія надписи были истиннымъ камнемъ преткновенія для бѣднаго учителя, и онъ отдѣлывался тѣмъ, что онъ такъ стерты временемъ, что мудрено ихъ разобрать. Отсюда повелъ онъ насъ къ развалившейся капеллѣ монахинь, гдѣ также много гробницъ, и одна хорошо сохранилась; потомъ, къ остаткамъ соборной церкви, которой кровля давно уже не существуетъ, но стѣны еще довольно цѣлы: готическія окна и четверугольная колокольня во вкусъ того вѣка украшаютъ эту развалину. Два пролома въ стѣнахъ колокольни, по словамъ нашего антикварія, сдѣланы пушечными ядрами Испанской армады, но вѣроятное молніею. Впрочемъ извѣстно и по Исторіи, что изъ многочисленнаго Испанскаго флота, прозваннаго «Непобѣдимой армадою», который отправленъ былъ Филиппомъ II для завоеванія Англіи въ царствованіе королевы Елисаветы, отнесло бурею много кораблей къ сѣвернымъ берегамъ Шотландіи и Ирландіи; что они тамъ погибли, и что, между прочимъ, одинъ огромный ко-

рабль, приближившись къ базальтовымъ утесамъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Испанской Дороги», принялъ ихъ за еретическую крѣпость, началъ ядрами громить эти въковыя столповидныя скалы, былъ увлеченъ теченіемъ на скалы и разбился на полѣ сраженія. Въ углахъ церкви стоятъ колонны съ лѣпными фигурами, которыя изображаютъ Адама и Евву въ раю, богиню правосудія съ вѣсами, діавола, и прочая. Полъ устланъ надгробными камнями аббатовъ монастыря и предводителей клановъ сѣверной Шотландіи; надписи на нихъ изрядно сохранились; и имена Мак-Дональдовъ и Мак-Грегоровъ часто здѣсь встрѣчаются. Нѣкоторыя могилы ихъ разрыты: мы видѣли много костей и череповъ этихъ знаменитыхъ вождей, и я нашелъ тутъ родъ пряжки; впрочемъ жители и путешественники вынули уже всѣ вещи, заслуживавшія вниманія. Нашъ проводникъ указалъ на развалившійся надгробный памятникъ, увѣряя, что это могила Св. Колумба: на ней не было ни какого слѣда надписей. Въ мужскомъ монастырѣ видѣли мы остатки обѣденной залы, коллегии и «Черный камень клятвы», такъ названный потому, что при заключеніи важныхъ условій, обѣ стороны становились на него и произносили клятву о сохраненіи договора: нарушитель подвергался отлученію отъ Церкви. Разсмотрѣвъ ближе этотъ черный камень, я нашелъ, что онъ бѣловатаго цвѣта, изъ роду полевыхъ шпатовъ. Здѣсь есть подземный ходъ, соединяющій этотъ монастырь съ женскими келіями, и частію заваленный. Мы съ улыбкою спрашивали нашего археолога, для какой бы цѣли сдѣлано было это тайное сообщеніе между двумя монастырями. Старикъ всѣмъ смутился отъ нашего нескромнаго вопроса, и объявилъ намъ, что онъ давно думаетъ объ этомъ. Отсюда пошли мы къ гробницамъ королей: онѣ расположены рядами, и совершенно заросли дерномъ;

древнѣйшая изъ нихъ VII столѣтія. Намъ не дозволили разрывать дерна, чтобы отыскать какую нибудь надпись. Погулявъ еще по острову, и наградивъ усерднаго учителя, мы поплыли къ Стаффъ.

Стаффа, это удивительное собраніе базальтовыхъ колоннъ, — огромныхъ кристалловъ камня, возникшихъ изъ дна морскаго и такъ тѣсно соединенныхъ между собою, что изъ нихъ, какъ изъ свай, составилъ цѣлый островъ, подстрекаетъ любопытство всего ученаго свѣта, и особенно минералоговъ, своимъ необыкновеннымъ строеніемъ. Стаффа лежитъ въ восьми миляхъ отъ береговъ Мулла къ западу, имѣетъ видъ неправильный, въ окружности не болѣе трехъ верстъ, а въ вышину сто пятьдесятъ футовъ. Множество подводныхъ и надводныхъ камней окружаютъ этотъ островъ, и дѣлаютъ приближеніе къ нему опаснымъ, а въ бурное время невозможнымъ. Онь принадлежитъ теперь Шотландскому помѣщику, Г. Рональду Макдональду. Пароходъ нашъ остановился въ открытомъ морѣ; мы перешли на прибывшій къ намъ съ острова Мулла катеръ, и, подѣхавъ ближе къ Стаффъ, увидѣли глубокую впадину: намъ сказали, что это славная «Пещера Фингала». Хотя погода была тихая, но здѣсь волны сильно разбивались о грозные столпы страны истинно Оссіанической. Мы вѣхали въ самую пещеру: во время прилива, глубина воды бываетъ тамъ до восемнадцати футовъ, но въ полую воду нельзя приблизиться къ острову. Ширина пещеры не позволяетъ удобно дѣйствовать веслами: мы правили баграми, и скоро начали по-одиначкѣ выходить осторожно изъ катера, на торчащія изъ воды, подобно древеснымъ пнямъ, низкія, весьма правильныя, осмигранныя колонны. Это кристаллы базальта.

Здѣсь представилось намъ зрѣлище, котораго ни съ чѣмъ сравнить невозможно, — зрѣлище величественное,

глубоко и навсегда запечатлѣвающеся въ памяти того, кто однажды былъ его свидѣтелемъ. Я немогу придать слабому очерку моему той силы мрачнаго, подземнаго могущества, того страшнаго выраженія тѣмой и дѣятельной вѣчности, какими оно меня поразило. Всѣ мы нѣсколько минутъ, въ молчаніи, съ изумленіемъ, смотрѣли на это чудо природы, всѣ не вѣрили глазамъ своимъ, и, какъ-бы желая продлить свое очарованіе, боялись, чтобы оно отъ шума нашихъ словъ не исчезло. Входъ въ пещеру подобенъ готической остроконечной аркѣ, сажень въ семнадцать вышиною: ширина ея семь съ половиною сажень. Дно, покрытое водою, состоитъ какъ-бы изъ обрубковъ колоннъ, посаженныхъ въ землю вертикально, а верхній сводъ, или потолокъ, изъ подобныхъ же колоннъ, висячихъ отвѣсно къ первымъ, такъ, что всѣ ихъ разрѣзы въ точности соответствуютъ разрѣзамъ отрубковъ, находящихся на днѣ пещеры: кажется, какъ-будто невѣдомая волшебная сила разсѣкла цѣлый лѣсъ огромныхъ базальтовыхъ столбовъ пополамъ, параллельно ихъ основанію, и раздвинула части, поднявъ одни вверхъ вмѣстѣ со сводомъ, другія оставивъ на полу. Стѣны сооружены также изъ вертикальныхъ, огромныхъ, семи и восьми-гранныхъ призмъ, имѣющихъ болѣею частію полтора аршина въ діаметръ и отъ одной до восьми сажень вышины, и взгроможденныхъ одна на другую съ удивительною правильностію, даже симметриею, такъ, что одніе служатъ ступенями для входа по стѣнамъ на другія. Измѣренная длина пещеры пятьдесятъ три сажени; но чѣмъ далѣе входитъ, тѣмъ она становится темнѣе и ниже: положеніе ея по компасу сѣверовостоко-восточное. Имѣвъ при себѣ заряженные пистолеты, я выстрѣлилъ изъ одного, и, раздавшійся страшный гулъ, съ глухими отголосками, невольно заставилъ насъ вздрогнуть: къ удоволь-

ствию нашему, онъ скоро слился съ шумомъ плещущихъ волнъ.

Базальтъ, изъ котораго эти столпы вылились въ теченіе вѣковъ, почти чернаго цвѣта, чрезвычайно твердъ, и я съ большимъ трудомъ могъ отбить молоткомъ небольшой кусокъ. Владѣльцемъ строго запрещено брать отсюда обрашки базальта, но я осмѣлился нарушить законъ, постановленный его скупостью. Здѣсь кстати разсказать, что кто-то присовѣтоваль-было Г. Макдональду, запереть входъ въ пещеру большою желѣзною цѣпью съ замкомъ, и не иначе пускать въ нее любопытство путешественниковъ, какъ съ платою по два рубля съ cadaго. Это истинно, Шотландская расчетливость! Деньголюбивый владѣлецъ чертога, построеннаго природою для своей потѣхи посреди волнъ океана, рѣшился привести эту блистательную мысль въ исполненіе: цѣпь стояла ему болѣе тысячи двухъ сотъ рублей; но не прошло и недѣли, со времени ея укрѣпленія, какъ, къ горю и стыду скупца, украли ее вмѣстѣ съ замками. И по дѣломъ!

Переходя съ колонны на колонну, мы замѣтили, что самыя высокія изъ нихъ находятся на западной сторонѣ пещеры, которую называютъ по-Гальски Uaimh-Binn, «Музыкальною Пещерой», или Uaimh-na-Fion, «Пещерою Фингала». Нельзя довольно насмотрѣться на эту исполинскую кристаллизацию, въ которой природа хотѣла показать человѣку великость средствъ своихъ. Однако жъ время текло: мы выбрались изъ подземелья на островъ, котораго основаніе повидимому состоитъ изъ неправильной массы песчаника съ желѣзною родою: въ этомъ-то песчаникѣ утверждены базальтовые призмы; ихъ вершины покрыты тою же массою. На поверхности острова, въ разныхъ мѣстахъ, высовываются верхи небольшихъ колоннъ; прочее покрыто хорошею травою, которой зелень составляла разительную смѣсь красокъ съ чернотою ба-

зальта и синею скатертью моря. Далѣе, къ западу, есть другая пещера, доступная только въ полуую воду и называемая «Лодочною», Boat-Cave. На восточной сторонѣ, колонны становятся мельче и не такъ вертикальны, и чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ больше онѣ склоняются, и даже сгибаются; вмѣсто полутора аршина, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ уже въ діаметръ только одинъ футъ, а нныя шесть дюймовъ; въ одной огромной пещерѣ, Clamshell, которую мы тоже посѣтили, мелкія призмы такъ согнуты и такъ плотно сложены, что подобны ребрамъ корабля: дно устья здѣсь камнями. Противъ этой пещеры, въ морѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, лежитъ удивительный утесъ, называемый «Пастухомъ», Buachaille: онъ состоитъ изъ восьми тысячъ призмъ, ясно видимыхъ, утвержденныхъ въ землю наклонно, одна подлѣ другой, и такъ сложенныхъ, что образуютъ конусъ, котораго діаметръ у основанія равняется вышнему.

Вышедши изъ этой пещеры, мы съ трудомъ вскарабкались на вершину Стаффы, гдѣ увидѣли нѣсколько пасущихся овецъ и маленькихъ Шотландскихъ лошадей. Всѣмъ извѣстна эта особенная порода малорослыхъ лошадей: онѣ водятся на Гебридскихъ Островахъ, и преимущественно на тѣхъ, которые принадлежатъ Шотландіи; величиною онѣ съ хорошаго теленка или немного больше, однако жъ есть между ними чрезвычайно стройныя, сильныя и быстрыя. Когда человѣкъ сидитъ на такой лошади, ноги его часто достигаютъ до земли. Въ Англіи онѣ извѣстны подъ именемъ Shetland poney, и стройнѣйшія изъ нихъ довольно дороги. Вообще онѣ слишкомъ толсты, — что, по увѣренію многихъ, происходитъ и отъ того, что ихъ обыкновенно продаютъ на вѣсъ, и которая лошадь больше вѣситъ, за ту и дороже платятъ: поэтому ихъ стараются откармливать. При продажѣ,

связываютъ имъ поги, и кладутъ ихъ на вѣсы. Меня увѣряли, что на Шотландскихъ островахъ, самыя статныя и красивыя лошадки происходятъ отъ Испанскихъ лошадей, которыя тамъ остались съ нѣсколькихъ кораблей армады; отъ особеннаго климата и фуража, онѣ постепенно перерождались, и наконецъ дошли до настоящаго роста. Ипозезу эту подтверждаютъ тѣмъ, что и другой домашній скотъ тамъ весьма мелокъ, и что вообще въ горной Шотландіи, и въ горахъ Валлійскихъ въ Англіи, лошади, быки, коровы, овцы очень малорослы.

Островъ Стаффа теперь совершенно необитаемъ: прежде былъ здѣсь домикъ для пастуха, который перетѣкалъ сюда въ лѣтнее время; но какъ островъ часто не доступенъ, то опасно было на немъ оставаться, потому что иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не было съ нимъ сообщенія. Однажды, пастухъ чуть не погибъ отъ недостатка жизненныхъ припасовъ.

Расположившись отдохнуть на камняхъ, на самой вершинѣ Стаффы, мы любовались на ея величественныя виды. Къ востоку, за Муллою, синѣетъ вдали гора Ben-Nevis въ четыре тысячъ триста футовъ вышиною; къ югу, островъ Джура гордо воздымаетъ четырехглавую вершину свою, а на сѣверѣ видны другія Гебриды. Все тихо, — море какъ зеркало, — только пѣнящіяся волны бушуютъ въ Пещерѣ Фингала! Повторяя такъ часто о Фингалѣ, должно прибавить, что Шотландцы и Ирландцы наподхватъ исторгаютъ этого героя другъ у друга: оба народа желаютъ быть его соотечественниками. Первые основываютъ свои доказательства на Оссіанѣ, который называетъ Шотландію мѣстомъ его подвиговъ, но Ирландцы утверждаютъ, что у нихъ и донынѣ есть его потомки, — одна дворянская фамлія, въ которой старшій въ родѣ всегда носитъ титулъ лорда Фингала. Англичане, чтобы примирить ихъ, доказыва-

ютъ, что Фингалъ и Оссіанъ никогда не существовали.

Въ пятомъ часу оставили мы этотъ примѣчательный островъ, и прибыли въ Тобермари въ десятомъ часу ночи. На слѣдующее утро, 22 Сентября, звукъ волынки опять раздался на пароходѣ. Прекрасная погода продолжала намъ благопріятствовать. Мы видѣли на скалистыхъ берегахъ нѣсколько орловъ: они весьма сильны и огромны на здѣшнихъ островахъ, и иногда хватаютъ овецъ. Въ каютѣ нашей была небольшая библіотека отборныхъ книгъ, — всѣ сочиненія Валтеръ-Скотта, и я съ удовольствіемъ прочиталъ «Пирата» и «Робъ-Роя» между Гебридскими скалами: въ послѣднемъ есть много подробностей о кланѣ Макъ-Грегоровъ, который жилъ въ этихъ мѣстахъ. Я узналъ случайно, что нашъ шкиперъ былъ Нѣмецъ изъ ГапOVERA. Онъ весьма обрадовался, когда я началъ говорить съ нимъ по-Нѣмецки, и, въ знакъ своего удовольствія, предложилъ мнѣ, для слѣдующаго почлега, свою постель, которая была лучше прочихъ. Но вѣжливость добраго Нѣмца не много принесла мнѣ пользы: я не могъ заснуть отъ шума и громкихъ разговоровъ Шотландскихъ бабъ и дѣвокъ, находившихся на передней палубѣ; онъ почти всю ночь не умолкалъ. Къ досадѣ, я даже не разумѣлъ ни слова изъ ихъ бесѣды: онѣ говорили по-Гальски. Во всей сѣверной Шотландіи народъ употребляетъ этотъ языкъ, Англійскаго же вовсе не понимаютъ. Гальскій языкъ, называемый у нихъ *gaelic*, *геликъ*, отличается изобиліемъ гортанныхъ звуковъ, и всѣ говорящіе какъ-бы картавятъ.

А. ДЖУНКОВСКІЙ.

ДВѢ ВСЕМІРНЫЯ ИСТОРІИ.

=

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ.

=

4/16 Января, 1855.

.....
..... Здоровье мое не худо и не хорошо. Я какъ-будто остановился на одной точкѣ; иду ни впередъ, ни назадъ. Радуюсь однако, что не поѣхалъ въ Италію, ибо тревожная жизнь путешественника, безъ-сомнѣнія, много бы мнѣ повредила. О климатъ Италіи сожалѣть не имѣю причины: мнѣ удалось поселиться въ самомъ тепломъ и здоровомъ уголкѣ Швейцаріи. Отъ Италианской зимы вѣроятно страдалъ бы я гораздо болѣе, нежели отъ здѣшней, нежели даже отъ Русской: теперь въ Италіи тепло подъ открытымъ небомъ, но въ домахъ мерзнуть; здѣсь же, гдѣ дома лучше устроены для зимняго времени, нѣтъ почти и признака зимы. Теперь 4 Января (старого стиля), а на дворѣ почти весна; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами мои разстилается лазоревая равнина Женевского озера; нѣтъ ни одной волны; не видишь движенія, а только его чувствуешь: озеро дышетъ. Сквозь голубой паръ поднимаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами; по озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и надъ ними вертятся освѣщенные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ какъ яркія искры; на горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, замки; съ домовъ, бѣлыми змѣями, выются полосы дыма; иногда въ тишинѣ, между огромными горами, которыхъ громады приводятъ не-

вольно въ трепеть, вдругъ раздается звонъ часоваго колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ: онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышутся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувства спокойствія: тамъ далекій лай собаки, тамъ скрипъ огромнаго воза, тамъ человѣческой голосъ. Между-тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть; есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера! Каждый день, смѣняется ея другая. Но за этими горами Италія, и мнѣ не видать Италіи. Между-тѣмъ живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли,—до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынночество навело бы наконецъ на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Р*** и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ половиною по полудни, — время нашего общаго обѣда, — я сижу у себя или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лекарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще нѣтъ силъ взбираться на горы. Зато гуляю много по ровному, прекрасному шоссе, всякій день и во всякую погоду. Теперь читаю двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими Берлицскими знакомцами, Гумблотомъ и Дункеромъ, довольно четко, на простой бумагѣ, и называется — Menzel's Geschichte

unserer Zeit, а другая самою природою, на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней книги я еще не разобралъ. Но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату. Всякій день въ два часа по-полудни я начинаю свое пѣшеходство по Симплонской дорогѣ, которая мимо самаго крыльца моего идетъ по берегу Женевского Озера, разстилающагося широкою равниною между высокихъ береговъ горныхъ. Со стороны Женевы, на дальнемъ горизонтѣ, видна низкая, голубая, однообразная стѣна Юры. Со стороны кантона Вадта, Pays de Vaud, на которой находится моя деревушка, Вернѣ (между Клараномъ и Монтрѣ) поднимаются горы, покрытыя виноградниками, усыпанныя деревьями, замками, хижинами, шалашами: низшія изъ нихъ имѣютъ пріятную круглую форму, (здѣсь посреди виноградниковъ великолѣпныя каштановыя, буковыя и орѣховыя деревья); высшія торчатъ острыми утесами; одни имѣютъ видъ зубчатыхъ стѣнъ, другія форму огромныхъ зубовъ; между которыми самый замѣтный называется Dent-de-jamant. Вершины этихъ утесовъ голы, и истрескались отъ дѣйствія стихій; бока покрыты елями и соснами, между которыми весенніе и осенніе потоки прорыли излучистыя дороги: онѣ теперь наполнены снѣгомъ и кажутся змѣями, замерзнувшими отъ холода и извившимися въ часъ смерти. Напротивой, Савойской сторонѣ, поднимаются горы болѣе огромныя, и представляютъ ужасный хаосъ утесовъ, разорванныхъ, растреспученныхъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, въ которыхъ теперь бѣлѣетъ снѣгъ, тогда какъ самые утесы снѣгающіе, и отъ словыхъ лѣсовъ, покрывающихъ бока ихъ, имѣютъ видъ пообъятаго оцѣпенѣлаго, изрубленнаго трупа. Эти горы, возвышаясь, сходятся съ противолежащими и стѣсняются въ глубокую долину, по которой течетъ Рона,

впадающая близъ Вильнѣва въ Женевское Озеро. Эту долину задвигаютъ наконецъ покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы: впереди подымается великаномъ *Dent-du-midi*; за нимъ конусомъ стоитъ *Mont-Catogne*; изъ-за него, съ одной стороны выглядываетъ *Mont-Velan*, а съ другой Сень-Бернардъ, знаменитый переходомъ Наполеона и гостепріимствомъ добрыхъ отшельниковъ, которые поселились на высотѣ его съ своими собаками, для спасенія путешественниковъ, теряющихъ дорогу въ снѣгахъ горныхъ. Таковы великолѣпныя листы Вселѣнной Исторіи, которые разгибаются передъ глазами моими въ то время, когда я непримѣтною мошкою крадусь по тропинкѣ своей, у подошвы этихъ великановъ. И мнѣ было бы весьма душно отъ ихъ ужасающей взоры огромности, когда бъ мнѣ не сопутствовалъ другой великанъ, который можетъ безъ страха съ нимъ соперничать: этотъ великанъ есть *мысль*, могущая не только въ одну минуту подняться на ихъ неприступныя высоты; но, перелетѣвъ въка и пространство, присутствовать при ихъ рожденіи, въ то время, когда онѣ сами были только прахъ, кипѣвшій въ первобытной водѣ, которая наконецъ, сгустивъ и набросавъ ихъ тѣми огромными горами, въ какихъ онѣ столько вѣковъ стоятъ неподвижно, сама успокоилась, и теперь, тихимъ, таинственнымъ моремъ, окружаетъ нашу цвѣтущую землю, вышедшую изъ хаоса первобытнаго. Какое сходство въ Исторіи этихъ безжизненныхъ великановъ съ Исторією живаго человѣческаго рода! Что представляла наша земля въ эти первые дни созданія, когда всемогущее Божіе *Буди* раздалось посредъ небытія, и все начало стремиться къ жизни? Каковъ былъ міръ въ то время, когда потопъ за потопомъ разрушалъ землю, и когда изъ страшнаго разрушенія выходило столь же страшное созданіе? когда владыками земли были одни чудовища, которыхъ огромныя, окаменѣлыя скелеты, лежащіе въ земной

утробѣ, свидѣтельствуя объ отдаленной эпохѣ ихъ существованія, въ тоже время служатъ памятниками минувшаго безпорядка? Чѣмъ все это кончилось? Животворнымъ *шестымъ* днемъ созданія. Потопы утихли, утесы оцѣпѣли, ихъ страшныя груды покрылись великолѣпнымъ ковромъ плодоносной земли, на которомъ началась цвѣтущая жизнь, — и на эту обновленную землю Создатель привелъ наконецъ Человѣка. Бурный періодъ образованій физическихъ дошелъ до своего предѣла: начинается жизнь человѣческаго рода, и она представляетъ намъ тотъ же хаосъ, въ какомъ при началѣ своемъ является намъ міръ физическій. Мы видимъ человѣка первосозданнаго; онъ сначала достоинъ своего Создателя, и на землѣ рай; но онъ падаетъ..... Что же представляетъ намъ человѣческое общество послѣ паденія, и что послѣ всемірнаго потопа, уничтожившаго первобытный родъ человѣческій? Не тотъ же ли безпорядочный бой стихій и массъ физическаго міра, сквозь которыя съ трудомъ и постепенно пробивалась высшая жизнь? И всѣ эти преданія о древнемъ мірѣ послѣ потопа, всѣ эти памятники огромныхъ минувшихъ царствъ, колоссы Индіи и Египта, завоеванія Сесторисовъ, Кировъ, Александровъ, и самый всемогущій Римъ не то же ли они въ исторіи, — нѣкогда живые, теперь мертвые и окаменѣлые посреди слоевъ (вѣковъ), набросанныхъ временемъ, не тоже ли они, что эти огромныя чудовища, владѣвшія первобытною землею, которыхъ остатки насъ такъ изумляютъ, повѣствуя намъ о томъ, чего давно нѣтъ и чего уже быть не можетъ? Наконецъ и для человѣческаго рода періодъ всеобщихъ бурныхъ переворотовъ дошелъ до своего предѣла, и ужасныя созданія древняго міра одѣлись великолѣпнымъ покровомъ, на которомъ началась новая, высшая жизнь: эта плесна болѣе и болѣе развивается; не все еще ею покрыто, — но все когда-нибудь покроется. Волканы,

наводненія, ураганы и многіе грозныя феномены свидѣтельствуютъ, что еще не все въ физическомъ мірѣ утихло; но это одни минутныя, частныя явленія: они не производятъ *общаго* измѣненія, и только показываютъ, что сила безпорядка хотя еще и не умерла, но уже издыхаетъ. То же и въ мірѣ нравственномъ: и послѣ пришествія Христова были политическіе разрушительные вулканы; они являются и теперь, но характеръ ихъ болѣе и болѣе измѣняется: теперь они болѣе *образовательны*, нежели прежде. Напримѣръ, въ наше время міровладычество Александра и Рима невозможно, по-крайней-мѣрѣ не прочно. Наполсонъ, у насъ передъ глазами, сдѣлалъ ему опытъ, но быстрое созданіе силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидимъ много потрясеній; но посреди ихъ шума голосъ мира и порядка болѣе и болѣе становится внятнѣе. Христіанство, источникъ и хранитель нравственной жизни, неразруσιμο, несмотря на бунтующія противъ него страсти; истекающая изъ него образованность медленнымъ, но постояннымъ своимъ дѣйствіемъ все приводитъ въ равновѣсіе; бой добра и зла продолжается, — и можетъ ли быть иначе? Земля не рай, человѣкъ не ангелъ; но наше время, со всѣми его конвульсіями, лучше прошедшаго. Это *лучшее* само собою истекаетъ изъ зла минувшаго. И это лучшее — не человѣкъ своею силою производитъ его, но время, покорное одному Промыслу. Поколѣнія исчезаютъ, а время на гробахъ ихъ пишетъ свои истины, которыя читаютъ слѣдующія поколѣнія и обращаютъ въ свою пользу: исчезая, они оставляютъ на гробахъ своихъ другія истины, временемъ написанныя въ пользу другихъ поколѣній. Общій же результатъ одинъ: во всякое время, человѣкъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ, можетъ совершить все, что онъ какъ человѣкъ совершить обязанъ; и если бы каждый, не сбываясь съ пути, слѣдовалъ сему правилу,

то было бы на землѣ одно царство порядка. Но человекъ созданъ не для тихой, счастливой, а для дѣятельной нравственной жизни; онъ долженъ завоевывать свое достоинство, долженъ пробиваться къ добру сквозь страсти и неразлучныя съ ними заблужденія и бѣдствія. Въ мірѣ дѣйствуетъ не онъ, а Провидѣніе, которое дѣйствуетъ въ цѣломъ. Жизнь человѣческаго рода можно сравнить съ волнующимся моремъ: буря страстей производитъ эти минутныя волны, возстающія, падающія и безпрестанно смѣняемыя другими. Каждая изъ нихъ кажется какимъ-то самобытнымъ созданіемъ; и если бы каждая могла мыслить, то она, въ быстромъ своемъ существованіи, могла бы вообразить, что дѣйствуетъ и созидаетъ для вѣчности. Но она со всеми своими скоро проходящими товарищами, только принадлежитъ къ одному великому цѣлому: всѣ онѣ покорствуютъ одному общему движенію; иногда движеніе кажется бурею; бездна кипитъ; повдругъ все гладко и чисто; — и въ этомъ, за минуту столь безобразномъ хаосѣ водъ, спокойно отражается чистое небо. Вотъ вамъ философія здѣшнихъ горъ. То же самое прочиталъ я и въ Менцелѣ, который въ быстрой картинѣ представляетъ намъ пропшествія нашего вѣка, столь богатаго великими измѣненіями.

Еще одинъ маленькій отрывокъ изъ той же горной философіи: проѣзжая сюда черезъ кантонъ Швицъ, я видѣлъ на прекрасной долині, между Цирихскимъ и Ловерцкимъ Озеромъ, развалины горы, задавившей за двадцать лѣтъ нѣсколько деревень, и обратившей своимъ паденіемъ райскую область въ пустыню. Это мѣсто называлось тогда Goldau, «золотой лугъ.» За двѣнадцать лѣтъ передъ симъ, я уже видѣлъ его: съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось; тѣ же голые, набросанные горами камни; немногіе покрылись мохомъ; кое-гдѣ пробиваются тощіе кусты, но еще почти нѣтъ признака жизни: время невидимо работаетъ, но разруше-

ніе въ полной еще силѣ. Рядомъ съ этимъ хаосомъ камней, простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селеніями, хижинами, садами, но бугристая поверхность ея, согласно съ преданіемъ, свидѣтельствуесть о древнемъ разрушеніи: за нѣсколько вѣковъ и на этомъ мѣстѣ упала гора, задавила нѣсколько селеній, и надлежало пройти сотнямъ лѣтъ, чтобы развалины могли покрыться слоемъ плодородной земли, на которой поселилось новое поколѣніе, совершенно чуждое погибшему. Вотъ исторія всѣхъ революцій, всѣхъ насильственныхъ переворотовъ, кѣмъ бы онѣ производимы ни были, — бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, — дерзкою ли властію одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостію, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслию, что можно вдругъ неплодородную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою, болѣе плодородною. И правда: будетъ земля плодородная, но для кого? и когда? Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше, мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соответствуетъ тому, чего мы хотѣли. Время истинный создатель, мы же въ свою пору были только преступные губители, и отдаленныя благія слѣдствія, загладивъ слѣды гибели, не оправдываютъ губителей. На этихъ развалинахъ Гольдау, ярко написана истина: «Средства не оправдываются цѣлію; что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благотѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага.» Человѣкъ, во всякую настоящую минуту, можетъ быть справедливымъ: въ этомъ его че-

ловѣческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ челоуку, для вѣроятной, слѣдственно сомнительной, пользы, есть преступленіе или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область Провидѣнія. Только, оставаясь въ границахъ челоучества, съ свѣтлымъ понятіемъ о справедливости, можемъ мы дѣйствовать благотворно, то есть, нравственно; напротивъ, вступаясь въ дѣло Провидѣнія и надеясь сплюю, въ одну минуту, произвести то, что оно медленно создастъ временемъ, мы губимъ и гибнемъ. Что же? Должны ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени, подобно камнямъ, которые, не видя и не зная, что съ нимъ творится, даютъ ему покрывать ихъ мхомъ и растеніями? Нѣтъ; но для челоука довольно собственной дѣятельности и безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ-за-шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего оно требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его. Не толкай горы съ мѣста, но и не стой передъ нею, когда она падаетъ; въ первомъ случаѣ самъ произведешь разрушеніе, въ послѣднемъ не отвратишь разрушенія, въ обоихъ же самъ погибнешь. Но работая безпрестанно, неутомно, на-ряду со временемъ, отдѣлая отъ живаго то, что оно уже омертвѣло, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое или уничтожишь старое обветшалое..... Однимъ словомъ, живи и давай жить; а паче всего блюди Божію правду. Но довольно. Отъ моей горной философіи и письма мое сдѣлалось горою. Прощайте.

В. ЖУКОВСКИЙ.

С К А З К А

О НУЖДѢ, О СЧАСТІИ И О ПРАВДѢ.

=

Гой нужда-свѣтъ, барыня горемычная! Ты ль съ босой ноги на босу ногу переступаешь, кулаки студёные продуваешь? Щесть горячихъ бы и прихлебнула, — да ложки ни плошки нѣтут! А поколъ ложкою скудельною, христа-ради, гдѣ разживеши-ся, такъ и щи давнымъ давно простыли, и собакн ихъ вылакали, горшки вылизали. Аль ты каргаптица сивобокая, — отъ нужи и стужи сѣдина пробивается, — на лысинѣ модный тупей съ зачесомъ, на лаптяхъ снѣжокъ, а въ зобу песокъ? Чего, кумушка-вѣщуныя пригорюнилась? Нето чарой зеленѣ вина кто обноситъ тебя? Нето свѣтъ-сосѣдъ мимо шелъ, да неклапается? Аль ты звѣрь-чудище о семи ногахъ, что бѣда надъ нимъ прилучилась, — замѣсть хвоста у него хоботъ выросъ, а замѣсть хобота хвостъ крючкомъ? Аль зайчнкомъ мохноногимъ по зарямъ прыскаешь, тушканчикомъ, табарганомъ подъ землей живешь? Нето бѣлугою сорока-пудовою, словно купчиха Бѣлевская, съ боку на бокъ переваливаешься? Тяжело-то оно тяжело, да крикнуть нельзя: водою глотку такъ и заливаетъ тебѣ! Нужда, нужда! Кто про нужду на вѣку своемъ не слыхивалъ? И тутъ-то она, и тамъ она; и повсюду ее поминуютъ, и всему она причинна, и всѣмъ она виновата, — а самоё, ни тутъ, ни тамъ, не увидаешь: либо нивидимкой побѣду свѣту носится, нето затворницею гдѣ въ скитѣ сидитъ. Вѣдь не даромъ же говорится, что нужда и

по воскреснымъ днямъ постится, что нужда научить и калачи печь и Богу молиться.

Ужъ не она ль, нужда, въ стужу и вьюгу зимнюю воробышкомъ сѣренькимъ подъ застрѣху забивается, да сидитъ тамъ нахохлившись? Да нѣтъ! за чѣмъ же про нужду поютъ :

Нужда скачетъ, нужда пляшетъ,
Нужда пѣсенки поетъ?

Стало-быть, она барыня веселая, — можетъ-статья и пригожая, — а чего добраго, и ласковая, сговорчивая? Опять же говорятъ: нужда послѣднюю копѣйку ребромъ катить! Стало-быть, она же и тороватая хозяйка, и проказница. Нужда свой законъ пишетъ: стало-быть, и сильна, и могуча! Нужда смѣкаетъ, нужду не проведешь, нужда изъ лычка кроить ремешекъ: такъ она же и досужая художница, коли не чернокнижница! Спроста изъ рогожи, не сдѣлаешь сыромятной кожи. Нужда умъ родить; нужда изъ подъ Сызрани да въ Москву пѣша ходила; нужда красно баетъ; нужда чутьемъ слышитъ; нужда и плачетъ припѣваючи; нужда котель грызетъ; нужда горбится, нужда и прямится.....

— Да что же это за проказница? Какая такая нужда на свѣтъ живетъ? спросилъ богатый молодой баричъ любимаго стременнаго своего.

— Нужда, сударь, птица.

— Да какая же она птица, Пгнашка? Гдѣ она проживаетъ, гдѣ водится? Отчего же я ее не видалъ?

— Она, сударь, не скворецъ, по барскимъ дворамъ не водится. Она отъ большихъ господъ, отъ бояръ, до поры до времени, бѣгаетъ; а случается, навязется, такъ и не откланяешься отъ нее, не отмолишься. Лучше и не спрашивайте, сударь, про нее: въ ней пути

мало. Она-то, случаемъ, выводитъ нашего брата годъ со днемъ босова да нагова; она и медвѣдя Смургонскаго тебѣ кланяться заставляеть; она первая по свѣту проказница, по ночамъ у мужиковъ утятъ таскаетъ, бѣду накликаеть, а отъ краснаго солнышка она хоронится.

Баричъ привязался къ стременному своему, къ Игнашкѣ— Покажи, да покажинужду! хочу видѣть ее! Найди, гдѣ хочешь, веди меня куда знаешь, а покажи!

— Коли гдѣ случится мнѣ увидать ее, отвѣчалъ Игнашка, такъ покажу; а теперь, баринъ, взять ее негдѣ. Она дается не всегда и не всякому.

И случись однажды, какъ ѣхалъ баричъ съ Игнашкою, — на охоту ли, съ охоты ли, — а другой ѣзды баричу не было, — сидитъ въ лѣсу, на деревѣ, филинъ. Припекло ему солнце красное очи, а слетѣть не знаетъ куда, — невидитъ. Сидитъ, да отщелкивается отъ стаи птахъ и пичугъ, которыя шьютъ и снуютъ вокругъ да около, съ крикомъ, съ шумомъ, съ плачемъ.

— Вотъ Нужда сидитъ, баринъ! сказалъ Игнашка: возьмите ее!

Баричъ пошелъ-было, да Игнашка приостановилъ его. — Пойдите, сударь: вамъ она этакъ не дается, улетитъ. Вы мерлушечью шапку сымните, да бекешку-то скиньте, чтобъ птица не пугалась и легче было лѣзть вамъ; да разуйтесь, чтобы не слышать ей было поступи, такъ поймаете.

Жилъ былъ, гдѣ-то на барскомъ дворѣ, козелъ дармождъ: сѣна въ волю ему, а службы и работы нѣтъ ни какой, — развѣ только, по своей охотѣ, проводить лошадей на водопой да съ водопоя. Чего бы, кажись, еще? Такъ соскучилось ему, — съ жиру и собака бѣсится, — пошелъ онъ съ ребятишками съ горки кататься, по льду скользить, да и выломилъ ногу. Такъ

и баричъ нашъ: нечего ему было дѣлать, — хлопотъ и работъ ни какихъ, — такъ пошелъ искать, промыслить себѣ нужды да туги.

Поймалъ баричъ птицу, слѣзъ кой-какъ съ дерева, ободрался весь, — глядь, анъ Игнашка съ лошадьми ускакалъ, а барича, босаго и нагаго, покинулъ. Баричъ кричать, баричъ гукать, баричъ аукать, — нѣтъ Игнашки, и слѣдъ простылъ! Какъ тутъ быть? Взялъ Нужду-птицу подъ мышки, самъ поплелся, проклиная стремennaго своего, — безъ шапки, безъ шубки, босикомъ, — подувая въ кулаки, да пожимая плечами. Нужда изъ подъ Сызрани въ Москву пѣши ходила!

Такъ вотъ она, нужда, какая бываетъ! сказалъ баричъ, спознавшись съ птицею своего улова, съ которою прозябъ до мозговъ, ознобилъ ноги и руки, и едва только доплелся позднимъ вечеромъ до какой-то деревушки. Онъ постучался въ оконце, — въ другое, — въ третье, — не пускаютъ прохожаго: въ которой избѣ спать мужики, что зарѣзанные, и не достучишься ихъ, не докличешься; въ которой и проснулись знать, да не откликаются, либо не охота съ полатей на морозъ выходить, либо постою бояться. «Нечего дѣлать! думаетъ баричъ нашъ: надо подыматься на хитрости. Не даромъ же Нужда со мною! Да не даромъ же и про нужду, догадливую, изворотливую, столько причудъ и чудесъ въ народѣ рассказываютъ! Нужда горбится, нужда и прячется; нужда научить и калачи печь и Богу молиться!»

Онъ подошелъ къ чистой, бѣлой избѣ, одвухъ жильяхъ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ; взобрался тихомолкомъ на крытый драпію навѣсъ, подъ которымъ, видно, была хозяйская лавка, гдѣ торговалъ мужикъ лаптями, веревками, дугами, колесами, коврыгами, орѣхами, пряниками, — чему баричъ и догадался, потому что тутъ пахло дегтемъ, а нужда чутьемъ идетъ: влѣзъ и сталъ заглядывать въ окно. Липовый, бѣлый столъ въ кра-

синомъ углу; половина его закрыта посланцемъ узорчатымъ; свѣтецъ со свѣчкою сальною на столѣ; а тутъ и всякой харчъ и ѣжа, и вино, и пироги, и гусь жареный; а за столомъ молодая, пригожая баба; съ нею рядомъ на лавкѣ молодой паренъ; и они вмѣстѣ веселятся, потѣшаются, пьютъ да ѣдятъ, смѣются да пробавляются.

«Бабенка эта, подумалъ баричъ нашъ съ Нуждою подъ мышкой, въ окно глядя: бабенка эта хозяйка, — иначе она бы не подчивала гостя своего. А что онъ гость, а не хозяинъ, такъ это видно изъ того, что она подноситъ ему ласково и кланяется; видно и по рукавицамъ, и по бархатной шапкѣ его, которыя лежатъ подле на лавкѣ, а не висятъ на своемъ мѣстѣ, на колкѣ. Стало-быть, хозяйина нѣтъ дома, а хозяйонка безънего погуливаетъ.» Нужда смѣкастъ дѣломъ, — нужду не проведешь!

Нужда постучался посохомъ своимъ въ окошницу. Хозяйка вскочила, и спросила — Кто тамъ? — а паренъ чуть не подавился пирогомъ, и вынулъ очи на окно. Нужда сказался хозяиномъ, и, оглянуться не успѣвъ, какъ пирогъ со стола полетѣвъ въ поставецъ, вино за кивотъ на полочку, гусь въ печь, а гость подъ кутникъ, гдѣ хозяйка завалила его рѣшетамъ, да разнымъ хламомъ и скарбомъ, сама въ попыхахъ и сустахъ приговаривая: — Охъ, голубчикъ-свѣтъ, говорила я, что надо быть нынѣ хозяину! Натолкнулъ же лукавый нагрѣхъ! Лежи жъ ты, голубчикъ, самъ нишкинъ, авось минетъ немнучая! — Сама жъ хозяйка кинулась отпирать дверь да ворота.

Той порою, — не успѣвъ Нужда соскочить съ навѣсу на снѣгъ, — глядь, сани однокошныя бѣгутъ, — только снѣгъ хруститъ, — и напрямикъ къ бѣлой избѣ о двухъ жильяхъ, — и прямо къ воротамъ досчатымъ подъ щипцомъ на высокихъ столбахъ!

— Отворяй! закричалъ рыжій мужичина съ оклади-

стою бороною, похлопывая руками и слезая съ саней. Отворяй, Кононовна! Хозяинъ прѣхалъ!

И Кононовна, отвѣчая—Заразь, заразь, Сидорычъ!—уже возилась у запора. Собакъ, какъ у большой части Великороссійскихъ мужиковъ, на дворъ не было: только встревоженные свиньи хрюкали, да дюжина барановъ блеяла. Заскрипѣли полотенца на веревяхъ, и огарокъ въ рукахъ Кононовны бѣгло освѣтилъ крытый дворъ,—справа ясли, колоды, телеги и сани, пару коней, коровушекъ, свинокъ и овецъ, — слѣва лѣсенку, крылечко на рѣзныхъ столбикахъ, и чугунный умывальникъ съ двумя длинными носочками на желѣзныхъ цѣпочкахъ. Между-тѣмъ Сидорычъ, глянувъ на барича, спросилъ:

— Это кто такой подъ заборомъ стоитъ?

— Пусти, землякъ, въ избу погрѣться, духъ отвести! излябъ совсѣмъ! отвѣчалъ Нужда. Были мы, вишь, съ бариномъ на охотѣ, ѣздили по птицу да по звѣря, да настигла насъ невзгодница, кони побили, да вотъ, вишь, холоднаго и голоднаго покинули. Пусти, землякъ, отвести душу на тепло!

Хлѣбосольный хозяинъ позвалъ Нужду съ собою въ избу, посадилъ у стола, и подчивалъ какъ гостя всѣмъ, что Богъ послалъ. Но Богъ послалъ на этотъ разъ чашку какихъ-то щецъ, по которымъ, какъ говорится, плетью ударишь и пузырь не вскочитъ, — да послалъ еще ковригу хлѣба ржаного въ пять четвертей съ вершкомъ, — да и только. Хозяйка не ждала, какъ говорить, нынче хозяйна, и тужила, что не изготовила ничего лучше.

— А что у васъ за птица, прохожій господинъ? спросилъ хозяинъ, поглядѣвъ на толстоглазаго филина, который сидѣлъ рядомъ съ гостемъ на скамьѣ.

— Это Нужда-птица, отвѣчалъ тотъ: умная, расторопная, изворотливая, — все знаетъ, и все видитъ, — и говоритъ.

— И говоритъ? подхватилъ хозяинъ, оборотивъ ложку, и положивъ ее на столъ, да утерши ротъ изнанкою руки, да погладивъ бороду и облокотившись на край стола. Да что же она говоритъ? — продолжалъ онъ, когда Филинъ запыхтѣлъ и шелкнулъ носомъ.

— Такъ, она про себя бормочетъ, отвѣчалъ Нужда. Она говоритъ, что въ поставцѣ у хозяйюшки вашей есть пирогъ.

— Въ поставцѣ пирогъ? спросилъ хозяинъ, оглянувшись: есть, что ли, Кононовна? Такъ подавай!

— Да не знаю, будетъ ли! отвѣчала та. Остатки! Братъ ко мнѣ прѣзжалъ вчера, такъ я про него изготвила, да съѣли весь, — остаточки развѣ....

И подала изъ поставца початой пирогъ.

Нужда толкнулъ Филина локтемъ въ бокъ: тотъ опять вымунилъ на него очи, что плошки; запыхтѣлъ, да шелкнулъ.

— А теперь, что онъ говоритъ изволить, честный господинъ? спросилъ удивленный хозяинъ.

— Да все свое несеть! отвѣчалъ Нужда: говоритъ, что вино есть въ склянницѣ, позадь кивота.

— Есть, что ли? спросилъ хозяинъ.

— Да не знаю! отвѣчала испуганная хозяйка: вчера, признаться, было его немного, да ни-какъ все вышло.

Глянула, — и то есть! Подала на столъ его: хозяинъ молча напилъ, и надулся.

— Цыть, дура! сказалъ Нужда въ полголоса Филину, когда этотъ опять началъ пыхтѣть: молчи! не твое дѣло!

Хозяинъ сталъ допытываться, что онъ опять говоритъ.

— Да онъ сказываетъ, что въ печи у васъ гусь есть.

— И гусь еще? спросилъ хозяинъ: есть, что ли? И коли нѣтъ, такъ видно, Кононовна, самому мнѣ пошарить придется. Нѣтъ ли у тебя и еще чего?

Хозяйка кинулась къ печи, отодвинула заслонъ, ахнула, и руками всплеснула.

— И гусь есть! Ну, ей же Богу, Сидорычъ, не было и не бывало! И знать я не знаю, отколъ онъ взялся!

— Послушай, господинъ прохожій! сказалъ хозяинъ: у меня въ домѣ давнымъ-давно что-то не ладно. Кабы это дѣдушка, домовой — такъ бы проказы не тѣ были: а это просто сатана, — наше мѣсто свято! Что съѣдомаго ни припасешь, — съѣдятъ изъ подъ рукъ, не знаешь кто; мучицы ли пшеничной засыплешь въ застѣку въ вѣсъ и въ мѣру, — глядишь, не хватаетъ; орѣховъ ли, черносливу ли моченаго, грушеваго ли квасу поставишь въ лавочку, — все поѣдають да вышпивають, — не знаешь на кого поклепать! Что такое это, господинъ честной?

— А коли въ домѣ у васъ печисто, отвѣчалъ Нужда, такъ виноватый скажется птицъ моей. А коли сатана, такъ выживу, съ мѣста не сходя.

— Правъ съ меня, что положишь, сказалъ хозяинъ: ничего не пожалю, только выведи концы наружу, да изгони печистаго!

Нужда велѣлъ хозяину вытти. Хозяинъ въ двери, а хозяйка гостю въ ноги: — Батюшка, не выдавай! Что хочешь, проси, только не выдавай! Хозяинъ убѣсть меня!

И братъ, что вчера прїѣзжалъ да пироги повѣлъ, взмолился подъ рѣшетами, тѣмъ же голосомъ: — Хоть всего оберни, хоть разуй и празднь, только душу выручи!

Нужда вытащилъ его изъ подъ кутника, велѣлъ измараться сажею, надѣть тулупъ изнанкою, рукавицы на ноги, а сапоги на руки; накрылъ ему мокитрой, что табакъ терли, голову, и, посадивъ на то же мѣсто, позвалъ хозяина, и велѣлъ ему стучать метлою по кутнику, а хозяйкѣ шарить помеломъ подъ лавками. Тутъ глядь, — сатана и выскочилъ; и хозяинна-то было съ ногъ долой сбилъ; и хозяйку-то напугалъ до-смерти; а самъ

въ дверь, съ крыльца, кубаремъ да прямо въ снѣгъ, о землю ударился,—тутъ и сгинулъ, и слѣдъ ему простылъ! А Нужда взялъ, для ровнаго счету, по красненькой бумажкѣ съ хозяина, и съ хозяйки, и съ гостя, съ брата ея,—и всѣмъ угодилъ, и себя не забылъ. «Ай да птица! Правда, что стѣитъ она дорогова!»

Нужда согрѣлся, наѣлся, выпался, запряталъ три красненькія подальше, и отправился,—куда Богъ велитъ,—искать и допытываться Игнашки. На заработанныя деньги одѣлся онъ и обулся,—день, другой пожилъ,—и ѣсть опять-таки ему нечего. Не Чуримья Игуменья баричъ нашъ, а постинчать выучился хоть куда!

Идетъ, идетъ онъ по дорогѣ, что чапура по прѣсной, долгой лужицѣ,—пришелъ опять на какое-то село, и видитъ—народъ собрался въ кучу, у сборной избы; старики съ длинными посохами сидятъ на завалинкѣ; передъ ними истецъ потвѣтчикъ; крикъ, шумъ, а толку, какъ видно, мало.

—О чемъ, ребята, споръ идетъ у васъ? спросилъ Нужда: чего не порядите? У меня вѣщая птица есть,—все знаетъ, все откроетъ,—виноватаго выдастъ, и за самого чорта не постоитъ. Сказывайте, о чемъ идетъ толкъ?

—А вотъ о чемъ: мужикъ проситъ на мужика,—что онъ-де укралъ у него сиваго мерина. Отвѣтчикъ сиваго мерина привелъ, да говорить: «Лошадь моя, а не его; она у меня уже годовъ съ восемь; въ извозѣ ходила, да о Спасовку пропала; коли онъ въ нее вклепывается, такъ стало-быть онъ воръ, а не я.» Теперь, какъ быть? Свидѣтелей нѣтъ, ни у того ни у другаго; истецъ недавно купилъ коня,—никто его еще не опознаетъ; отвѣтчикъ держалъ его, какъ говоритъ, и долго, да ходилъ съ нимъ въ извозѣ, а на селѣ его то жъ никто не знаетъ. Какъ тутъ быть?

—Птица все скажетъ, отвѣчалъ Нужда, накрывъ

полою голову спорной лошади, и прикрикнулъ по бойчѣе на отвѣтника:— Коли-де ты съ меринѣмъ своимъ восемь лѣтъ въ извозѣ ходилъ, такъ сказывай скоро, не запинаясь, на которое око онъ кривъ?

— На правое! отвѣчалъ мужикъ незаикнувшись, расправляя волосы съ лица.

Нужда откинулъ полу кафтана своего и показалъ цѣлому міру, что у мерина правой глазъ живой.

— Промолвился! кричалъ отвѣтникъ, взмахнувъ руками и кинувъ шапку о землю. Какъ Богъ-святъ, промолвился! Миѣ ли не знать сиваго мерина своего? Промолвился, ребята! Конь и о четырехъ ногахъ да спотыкается, а языкъ безъ костей, инѣ и нѣхотѣ свихнется. Кривъ онъ, меринъ, на лѣвое око, — ей, ей, на лѣвое!

Нужда только того и ждалъ: откинувъ всю полу, закричалъ онъ на весь міръ: — Вретъ онъ, ребята! Вретъ какъ сивой меринъ! Кривъ языкъ у него, а очи у мерина не кривы. Онъ воръ, а не хозяинъ. Меринъ глядитъ въ оба глаза не хуже насъ всѣхъ!

Коня отдали, по приговору мірскому и стариковъ, настоящему хозяину, который охотно напоилъ и накормилъ Нужду за помощь и услугу его, и подарилъ еще кой-чѣмъ въ дорогу.

Нужда собралъ пожитки свои да гостинице, — крупъ, мучицы, хлѣбца, да небольшой котелокъ, — и пошелъ далѣе. Путемъ, дорогою, отмѣривъ верстъ десятка съ полтора, захотѣлось ему погрѣться да поѣсть горячаго: онъ развелъ въ чистомъ полѣ огонекъ, нагребъ въ котелокъ снѣжку, растопилъ его, вскипятилъ, — сказано, нужда учить калачи мѣсить! — засыпалъ крупъ, и заварилъ себѣ кашницу: глядь, — анъ ѣдетъ баричъ, такой-же какимъ и онъ самъ недавно былъ; ѣдетъ порошею, малкомъ, съѣзжаетъ зайца. «Дай зашутить шутку!» подумалъ Нужда; поставилъ готовую кашницу свою на пенекъ, затопталъ огонь, загребъ его снѣ-

гомъ, и давай плясать въ присядку вокругъ пенька того, да приговаривать — «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ!»

— Что такое дѣлается тамъ? сказалъ баричъ ловчему, не то доѣзжаему своему. Скачи-ка туда, да погляди.

Ловчій воротился съ донесеніемъ, что проказникъ-де какой-то на сухомъ, мерзломъ пнѣ кашницу варить. — Что за чудо! подумалъ баричъ, хоть онъ думу думать и не больно бывалъ охочъ. Что за диво такое! — И подскакалъ самъ глянуть, какъ-де варится кашница безъ огня, на пнѣ стоя.

Постоявъ, поглядѣвъ и отвѣдавъ кашницы нашего Нужды, сказалъ онъ — Да это предорогая вещь, въ полѣ, для охоты, въ дорогъ! — и сталъ допытываться, въ чемъ тутъ сила, — въ пенькѣ ли, въ пляскѣ ли, аль въ котелкѣ, — и сталъ торговать снаряждѣ этотъ у проказника за большія деньги.

— Пенекъ вашъ, сказалъ ему Нужда: на вашей землѣ выросъ, его покупать нечего; а вся сила въ пляскѣ, да въ пѣснѣ, да въ котлѣ. — И продалъ его неотвязчивому барченкѣ, и научилъ его плясать въ присядку и приговаривать — «Нужда скачетъ, пужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ!» — деньги тѣ взялъ, а самъ пустился своимъ путемъ, безъ оглядки, во свояси. Много ли каши паварилъ въ котелкѣ этотъ новый хозяинъ его, не знаю: слышалъ только стороною отъ псарей да отъ конюховъ его, что замучилъ онъ и ихъ и себя, постановивъ котелокъ на пень, насыпавъ въ него крупъ, наливъ его водицей, и заставивъ всѣхъ ловчихъ и доѣзжачихъ, поочередно, выплясывать въ присядку около походной кухни своей, пѣть и приговаривать, и наплясавшись самъ вокругъ нее до упаду.

Много ли, нѣтъ ли, и Нужда нашъ прошелъ по дорогѣ, — слышитъ топотъ за собою, крикъ и скачку: догадался онъ, не долго думавъ, что новому повару, знать, котелокъ-самоваръ не полюбился, и что шлетъ

баричъ за тѣмъ кто обманулъ его, погоню. Какъ тутъ быть? Куда кинутся? А поймають, такъ отъ арапниковъ врядъ ли увернуться! Ухватилъ Нужда хворостину, да посохъ свой дорожный; взмахнулъ ими, да и закинулъ на сосну; а самъ сѣлъ подлѣ дороги, кафтанъ надѣлъ изнанкой, а жмлетъ свой господской сверхъ кафтана, шапку новокупку надвинулъ околышемъ на глаза, — сидитъ, ожидаетъ, что будетъ.

Не прошло и съ эстолько часу, какъ теперь, когда сказываю я вамъ, что такое передъ нами дѣлается и творится, какъ наскakалъ на Нужду нашего вершникъ доброконный, и сталъ спрашивать его, не видалъ ли онъ пѣшаго прохожаго по этой дорогѣ. Нужда отрекся отъ всего: ни чего не видалъ и не слыхалъ, знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ; а кланялся только низко, горько плакалъ, и просилъ милосердой помощи честнаго наѣздика: — Шло, говорилъ онъ, по дорогѣ трое школьниковъ какихъ-то; я, Богомъ убитый калека, плелся, собираясь святою милостынею, на двухъ костыляхъ; набѣжали они на меня, — прости имъ Господь согрѣшеніе ихъ; набѣжали на меня бѣднаго, юродиваго, вырвали изъ рукъ костыли мои, да и закинули, вонъ, на макушку сосну. Честной, богобоязливый, доѣзжачій, смилуйся надо мною, надъ бѣднымъ спротою! Умереть мнѣ здѣсь голодною и холодною смертію, умереть отъ туги и нужды, коли не сотворишь богоугодное, не скинешь костылей моихъ съ сосны высокой!

Доѣзжачій проворчалъ-было просебя — Нѣкогда! Да баринъ браниться станетъ! Догонять надо вора, обманщика! — по расчитавъ, что пѣшій отъ коннаго не уйдетъ, и что, подлинно, убогій калека пропадетъ, сгинетъ ни за грошъ, коли онъ не выручитъ его изъ бѣды такой, соскочилъ съ коня, далъ ему, нищему, поддержать его за поводъ, а самъ полѣзъ скорымъ шагомъ на сосну.

Безногой нашъ только и ждалъ того, чтобы доѣзжацій повыше на дерево взобрался; вскочилъ на коня, — катая, валяя его по крутымъ бедрамъ, влѣво и вправо, вправо и влѣво, — скрылся изъ виду, поколѣпшій доѣзжацій нашъ успѣлъ образумиться, оправиться и слѣзть съ высокаго дерева. «Нужда и плачь смѣючись!» подумалъ баричъ нашъ, раздобывъ коня, и опознавъ родныя мѣста вокругъ себя, и рассчитавъ, что до дому уже не далеко. Теперь Нужда-птица ему уже лишняя: паскучила и надоѣла, а отвязанная отъ него не отвяжется. Онъ станетъ, — она тутъ; онъ бѣжитъ, онъ скачетъ, — она за нимъ, на широкихъ крылахъ. Нѣтъ отбою, да и только! — Отвяжись ты, окаянная! бранился баричъ нашъ: я ѣду теперь домой, на сытый станъ, на мягкую постель, да наприволю, а тебя и знать не хочу! — а Нужда-птица, пощелкивая носомъ, свой разговоръ ведетъ, да не отстаетъ ни на шагъ. «Нужда умъ родить», подумалъ баричъ: надо съ нею поуправиться!»

— Здравствуй, честный господинъ! Все ли въ добромъ здоровьѣ васъ, благодѣтеля моего, Господь сохраняетъ?

Нужда оглянулся, — несетъ судьба встрѣчу ему, по дорогѣ, на широкихъ розшивняхъ, на парѣ добрыхъ, толстоголовыхъ рыжаковъ, подъ расписанной и рѣзбою украшенной дугою, съ бубенчиками не менѣе шести-фунтоваго ядра подъ ушами, — несетъ стараго знакомаго его, Сидорыча, блаженнаго супруга Кононовны.

— Долго послѣ вашей милости отбытія, продолжалъ Сидорычъ: долго у меня въ домѣ все было благополучно; ясно и видимо изобличалась сила благодѣтельной помощи вашей; да вотъ, нынѣ, господинъ честной, ни какъ опять кой-что проявляться стало, опять-таки не ладно, — а съ чего притча такая дѣется, не приберешь какъ и разуму приложить!

Слово за словомъ, не успѣвъ Сидорычъ напроситься на Нужду-птицу, какъ баричъ радъ-радешепекъ сбыть ее съ рукъ, продалъ безъ слова, съ руками отдалъ, и насулилъ съ нее пути, и блага, и добра, съ три короба Будеть-де она жить и служить по прежнему, выказывать все, что ни дѣется въ домѣ, и хозяина своего ни за что въ обиду не дастъ! А сколь она, Нужда-птица, была пользительна новому хозяину своему, это особая статья: довольны вамъ того, что такимъ-то изворотомъ сбылъ баричъ нашъ птицу свою, спознался, и расстался опять съ нуждою, и воротился домой, гораздо порасторопнѣе, чѣмъ выѣхалъ.

— Ну, счастье твое, Игнашка, счастливъ твой Богъ, что помаялъ ты меня не много, да судьба моя, счастье мое, по добру, по здорову, благополучно домой меня привелъ! Старое въ добрый часъ не помнится. Богъ тебя простить, не хочу на тебя гнѣваться! Счастье и мое и твое, Игнашка, что наше счастье, знать, поумнѣе да подогладивъе насъ обоихъ, а то бы не бывать изъ этого добру! Аль и подлинно ужъ нужда счастье наслауетъ?

— А что такое счастье? спросилъ въ свой чередъ Игнашка у барина. Я научилъ васъ, сударь, нужду знать, покажите же вы мнѣ счастье!

Баринъ призадумался. — «Счастье убогому алтынъ, богатому миллионъ.» — А подай каждому чего просить, такъ нищій нищему за этотъ алтынъ костылемъ голову искостыляетъ, а богатый обанкротитъ и самъ себя и другихъ за собой, ибо, извѣстное дѣло, что банкротятся не съ пятакомъ, а съ миллиономъ. Такъ гдѣ же тутъ послѣ этого и счастье? — «Счастье, умъ, счастье разумъ.» — Да разумъ, говорятъ, доводитъ до раздумья, умъ до безумья! — «Счастье — златомъ граненые чертоги; счастье слава и могущество. — А холера, сказалъ Игнашка, душитъ всякаго, праваго и виноватаго, убогаго и богатаго! Да еще добро задушить, а какъ ду-

гою поведеть, столбнякъошсломить, проказа сатанинская навалится, либо какая нибудь нечестивая болѣзнь, прости Господи, изнасилусть, да сорокъ лѣтъ жить укажетъ, — тогда какъ быть? Да еще каково-то на томъ свѣтъ. доведется отвѣтъ держать, за каждую крупинку, за былинку, за грѣшный сонъ, и за думку съпросонья! Такъ гдѣ же тутъ, баринъ, счастье?.... Гой ты, счастье, сударушка, невидимочка, ты скажись родомъ, племенемъ, скажись именемъ, отчествомъ! И по прозванью-цу тебя можно честить, по племени пожаловати! И слѣпою-то тебя называютъ; и спиной, говорятъ, ко всякому, кто ни подойди, оборачиваешься; нужда учить, говорятъ, а счастье портить, а сами за счастьемъ, что за мухой съобухомъ, гоняются. Гдѣ счастье, тамъ и зависть; счастья ищи, а въ могилу ложись; счастье зови, а горе терни: такъ на что же его и звать и что въ немъ толку? Глупому счастье, умному не счастье: есть и умъ, да пустоумъ, — нѣтъ ума, да туга сума. Кому таланъ, тотъ и атаманъ; кому не поведется, у того и пѣтухъ несется. Стало-быть, ума и не надо, — было бы счастье! А опять говорятъ: счастье безъ ума дырявая сума, — гдѣ найдешь, тамъ и сгубишь. Стало, надо искать и ума? А говорятъ: не родись умень, не родись пригожь, а родись счастливъ. Счастье лучше богатства: съ рожки болванъ, а во всемъ таланъ! Есть у меня, баринъ, на примѣтъ человекъ, про котораго шла молва, что онъ заманилъ и заловилъ счастье. Хочешь ли выслушать?

— Говори, Игнатушка, молвилъ баричъ.

— Жилъ-былъ въ землѣ далекой, промежъ Чеховъ да Ляховъ, сказалъ Игнашка, старикъ гусларь да старуха гусларка. Гусларка на гусляхъ-то не играла, — игралъ только гусларь, — да ужъ по шерсти собачкѣ кличка бываетъ! Однако жъ и старухѣ прилучилось разъ поиграть на гусляхъ, какъ полѣзла она за рѣшетомъ, да стянула рядкомъ, вмѣсто рѣше-

та, гусли съ полатей: загудѣли, сердечные, сказываютъ; вѣчную память по себѣ запѣли, да и смолкли!

До этого грѣха, старикъ нашъ кой-какъ съ ломтя наломоть перебивался: хотя родовое добро его, голосъ молодецкій, сталъ хилѣть и подкашиваться о ту же пору, и зубы, промоловъ сълихвою два сорока годовъ, начали крошиться и подламываться, но наживное имущество его, гусли, все-еще служили вѣрою и правдою голотемянному, бѣлобородому; утѣшали жителей села Понщихи со приселки и выселки, и кормили старичковъ и сына ихъ, Кузю безталаннаго. Но послѣ того какъ старуха, нехотя, поиграла на нихъ и въ первый и послѣдній, когда сверхъ-этого старички, живучи въ сырой, дряблой землянкѣ, захворали, то пришлось-было имъ пропадать совсѣмъ. Они сложили бритые остатки гуслей своихъ въ мѣшокъ, повѣсили его сыну, бѣдному Кузѣ, на шею, и послали его собирать подаваніе милосердыхъ любителей музыки. Кузя ходилъ по міру, и пѣлъ подъ оконницами:

Гляньте, загляньте въ дыраву котомку!

Дайте, подайте хлѣбца ломоть!

Тятка — гуслирь, моя мама — гуслирка.

Гдѣ твои гусли, бѣдный Кузя?

Гляньте, загляньте въ дыраву котомку!

Дайте, подайте хлѣбца ломоть!

Однажды, въ воскресный день, бѣдный Кузя нашъ подошелъ, позднимъ вечеромъ, подъ свѣтлое оконце брусяной, десятской избы, пропѣлъ пѣсенку свою, тряхнулъ оскольшамъ гуслей въ мѣшкѣ, — нѣтъ отвѣту ни привѣту, — а шумъ и тары да бары въ избѣ слышатся большіе! Подошелъ Кузя поближе, вплоть подъ окно; глянулъ, — сидятъ бабы; прислушался, — идутъ у нихъ толки о нечистой силѣ да о Кіевскихъ вѣдмахъ. Всего, что бѣдный Кузя подслушалъ у окна пересказывать не стоитъ. — Бабы дуры! подумалъ онъ, и самъ, какъ отошелъ, и затанулъ ту же пѣсню свою подъ другимъ окномъ. — Кто бабъ повѣ-

рить, и трехъ дней не проживеть! — Но у него долго не выходило изъ головы, какъ бабы клялись и божились, что, коли кто чары творить, да зажать въ это время пальцемъ сучокъ въ стѣнѣ бревенчатой избы, то пересланишь его; да еще, что въдьму, знахаря, колдуна и всякаго, кто только спознался да живетъ съ нечистой силой, можно пригвоздить къ мѣсту и покорить себѣ на животъ и на смерть, коли приколотъ булавкой тѣнь его къ землѣ или къ стѣнѣ: бѣдняга пропадетъ тогда, и съ нечистымъ своимъ! будетъ моргать очами, да повертываться, что на кому, и наконецъ взмолится — *Аманъ!* — передъ булавкой твоей, какъ Турокъ невѣрный передъ Русскимъ штыкомъ.

Бѣдный Кузя рылся однажды въ золѣ, въ сору и въ навозѣ, собирая кости, которыя онъ жегъ и продавалъ на ваку и на разныя снадобья какому-то зашѣвшему въ ближнемъ уѣздномъ городѣ осколышу великой арміи, учителю и воспитателю, и досужему дѣлателью ваксы и помады, — какъ вдругъ къ нему, къ Кузѣ, подошелъ, отколь ни взялся, Цыганъ ли, Татаринъ ли какой-то; поглядѣлъ на него и присѣлъ на кучу навоза, будто хотѣлъ стеречь ее отъ суковатой клюки бѣднаго Кузи. Кузя поглядѣлъ на него наискось, продолжалъ разгребать соръ поодаль отъ него, и скоро замѣтилъ, что новый сторожъ, на сору сидючи, задремалъ.

— Кто это? спросилъ тогда Кузя тихонько шальную Мотрю, которая пасла телятъ и свиней.

— Неужли ты этой собаки не знаешь? сказала Мотря шальная: это Будунтай, чортовъ пай, извѣстный переметчикъ. Онъ въ Вяткѣ барсукомъ изъ норы вылезъ, въ свояки семи шаманамъ Сибирскимъ приписался, подъ Чудовымъ въ козла оборотился, въ Вологдѣ свѣчсй подавился, — да кабы Казанскіе Татары не сняли съ него шкуры на сафьянъ, такъ бы и свѣтильня за нимъ пропала! Онъ перекинулся въ тройку

бѣгуновъ, — а изъ нихъ двѣ лошаденки бѣмья, а одна голая, — да и ушелъ на три стороны: щипи его! Вотъ онъ за что слыветъ у насъ переметчикомъ, что перекидывается, собака, во что ни задумаетъ!

Бѣдный Кузя оглянулся на Будунтая, испугавшись голосистаго крика шальной Мотри, — а уже Будунтая нѣтъ! На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, лежитъ только камень: а камня того, кажись, прежде не было! Кузя застрогалъ деревянную шпильку, продрался къ камню противъ солнца, и прикололъ тѣнь камня того къ землѣ. — Что то будетъ? подумалъ онъ. — Долго камень лежалъ, отмалчивался, а Кузя сталъ разгребать подъ нимъ кучу навоза. Тогда голышъ не утерпѣлъ: онъ перекинулся Пошехонцемъ, въ поршняхъ, въ зипунѣ, съ берестовой котомкой за плечами, и началъ просить Кузю, чтобы онъ не ругался надъ бѣднымъ, бездомнымъ поденщикомъ, чтобы не подрывался подъ него суковатою клюкою, и чтобы вынулъ колочекъ, на который легко можно и скотинѣ, и прохожему человѣку, заступить и напороть ногу. Тогда Кузя нашъ догадался, что Будунтай не даромъ о колкѣ хлопочетъ; не вынулъ его, доколѣ тотъ не посулилъ ему за волю свою любовь.

— Сокрушилъ меня, злодѣй! проси чего хочешь! сказалъ наконецъ Будунтай въ крайнемъ отчаяніи, снялъ шапку и отеръ потъ съ чела полотенцемъ, съ алыми шитками, да со Владимірскими городочками.

— Выучи меня своему досужеству! просилъ бѣдный Кузя.

— Изволь, отвѣчалъ Будунтай: отпусти же меня!

— Вреть! обманетъ, въ лѣсъ уйдетъ! приговаривала шальная Мотря.

— Дай задатокъ, сказалъ Кузя: мужикъ тонетъ, топоръ сулить; вытаскать, и топорница жалъ.

Будунтай разгребъ, не вставая съ мѣста, подъ собою кучу, досталъ горсть алтына-золота, и высыпалъ его Кузѣ въ котомку.

— Вреть! обманеть, въ лѣсъ уйдеть! приговаривала опять Мотря.

— Все это хорошо, сказалъ Кузя: да этого мало; надомнѣ тебя затаврить, чтобы ты не ушелъ, да окарпать, для примѣты, одно ухо. Пой пѣсни, хоть тресни, а безъ помѣты не пуцу!

Будунтай переметчикъ сталъ молиться и браниться по своему, по-Вятски: — Чего *талы*¹ наторацилъ на меня? Чтобъ тебя *комуха*² въ *ромухъ*³ свернула! чтобъ тебя, *ураса*⁴, въ *вицу*⁵ изсушило, да *шоры*⁶ и *ильки*⁷ пупочки съ тебя посклевали! Бери ножъ, сказалъ онъ наконецъ, да рѣжь ухо!

— Нѣтъ у меня ножа, отвѣчалъ Кузя: доставай свой; нето зубомъ грызть стану.

Будунтай спялъ съ пояса складной ножъ, раскинулъ его, подалъ Кузѣ и подставилъ правое ухо.

— Лѣвое давай, собака! сказалъ Кузя. Не даромъ что-то ты его отворачиваешь!

Будунтай подставилъ и лѣвое. Кузя ухватилъ ухо, перегнулъ его, какъ сгибають сапожный товаръ, когда клюшву выкраивають, вырѣзалъ ускорнячокъ угломъ, положилъ иверень, лоскутъ, въ котомку, гдѣ лежали гусли, и выдернулъ изъ земли колышекъ. Будунтай только крикнулъ, всталъ, страхнулся, въ чернаго пѣтуха обернулся, и приказалъ Кузѣ придти въ самую полночь за село на распутѣ, гдѣ дороги разбѣгаются, въ лѣсъ, на водоной въ болото, да на кладбище; самъ взмахнулъ крыльями, перекинулся рябой сорокой, и полетѣлъ, поджигая переле томъ крылышки подъ мышку, — пошелъ прямо, что изъ лука стрѣла.

Бѣдный Кузя пришелъ домой, высыпалъ старикамъ своимъ пригорсть золота; сказалъ, что богатый

¹ Глаза. ² Лихорадка. ³ Тряница. ⁴ Упрямца. Это испорченное *Урусъ*, Русскій. ⁵ Хворостина. ⁶ Индѣйки ⁷ Цыплята.

человѣкъ беретъ его во услуженіе и въ ученіе и прислалъ имъ задатокъ. Старикъ потужилъ, и порадовался, сынъ покинулъ имъ отставные гусли, и пошелъ въ полночь на перепутье.

Прислонившись къ верстовому столбу, прождалъ онъ за полночь; но видя, что Будунтай неидетъ, сказалъ про себя:—Не даромъ видно Мотря честила тебя, видно знаешь дружка! Ну, да меня теперь не обманешь и въ лѣсъ не уйдешь! — самъ вынулъ ухо Будунтая и укусилъ его зубами. Столбъ, у котораго стоялъ бѣдный Кузя, взвизнулъ по-верблюжьи, и закачался. Кузя отскочилъ въ сторону, поглядѣлъ на верстовой столбъ.

— Кой чортъ! Ты что ли это, Будунтай!?

— Я. Да за что же ты кусаешься, знакѣмъ? сказалъ троерябый столбъ. Пойдемъ, что съ тобой дѣлать! Пойдемъ ко мнѣ въ науку. Да только, гляди: теперь ты мнѣ слуга, доколѣ не выучишься всему досужеству моему, отъ аза до ижицы.

— А тамъ что, спросилъ Кузя, какъ выучусь?

— А тамъ, отвѣчалъ Будунтай, на свой пай самъ промышляй: беркутъ пискленка кормить, а орла не кормить.

Будунтай взялъ его, и продержалъ въ наукѣ довольно долгое время. Какъ онъ училъ его своему досужеству? Да вотъ такъ: выдернетъ у него руки, ноги, самого въ комъ свернетъ, — вотъ вамъ качанъ капусты; засунетъ ему руку въ глотку, по самое плечо, ухватить тамъ за что попало, да и вывернетъ на изнанку, — вотъ вамъ ни то, ни се, ни чортъ-знать что. Такое ученіе бѣдному Кузѣ наскучило и надоѣло, и онъ сталъ проситься домой, увѣряя, что онъ уже всему научился. Будунтай переметчикъ позвалъ стариковъ, родителей его, вывелъ имъ трехъ коней и спросилъ: — Который вашъ сынъ? — Старикъ поглядѣлъ и указалъ на-удачу, среднюю лошадь. — Пить!

отвѣчалъ Будунтай: знать, сынъ твой не доучился. Поди, и приходи черезъ полгода.

Ждать полгода долго, страхъ долго; а между тѣмъ, оглянись назадъ, — его уже и нѣтъ!

Старикъ пришелъ въ срокъ, и Кузя какъ-то тихо-молкомъ шепнулъ ему, чтобы онъ указалъ на ту лошадь, которая будетъ вертѣть хвостомъ. Но Будунтай вывелъ ему трехъ куцыхъ куропатокъ, и велѣлъ узнавать сына. Старикъ указалъ опять на какую попало, и не угадалъ. Кузя извѣстилъ отца, что въ слѣдующій разъ будетъ опрaвлять посомъ перышки на шейкѣ, а Будунтай вывелъ опять трехъ коней. Средній махнулъ хвостомъ, старикъ его узналъ и получилъ выученнаго сына домой.

— Возьми его, сказалъ переметчикъ Будунтай, и слушай: береги его какъ око свое; а если попадобится тебѣ деньги, то вели сыну оборотиться въ коня, веди на базаръ и продавай; да только, смотри, уздечки съ него не отдавай, а продавши его, сними ее, да и неси домой, — такъ и онъ дома будетъ.

Колдунъ вскочилъ на одного коня, на мерина чалаго, махнулъ рукой и пропалъ, а двѣ остальные оборотились въ людей, — рыжая кобыла въ шальную Мотрю, а вороной жеребчикъ въ Кузю безталаннаго.

Старикъ пришелъ съ сыномъ домой, дождался торговаго дня. Кузя оборотился конемъ, отецъ повелъ его на базаръ, продалъ, купилъ сладкаго и горькаго, квашенаго и соленаго, — а онъ держался Русской поговорки: пей кисло, да ѣшь солоно, такъ и на томъ свѣтѣ не сгніешь, — купивши, пошелъ домой, а сынъ его, Кузя безталанный, дорогою его нагналъ, и они опять оба вмѣстѣ, весело и радостно, какъ ни въ чемъ не бывало, воротились домой.

А ушелъ нашъ Кузя отъ новаго хозяина своего вотъ какимъ дѣломъ. Ржевскій мѣщанинъ, барыш-

никъ, общавшій женѣ своей привезти гостинца, коли она безъ него порядочно подобрѣтъ да разстолстѣтъ, и прїѣхавшій на тотъ базаръ за покупкою лошадей, чтобы гнать ихъ на Лебедянскую ярмарку, торговалъ и купилъ у старика гусляра караковаго коня, четырехъ лѣтъ, трехъ съ половиною вершковъ, безъ тавра и безъ примѣтъ; поспорилъ-было съ хозяиномъ за то, что онъ, заупрямившись, не хотѣлъ передать ему, какъ водится, поводъ новокупки изъ полы въ полу, да еще и снялъ съ нее вопреки всякаго обычая недоуздокъ, — а извѣстно, что корова покупается съ подойникомъ, конь съ недоуздомъ, — но наконецъ, чтобы не упустить сходной покупки, на все согласился, и заплатилъ гусляру деньги. Не успѣлъ этотъ отойти, а Ржевскій барышникъ оглянуться на бойкую, голосистую торговку, съ которой молодой калмыцкій жеребчикъ стянулъ зубами головной платокъ, какъ народъ, обступивъ нашего ротозея коновала, сталъ хохотать и указывать на него пальцами. Ржевскій мѣщанинъ оглянулся назадъ, — у него въ поводу не конь, а человѣкъ. Что тутъ было шуму, крику, брани, божбы и смѣху! Весь базаръ разходился: казаки отняли у рыжаго коновала бѣднаго Кузю, этого отпустили, а того прозвали полонимымъ. Но это не все, а была еще потѣха вотъ какая: Крымскій Цыганъ, подкочевавшій на базаръ съ походною кузнею и увидѣвшій что приключилось со Ржевскимъ коноваломъ, разсудилъ, что Кузькино ремесло не плохой хлѣбъ, и что не худо бы попытаться перенять у него доброе дѣло. Загадано, сдѣлано. Цыганъ продалъ тому же барышнику клячонку свою, а потомъ укралъ ее у него же изъ рукъ, передалъ товарищу, и самъ надѣлъ на себя недоуздокъ. Когда барышникъ нашъ оглянулся, и снова увидѣлъ, что ведетъ въ поводу не коня, а живаго человѣка, смурого цыгана, то плюнулъ, кинулъ поводъ, перекрестилъ

ся, прочелъ — «Съ нами крестная сила» и «Помилуй мя, Господи,» — ухалъ съ базару, и съ тѣхъ поръ въ Черкасскъ болѣе ни ногой. Ну его, рыкаго, къ семи Семіонамъ! Обойдемся и безъ барышниковъ: только, окаленные, цѣны портятъ; съ чужаго добра сбиваютъ, на свое наносятъ, да набиваютъ, а проку въ нихъ ни на волосъ.

Едва дождавшись другаго базарнаго дня, гусярь нашъ опять вывелъ лошаденку на продажу. На грѣхъ навязался какой-то шестипалой проиодоха, подпоилъ нашего старика, закидалъ лясами, да подпустилъ турусы на колесахъ, — купилъ у пьянаго гусяря коня, и увелъ его совсѣмъ, и съ недоуздомъ. Старикъ пришелъ домой, проспался, — да ожидаетъ сына своего чуть ли не понынѣ!

На этотъ разъ купилъ Кузю безталаннаго самъ Будунтай. Первымъ дѣломъ его было отрѣзать у новопкупки лѣвое ухо и тѣмъ вынудить Кузю отдать, выкупомъ за него, иверень Будунтаева уха: отнынь Кузя, хотя и былъ, попрежнему, мастеромъ науки, въ которой онъ на выучкѣ у Будунтая искусился, но уже не имѣлъ власти надъ учителемъ своимъ, а долженъ былъ ему покориться.

Будунтай, изморивши коня новокупленнаго до бѣла мыла и задавши на немъ концевъ десятокъ по городу, прискакалъ домой, — а домъ у него стоялъ на семи столбахъ въ чистомъ полѣ невидимкою, — и привязалъ лошадь подлѣ тыну. Кузя безталанный знатно наострился: только-что Будунтай въ избу, а онъ, ну чесаться щекою, задравъ голову къ верху; задѣлъ недоуздомъ за колъ плетня, да и стащилъ его долой съ головы, черезъ уши. Мальчишка, сынъ Будунтая, увидѣлъ это, на дворъ стоя, и побѣждалъ сказать отцу. Тотъ, выскочивъ, пустился въ погоню за конемъ. И тутъ-то пошла потѣха: Кузя, видя, что лютый барсъ его нагоняетъ, ударился объ землю, перекинулся бѣ-

лымъ кречетомъ и взмылъ надъ утесистымъ берегомъ рѣки. Будунтай ударилъ на него сизымъ беркутомъ. Кузя ринулся клубомъ обѣ берегъ, перекинулся пискаремъ, и соскочилъ въ воду. Будунтай, не измѣняя направленія полета своего, стрѣлою за нимъ грянулъ обѣ воду, распласталъ высокій валъ на двое, и щукою зубастой съѣлъ на хвостъ мелькавшего серебряной чешушкой пискарика. Кузя, бѣдняга, вынырнулъ стрѣлою изъ воды, сдѣлалъ, собравшись съ послѣдними силами, скачокъ въ маховую сажень, обернулся въ золотое колечко и подкатился подъ погн, гулявшей на муравкѣ побережной, дочери владѣльца той земли. Княжна подхватила колечко, надѣла его на пальчикъ, и съ удивленіемъ оглядывалась вокругъ. Будунтай, вынырнувъ гусемъ лапчатымъ изъ воды, выплылъ на берегъ, отряхнулся, оборотился въ купца Кашемирскаго, подошелъ къ княжнѣ, и просилъ убѣдительно отдать ему потерянное имъ колечко. Княжна испугалась черной густой бороды и соколиныхъ карихъ очей да насупленныхъ бровей погромной чалмы Кашемирца; закричала, и прижала колечко ко груди своей; приспѣшницы набѣжали, окружили младую княжну свою, кинулись всѣ на неотступнаго бородача, и начали его щекотать безъ пощады, до того, что старый чортъ хохоталъ, кашлялъ и плакалъ и чихалъ, лягался ногами и руками, снопомъ овсянымъ по муравѣ катался, и все-таки хохоталъ уже хриплымъ, страшнымъ голосомъ. Наконецъ онъ опомнился, мигомъ оборотился въ ежа, отъ котораго дѣвушки, уколовъ алые пальчики свои, чуть-ли не до крови, съ крикомъ отскочили. Пастухъ, прибѣжавшій на крикъ, взмахнулъ долгимъ посохомъ своимъ, и ударилъ свернувшегося тугимъ клубомъ ежа: ежъ разсыпался каменными орѣхами; запрыгали орѣшки по землѣ, а дѣвки кинулись ихъ подбирать, — да съ крикомъ отскочили, побросали захваченные въ ручки орѣшки: это были раска-

лешья ядрышки, гасыши, — и барышни пообжигали себѣ пальчики.

Княжна показала царственнымъ родителямъ своимъ ненаглядное колечко свое, испросила позволеніе любить его и не сымать съ пальчика своего. Лишь только осталась она одна, какъ начала играть колечкомъ: она падѣла его на тонкій платочикъ, и, забавляясь, перепускала, покачивая платочкомъ, отъ конца до конца, черезъ весь платокъ; колечко упало, покатилося, разсыпалось, — и казакъ молодецкая душа, Кузя безталанный, стоитъ передъ княжною. Онъ убрался на этотъ разъ въ малиновый бархатъ да въ тонкое синее сукно. Никто въ палатахъ царскихъ не слыхалъ разговоровъ его, а княжна вышла ко брачному столу, и грустна и радостна, и съ колечкомъ на рукѣ. Она сказала только батюшкѣ, что сегодня, навѣрное опять явится тотъ страшный купецъ, Кашемирская борода, и будетъ просить выдачи колечка, и умоляла не лишать ее этого сокровища. Но, когда дѣйствительно ввечеру явился купецъ, у котораго все-еще не прошла пкотва, послѣ намеднишняго смѣху; когда пришелъ Кашемирскъ, за потеряннымъ будто-бы на берегу рѣки колечкомъ, то царь-отецъ позвалъ дочь свою и приказалъ отдать купцу собственность его. Княжна отвѣчала, что повинустся родителю своему, но не можетъ передать мужчине колечка въ руки, — по этому и кинула его на полъ. — Пусть не прогнѣвается, самъ подыметъ! — Но колечко разсыпалось мелкимъ жемчугомъ. Купецъ стряхнулся, перскинулся чернымъ пѣтухомъ, и началъ проворно подбирать жемчужники: подобралъ мигомъ все, взлетѣлъ онъ, захопалъ крыльями, и, закричавъ, — Кузя, гдѣ ты? — выпорхнулъ — было въ окно. Но княжна, кинувъ колечко, уронила въ то же время, будто невзначай, платокъ свой, и прикрыла имъ одну, самую крупную жемчужину. Она выкатилась изъ-подъ платка, отвѣчала на вопросъ пѣтуха — А я здѣсь! — ри-

нула соколомъ изъ окна: грянулъ соколъ съналету, только шикнувъ крыльями по воздуху, — грянулъ клубомъ въ чернаго пѣтуха; подпоролъ ему ногтемъ жилку подъ лѣвымъ крыломъ, и упалъ пѣтухъ замертво въ широкій токъ, и понесло его волной внизъ по рѣкѣ, по зеленой по водѣ. Подрѣзанное лѣвое крыло вскинуло и подняло вѣтромъ, и черное крыло парусило туда же по пути, внизъ по рѣкѣ. Соколъ взмылъ подъ теремомъ царскимъ, вспорхнулъ въ широкое окно, сълъ на руку княжны своей, и поглядывалъ на нее ясными очами. Въ это мгновеніе черный пѣтухъ испустилъ дыханіе свое, а ясный соколъ спорхнулъ на полъ и предсталъ въ томъ же видѣ, какъ колечко, давица, передъ княжною. Со смертію Будунтай, Кузя безталанный лишился силы и умѣнья перекидываться и принимать иной образъ, — да и не тужилъ о томъ: живучи въ довольствѣ и въ богатствѣ съ супругою своею, бывшею княжною Милоликою, вскорѣ наслѣдовалъ престолъ царскій, жилъ да княжилъ, правилъ да рядилъ, солоно ѣлъ, да кисло пилъ. — Вотъ вамъ, баринъ, образъ счастія! Такъ судьба ломаетъ людей, которые добиваются у ней денегъ и значенія: словно Будунтай съ безталаннымъ Кузей, — выдернетъ руки, ноги, — кого въ комъ свернетъ, — кому засунетъ руку въ горло, ухватитъ внутри за что попало, да и вывернетъ его на изнанку. Хорошо, кто выдержитъ такое ученье, и дойдетъ до того, что самъ сдѣлается переметчикомъ, будетъ умѣть прикидываться то верховою лошадыю, то пискаремъ, то золотымъ колечкомъ, либо разсыпаться подъ ногами мелкимъ жемчугомъ, увертываться отъ коварной учительницы, судьбы, которая, испытую или прогнѣвавшись, станетъ преслѣдовать своего воспитанника: да и тутъ еще нужно, чтобы княжна Милолика прикрыла молодца своимъ плащкомъ! Ну, а тотъ, кто не выдержитъ?... Надо быть счастливымъ, чтобъ добиваться счастія! Счастливый

на обѣдѣ, роковой подь обухъ! Счастливый о-дву-конь, несчастный пѣшь и босъ.

— Со счастьемъ и по грибы ходить, сказалъ баричъ: такъ стало быть съ нимъ ужиться можно?

— Да счастье съ несчастьемъ дворъ-обо-дворъ живутъ, на одномъ конѣ ѣздить. Счастью не вѣрь: счастье дымъ, — очи выѣсть. Счастье чадъ, — головушку разломить. Счастье, да трастье, кого захочетъ, того и ломаетъ. Счастье къ тебѣ, а ты отъ него; голый на Бога плачется, богатый на свое платье. Да кто же оно, счастье это? Счастье тать ночной; счастье миръ святой. Тфу, пропасть!....

Нѣтъ! счастье, сказывалъ мнѣ мудрецъ восточный, не слѣзно: у него только глазъ одинъ, да и тотъ на самомъ темени, на маковкѣ. Это бѣдная мать, утратившая со временъ незапамятныхъ единое дѣтище свое: она летаетъ быстро по землѣ ловить паудачу всякаго, кто только подь руки попадется, — понашему, играетъ, въ жмурки; а кого поймаетъ, того приподымаетъ помалу, потихоньку, выше и выше, — а какъ только вознесетъ выше головы своей, да разглядитъ, да увидитъ, что онъ не любимое его дѣтище, а несчастливый, ей чужой, того и перекидаетъ его торчмя головой черезъ себя, — хоть его тутъ, пожалуй, кто хочетъ въ ноги топчи, — хоть себѣ шею выломн, летитъ сама дальше и не оглядывается!

Баричъ нашъ, призадумавшись, хотѣлъ-было итти искать счастья, спознаться съ нимъ, какъ спознался съ нуждою. — Хочу видѣть его, говорилъ онъ: хочу самъ извѣдать, каково оно, и какъ съ нимъ обживаются, какъ встрѣчаются.

— Постой, баричъ, сказалъ Игнашка: погоди. За счастьемъ пойдешь, а Богъ-вѣсть что найдешь. Не наткнуться бы опять на нужду! Помнишь ли притчу про царя восточнаго, у котораго была дочь при смерти? Доктора сказали, что одно спасеніе отыскать счастли-

ваго челоуѣка и надѣтъ на больную сго рубашку. Искали такого челоуѣка по всему царству; наконецъ нашли, и привели къ постели больной; да когда спросили о рубахѣ, нашлось, что у блаженнаго счастливица не было сорочки подъ кафтаномъ. Онъ былъ бѣднякъ, и сказывался счастливымъ! Онъ обладалъ счастьемъ, не обладая рубахой. Теперь разгадывайте-ка бобамъ, что оно такое. Въ потѣхахъ, не оно; въ изобиліи не оно. А гдѣ, въ чемъ оно? Этотъ блаженный голышъ не сказалъ; да, чай, и не могъ сказать. Доволенъ судьбою! говоритъ онъ: ничего мнѣ не надо!.... А другіе говорятъ, баринъ, такъ гдѣ правда, тамъ и счастье.

— Правда? А что такое правда? Это что за звѣрь? Птица или рыба?

— Что такое на свѣтѣ правда? Правда вещь совсѣмъ другая: это ни нужда, ни счастье, и не имъ чета, ни же ровня. Правда мірская, — это вещь потѣшная! Правда — свѣтлѣе солнца; что правда, то не грѣхъ: да за чѣмъ же правда глаза колетъ? Правдою жить, съ людьми не знаться; неправдою жить, Бога прогнѣвить: какъ тутъ быть? Стой за правду горой, и Богъ съ тобой; знай Бога, да сказывай правду; кто правдой живетъ, тому хорошо: это бы и ладно, да говорятъ — правда по міру ходитъ! Говорить правду, терять дружбу: а безъ друга жить, самому себѣ постылымъ быть. А это ужъ не ладно! Говорятъ: хлѣбъ ѣшь, а правду рѣжь; говорятъ и такъ: хлѣбъ рѣжь, а правду ѣшь, то сѣть, самъ глотай, да про себя и знай. Да опять и то сказать, нию правду говорить большому челоуѣку, не легче лижи: и правдою нию пору подавишься. Сказываютъ, — все на свѣтѣ сгинѣтъ, одна правда останется: да куда же она годится, правда эта? Сами жъ говорите вы: правда къ добру не доведетъ; правдою не обуешься, сытъ не будешь; опять же говорите вы: въ комъ честь, въ томъ и правда. А не вы ли сказывали намедни: глупый да малый говорятъ

правду? Какая же честь, скажите, въ глупомъ да въ маломъ? Грекъ, Жидъ да Армянинъ, скажутъ правду по одному разу въ годъ. Это что? Да развѣ они живутъ хуже нашего? Или они вѣрятъ тому, что слышна правда, да деньга сильнѣй? Такъ за что же, коли такъ, говорится: засыпъ правду золотомъ, а она всплыветъ; дороги твои сѣрокъ соболей, а на правду цѣны нѣтъ? А на что опять вы жъ говорите: хороша правда, годится и ложь? Это что? Или вотъ это: на правду не много словъ пойдетъ; и твоя правда, и моя правда? Все на свѣтъ правда да правда: когда же она, правда эта, вся вымелется? Живи правдой въ людяхъ, живи правдой дома; а между-тѣмъ — не всякую правду женеъ сказывай. Не солгать, такъ и правды не молвить; не будь лжи, не стало бы и правды; умная ложь лучше наглой правды: стало-быть учитс вы лгать насъ, сами? А соври кто, хоть одинъ разъ на вѣку своемъ, такъ вы тотчасъ готовы подыскаяться поговорочками: кто-де единожды на вѣку своемъ совреть, тотъ вѣку безъ другой неправды не доживетъ; отъ лжи не мрутъ, да впередъ ей вѣры неймаютъ! Да коли стародавніе пророки померли, а новыя правды не сказываютъ, такъ тогда какъ быть? А между-тѣмъ, что ни говори, а правда надобна; безъ правды вѣку не изживешь: такъ гдѣ же она, правда эта, и гдѣ се взять? И какая это правда, которая на свѣтъ надобна, безъ которой вѣку изжить нельзя? Эта правда вещь потѣшная.

Жилъ былъ, въ землѣ далекой, непозычный, непѣрческій пастырь духовный, по-нашему Нѣмецкій попъ. Онъ славился на весь міръ правдою и благочестіемъ и самъ хвалился повседневно, что терпитъ напраслину за одну только правду: а онъ былъ убогъ и скуденъ до крайности.

Однажды, взяло его горе тугое и раздумье бѣдовое. Плачусь я, говоритъ, Богу: Богъ не слышитъ. Плачусь людямъ: люди вѣры неймаютъ, — а голодъ не угаръ,

отъ него не переможешься. Что я буду дѣлать, и какъ мнѣ быть? По міру ходить, съ котомкой, грѣшно, да и не велятъ; молотить за хлѣбъ насущный силъ нѣту, дѣло непривычное, жизнь моя духовная, а не тѣлесная. Взаимы взять — никто не дастъ; а дома пропаду я и самъ, замерзнуть да вымрутъ голодомъ и холодомъ ребятнишки и дѣтки мои, коли Господь Богъ не смилуется!»

Такъ разсуждалъ, окропивъ черствую краюху хлѣбца горючими слезами, иновѣрческій пастырь, какъ вошелъ къ нему зажиточный мужикъ, перекрестился, поклонился, подошелъ подъ благословеніе, и звалъ окрестить новорожденного; другой вошелъ, — хочетъ дочь подъ вѣнецъ вести; третій пришелъ, съ заплаканными очами, — зоветъ хоронить отца. Пастырь произнесъ теплое моленіе къ небесамъ: знать сжался Господь, послалъ ему за правду его много-ли мало-ли хлѣба насущнаго!

Заморскій отецъ духовный радовался заранѣе, что благодарные міряне надѣлать его нужнымъ, не дадутъ умерѣть съ голоду. Но думай да гадай, а конца поджидай: на крестинахъ поднесъ ему Нѣмецкій кумъ Нѣмецкихъ лыковыхъ лаптей пару; за вѣнецъ насыпали ему, въ берестовый кошель, смородины да лѣсной малины; а на похоронахъ медомъ напоили, кутьей накормили, да съ тѣмъ и домой спустили. — Не хочу жить! сказалъ горемыка. Мнѣ ли домой показаться опять ни съ чѣмъ, и плачь и жалобу слушать споконъ-вѣку одну и ту же, жалобу горькую, — Хлѣба нѣтъ? Мнѣ ли пропадать и высыхать по капль, что дуплястое дерево, безъ радости, безъ утѣхъ, безъ хлѣба, съ одною правдою?

Пошелъ; дождался ночи; и съ твердою рѣшимостью вышелъ на росточъ бережную, на крутояръ, и видить, — идетъ къ нему, въ тѣни ночной, бѣлобородый старецъ.

— Что дѣлаешь отецъ? спросилъ онъ пастыря.

Отецъ повѣдалъ старцу все, отъ аза до ижицы: вы знаете, что этотъ иновѣрческій іерей любилъ правду. Онъ не утаилъ ни чего; во всемъ признался, что на исповѣди; держалъ отвѣтъ какъ передъ Богомъ.

— Не топись, сказалъ ему старикъ: смерть отъ тебя не уйдетъ, ни же ты отъ нея. И я такой же, какъ и ты, бобыль: станемъ горе мыкать пополамъ. У меня за пазухой ржаная лепешка: уломимъ ее на-полы, что тебѣ, что мнѣ, поровну, да и пойдемъ, куда Господь поведетъ. Утро вечера мудренѣе!

Шли, шли они вмѣстѣ, не день и не два. Старикъ, что заря, что сумерки изъ-за пазухи лепешку тащить, и дѣлить пополамъ. Наконецъ,—не житницы жъ Египетскія у старика за пазухою!—ложатся они въ чистомъ полѣ спать: старикъ и досталъ было лепешку, да положилъ опять назадъ.—Послѣдняя, говоритъ: только одна и осталась; ужъ лучше мы на утро ее схоронимъ да и подымся.—Утро красное взошло, старикъ проснулся, Богу помолился.—Ну, говоритъ, односумъ, давай подылимъ теперь послѣднюю лепешку свою!—Хватъ, анъ ея ужъ и нѣтъ!

— Батка! сказалъ старикъ: ты съѣлъ лепешку?

Нашъ батка крестится и божится по-Нѣмецки, на чемъ свѣтъ стоитъ: зарекается,—Не я!—Ну, ладно! говоритъ старикъ: не ты, такъ не ты; пойдемъ дальше. Право слово великое: я ему вѣрю и безъ божбы.—Шли, шли они опять, съ утра до поздней ночи. Нѣмецъ голодомъ изпылъ.—Нѣтъ силъ! говоритъ: издохну здѣсь на мѣстѣ.

Старикъ полѣзъ за пазуху, нашелъ еще лепешку,—а попутчикъ его рукой за нею тянется, да ужъ и слова не вымолвить: умиралъ на смерть! — Ты, что ли, съѣлъ лепешку? Такъ сказывай: я не взыщу, не бось! —Чтобъ мнѣ на мѣстѣ тутъ же растянуться, колн я! отвѣчалъ тотъ: я безъ вѣдома твоего и крохи насущной

не подбиралъ!—Ну, не ты, такъ ладно! Вотъ тебѣ половина лепешки моей.

И шли они опять, подновивъ силы свои, поколѣ не дошли до рѣки. Старикъ, подобравъ ризы свои по колѣни, пошелъ въ бродъ. Нѣмецъ за нимъ, — и вдругъ началъ тонуть. Захлебываясь и задыхаясь, боролся онъ съ мокрою смертію, и молилъ старика о помощи. — Ты, что ли, съѣлъ лепешку? спросилъ опять старикъ, и снова началъ спутникъ его заклинаться всѣми святыми своей земли, и отрекаться отъ лепешки. — Не ты, такъ не ты! сказалъ старикъ, подаль ему руку, вытащилъ его, и свелъ за собою на сухой берегъ.

Къ ночи залегли они въ солому, къ мужику на токъ; развели огонекъ, и стали сушиться. Не успѣли они заснуть, какъ пламень обнялъ ихъ со всѣхъ сторонъ: кругомъ ихъ стлался огонь, и дымъ, и жупелъ, и, съ трескомъ приближаясь, смыкалъ, пламенною ужицею своею, роковой кругъ тѣснѣе и тѣснѣе. Старикъ толкнулъ, и разбудилъ товарища; онъ вскочилъ, и, заламывая пальцы, прощался съ жизнью: лютый огонь пожиралъ уже ризы его. — Не ты ли, отецъ, съѣлъ намѣдни общую нашу лепешку? — Не я! отвѣчалъ Нѣмецъ: отходя отъ міра сего въ царствіе вѣчное, завѣщаю тебѣ, благодѣтелю моему, слово правды: не я! — Коли такъ, сказалъ старикъ, Господь съ тобою! накрылъ его полою ризы своей, и вывелъ изъ огня невредима.

И шли они, доколѣне пришли въ заморское царство, гдѣ объѣзжали глашатаи царскіе, по градамъ, пригородамъ, селамъ, выселкамъ и слободамъ, и разглашали: «Извѣстно и вѣдомо да будетъ всѣмъ и каждому, «что, буде кто на свѣтѣ живой человѣкъ найдется «свѣдущъ и могущъ въ тайнахъ бытія и смерти, и изыскавъ ключъ жизни, ключъ мертвой и живой воды, «воскресить изъ мертвыхъ двухъ царевенъ, вдохнуть «въ бранные остатки ихъ жизнь и движеніе, тотъ наградится, за каждую, такимъ количествомъ золота

«чеканнаго, каковое, силою мышцъ своихъ поднять «и вынести изъ казпохранилища царскаго возможно»; «буде же кто пустыми и неживотворящими фиглярствами единую токмо безуспѣшную проволочку времени учинить, то таковой неминуемо имѣсть повергнуть «главу свою на плаху,» и прочая.

— Пойдемъ, сказалъ старикъ товарищу своему: попытаемся! — Товарищъ золоту и радъ бы, да смерти боится: самъ идетъ, самъ хоронится за старика. Тотъ взялъ хворую, обмершую, нето покойницу, — не знаешь какъ и честить, — положилъ ее въ чанъ, обварилъ кипяткомъ, рознялъ на части, очистилъ косточки, продулъ ихъ, налилъ снова мозжечкомъ, составилъ, одѣлъ живымъ кровянымъ тѣломъ да жилками, одѣлъ и тонкой пеленою кожицею, — дунулъ, и дѣвица, пригожѣ зарі утренней, встала и пошла. Старикъ отсыпала мѣшекъ червонцевъ, столько золота, сколько онъ на себя унесъ.

— Что же? сказалъ онъ Нѣмецкому попу: берись теперь и за другую царевну. Ты видѣлъ, какъ дѣло дѣлается!

Тотъ подумалъ, и рукой махнулъ. Золото ослѣпило его, оглушило, смутило, отуманило. Онъ взялъ другую обмершую сестру, и распласталъ ее, и на части по суставчикамъ рознялъ, и выскребъ косточки, продулъ и налилъ, и сложилъ, — а духъ и жизнь будутъ, на дѣлся Нѣмецъ: все дулъ, да подувалъ, да пѣтъ, не оживаетъ царевна!

И пришла Нѣмцу бѣда неминуемая: уже его взяли, и засадили, и присудили; уже и вывели на лобное мѣсто, уже и за плахой пошли, а кто рассказываетъ, что уже петлю на шею закинули.....

— Ты что-ли, шепнулъ ему старикъ, съѣлъ лепешку-ту? Такъ скажись! Вотъ тебѣ слово мое, что никто за это пальцемъ тебя не тронетъ. — Не я, отвѣчаетъ тотъ, и старикъ опять спасаетъ его отъ бѣды не

минучей, отъ позорной, поносной смерти. Царевна ожила, встала и пошла, будто ни въ чемъ не бывала, и странникамъ нашимъ опять отмѣрили мѣшокъ чистаго монетнаго золота. Забравъ казну, вышли они изъ города того, и пустились по дорогѣ.

— Ну, сказалъ старикъ: теперь намъ съ тобой пора разставаться. Теперь мнѣ путь предстоитъ одинокій, а ты больше плакаться на меня не будешь, домой пойдешь не безъ копѣйки: а ужъ пора тебѣ припомнить и своихъ! Давай дѣлить казну. — Отъ этого нашъ Нѣмецъ не прочь. — Давай! говоритъ.

И началъ старикъ раскладывать золото на три кучки. — Да для чего же на три, а не на двѣ? кричитъ запальчивый товарищъ его: насъ только двое, а ты же самъ сказывалъ, — все пополамъ. — Постой! отвѣчаетъ тотъ: дай срокъ, дай мнѣ управиться; твое не пропадетъ. Ну, гляди: вотъ эта кучка моя; вотъ эта твоя; а эта пусть достанется тому, кто съѣлъ лепешку.

— Я! крикнулъ спутникъ его, громкимъ и твердымъ голосомъ, накрывъ въ двѣ ладони третью кучу золота.

И такъ вы видѣли, сударь, нужду; спознались, на загадочкахъ, со счастьемъ; а вотъ вамъ и мірская правда. Такова-та она въ людяхъ живетъ, такова и въ поговоркахъ ихъ, такова жила она и споконъ-вѣку. Кто божится, клянется, зарѣкается, тотъ, хоть и самъ знаетъ, что вретъ, да въ людяхъ, пополамъ съ грѣхомъ, туда же, за правдою идетъ. Кто самъ надсаживается, трубить и вправо и влево, и взадъ и впередъ, о правдѣ своей да о напраслинѣ, тотъ..... Да полно, будетъ! У насъ лежачаго не быютъ, а каковымъ бываетъ такой трубачъ, такъ это знаете вы сами! И вотъ вамъ правда, безъ которой на свѣтѣ вѣку никто не доживаетъ!

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ.

ВАШИНГТОНЪ ИРВИНГЪ

=

Для всѣхъ ли народовъ равно доступна литературная слава и творческій геній? Этотъ вопросъ еще подлежитъ спору и рѣшенію. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ обитаетъ народъ образованный, происходящій отъ самаго геніальнаго народа позднѣйшихъ временъ: языкъ его очень обработанъ; онъ еще наследовалъ великолѣпную Словесность своего первобытнаго отечества, превосходнѣйшую изъ Словесностей нашей части свѣта; онъ пользуется всеми умственными богатствами Европы, не выходя изъ своего природнаго нарѣчія. Между-тѣмъ этотъ самый народъ, несмотря на то, что въ числѣ его областей есть цѣлая провинція, въ которой только то и дѣлаютъ, что пишутъ стихи да романы, — этотъ народъ не произвелъ до-сей-поры ни одного великаго писателя, кромѣ Ирвинга, или Вашингтона Ирвинга: Вашингтонъ — имя, данное ему при крещеніи. Но и самъ Ирвингъ происходитъ, по отцу и матери, отъ Европейцевъ, и принадлежитъ Америкѣ только по мѣсту своего рожденія. Единственный соперникъ его славы есть извѣстный Куперъ, отецъ морскаго романа, писатель, котораго одушевленіе столь же сыро и утомительно какъ море, по которому онъ плаваетъ со своими героями. До нихъ, Сѣверо-Американскіе Штаты могли противопоставить извѣстному Годвину только одного романиста: Брокденъ Броунъ, сочинитель «Впланда», «Эдгара Гонтли» и прочая, могъ выдержать сравненіе съ авторомъ «Калеба Вильяма». Вашингтонъ Ирвингъ былъ первый, котораго провозгласили оригинальнымъ писателемъ Сѣверной Америки; и, конечно, онъ — писатель одаренный геніемъ: мысль его обширна, разнообразна, остроумна; слогъ его уди-

вительно звученъ и строенъ. Сами Англичане находятъ въ слогъ Ирвинга воскреснувшій слогъ Аддисона и Гольдсмита, — слогъ, котораго никто кромѣ его не отыскалъ, — утраченное между писателями XIX вѣка преданіе, которое снова утратилось, потому что Ирвингъ уже не существуетъ. Англійскіе журналы доносятъ объ его кончинѣ.

Это безплодіе генія въ отношеніи къ изящному можно, кажется, приписать всепожирающей алчности Сѣверо-Американцевъ, — страсти, которая иссушаетъ въ нихъ источники вдохновенія, расплавляя въ своемъ алхимическомъ тиглѣ міръ, и вещественный и нравственный, для превращенія всего въ звонкій металлъ. Но великіе писатели и великіе художники были даже между Жидами? У Американцевъ ихъ не было.

Вашингтонъ Ирвингъ — меньшой сынъ Шотландскаго купца, поселившагося въ Нью-Йоркѣ. Мать его, Англичанка, занялась его первоначальнымъ воспитаніемъ. Впослѣдствіи, его учителями Словесности были его старшіе братья, пользовавшіеся уже именемъ образованныхъ людей, когда Вашингтонъ Ирвингъ учился еще читать. Въ молодомъ ихъ воспитанникѣ замѣтна была задумчивость, подходившая къ меланхоліи, и вмѣстѣ съ тѣмъ прорывались неожиданныя остроты, находимыя и въ его сочиненіяхъ. Онъ охотно предавался дѣтскимъ шалостямъ, пренебрегаемымъ скороспѣлыми дѣтьми, которыхъ геній возвращенъ въ парникахъ, и которыхъ надменность подавляетъ всякое простосердечное влеченіе. Онъ учился, и не производилъ ничего. Вмѣсто того, чтобы преждевременно налагать на дѣтскую его слабость обязанности и внушать важность зрѣлыхъ лѣтъ, его приготавливали быть человекомъ. Этимъ способомъ его дарованія развились непринужденно: онъ созрѣлъ медленно, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочнѣе. Зато его дѣт-

скія воспоминанія были ему всегда драгоцѣнны; нѣкоторыя изъ его прелестнѣйшихъ вдохновеній заимствованы имъ отсюда.

Тогдашняя Нью-Йоркская молодежь была счастливое поколѣние. Нью-Йоркъ не имѣлъ еще столичной физіономіи: это былъ раждающійся городъ, гдѣ всѣ пріятности растущаго благосостоянія, отрады, домашняго избытка, соединялись еще со сладостною беззаботностью и съ неподкупными удовольствіями почти сельской жизни. Выгодное положеніе Нью-Йоркской гавани привлекало въ сундуки тамошнихъ купцевъ кучи драгоцѣнныхъ металловъ. Торговые обороты пребывали пераздѣльно въ ихъ рукахъ, потому что жители прочихъ штатовъ еще не спѣшили поселиться на этомъ прибыльномъ побережьи съ требованіемъ и своего участка выгоды. Между-тѣмъ старожилы, видя вдругъ торговую манну падающею для нихъ съ небесъ, болѣе думали о наслажденіи настоящими благами, нежели заботились о будущемъ; они еще не сознавали необходимости вкоренять въ своихъ дѣтяхъ навѣкъ къ порядку, труду и предусмотрительности. Страсть копить, порождаемая прибыткомъ, тѣсный эгоизмъ совмѣстничества, еще не иссушали сердецъ. Еще можно было найти въ этихъ быстро обогатившихся семействахъ патріархальныя права; тамъ еще вѣрили домашнему счастью; тамъ дѣтей своихъ не предоставляли въ теченіе десяти часовъ попеченіямъ наемнаго воспитателя; страшлись для нихъ душной школьной атмосферы; находили время воспитывать ихъ сами; посылали ихъ въ поля, за городъ, — и окрестности Нью-Йорка дивно соотвѣтствовали этому способу воспитанія. Нѣсколько минутъ пути приводили городскихъ дѣтей къ бархатнымъ лугамъ, тѣнистымъ рощамъ, къ зеркальнымъ водамъ, зимою покрытымъ льдомъ, и заманивавшимъ «по звонкому льду нестися на бы-

стрыхъ какъ вѣтеръ конькахъ, и съ гордой улыбкой другихъ пересидить»: это была наслѣдственная забава Голландцевъ, ихъ праотцевъ. Нью-Йоркъ, въ то время занималъ самое живописное мѣстоположеніе: въ Европѣ одинъ только Единбургъ могъ оспаривать у него преимущество въ этомъ отношеніи. Его дикія окрестности теперь болѣе не существуютъ: вымощенныя улицы, кирпичныя зданія замѣнили зелень; каменщикъ прогналъ садовника; чугунная дорога сгладила даже прохладныя гроты Обокена.

Молодой Ирвингъ плылся въ особенности природными красотами острова Мангатана. Въ разныхъ его сочиненіяхъ часто проявляются слѣды этихъ первыхъ впечатлѣній; но замѣьте ложный стыдъ образованности: намѣреваясь изобразить время минувшей молодости, онъ былъ устрaшенъ мыслию, что если бы заговорилъ о томъ отъ своего собственнаго лица, то современники его, занятыя исключительно прибытками и денежными соображеніями, укоряли бы его въ излишней мечтательности. Онъ вложилъ въ уста вымышленнаго лица выраженія своихъ поэтическихъ сожалѣній.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Нью-Йоркъ представлялъ странное зрѣлище множества породъ людей, различныхъ происхожденіемъ, характеромъ, физіономіей, и всѣ онъ между собою соперничествовали, помогаясь ребяческаго первенства. Время уничтожило многія вздорныя распри, обнаруживавшія смѣшныя стороны людей: всѣ отбѣжки первобытныхъ народонаселеній наконецъ слились въ одинъ; но въ то время Американецъ выходилъ изъ Голландіи соблюдалъ какъ святыню свое наслѣдственное нарѣчіе, свое озлобленіе противъ побѣдителей, хоть и ослабляемое сего природнымъ добродушіемъ. Къ Голландцамъ присоединялись Французскіе протестанты, изгнанные Нантскимъ эдиктомъ, и согрѣвали Голландское хлад-

нокровіе Французскою живостью. За ними слѣдовали джентльмены и коношіе старой Англіи, гордые своими родословными, непрерывно припоминавшіе своихъ предковъ, водворившихся въ Нью-Йоркской области въ то время, когда Голландская колонія была завоевана, обращена въ Англійскую провинцію и отдана Карломъ II во владѣніе брату его, герцогу Йоркскому. Потомъ выступали Ново-Англичане, или собственно Американцы, которыхъ въ издѣвку называютъ *Янки*, отличающіеся дѣятельностію и духомъ предпріимчивости. Они вступили съ Голландцами въ борьбу, которая кончилась почти совершеннымъ исчезновеніемъ родовыхъ именъ старыхъ бургомистровъ съ подписей, украшавшихъ торговля улицы Нью-Йорка. Наконецъ послѣдніе, малочисленнѣйшіе въ этомъ смѣшанномъ народонаселеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительнѣйшіе по нажитымъ богатствамъ и торговому вліянію, Шотландцы, составляли семью, или *кланъ* людей хитрыхъ, расчетливыхъ, предпріимчивыхъ, присоединявшихъ къ своему умѣнью и бережливости гостепріимные нравы и склонность къ продолжительнымъ обѣдамъ. Ирвингъ, привыкшій съ дѣтства въ родительскомъ домѣ къ особенностямъ ихъ характера, былъ или менѣе пораженъ его отличительными чертами, или сыновняя почтительность воспретила ему осмѣять ихъ въ сатирическихъ описаніяхъ своей «Исторіи Нью-Йорка». Теперь всѣ эти различія изглажены.

При наступленіи двадцатаго года, у Вашингтона Ирвинга стали обнаруживаться нѣкоторые чахотные припадки. По еястію опасенія оказались напрасными; но его родные были этимъ такъ встревожены, что по совѣту врачей принудили его отправиться въ южную Европу. Онъ сѣлъ на корабль, плывшій въ Бордо, поѣхалъ въ Римъ черезъ Тулузу, Монпелье, Марсель, Ниццу, Генуу, Ливор-

но и Флоренцію. Здоровье его скоро возстановилось, но охота къ путешествіямъ пережила въ немъ причину, заставившую предпринять ихъ. Покинувъ Римъ, онъ отправился въ Неаполь; оттуда онъ поѣхалъ въ Сицилію; пробылъ нѣсколько времени въ Палермо; потомъ, воротясь на твердую землю, онъ объѣздилъ Италію и Швейцарію; наконецъ захотѣлось ему видѣть Парижъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, посѣщая библіотеки, учебныя заведенія и литературныя общества. Безвѣстный Американецъ былъ вездѣ принятъ съ внимательностію и вѣжливостію: ему отворило повсюду входъ его благовоспитанное обращеніе. Послѣ Парижа онъ захотѣлъ видѣть Нидерланды; наконецъ изъ Голландіи, которую изѣздилъ по каналамъ, онъ отправился на шлюпкѣ въ Лондонъ.

Страны, которыя онъ обозрѣлъ, занимали его любопытство; но въ Англіи все пробуждало въ немъ истинное сочувствіе. Здѣсь каждый говорилъ его роднымъ языкомъ; ему казалось, что онъ узнаетъ тѣ мѣста, о которыхъ такъ часто рассказывала ему въ дѣтствѣ мать; самые ничтожные повидимому предметы производили въ немъ живѣйшее впечатлѣніе: онъ впрочемъ никогда и не думалъ подавлять эти естественныя чувствованія къ колыбели своихъ родныхъ предразсудками враждебной народности. Ирвингъ, обогащенный многоразличными свѣдѣніями и поэтическими сравненіями, возвратился послѣ двухъ-лѣтней отлучки на родину. Вскорѣ по своемъ прибытіи въ Америку онъ издалъ первый номеръ «Сальмигонди». Тѣ, которые нынче впервые читаютъ это остроумное сочиненіе, съ трудомъ могутъ себѣ представить восторгъ, съ какимъ были приняты послѣдовательные выпуски этой періодической сатиры. Въ ней уже примѣтно дарованіе, которое впоследствии доставило автору имя; но чтобы объяснить необыкновенный успѣхъ этой

кинги, должно перенестись въ тѣ обстоятельства, при которыхъ она появилась, и понять многочисленныя примѣненія и удачныя черты тонкой сатиры, которая придаетъ ей всю ѣдкость личности, никого не называя по имени. До того времени болтовня о мѣстной или общей политикѣ почти исключительно занимала Американскую Словесность; еще не поступала пора созданий вымысла. Самъ Брокденъ Броунъ стяжалъ славу лишь за гробомъ.

Джемсъ Пальдингъ, задушевный другъ Ирвинга, былъ его сотрудникомъ въ «Сальмигонди», и находилъ, что въ статьяхъ Пальдинга было болѣе ѣдкости, болѣе сарказмовъ, нежели въ Ирвинговыхъ. Но должно думать, что въ дружескомъ сотрудничествѣ, котораго «Сальмигонди» былъ плодомъ, статьи одного изъ авторовъ всегда подвергались разсмотрѣнію другаго, съ предоставленіемъ ему полной власти прибавлять или убавлять по своей волѣ.

Джемсъ Пальдингъ, родившійся въ деревнѣ Гринбургъ, провелъ первыя свои лѣта въ сельскихъ занятіяхъ среди лѣсовъ и прекрасныхъ окрестностей Гудсонова Залива. Одинъ изъ его родственниковъ, званіемъ мызникъ, доставилъ ему главныя черты оригинальнаго лица дядя Иванъ, во второмъ номерѣ этого изданія. Пальдингъ одаренъ живописнымъ воображеніемъ; онъ превосходенъ въ граціозныхъ описаніяхъ; у него вырываются тѣ счастливыя и нечаянныя изрѣченія, которыя избавляютъ рассказъ отъ однообразія; однимъ словомъ: онъ былъ сотрудникъ, достойный Ирвинга. Приводятъ диковинное доказательство общей вѣрности ихъ портретовъ, между которыми очень замѣчательно лице Тома Стребля, забавнаго типа Англійскихъ путешественниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Ямаикѣ появилась сатирическая брошюрка, за которую одинъ Англійскій путешественникъ позвалъ автора въ уголовный судъ, какъ оскорбителя его лично-

сти. Обвиненный явился въ присутствіе съ книгою «Сальмигонди» въ рукъ. — «Милостивые государи, сказалъ онъ судьямъ: этотъ почтенный господинъ узнаетъ себя въ описаніи, котораго авторъ безъ-сомнѣнія никогда и не слыхалъ объ немъ. Авторъ — не я; я только у него заимствовалъ: прочтите и сравните.» Похищеніе было сдѣлано съ буквальной точностью, изъ «Сольмигонди», и Англійскій путешественникъ, такъ хорошо угаданный Ирвингомъ, взялъ назадъ свою жалобу.

Второе литературное произведеніе Ирвинга было «Исторія Нью-Йорка», приписанная имъ Дидриху Никербокеру. Кажется, что мысль къ этому юмористическому сочиненію подана ему учрежденіемъ въ Нью-Йоркѣ историческаго общества, которое объявило, что одинъ изъ его членовъ займется собраніемъ лѣтописей колоніи со времени ея основанія. Ирвингъ, облекшись въ языкъ и идеи потомка первыхъ Голландскихъ поселенцевъ, изложилъ всѣ чувствованія и всѣ послѣдственные предразсудки этого племени съ видомъ такой важности и такого правдоподобія, что всякой не предвзятый читатель могъ бы обмануться. Публика была приготовлена искусными объявленіями, и обманъ былъ совершенный. Но тѣ, которые развернули книгу, ничего не подозревая, примѣтили, по прочтеніи нѣсколькихъ главъ, что насмѣшливый мистификаторъ соблюдалъ не слишкомъ строгую безименность. Нынѣшнее Американское общество, столь странное, столь смѣшное, столь алчное и столь суетное, увидѣло себя совсѣмъ своими недостатками подъ личиною старыхъ бургомистровъ. Въ основѣ этой жестокой игры ума было столько благородной ироніи и тонкаго простодушія, что нельзя было не простить за нее автора. Но нельзя было и не удивляться раздражающей трогательности нѣкоторыхъ главъ, портретамъ, исполненнымъ одушевленія и силы,

описаніямъ, достойнымъ кисти Клодъ-Лоррена. Успѣхъ этой вымышленной исторіи Нью-Йорка распространился и за предѣлы мѣстности: она произвела большое впечатлѣніе въ Англіи. Обработанный и чистый слогъ автора открылъ Эдинбургскимъ и Лондонскимъ критикамъ, что, между-тѣмъ какъ превосходные образцы вѣка королевы Анны пренебрегались туземными писателями девятнадцатаго столѣтія, они находили вѣрнѣйшихъ подражателей по ту сторону Атлантическаго Океана. Замѣчаніе это было сдѣлано, и Американцы ухватились за него обѣими руками. Провозгласивъ Ирвинга своимъ Аддисономъ и Гольдсмитомъ, они только повторили неосторожное признаніе, вырвавшееся у аристарховъ метрополіи. Впрочемъ Ирвингъ изъявилъ свою признательность за этотъ безпристрастный отзывъ при изданіи въ послѣдствіи своихъ Sketch-book и Bracebridge-Hall. Онъ пропустилъ еще нѣсколько лѣтъ, пока посвятилъ себя исключительно литературному поприщу. Первые свои сочиненія написалъ онъ для развлеченія себя отъ должностныхъ занятій: онъ былъ стряпчимъ. Скоро однако онъ покинулъ ябеду, и вошелъ участникомъ въ торговый ходъ подъ фирмою своихъ братьевъ въ Нью-Йоркѣ. Во время послѣдней войны между Англіею и Сѣверо-Американскими Штатами, Ирвингъ вступилъ въ военную службу, и былъ адъютантомъ при Нью-Йорскомъ губернаторѣ. Онъ издавалъ въ то же время журналъ — Analytic Magazine, въ которомъ помѣщенъ рядъ біографій, сочиненныхъ имъ самимъ и замѣчательныхъ по своему слогу. Торговья дѣла братьевъ понудили его въ 1815 году снова отправиться въ Англію, гдѣ онъ осматривалъ съ большимъ вниманіемъ всѣ историческія мѣста, всѣ прекрасныя виды и развалины, прославленные поэтами и романистами. Не забывая своихъ торговыхъ дѣлъ, онъ велъ памятные записки. По несчастію

для него, разстройство дѣлъ ихъ дома принудило его посвятить себя рѣшительно литературѣ. Нью-Йоркская торговля понесла убытки, которымъ въ особенности подвергся домъ Ирвинговъ. Тогда эти памятные записки сдѣлались для него драгоценнымъ пособіемъ. Разсчитавъ по-купчески литературную спекуляцію, Ирвингъ рѣшился издать свой *Sketch-book* вдругъ и въ Лондонѣ и въ Нью-Йоркѣ. Предпріятіе его увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ въ обѣихъ полушаріяхъ свѣта. Это собраніе очерковъ, портретовъ и лицъ такъ извѣстно, что нѣтъ нужды объ немъ распространяться. Сочиненіе это тотчасъ ввело автора въ кругъ литературныхъ знаменитостей Великобританіи, и отворило ему входъ во всѣ лучшія Лондонскія общества. Столь заслуженный и столь благородно достигнутый успѣхъ внушилъ ему мысль продолжать первоначальную идею и въ другомъ сочиненіи, *Bracebridge-Hall*. Это эпизодическій романъ, болѣе описательный, нежели драматическій, и посвященный также изображенію нравовъ и обычаевъ старой Англіи. Однако критика приняла это новое произведеніе, свидѣтельствовавшее плодовитость и разнообразность Ирвингова дарованія, съ большею строгостью. Впрочемъ и тутъ нашли, что онъ ниже только самого себя. Авторъ между-тѣмъ понялъ, что для сохраненія благосклонности публики ему надлежало въ послѣдующемъ сочиненіи перемѣнить и образцы и раму: въ 1822 году онъ поѣхалъ въ Германію. Налюбовавшись на берега Рейна, наглядѣвшись на его утесы, поросшіе замками и на его пещеры, прославленные въ лѣтописяхъ знаменитаго Тайнаго Судилища, онъ посѣтилъ Нѣмецкіе города, высмотрѣлъ лѣса и горы, славныя по древнимъ легендамъ. Онъ пробылъ нѣсколько времени въ Прагѣ, и зимовалъ въ Дрезденѣ, гдѣ былъ представленъ старому королю и королевѣ, сдѣлавшихъ ему такой пріемъ, о которомъ онъ лю-

билъ вспоминать всю жизнь. По возвращеніи въ Англію, Ирвингъ издалъ «Разказы путешественника». Эти разказы суть большею частію Нѣмецкія легенды; но онъ изложилъ ихъ по-своему; часто Американскій повѣствователь удерживаетъ только одно какое-нибудь обстоятельство изъ первоначальнаго разсказа, и на немъ основываетъ небольшую драму, оригинальную и формой и подробностями. Успѣхъ этого новаго творенія поудержалъ его и лѣтомъ 1824 года въ Лондонѣ. Въ 1825 онъ прибылъ въ Парижъ, и оставался тамъ до-поры до-времени. Онъ приготавлился къ путешествію въ Испанію, но прежде хотѣлъ обозрѣть Гасконію и садъ Франціи, Туренъ.

Талантъ Ирвинга, сдѣлавшись собственностью Англійскихъ и Американскихъ издателей, сталъ потомъ посредствомъ переводовъ извѣстнымъ во Франціи, Испаніи, Германіи и Италіи. Намѣреваясь отправить въ Испанію, онъ желалъ оправдать всеобщую благосклонность, оказываемую его имени, какимъ-нибудь болѣе серіознымъ сочиненіемъ. Онъ домогался славы историка, и выбралъ себѣ героемъ великаго челоуѣка, которому Европа обязана открытіемъ Америки. Этотъ выборъ показываетъ смѣлость Ирвинга, готовившагося войти въ состязаніе съ однимъ изъ славнѣйшихъ историковъ новѣйшаго времени, Робертсономъ. Ирвингова «Исторія Христофора Колумба» отличается отъ всѣхъ своихъ предшественницъ многочисленными изысканіями, для ней сдѣланными, и родственнымъ восторгомъ автора къ своему герою; прелесть ея слога заслужила наиболѣе удивленія. Ирвингъ не удовольствовался тѣмъ, что перерылъ историческія библіотеки, въ которыхъ сокрыты драгоцѣнные, неизданные документы: познаніе почти всѣхъ Европейскихъ языковъ умножило его матеріалы, потому что, владея этимъ пособіемъ, онъ могъ выправить множество басней, существовав-

шихъ насчетъ Коломба. Что касается до той части исторіи, въ которой описаны подвиги товарищей великаго мореплавателя, то это лѣтопись, исполненная поэзіи; чудеса рыцарскихъ романовъ слиты въ ней съ занимательностью исторіи. Нѣтъ ничего привлекательнѣе, полнѣе огня и эгоизма, какъ приключенія этихъ странствующихъ морскихъ рыцарей, смѣлаго Охеды, несчастнаго Накуесы, храбраго и легковѣрнаго Понтія Леонскаго, и изъ всѣхъ самаго смѣлаго и самаго несчастнаго Васко-Нунесъ-де-Бальбоа. Это не сподвижники благочестиваго Энея: герои Ирвинговы воскрешаютъ память о безстрашныхъ Нормандскихъ графахъ, съ горстію воиновъ помогавшихся завоеванія цѣлаго міра.

Для такого писателя, каковъ Ирвингъ, одинъ предметъ служить указаніемъ другаго: собирая матеріалы для исторіи Коломба, онъ сообразилъ планъ своей «Лѣтописи покоренія Гренады» и счелъ что въ родѣ Испанскаго Sketch-book подѣ названіемъ «Алгамбрскихъ Повѣстей». Коломбъ, принужденный слѣдовать за дворомъ королевы Изабеллы какъ проситель, пока дозволили ему повергнуть къ стопамъ королей Леона и Кастиліи новый свѣтъ, находился при осадѣ Гренады. Ирвингъ почелъ обязанностью разыскать малѣйшіе слѣды Коломба въ различныхъ описаніяхъ похода противъ Мавровъ. Его лѣтопись есть сокращенный сводъ выписокъ и замѣчаній объ этомъ рыцарскомъ походѣ; но чтобы ближе выразить современныя мнѣнія, онъ предположилъ, что его повѣствованіе переведено съ записокъ стараго Іеронимитскаго монаха, Антона Агапиды: сочинитель сдѣлалъ его посредникомъ между собою и читателями, и приписалъ ему все, что только въ этихъ двухъ его книгахъ находится суетвѣрнаго и сомнительнаго.

«Алгамбрскія Повѣсти» непосредственно принадлежать вымыслу; но съ романическими преданіями тамъ смѣшаны путевыя воспоминанія, въ которыхъ и та же свѣжесть и та же прелесть, что въ описаніяхъ Sketch-book.

Ирвингъ находился еще въ Грснадѣ, какъ въ Іюль 1829 онъ получилъ увѣдомленіе о своемъ назначеніи секретаремъ Американской миссіи въ Мадридъ. Потомъ онъ былъ персведенъ въ Лондонское посольство. Оксфордскій университетъ поднесъ ему, и съ большимъ торжествомъ, докторскій дипломъ. Е. В. король Вильгельмъ IV и вся королевская фамилія облакали его съ удивительной благосклонностью, не скрывая того, что на столь лестный пріемъ даютъ ему право гораздо болѣе его творенія, нежели его дипломатическое званіе. Въ 1832 Ирвингъ воротился въ Америку, и ариѳметическая, антилитературная атмосфера ея, кажется, рѣшительно подавила его геній. Несмотря на восхищеніе, съ которымъ купцы, полагаясь на за-Атлантическую его славу, приняли его въ Нью-Йоркѣ, эти биржевыя восторги не внушили ему ни одной плодотворной идеи. Онъ тотчасъ поѣхалъ осматривать водопадъ Ніагары, озеро Эри, берега Огайо и величественное теченіе Миссиссипи; наконецъ видѣли его занимающагося спекуляціями, — заведеніемъ новыхъ колоній и разработкою новыхъ земель; а минувшее лѣто провелъ онъ съ отрядомъ конныхъ охотниковъ, на земляхъ вѣнцвеннаго поколѣнія Понн, дивясь пустынному великолѣпію Сѣверо-Американскихъ лѣсовъ и полей.

С К А З А Н І Е

О ПОЕДИНКѢ МЕЖДУ БОБОМЪ БОРКОМЪ И ПРАПОРЩИКОМЪ 48-го ПѢХОТНАГО ПОЛКА, ТЕДИ БРЕДН.

=

Г Л А В А I.

О ТОМЪ, КАКЪ ИРЛАНДСКІЙ ДВОРЯНИНЪ БОБЪ БОРКЪ БЫЛЪ
ВЛЮБЛЕНЪ ВЪ МИССЪ ТЕОДОСІЮ МАКНАМАРА.

Въ то время, когда 48-й пѣхотный полкъ квартировалъ въ Малло, въ Ирландіи, я былъ тамъ въ гостяхъ у одного изъ помѣщиковъ, занимающихся свиноводствомъ, которыхъ превеликое множество въ той части свѣта; и, будучи шестнадцатью или семнадцатью годами моложе нынѣшняго, думалъ, что имѣю полное право влюбиться въ миссъ Теодосію Макнамара. Она, знаете, была плотная, прекрасная дѣвушка, — кровь съ молокомъ, — вышины по-крайней-мѣрѣ два аршина семь вершковъ, когда обута, — отличная во многихъ отношеніяхъ и чинно выступавшая на своихъ копытцахъ. Признаться, она была немножко крикунья, потому что на гуляньи голосъ ея былъ слышенъ отъ одного конца аллеи до другаго. Мнѣ сказывали, что теперь, какъ она поустарѣла, въ ней открылись и разные другіе пороки, но тогда они были закрыты, и я ихъ не примѣчалъ, а о крикливости ни мало не заботился: я никогда не имѣлъ склонности къ вашимъ чопорнымъ молодымъ дѣвушкамъ, у которыхъ ротикъ всегда сжатъ съ иглиное ушко. Я всегда подозреваю, что такія барышни имѣютъ весьма опасныя намѣренія противъ всего рода человѣческаго.

Она жила тогда въ Малло, съ тѣмъ, чтобы принимать тамошнія минеральныя воды, — у нее, какъ утверждали, была чахотка; но я отвѣчаю за то, что ея

легкія были въ отличномъ состояніи. Я никогда не примѣчалъ въ ней ни какихъ признаковъ этой пожирающей болѣзни, кромѣ только въ обѣденное время, когда точно въ ней обнаруживалось что-то пожирающее. Мать ея была очень милая женщина, среднихъ лѣтъ, — урожденная О'Реганаккуллобокъ, — отличная дама въ обращеніи, съ краснымъ, весьма достопримѣчательнымъ носомъ, что приписывала она простудѣ: каковую простуду и непрерывно лечила она разными бальзамическими снадобьями, принимаемыми внутрь. Мать ея, говорю, я утверждала, что бѣдненькая цыпилька, — такъ называла она дочь свою, — была пренѣжнаго сложенія, которое непременно требовало Маллоскаго воздуха и Маллоскихъ водъ, и что онѣ пріѣхали туда для возстановленія ея здоровья. Прелестная миссъ Теодосія, — такъ нареченная въ честь какой-то древней императрицы, — или, какъ мы обыкновенно звали ее, Досинька, была, примѣрно сказать, полнокровна; волосы ея могли бы назваться русыми, но назывались какъ-то иначе; носъ у нее былъ вздернутый, — говорятъ, какъ у Клеопатры; а ея ротикъ, который всегда въ чемъ-нибудь полезно упражнялся, — потому что безъ отдыха или кушалъ, или пилъ, или кричалъ, или смѣялся, — былъ порядочный ротикъ, — ротъ нѣкоторой величины. Глаза ея, какъ бурава, такъ и сверлили сердце, — но немножко вкось, — потому что имѣли нѣкоторое расположеніе коситься. Кожица ея была гладка, — такъ гладка, какъ мои плисовые панталоны, — а цвѣтъ лица уподоблялся первымъ лучамъ весенней денницы, пробивающейся сквозь лѣтнее облако..... Если хотите, поищите себѣ какого-нибудь другаго сравненія въ стихотворныхъ книгахъ: я помню, что одинъ молодой человекъ, который въ нее влюбился и воспѣлъ ее въ стихахъ, уподоблялъ ее чему-то вышесказанному, только не помню чему. Стихи были прекрасны, но я ихъ забылъ. Я никогда не

могъ удержать ни срока долгамъ, ни стиховъ, въ своей памяти! Досинькина маменька говорила, что красавъ ея лицъ была чахотная: но чахотка видно была не изъ блѣдныхъ, потому что румянецъ бѣдной дѣвушки, которая страдала ею, могъ бы сдѣлать честь самой здоровой молодшицѣ.

Простите мнѣ, господа, эти подробности; по согласитесь сами, что всякому пріятно вспоминать о своей первой любви. Протекли эти дни, — и ужъ болѣе не возвратятся! Милая Досинька, сколько разъ шутили мы съ тобою!.... Вижу ее, какъ теперь, передъ собою! Красные волосы, спущенные на плеча изъ подъ шляпки, — въ зеленомъ платьѣ гороховаго цвѣта, — съ рѣзкимъ кнутомъ въ рукъ погоняетъ, бывало, Судинху, черную лошадь, которая взвезлабы шестнадцатифунтовую пушку на шести-аршинную стѣну; — скачешь, сердечная, слѣдомъ за собаками на охотѣ у Вильяма Риксона, по пятнадцати миль въ часъ, припѣваячи — *Go it, my trumps*. Да! такія воспоминанія нсвольно заставляютъ прослезиться! Надо выпить стаканъ пуншу.

=

ГЛАВА II.

О томъ, какъ англійскій прапорщикъ Теди Бреди пошелъ пить чай къ миссъ Фредосин Макнамара.

Въ самый день этой охоты, зародился поединокъ мой съ какимъ-то Теди Бреди. Этотъ Теди Бреди былъ одинъ изъ тѣхъ длинныхъ, хвастливыхъ, неуклюжихъ прапорщиковъ, какихъ въ пѣхотѣ очень много, — настоящій ротозѣй, который смыслилъ объ охотѣ не болѣе носорога. Онъ ѣхалъ верхомъ на довольно красивой лошади, которую купилъ, какъ-то послѣ обѣда, у моего родственника, Фильпота, за пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ въ лучшіе свои годы она и десяти не стоила: а Теди Бреди далъ ему вексель на

три мѣсяца, вмѣсто денегъ. Но, какъ послѣ okaza-лось, мой прапорщикъ ничего не смыслилъ и въ лошадяхъ, а мой родственникъ также мало зналъ толкъ въ векселяхъ: ни гроша не получилъ онъ уплаты въ счетъ пятидесяти фунтовъ и до сей поры! Такъ, они оба надули другъ друга, — и это конечно могло послужить имъ утѣшеніемъ, вмѣсто выгоды.

Лошадь была караковая, и прапорщикъ Теди Бреди ничего не умѣлъ изъ нее сдѣлать; но тутъ, чтобъ доказать свою ловкость и услужливость, вздумай онъ скакать черезъ ровъ, черезъ который миссъ Θεодосія хотѣла перепрыгнуть. Къ чести его надобно сказать, что онъ доскакалъ до рва, — это, конечно, былъ не малый подвигъ; но здѣсь лошадь его споткнулась, и Теди Бреди полетѣлъ, съ головою и ногами, въ лужу стоячей грязи, покрытой такою красивою, зеленою плесенью, что нельзя было на нее наглядѣться. Онъ окунулся въ ней по всей формѣ, и вышелъ оттуда, — какъ вы можете себя вообразить, — умора!.... несмотря на его жалкое положеніе. Но ему нѣкогда было долго думать о своемъ плачевномъ приключеніи: едва успѣлъ онъ подняться на ноги, вдругъ, кому же наскочить прямо на него, какъ не моей Досинькѣ самой, которая славно перепрыгнула на Судьихъ черезъ ровъ и зеленую лужу, и — еще на аршинъ за лужу. Теди Бреди нырнулъ опять, и тѣмъ избѣжалъ лошади, считая вторичную окраску гораздо меньшимъ неудобствомъ, нежели какъ имѣть мозгъ свой выбитымъ изъ головы, если у него сколько-нибудь было мозгу. Однако, несмотря на эту мѣру предосторожности, все-таки не избѣжалъ онъ сильнаго удара камнемъ, которымъ Судьиха швырнула въ него изъ-подъ копыта. Камень такъ исправно попалъ ему прямо въ ротъ, что одного изъ его глазныхъ зубовъ, — не помню котораго, — какъ не бывало! Бреди захватилъ ротъ свой рукою, и закричалъ, — какъ бы и всякому слу-

чилось на его мѣстѣ, — но такъ громко, что миссъ Θεодосіа остановила Судыху на минуту, хотѣла повернуть назадъ, и тутъ увидѣла нашего пріятеля дѣлающаго ужаснѣйшія въ мірѣ рожи. Изъ рта его кровь лилась ручьемъ, а самъ онъ, весь зеленый съ головы до ногъ, былъ, казалось, въ кафтанѣ изъ вязкаго пла. — Это господинъ, черезъ котораго вы сейчасъ извоили перескочить, миссъ Θεодосіа! сказалъ я, подѣхавъ къ ней: и, какъ кажется, онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. — «Мнѣ было бы очень совѣстно подумать, сказала она, что я могла обидѣть кого-нибудь въ мірѣ, переѣхавъ черезъ его голову. Но мнѣ теперь нѣкогда останавливаться. Поклонитесь ему отъ меня, Бобъ, и скажите, что я очень буду рада видѣть его сегодня у насъ за чаемъ, въ шесть часовъ вечера, новъ другомъ нарядѣ.» — Тутъ она поскакала дальше, а я возвратился назадъ съ ея порученіемъ, — но милости котораго-то меня и исключили изъ списка возлюбленныхъ, — и повѣрите ли, что этотъ невѣжа сказалъ?.... Нѣтъ, да я не хочу повторять того, что онъ сказалъ. Слова его насчетъ миссъ Θεодосіи были въ высочайшей степени неучтивы, чтобъ не сказать осквернительны; но, можетъ статься, должно нѣсколько извинить его въ этомъ, по случаю рѣдкаго въ Исторіи его положенія. Не извѣстно, что бы хоть и Юпитеръ, самый вѣжливый дамскій прислужникъ древняго міра, сказалъ, въ первую минуту, когда, упавъ съ лошади въ зеленую лужу, и вставъ съ выбитымъ глазнымъ зубомъ, со ртомъ наполненнымъ грязію и кровію, его бы стали приглашать на чай!

Однако онъ, — не Юпитеръ, а Бреди, — принявъ это приглашеніе, потому что, возвратясь въ жилище Досиньки, мы нашли тамъ трехъ-угольную записку, чудесно раздушенную, въ которой прапорщикъ изъявлялъ свою благодарность за ея лестную объ немъ память, и просилъ ее не заботиться о бездѣльномъ его при-

ключеніи. Онъ присовокуплялъ, что не можетъ понять, какъ это съ нимъ случилось, потому что лошадь его, до того дня, никогда подъ нимъ не падала, — что, конечно, было справедливо: онъ въ первый разъ въ жизни сѣлъ на нее въ этотъ день, — тѣмъ болѣе, говоритъ, что она была имъ самымъ куплена на прошлогодней лошадиной выставкѣ графа Дарлингтона, за двѣсти гиней. Онъ писалъ еще, что эта лошадь была большая любимица графа, который часто ѣзжалъ на ней верхомъ, и что она была на скачкѣ въ Донкестерѣ подъ именемъ «миссъ Руссель.» Все это не вполне было истинно, но и то надо сказать, что, когда дѣло идетъ о лошадяхъ, никто изъ насъ не обязанъ говорить правду слово въ слово. Иначе не было бы и возможности бесѣдовать о лошадяхъ!

Въ шесть часовъ прапорщикъ явился къ чаю, умытый, вычищенный, и совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ вынырнулъ изъ лужи. Онъ былъ одѣтъ въ полной офицерской формѣ 48-го пѣхотнаго Его Королевскаго Величества полка. Ярокъ былъ алый цвѣтъ его мундира, — густъ голубой отливъ обшлаговъ его и лапсасовъ!

Досинька, должно быть, весьма хорошо знала, черезъ кого она перескочила, потому что нарядилась въ свой красный атласный спенсеръ съ бѣлою юбкою, — что всегда надѣвала, когда хотѣла быть обворожительною. Волосы ея, въ длинныхъ кольцахъ, играли по прекрасной ея шеѣ, — прекрасной, какъ лебединая, клянусь честью, и столь же величавой, — безъ прибавки. Да! Досинька Макнамара была божественна въ этотъ вечеръ.

Однако, нѣтъ нужды. Чай принесла служанка, и этотъ чай былъ такой же, какъ и всѣ чаи на свѣтѣ были и будутъ. Онъ былъ чай фамильный, — или чай цвѣточный, — или полуторный, — *хы-сынъ-ченъ-тю-мы, юнь-сунъ-чо-дзи*, или какой нибудь другой, —

одинъ изъ тѣхъ Китайскихъ чаевъ, которыхъ имена печатають въ чайныхъ афишкахъ: навѣрно не знаю, и въ это не входилъ, потому что, объдавъ у нихъ въ домѣ, я мѣшалъ у окна уже пятый свой стаканъ пуншу, какъ принесли чай, и мнѣ было нѣсколько трудно встать съ мѣста, чтобы перейти къ чайному столику. Госпожа Макнамара просила меня не тревожиться; а какъ я очень почиталъ госпожу Макнамара, то и согласился не тревожиться; но меня взманилъ бывшій на чайномъ столѣ Ирландскій картофельный пирогъ: тѣсто въ вершокъ толщиною, а самъ—аршинъ въ поперечникъ; притомъ, госпожа Макнамара шепнула мнѣ, что онъ былъ испеченъ ея дочерью, послѣ охоты.

— Бѣдный цыпленокъ! сказала она: если не достаетъ у ней силы, зато ужъ доброй воли много! Но она такого нѣжнаго, такого слабаго сложенія! Если бъ вы видѣли, мистеръ Боркъ, какъ она справлялась съ картофелями сегодня!

— Сударыня, отвѣчалъ я съ нѣжностью, положивъ руку на сердце: какъ желалъ бы я быть картофелемъ!

ГЛАВА III.

О ТОМЪ, КАКЪ ПРАПОРЩИКЪ ТЕДИ БРЕДИ УДИВИЛЪ ТУЗЕМЦЕВЪ
ЗА ЧАЕМЪ У МИССЪ ФЕОДОСИИ МАКНАМАРА.

Я думалъ, что мое желаніе, быть картофелемъ миссъ Феодосіи, было необыкновенно сильно и пламенно, и совершенно во вкусъ Персидскаго стихотворца Гафиза; но едва я произнесъ его, какъ прапорщикъ Теди Бреди, принимая чашку чаю изъ рукъ Досиньки и взглянувъ на меня съ какимъ-то снисхожденіемъ, объявилъ, что я долженъ быть счастливейшій изъ смертныхъ, потому что желанія

исполняются прежде, нежели я ихъ задумаю. Я готовился отвѣчать прапорщику, но миссъ Θεодосія захохотала такъ громко, что я не могъ выговорить ни слова, и принужденъ былъ проглотить свой отвѣтъ. Прапорщикъ воспользовался своею побѣдою безъ милосердія.

— Заговоривъ о картофелѣ, миссъ Θεодосія, продолжалъ онъ, поглядывая на меня: я вспомнилъ о трюфляхъ. Знаете ли, что вашъ отменный пирогъ очень похожъ на Французскіе паштеты съ трюфлями. Клянусь честью! Бывало, полковникъ Торнтонъ, сиръ Генри Миллисентъ, лордъ Мортгеджшеръ, этотъ почтенный Дикъ Селменджеръ, и я, — какъ, бывало, мы объѣдались трюфлями, когда квартировали въ 1815 году въ Парижѣ! Мортгеджшеръ — уморительный весельчакъ: я обыкновенно звалъ его Морт, — онъ называлъ меня Бред, — мы были съ нимъ на такой ногѣ! А жили мы вмѣстѣ въ улицѣ de la Paix, — чудесной улицѣ, — у самой Бандомской Площади, — гдѣ колонна. Вы бывали въ Парижѣ, миссъ Макнамара? спросилъ прапорщикъ, откусивъ полфунта картофельнаго пирога.

Досинька призналась, что никогда не путешествовала по чужимъ краямъ, кромѣ королевства Керри, что въ Ирландіи. Тотъ же вопросъ былъ обращенъ и ко мнѣ, и я также долженъ былъ признаться, что нахожусь въ томъ же разрядѣ.

Бреди торжествовалъ.

— Большая потеря для человѣка, сказалъ онъ, не побывать въ Парижѣ! Я хорошо знаю этотъ городъ, — и нельзя же иначе, — но сколько надѣлалъ я тамъ щадостей!

— О, фуй! воскликнула госпожа Макнамара.

— Охъ, сударыня! продолжалъ Бреди: не моя вина что Парижскія дамы, слишкомъ баловали насъ, Англичанъ. Когда я говорю, насъ Англичанъ, я разу-

мѣю въ томъ числѣ Шотландцевъ и Ирландцевъ. Однако, мнѣ кажется, что ваши Ирландцы были счастливые жители прочихъ двухъ острововъ.

— Прочихъ двухъ острововъ? Въ моей географіи, перебила Досинька, сказано, что Англичане и Шотландцы живутъ на одномъ и томъ же островѣ, который состоитъ изъ Англіи, столичный городъ Лондонъ, на Темзѣ къ югу, и Шотландіи, столица Эдинбургъ, на Фордѣ, къ сѣверу; народонаселеніе.....

— По чести, вы правы! прервалъ Теди Бреди: совершенно правы, миссъ Макнамара! Да вы настоящий профессоръ! Какъ сейчасъ видно отличное воспитаніе!..... Но, какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать, почти не возможно видному изъ себя Англійскому офицеру избѣжать Французскихъ барынь. Притомъ же, я игралъ шибко, — однако, вообще, могу сказать, остался въ выигрышѣ. Мортгеджшеръ и я, мывыиграли въ одинъ вечеръ сто тысячъ франковъ въ банкъ, — и пятьдесятъ четыре тысячи въ рулетку. Вы бы посмотрѣли на банкометовъ! они чуть не упали въ обморокъ; рвали на себѣ волосы съ досады. Однако деньги эти не долго побыли у насъ въ карманѣ, — мы не умѣли ихъ беречь. Что касается до вина, то оно тамъ за безцѣнокъ и такое, какого въ Англіи вы не достанете. Напримѣръ, я пилъ у Верн шамбертенъ — родъ ротвейну, — по три франка два су бутылка, несравненно лучше того, какимъ подчивалъ меня герцогъ Дивоншеръ мѣсяца два тому назадъ, хотя Его Милость очень чванится своимъ виномъ. Когда я сказалъ ему, что пилъ лучшее въ Парижѣ, онъ сталъ поить меня изъ заповѣдной бутылки, изъ заповѣднаго погреба. Изъ учтивости, я хвалилъ вино герцога; но увѣряю васъ честью, — только не желалъ бы, чтобъ это до него дошло, — его вино никакъ не могло сравниться съ виномъ Верн, — ни на волосъ.

Такъ разливаясь Англійскій прапорщикъ Теди

Бреди передъ туземцами острова Ирландіи, въ продолженіе почти двухъ часовъ. *Тулери*, — какъ называлъ онъ Тюилерійской дворецъ; *Лувръ*, съ его картинами, которыхъ вывозъ изъ Парижа онъ строго опорачивалъ, увѣряя насъ, что употребилъ все свое вліяніе надъ княземъ Метернихомъ и герцогомъ Веллингтономъ, для отклоненія этой Вандальской мѣры, но напрасно; бульвары, оперы, театры, Елисейскія Поля, Русскія горы, — все по-порядку перебралъ онъ, для вящаго удивленія и то уже изумленной миссъ Теоодосіи. Тутъ онъ пошелъ въ Лондонъ, гдѣ принадлежалъ къ безчисленному множеству клубовъ, и представлялъ отличнѣйшую фигуру въ модномъ свѣтѣ. Онъ часто бывалъ у регента, и увѣрялъ честию, что всѣ рассказы объ этомъ принцѣ, — даже исторія о джинѣ, который будто-бы употреблялъ принцъ вмѣсто воды, были совершенно ложны: но онъ долженъ былъ молчать о приключеніи въ Карльтонъ-гоузъ, потому что Его Высочество требовалъ отъ всѣхъ, кого принималъ въ свое общество, строгаго обѣщанія не разглашать ничего, что у него дѣлалось, — за несоблюденіе чего и Бруммель подвергся исключенію. Что до принцессы регентши, то ужъ онъ не хотѣлъ и говорить объ ней.

И такъ далѣе.

Въ тѣ дни моей невинности, когда я пивалъ только по десяти стакановъ пуншу въ сутки, я вѣрилъ этимъ рассказамъ отъ чистаго сердца, хотя все время проклиналъ несноснаго разскащика, видя, какое впечатлѣніе дѣлаетъ онъ на Досиньку, которая, сидѣла съ розинутымъ ротикомъ отъ удивленія, и глотала слова его, точь-въ-точь какъ индѣйка глотаетъ шары изъ тѣста. Но времена очень перемѣнились. Послѣ того я видѣлъ и Парижъ и Лондонъ: знаю объ эти деревушки такъ же хорошо, какъ тотъ, кто ихъ построилъ, и могу васъ увѣрить, что во всей его исто-

рии не было ни одного слова правды. Въ Парижѣ, куда попалъ шесть или восемь мѣсяцевъ послѣ Ватерлоскаго сраженія, онъ жилъ въ пятидесятомъ этажѣ, въ какой-то собачьей норѣ, на самой дрянной улицѣ, между извозчиками и тому подобными народами; а въ Лондонѣ, я открылъ, что главная его квартира всегда находилась на Кругломъ Рынкѣ, у пирожника Дудфильда. Ближайшій доступъ его ко двору былъ, клянусь вамъ, только въ то время, когда его однажды посадили на дворцовую гауптвахту. Какой я былъ оселъ, что могъ повѣрить подобной чепухѣ! Впрочемъ и досей-поры съ деревенщинами то же случается. Англійскіе прапорщики, забравшись въ Ирландію, врутъ на чемъ свѣтъ стоитъ, и всѣ маменьки, всѣ барышни, имъ вѣрятъ.

Что до меня касается, то я былъ совершенно уничтоженъ превосходствомъ прапорщика Теди Бреди, и не могъ не замѣтить, что миссъ Θεодосія дѣлала между нами сравненія довольно для меня невыгодныя, когда, съ его наряднаго мундира, взглядывала на мое платье, сшитое Маллоскимъ портнымъ, помощію, какъ я теперь соображаю, вилы или заступа. Мнѣ кажется, что съ виду, я былъ лучше Теди Бреди.... Хорошо, хорошо, смѣйтесь, пожалуй! Я не красавецъ, — я это знаю; но посудите сами, что тому прошло лѣтъ шестнадцать, и болѣе. Развѣ вы ставите тридцать девять тысячъ стакановъ пуншу, вышитыхъ въ разныхъ видахъ, за ничто?

Хорошо! Однако жъ я все-таки думалъ, что я виднѣе моего соперника, и очень досадовалъ на его побѣду. Я рѣшился пересидѣть его, и, хотя онъ сидѣлъ довольно долго, но, будучи знакомъе его въ домѣ, я остался послѣ него. Остался, — только, чтобъ слышать похвалы ему.

— Очень милый молодой человѣкъ! сказала госпожа Макнамара.

— Чрезвычайно милый молодой человекъ! сказала миссъ Θεοδοσία.

— Настоящій джентльменъ въ своемъ обращеніи. Онъ мнѣ очень напоминаетъ дядю моего, покойнаго Джона О'Реганаккуллобокъ, продолжала госпожа Макнамара.

— Совершенный джентльменъ во всѣхъ отношеніяхъ, продолжала миссъ Θεοδοσία.

— Онъ очень много видѣлъ на свѣтѣ, для такихъ молодыхъ лѣтъ, подхватила госпожа Макнамара.

— И бывалъ въ самыхъ лучшихъ обществахъ! подхватила миссъ Θεοδοσία.

— Большая выгода для молодаго человека путешествовать, прибавила госпожа Макнамара.

— И большой вредъ для молодаго человека все сидѣть дома, прибавила миссъ Θεοδοσία, взглянувъ на меня: кто ничего не видалъ, тотъ никогда не можетъ показать въ себѣ, при случаѣ, столько ловкости, сколько мы сейчасъ видѣли въ Г-нѣ Бреди.

— Что до меня касается, возразилъ я, то я совсѣмъ не нахожу въ немъ большой ловкости. Вспомните, сударыня, каковъ онъ былъ, когда вынырнулъ изъ зеленой лужи сегодня поутру?

— Мистеръ Боркъ, возразила она: такой случай могъ бы встрѣтиться со всякимъ. Вы сами были сброшены съ лошади, сегодня недѣля тому, когда перескакивали черезъ заборъ такъ вамъ нечего разсуждать о Г-нѣ Бреди.

— Извините, сударыня, возразилъ я: это былъ самый молодецкій скачокъ, какой только можно сдѣлать. Я былъ ужъ опять на лошади вполонинъ прыжка. Никто, въ цѣлой Ирландіи, не перескочилъ бы лучше черезъ заборъ. И вы сами.....

— Хорошо, хорошо, прервала она: не стану съ вами спорить. Мнѣ очень спать хочется; пора лечь въ постель.

— Поди, бѣдный цыпленокъ! сказала госпожа Макнамара сладкимъ голосомъ: а Бобъ, мой милый, я бы желала, чтобъ ты имѣлъ средства ѣхать путешествовать, и видѣть *Булери* и *Тулевары*, и все прочее; тогда бы и ты могъ сдѣлаться, со-временемъ, такъ же занимателенъ, какъ прапорщикъ Бреди.

— Аааууу!..... такъ вздохнула миссъ Дози, и сказала: путешествуйте, Бобъ, путешествуйте.

— Да! да! отвѣчалъ я отрывисто, и въ ту жъ минуту, ни съ кѣмъ не простившись, выбѣжалъ изъ дому, поручая мысленно прапорщика Теди Бреди особенному вниманію чорта.

ГЛАВА IV.

О томъ, какъ Бобъ Боркъ, послѣ свиданія своего съ Барнабою Пульвертафтомъ, удостовѣрился, что онъ былъ отчаянно влюбленъ въ миссъ Феодосію Макнамара.

Оставивъ Досинькину квартиру, я началъ разбирать состояніе моего сердца. — Неужели въ самомъ дѣлѣ я такъ влюбленъ, спрашивалъ я самъ себя, что потеряю спокойствіе духа, если этотъ прапорщикъ завладѣетъ ея сердцемъ? Право, я не очень влюбленъ въ нее! Или я самъ себя не понимаю?.... Первой любви никакъ, вѣдь, не разгадасшь!..... Однимъ словомъ, влюбленъ ли я, или нѣтъ? — Мудрено было отвѣчать на такой вопросъ. Закуривъ сигару, я сталъ ходить взадъ и впередъ по аллеѣ большого гульбища: ходилъ съ четверть часа, но не могъ рѣшить задачи. Наконецъ, именно въ ту минуту, какъ погасла моя сигара, я замѣтилъ свѣтъ въ окошкѣ Барнабы Пульвертафта, стряпчаго по частнымъ дѣламъ, — «старой приказной строки,» какъ мы обыкновенно его называли. Я зналъ, что онъ былъ повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ семейства Макнама-

ровъ; и какъ онъ же производилъ шестнадцать тяжбъ въ пользу моего батюшки, то я счелъ себя въ правѣ освѣдомиться у него о супружескихъ качествахъ Досиньки. Я слыхалъ, что у ней было въ виду какое-то наслѣдство, но никогда дотолъ не вздумалъ распросить о существѣ, и надежности ея ожиданій. Видя, что старикъ не спитъ, я рѣшился войти къ нему, и нашелъ его окруженнаго судебными бумагами, хотя было уже не рано: подлѣ него стояла широкая, полная кружка пуншу, или лучше сказать, только вполонину полная, потому что Приказная-Строка писалъ съ большимъ жаромъ. Парикъ его, табачнаго цвѣта, сбить на бокъ, — изношенные панталоны продраны на колѣняхъ, — галстука не бывало, — рубашка разстегнута, — чулки спали съ тощихъ ногъ, всунутыхъ въ шерстяныя туфли: какъ видите, дряхлый стряпчій изготовился-было ко сну, но все-еще держалъ перо въ рукахъ, чтобъ не потерять участливаго вдохновенія ябеды.

— Я списываю копіи съ судейскихъ опредѣленій, мистеръ Боркъ, сказалъ онъ: это легкая и пріятная работа; для вечера нѣтъ ничего лучше. Тутъ есть кой-кто изъ вашихъ пріятелей въ этой книгѣ.... Что привело васъ такъ поздно? Но сынъ вашего батюшки всегда мнѣ пріятель. Ахъ, мало такихъ людей, каковъ былъ вашъ отецъ! Онъ во всю жизнь въ тяжбахъ не мирился, — всегда доводилъ ихъ до конца, — переносилъ изъ суда въ судъ. Если проигрывалъ, ну что жъ, тѣмъ хуже! Но ужъ никогда не осердится. Если жъ выиграетъ, то выжметъ весь сокъ изъ противной стороны, не проститъ ни одной денежки, разоритъ въ конецъ отвѣтчика. Ахъ, онъ былъ добрый, честный, прямой человекъ! Желалъ бы я имѣть сотню такихъ довѣрителей. Такъ и быть, выпьемъ въ память ему.

Приказная-Строка имѣлъ полное право пить въ па-

мать моего батюшки, потому что по случаю достоинствъ, имъ восхваленныхъ, большая часть прекраснаго помѣстья нашего, Баллиборка, перешла въ руки подьячихъ; но я, только изъ дѣтской любви, согласился на его приглашеніе: притомъ я зналъ по опыту, что онъ мастерски дѣлалъ пуншъ. И когда мы разговорились о старинѣ, о батюшкиныхъ тяжбахъ, о великомъ искусствѣ и чрезвычайной ловкости въ дѣлахъ самого Барнабы Пульвертафта; когда старикъ крѣпко развеселился, вспоминая старые годы и допивая остатки второй кружки, — я рѣшился, со всею осторожностью, коснуться до предмета моего посѣщенія. Но какъ ни завелъ я рѣчь издалека, старый пронира сейчасъ меня понялъ.

—Нѣтъ! заикнулся онъ: нѣтъ, Бобъ! Это не годится. Я не такой человѣкъ. Я никогда не рассказываю тайнъ по моей части. Хотя знаю, чего ждетъ она, все, до послѣдней копейки. Такъ ты за нею волочишься? Ахъ, Бобъ, то-то кусочикъ! Да отъ меня не выйдетъ ни словечка. Нѣтъ, никогда! Никогда не измѣнялъ отцу твоему, не измѣню и твоей любезной. Боже, упокой душу его, — достойный былъ человѣкъ!

При этомъ воспоминаніи о достоинствахъ моего родителя, стряпчій заплакалъ. Однако, вопреки всей его рѣшимости не говорить ни слова о дѣлахъ миссъ Θεодосіи, — отъ могущества ли испитой влаги, или отъ дружбы къ умершимъ, — я скоро узналъ все, что хотѣлъ. Состояніе Досиньки, въ этомъ мірѣ, простиралось не свыше двухъ сотъ фунтовъ, а мать ничего не имѣла, кромѣ пожизненнаго годоваго дохода, который долженъ былъ уничтожиться вмѣстѣ съ нею; но за Досинькинымъ дядей, съ отцовской стороны, Михайломъ Макнамара, было имѣніе, приносящее по крайней-мѣрѣ пятьсотъ фунтовъ въ годъ *. Это имѣ-

* Двѣнадцать тысячъ пятьсотъ рублей.

ніе переходило къ ней, въ случаѣ, если бѣ онъ умеръ бездѣтнѣ. Кромѣ того, онъ накопилъ кучу денегъ, потому что дядя Макнамара, говоря краснорѣчивымъ языкомъ пріятеля моего, стряпчаго, былъ человѣкъ, который бы съ блохи снялъ шкуру на продажу. Эти деньги, десять тысячъ фунтовъ, или что-то въэтакоемъ возвышенномъ родѣ, по всемъ вѣроятностямъ, доставались тожѣ миссъ Θεодосіи. Пятсотъ фунтовъ годоваго дохода были уже укрѣплены за нею завѣщаніемъ. А какъ дядѣ было восемьдесятъ четыре года отъ роду, и онъ никогда не былъ женатъ, и притомъ находился въ послѣднемъ градусѣ паралича, то надежды миссъ Θεодосіи показались бы всякому, кто только умѣетъ расчитывать, вѣрнѣе самого банка.

— Да да, прибавилъ Приказная-Строка: это-э-это ужъ только по дов-вѣр-вѣренности моей къ тебѣ. Не-не говори объ этомъ ни слова. Я бы не долженъ этого ска-ска-зывать, — но ты, со-собака, все изъ меня выманилъ. Да я ничего не мо-могу отказать сыну такого отца. Ты похожъ на него, какъ двѣ капли во-во-воды. Вотъ такъ си-сиживалъ и онъ ско-сколь-ко разъ въ этихъ самыхъ кр-креслахъ. Но ты ни-никогда не-не будешь имѣть тв-твердости его въ дѣ-длахъ. Вонъ, напримѣръ, земли въ Арри-арри-арри-балли-балли-би-беля-клок-клофмакд-де-дуаф.... провалъ возьмиэтакія имена! Земли въ Аррибаллибегклофмак-дуафоръ, — отмѣнитѣйшее бо-болото во всемъ око-колоткѣ, — онѣ ва-ваши, — но нѣтъ! у тебя нѣтъ тв-твердости ходить за этимъ въ судъ, какъ бы сдѣлалъ твой достойный ба-батюшка. Боже, упокой его душу! За-дуи дру-другую свѣ-свѣчу, Бо-объ: я ненавижу лиш-нихъ издержекъ.

— Всего одна свѣча въ комнатѣ, отвѣчалъ я.

— Такъ, поэтому, ты хочешь сказать, что я пь-пь-я-лянь? проикнулъ онъ. Хорошо, хорошо, мо-молодые лю-люди; хорошо! Я вамъ иг-игрушка. Однако, въдѣ

кр-кружка-то пуста, такъ отъ того ты и ша-шатаешься..... Кто рано ложится и рано встаетъ, тотъ..... Постой-ка, дай мнѣ руку, пр-проводи меня на в-в-верхъ: что-то кр-крыльцо очень ск-скользко сегодня.

Проводивъ моего бѣднаго стряпчаго въ его спальню, я благополучно уложилъ его въ постель, пока онъ, все заикаясь, продолжалъ твердить похвалы моему батюшкѣ, и упрекать меня въ недостаткѣ рѣшимости, препятствовавшемъ мнѣ вести тяжбу, начатую за двѣнадцать лѣтъ о сотнѣ десятинъ въ болотѣ, которыхъ цѣна не вознаградила бы издержекъ надѣло. Уложивъ ябеду въ постель, я побрелъ домой, волнуемый различными чувствованіями.

Какъ сладостна любовь, когда она впервые овладѣетъ молодымъ сердцемъ! Передъ ея благодѣтельнымъ вліяніемъ исчезаютъ всѣ расчеты самолюбія, всѣ низкія страсти. Чистая и возвышенная, душа стремится превыше самой себя, и сливается съ понятіемъ собственнаго своего существованія съ желаніемъ заимствовать все свое блаженство отъ обожаемой особы. Вся грудь проникнута восторгомъ; пламень сильный и священный разливается по всѣмъ жиламъ; трепещешь при каждомъ бѣненіи пульса. О блаженный періодъ жизни! кратковременный, но обогащенный драгоценными воспоминаніями такого счастья, которое уже никогда не возвратится.....

Когда я достигъ ален, луна взошла высоко и ярко свѣтила въ небѣ, изливая потоки тихаго блеска на деревья. Звѣзды сверкали сафирнымъ огнемъ въ безоблачномъ пространствѣ ээира. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не прерывало глубокой и ясной тишины. Я былъ одинъ. Я мечталъ о любви своей, — о чемъ другомъ могъ я мечтать? Все, что я слышалъ въ тотъ вечеръ, возжгло еще болѣе страсть мою къ божественной Θεодосіи, и обратило меня въ пылающій костеръ.—Да! громко вскричалъ я: я точно люблю се.

Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ангела, ей подобнаго. Какія прелести! какая невинность! какая мастерица ѣздитъ верхомъ! Пять сотъ фунт..... У ней предоброе сердце! Десятьтысячъ фунтовъ въожиданіи..... Что за глаза! Мы будемъ вмѣстѣ ѣздить на охоту. Я выкуплю свои земли, выстрою и заведу псарню, и буду наслаждаться чистѣйшимъ счастіемъ въ ея объятіяхъ..... То есть, въ объятіяхъ моей Досиньки, а не псарни. О милая, несравненная Θεодосія, какъ я обожаю тебя! Я застрѣлю, этого Бреди,— застрѣлю какъ зайца! Какъ смѣетъ онъ вѣнчиваться тамъ, гдѣ моя привязанность такъ неизмѣнно упрочена?

Таковы были мои мечтанія. Увы, какъ мы жалко измѣняемся, послѣ долгаго обращенія въ свѣтъ! Грудь, нѣкогда отверзавшаяся всѣмъ нѣжнымъ впечатлѣніямъ, жестка теперь какъ камень. Теперь я не люблю, — я только играю въ вистъ. Самое сладостное ощущеніе въ этой отцвѣтшей, увядающей жизни, — когда тузъ на вскрышѣ! Пуншъ и котлеты заняли мѣсто цѣпей любви, а`векселя замѣнили любовныя записки. Вотъ печальныя послѣдствія лѣтъ! Но тогда я не зналъ ихъ, и продолжалъ мечтать, предаваясь самымъ плѣнительнымъ надеждамъ. Между тѣмъ луна закатилась за небосклонъ, и звѣзды погасли.

Когда утро смѣнило ночь, я проснулся и увидѣлъ, что благодаря забвенію, въ которое погрузили меня мечтанія о прекрасной миссѣ Θεодосіи Макнамара, я избралъ себѣ постелью нижнюю ступень крыльца у дверей стараго Барнабы Пульвертафта. Сонъ мой былъ прерванъ его служанкою, которая, опораживая свою помойную лаханку, вылила все, что въ ней было, на меня и на мою любовь.

ГЛАВА V.

КАКЪ БОБЪ БОРКЪ, ПОСЛѢ СОВѢЩАНІЯ СЪ ВЕДДИ ДЕРЕВЯННОЮ-НОГОЮ, ВЫЗВАЛЪ НА ДУЭЛЬ ПРАПОРЩИКА ТЕДИ БРЕДИ, ЗА МНССЪ ОЕОДОСИЮ МАКНАМАРА.

Съ вечера я заснулъ съ звѣрекою рѣшимостью — истребить Теди Бреди съ лица земли; но вмѣстѣ съ прохладою утра, пришли и хладнокровныя размышленія, сдѣлавшіяся еще холоднѣе послѣ претерпѣннаго мною окропленія. Какъ могъ я драться съ нимъ, спрашивалъ я самъ себя, когда онъ не подалъ мнѣ ни малѣйшаго къ тому повода? Конечно, завести ссору, слава Богу, не мудрено за что бы то ни было, въ Ирландіи; но тутъ надобно еще и торопиться, а то онъ можетъ такъ далеко забраться въ милость къ мнссъ Оеодосіи, — которая, да будетъ вамъ извѣстно, была удобосгараема какъ трутъ, — что хоть и застрѣлишь его, не много будетъ пользы. Притомъ, вѣдь и онъ можетъ меня застрѣлить!..... Я думалъ, думалъ, и въ семь часовъ утра совсѣмъ не чувствовалъ въ себѣ той твердой рѣшительности, которая была такъ сильна во мнѣ въ полночь. Однако, я пришелъ домой, одѣлся, выбрился, умылся, и опять вышелъ изъ дому. — Всего лучше, подумалъ дорогою: всего лучше пойти посоветоваться съ Ведди-Деревянною-Ногою: онъ встаетъ рано, и я его застаю. — Вздумано, сдѣлано. Черезъ пять минутъ, я уже гулялъ съ Ведди-Деревянною-Ногою, въ саду его, за его домомъ, по берегу Блаквотера.

Ведди служилъ когда-то въ 101-мъ пѣхотномъ, служилъ много, и гдѣ-то, потерялъ одну ногу, за которую получалъ пенсію, кромѣ половиннаго своего жалованья, — что давало ему средство жить въ Малло въ довольствѣ и даже изобиліи. Ведди былъ большой мастеръ устроить дуэли, а въ то утро, какъ я посѣтилъ его, онъ курилъ изъ своей пѣйковой

трубки, и гулялъ взадъ и впередъ по саду, въ старомъ халатѣ и въ мѣховой шапкѣ на головѣ. Я пожелалъ ему добраго утра; онъ кивнулъ мнѣ вмѣсто отвѣта, и затянулся табачнымъ дымомъ.

— Ну, братъ Деревянная-Нога, сказалъ я ему: я пришелъ поговорить съ тобой о такомъ дѣлѣ, которое близко до меня касается.

На это онъ опять кивнулъ, и опять пустилъ клубъ дыму.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ я, что есть прапорщикъ Бреди, въ квартирующемъ здѣсь 48-мъ полку, на котораго я имѣю все право сердиться, и хочу его вызвать. Я пришелъ посоветоваться съ тобою, стрѣляться ли мнѣ съ нимъ, или нѣтъ. Онъ сильно повредилъ мнѣ, втершись между меня и дѣвушкою, которую я люблю. Что дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Стрѣляться съ нимъ, непременно! отвѣчалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Но вотъ затрудненіе: онъ не сдѣлалъ мнѣ никакой обиды, къ которой бы я могъ придраться; мы даже не ссорились, и онъ за дѣвушкою еще не волючится; мы съ нимъ едва знакомы, — и я право не знаю, какъ это уладить съ надлежащимъ приличіемъ. Что жъ дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Не стрѣляться съ нимъ, ни подъ какимъ видомъ, отвѣчалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Однако жъ съ намѣреніемъ или нѣтъ, но онъ втерся между насъ, и это для меня такъ же обидно, какъ бы и сильнѣйшее оскорбленіе моей чести. Такъ что жъ мнѣ дѣлать?

— Стрѣляться съ нимъ, непременно! отвѣчалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Но я боюсь, что ежели вызову его по какой-нибудь пустой придирукѣ, то потеряю благосклонность дѣвушки; мой пріятель стануť надо мною

смѣяться, и всѣ сочтутъ меня сварливымъ и безпокойнымъ человѣкомъ.

— Такъ не стрѣляйся съ нимъ, ни подь какимъ видомъ, сказалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Но онъ военный, и долженъ знать этикетъ въ этихъ дѣлахъ, — и поэтому долженъ хорошо понимать и чувствовать, что онъ оскорбилъ меня: а мнѣнiе военного человѣка, въ чинѣ и званiи дворянина, не можетъ быть пренебрежено безъ стыда.

— Стрѣляйся съ нимъ, непременно, отвѣчалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Но я называлъ его дворяниномъ, — и это правда, что онъ служить офицеромъ въ 48-мъ пѣхотномъ Его Величества полку: да отецъ-то его не что иное, какъ продавецъ рыболовной сбруи, и держитъ мелочную, копѣчную лавочку, гдѣ вы можете купить и сыру, и полярковую шляпу, и пару башмаковъ, и фунтъ бураго мыла, и аршинъ выбойки..... А я, какъ всѣмъ извѣстно, происхожу отъ чистѣйшей крови Борковъ, въ прямой линiи отъ самихъ Де Боргосовъ, потомковъ Аннибала, котораго внуки прiѣхали въ Ирландiю съ Кароагенянами, — и когда объ этомъ подумаю, то право нѣтъ охоты встрѣчаться съ какимъ-нибудь Теди Бреди.

— Такъ не стрѣляйся съ нимъ, ни подь какимъ видомъ! сказалъ Ведди-Деревянная-Нога.

— Что жъ ты, другъ, Деревянная-Нога? сказалъ я наконецъ: вѣдь это мы какъ-будто играемъ въ волакъ или въ мячъ? Я бросаю къ тебѣ одной рукою, а ты отбрасываешь назадъ другою. Нутка, скажи лучше, что мнѣ дѣлать?

— Хорошо! отвѣчалъ Деревянная-Нога, вынимая пѣнковую трубку изо рта: вотъ, пусть рѣшитъ этотъ грошъ. Бросимъ его въ воздухъ, и если онъ упадетъ на землю лицомъ — ты стрѣляешься, если же *рѣшеткой*, — нѣтъ. Ничто не можетъ быть вѣрнѣе!

Я согласился. Грошъ взвился на воздухъ, и мы съ безпокойствомъ ожидали сошествія его на землю, какъ вдругъ, къ несчастію, онъ засѣлъ въ кустъ крыжевника.

— Вотъ этого не люблю! сказалъ Ведди. Худой знакъ! Нутка, опять.

Опять мѣдъ полетѣла на воздухъ, и упала къ нашимъ ногамъ, — *лицемъ*.

— Поздравляю тебя, другъ мой! сказалъ Ведди: ты будешь драться. Это было мое мнѣніе во все продолженіе нашего разговора, но я не хотѣлъ его обнаруживать. Я могу ссудить тебя парюю неподобнѣйшихъ дуэльныхъ пистолетовъ, какіе только когда-нибудь бывали въ рукахъ человѣка, — Вогденеры, клянусь честью! Послѣдній разъ, какъ были въ дѣлѣ, они растянули этого добраго Джона Броура такъ за мертво, какъ мертвъ твой предокъ Аннибалъ де Боргосъ.

— Будешь ли ты моимъ секундантомъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, никакъ не могу, отвѣчалъ Деревянная-Нога: этотъ мерзавецъ шерифъ взялъ съ меня подписку жить смирно, — по совершенно пустому случаю, — за то, что я разможилъ своей старою деревянною ногою голову какому-то окаянному приказному, который пришелъ взыскивать долгъ по векселю съ моего пріятели. Но могу сейчасъ достать тебѣ секунданта. Племянникъ мой, маіоръ Мегъ, только что пріѣхалъ ко мнѣ въ отпускъ на нѣсколько дней, и какъ онъ ничѣмъ не занятъ, то еще радъ будетъ такому развлеченію. Взгляни, вонъ, на его окошко: видишь, онъ брѣется?

Въ скоромъ времени маіоръ явился къ намъ, одѣтый со всею утонченностью военнаго щеголя: ни пылинки на голубомъ сюртукѣ его, — ни волоска, кромѣ опрятныхъ усовъ, на плотно выбритомъ лицѣ. Шляпа лоснилась отъ чистоты, а сапоги бле-

стѣли какъ черный стеклярусь. Мы поклонились другъ другу, и маіоръ скоро узналъ, въ чемъ состоитъ дѣло. Ведди замѣтилъ, что едва-ли есть причины къ поединку.

— Не согласенъ! возразилъ маіоръ Мегъ: рѣшительно, причины очень достаточныя. Я никогда въ жизни не видывалъ дѣла яснѣе этого, а былъ первымъ или секундантомъ въ двадцати семи дуэляхъ. Если я хорошо понимаю вашу исторію, Г. Боркъ, онъ далъ вамъ грубый отвѣтъ на охотѣ, и тѣмъ, оказавъ чрезвычайное непочтеніе къ любимой вами дѣвицѣ, сдѣлалъ личную обиду вамъ самимъ.

— Конечно, онъ рѣзко отвѣчалъ мнѣ, сказалъ я: но я тогда этого не замѣтилъ, и, какъ кажется, сама дѣвушка ни сколько на него не осердилась, потому что весь тотъ вечеръ обращалась съ нимъ дружески.

— До этого дѣла нѣтъ, возразилъ маіоръ Мегъ, что вы думаете или что она думаетъ. Дѣло теперь въ моихъ рукахъ, и я долженъ быть вашимъ проводителемъ. Прежде всего, надо написать къ нему письмо. Пошлите за бумагою,—она должна быть золотообрѣзная,—дядя Ведди, чтобъ дѣло дѣлать какъ-можно приличнѣе. Я вамъ продиктую, Г. Боркъ, если позволите.

Онъ началъ. Если хорошо помню, записка была слѣдующаго содержанія:

«Малю, 3 Іюня, 1820.»

Восемь часовъ утра.

«Милостивый государь!

«Любовь къ тишинѣ и спокойствію, всегда руководствующая моими поступками, не допустила меня просить вчера у васъ объясненія въ рѣзкомъ и непочтительномъ отзывѣ, сдѣланномъ вами, для передачи молодой дѣвицѣ, которой имени не хочу вмѣшивать въ нашу переписку. Но теперь какъ я могу объясниться съ вами на свободѣ, то дол-

женъ сказать вамъ, что ваши слова и порученіе совершенно неприличны офицеру и джентльмену, и ни сколько не совмѣстны съ законами охоты за зайцами.

«Имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорный слуга,

Робертъ Боркъ.

«P. S. Эту записку вручить вамъ пріятель мой, майоръ Мегъ, 3-го Остъ-Индскаго пѣхотнаго полка, и я надѣюсь, что вы усмотрите необходимость дать ему приличнаго товарища, безъ малѣйшаго замедленія.»

— Кажется, это ясно! сказалъ майоръ. Теперь запечатайте, Г. Боркъ, и запечатайте вашимъ гербовникомъ. Вотъ такъ! Теперь, надпишите адресъ.

— Господину прапорщику Бреди?

— Нѣтъ, нѣтъ! Настоящій адресъ въ такихъ случаяхъ вотъ какъ: «Господину Бреди, прапорщику 48-го пѣхотнаго полка», по обычай дозволяетъ прибавить «и кавалеру». Вотъ это такъ:— «Милостивому Государю, Господину Теди Бреди, прапорщику 48-го пѣхотнаго Е. К. В. полка и кавалеру, въ Маллоскихъ казармахъ.» Это будетъ у него въ рукахъ менѣе нежели черезъ четверть часа.

Майоръ сдержалъ слово, и не болѣе какъ черезъ полчаса, возвратился къ намъ съ отвѣтомъ. Онъ рассказывалъ, что прапорщику чрезвычайно не хотѣлось драться; что, по его мнѣнію, онъ не сдѣлалъ мнѣ ни какой обиды; что даже не помнилъ словъ своихъ, и предлагалъ спросить саму миссъ Макнамара, подозреваетъ ли она въ немъ какую-нибудь мысль, которая бы не была чрезвычайно для нея лестна и почтительна.

— Надо правду сказать, продолжалъ майоръ: онъ сперва отказалъ драться, наотрѣзъ; но я скоро убѣдилъ его быть разсудительнѣе. «Милостивый государь, сказалъ я ему: вы или соглашаетесь драться, или отказываетесь драться. Въ первомъ случаѣ, дѣло кончено къ общему удовольствію, и тогда нечего

разсматривать, была ли ваша противная сторона обижена вами или нѣтъ; во второмъ случаѣ, вашъ отказъ уже самъ собою есть обида, за которую Г. Боркъ имѣетъ все право васъ вѣзвать. Слѣдовательно, какія бы ни были причины, вамъ все-таки надо драться. Но, какія причины, для меня все равно; а только прошу васъ назвать мнѣ, по имени, вашего секунданта, потому что я слишкомъ почитаю мундиръ, который вы носите, чтобы предполагать какой-нибудь другой конецъ этому дѣлу.» Что, каково? Мои слова образумили молодца, и онъ назвалъ мнѣ капитана Кодда, одного съ нимъ полка, что чрезвычайно меня порадовало, потому что Коддъ искренній мнѣ пріятель, — мы съ нимъ имѣли дуэль, года три тому назадъ, въ Фальмутѣ, — причемъ я потерялъ кончикъ вотъ этого мизинца, а онъ свой лѣвый усъ. Мѣткій былъ выстрѣлъ!..... О, это честнѣйшій человекъ, какой только когда-нибудь ходилъ поземлѣ въ мундирѣ, и я увѣренъ, что онъ точно такъ же не спуститъ васъ съ мѣста, пока дѣло совсѣмъ не кончится, какъ и я самъ.

Признаюсь, мнѣ не очень нравилась такая твердость въ нашихъ секундантахъ; но я слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ отступать. Иногда мнѣ казалось, что Досинька доставалась мнѣ слишкомъ дорогою цѣною; но ворчать было уже и поздно и бесполезно. Маіоръ Мегъ объявилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что смотръ, на которомъ прапорщику непременно надобно было присутствовать въ то утро, мѣшалъ намъ съѣхаться вмѣстѣ прежде вечера: «но, пробавилъ онъ, въ такое время года, это ничего. Теперь свѣтло до девяти; однако я назначилъ семь часовъ. Между-тѣмъ вы можете позабавиться стрѣляніемъ въ цѣль изъ пистолета.»

Объщавъ слегка закусить со мною въ пять часовъ, маіоръ ушелъ, оставивъ меня не въ слишкомъ веселомъ духѣ. Тутъ я сѣлъ писать письмо къ родствен-

нику моему, Филиппу Пурдону. Описавъ, что со мною дѣлается, я начерталъ ему наставленіе, какъ поступить въ случаѣ моей смерти; жаловался на мою горькую участь, готовившуюся скосить меня въ цвѣтѣ лѣтъ моихъ; завѣщалъ ему послѣ себя три пары лосиныхъ охотничьихъ панталоновъ, и каялся въ грѣхахъ моихъ. Отправивъ это письмо съ нарочнымъ, я началъ еще съ полдюжины другихъ, наполненныхъ разными нѣжностями и разнообразной сентиментальностью, для отдачи, по принадлежности, послѣ плачевной моей кончины. День проходилъ очень шибко, — слишкомъ шибко, увѣряю васъ, для человѣка, ожидающаго смерти. Въ пять часовъ, маіоръ и Ведди вошли ко мнѣ въ большіе помыхы.

— Вотъ, дитя мое, сказалъ Ведди, подавая мнѣ пистолеты: на, вотъ тебѣ двѣ флейточки! Да ужъ скажу тебѣ, что музыка-то отъ нихъ будетъ славная.

— Что жъ касается до обѣда, сказалъ маіоръ Мегъ, то я не очень о немъ забочусь; однако, Г. Боркъ, я думаю, что обѣдъ долженъ быть готовъ, а я довольно голодець. Мы пообѣдаемъ слегка, и не станемъ много пить. Если выйдемъ изъ дѣла съ распущенными знаменами, тогда можемъ тамъ-и-сямъ распить по бутылочкѣ. Въ случаѣ, если вы застрѣлите Бреди, я уже все приготовилъ такъ, чтобъ намъ просидѣть въ пѣизвѣстности, пока это дѣло вспыхнетъ и погаснетъ. Если онъ васъ застрѣлитъ, я присмотрю за вашими похоронами. Разумѣется, вы, передъ смертью, не потребуете ничего неприличнаго, — ни слѣдствія, ни тяжбы по этому предмету. Нѣтъ! А я постараюсь, чтобъ извѣстіе о вашей кончинѣ и о вашемъ великодушіи было напечатано въ газетахъ, — гдѣ будетъ сказано, что Робертъ Боркъ, конюшій, встрѣтилъ смерть съ благородною твердостью, увѣряя несчастнаго своего против-

ника, что онъ прощаетъ ему отъ всего сердца и желаетъ ему всякаго счастья и неизмѣннаго здоровья.

— Скажу вамъ, подхватилъ Ведди, что слухъ объ этомъ дѣлѣ уже разнесся по всему городу, и, вѣроятно, всѣ жители Малмо будутъ на мѣстѣ свидѣтелями поединка. Миссъ Θεодосія также знаетъ объ немъ, и — въ восхищеніи! Она говоритъ, что непременно выйдетъ замужъ за того изъ двухъ, который останется въ живыхъ. Я просилъ шерифа не ходить по вечеру въ ту сторону, и хотя онъ говоритъ, что черезъ то лишится большаго удовольствія, однако обѣщалъ ѣхать обѣдать за пять миль отсюда и ничего не знать, что здѣсь дѣлается. Но вотъ обѣдъ! Будемте веселы.

Не могу похвастать, чтобъ я въ этотъ день такъ же мастерски управлялъ ножомъ и вилкою, какъ обыкновенно, и чтобы вполне раздѣлялъ расчеты гостей моихъ, которые, передавая другъ другу бутылки съ большимъ усердіемъ, уговаривали меня, притомъ — не пить. Наконецъ, майоръ посмотрѣлъ на свои часы, лежавшіе передъ нимъ на столѣ съ самаго начала обѣда, — вскочилъ со стула, — потрепалъ меня по плечу, — и, объявивъ, что недостаетъ только шести минутъ и тридцати пяти секундъ до назначеннаго часа, потащилъ меня съ собою на условленное мѣсто, въ поле, близъ стараго замка.

Тутъ мы нашли очень разнообразное сборище всѣхъ Малмоскихъ жителей, любопытныхъ видѣть нашъ поединокъ. Они окружили насъ, какъ пѣтуховъ, выпущенныхъ изъ мѣшка на бой, и дѣлали между собою заклады о томъ, кто изъ насъ котораго убьетъ, и въ какую именно часть тѣла попадетъ выстрѣлъ. Одинъ бился, не знаю за какую сумму,

что верхняя челюсть моя будетъ прострѣлена какъ мишень; другой былъ столько милостивъ, что ограничивалъ споръ свой моимъ колъномъ. Общее мнѣніе, казалось, остановилось на томъ, что одинъ изъ насъ долженъ быть убитъ, — и мало ли было отпущено самыхъ веселыхъ шутокъ между зрителями, въ то время какъ они рѣшали, который изъ насъ будетъ положенъ на мѣсть! Какъ я былъ вдвое толще моего противника, то сдѣлался явно ихъ любимцемъ, предназначеннымъ на убой. Я услышалъ вплоть подлѣ себя слѣдующія слова: «Ставию три противъ двухъ что Боркъ будетъ застрѣленъ первый! Десять пенсовъ вкладу!»

Бреди и Коддъ явились вскорѣ, и предварительныя условія были установлены со всею точностью между нашими секундантами, которые громко превозносили благородство другъ друга въ устроеніи дѣла этого рода. Бреди едва держался на ногахъ отъ страха. Признаюсь, что и я чувствовалъ себя не совсѣмъ-то какъ Гекторъ Троянскій. Наконецъ, шаги отмерены, — назначенъ барьеръ, — пистолеты вручены сражающимся, — знакъ носовымъ платкомъ поданъ: бацъ! — пуля пролетѣла на палецъ отъ моего уха, и, — кракъ! — мой выстрѣлъ полетѣлъ прямо въ жилетный карманъ прапорщику Бреди. По какой-то неизъяснимой причинѣ, въ самомъ этомъ карманѣ случился кусокъ очень сухаго сыру, и пуля моя засѣла въ сырѣ, мѣжду темъ какъ Бреди скорчился вдвое, испустивъ ужасный визгъ, который могъ быть слышенъ за милю. Толпа зрителей такъ была внимательна, что приветствовала меня громкими восклицаніями за мой успѣхъ.

Коддъ подбѣжалъ къ прапорщику, который поверкался, какъ-будто у него было десять тысячъ су-

дорогъ; но вскорѣ удостовѣрились, что пуля не причинила ему ни какого вреда.

— Какъ вы думаете, маіоръ? спросилъ онъ моего секунданта: что намъ теперь дѣлать?

— Такъ какъ не пролито еще ни капли крови, и не сломано ни одной кости, отвѣчалъ маіоръ: то я думаю, что этотъ выстрѣлъ надо считать за ничто!

— Согласенъ съ вами! сказалъ капитанъ Коддъ.

— Если ваша сторона будетъ просить извиненія, сказалъ маіоръ Мегъ, я сведу своего пѣтуха съ поля.

— Конечно, отвѣчалъ капитанъ Коддъ: вы совершенно въ правѣ, маіоръ, требовать извиненій, но вы знаете, что мой долгъ отказать вамъ.

— Ваша правда, капитанъ, сказалъ маіоръ: и потому я формально требую, чтобы Г. прапорщикъ Бреди просилъ извиненія у Г. Борка!

— А я также формально въ томъ отказываю! отвѣчалъ капитанъ Коддъ.

— Слѣдственно, намъ надо сдѣлать еще по выстрѣлу, сказалъ маіоръ.

— Другой выстрѣлъ, непременно! сказалъ капитанъ.

— Капитанъ Коддъ! сказалъ маіоръ: вы показали себя въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ обстоятельствахъ вашей жизни, человѣкомъ благороднымъ, настоящимъ джентльменомъ!

— Кто осмѣлился бы сказать, подхватилъ капитанъ, что маіоръ Мегъ не одинъ изъ отличѣйшихъ офицеровъ войска Его Величества, тотъ былъ бы подлецъ!

Наши секунданты раскланялись, поподчивали другъ друга табакомъ, и стали опять заряжать пистолеты. Ни Бреди, ни мнѣ, не нравились всѣ эти взаимныя привѣтствія, и если бъ насъ оставили на свободѣ, увѣряю васъ, не бывать бы второму выстрѣлу. Но тутъ казался онъ неизбежнымъ.

Уже заряданіе пистолетовъ приходило къ концу, какъ вдругъ явился передъ нами родственникъ мой, Филиппъ Пурдонъ, къ которому я отправилъ письмо поутру. Онъ издали гремѣлъ по мостовой, погоняя свою черную лошадь изо всей силы. Завидя насъ, онъ закричалъ:

— Мнѣ надо переговорить съ однимъ изъ стрѣляющихъ! Мнѣ надо поговорить съ тобою, Бобъ Боркъ.

— Невозможно, сударь! сказалъ маіоръ Мегъ.

— Никакъ невозможно! повторилъ капитанъ Коддъ.

— Возможно или не возможно, мнѣ до этого дѣла нѣтъ! вскричалъ Пурдонъ. Бобъ, я долженъ говорить съ тобою.

— Это противно вѣсьмъ законамъ, сказалъ маіоръ.

— Совершенно противно, повторилъ капитанъ.

Однако Филиппъ Пурдонъ настаивалъ, и наконецъ подошелъ ко мнѣ. — Я получилъ твою записку, и прилетѣлъ верхомъ: ты дерешься за Досиньку Макнамару? спросилъ онъ меня въ полголоса.

— Да, отвѣчалъ я.

— И, какъ я слышалъ, она должна выйти замужъ за того изъ двухъ противниковъ, который останется въ живыхъ?

— Мнѣ такъ сказывали, отвѣчалъ я.

— Ступай же прочь, Бобъ! Ступай прочь, заклинаю тебя. Нечего тебѣ за нею гнаться. Ты видно не знаешь того, что старый Милайло Макнамара женился?

— Женился? вскричалъ я.

— Тише! сказалъ онъ. Да; я самъ и свадебный договоръ сочинялъ. Онъ женился тайно на своей ключницѣ, дѣвушкѣ лѣтъ осьмнадцать, н....

Тутъ онъ сталъ шептать мнѣ на ухо.

— Какъ? вскричалъ я: и она.....? Уже шесть мѣсяцевъ?

— Шесть мѣсяцевъ, повторилъ онъ: и это вѣрно, безъ всякой ошибки.

— Г. прапорщикъ Бреди! сказалъ я, подошедъ къ нему: между нами было какое-то странное недоразумѣніе. Объявляю здѣсь, въ присутствіи всего почтеннаго собранія, что вы во всемъ поступили какъ честный человѣкъ и настоящій джентльменъ, и что вы оставляете это мѣсто безъ малѣйшаго пятна для вашей чести.

Бреди вспрыгнулъ на аршинъ съ четвертью отъ радости при столь неожиданномъ освобожденіи. Онъ забылъ весь этикетъ, и, подбѣжавъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку.

— Любезный Боркъ, сказалъ онъ, конечно это была ошибка: поклянемся другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

— Навѣки! отвѣчалъ я: и, въ добавокъ, уступаю вамъ миссъ Θεодосію!

— Вы слишкомъ великодушны! вскричалъ онъ: но я конечно не употреблю этого великодушія во зло.

— Неслыханный поступокъ! ворчалъ майоръ Мегъ. Впередъ, божусь, никогда въ жизни не буду секундантомъ *рябшкы*.

— Моя сторона оставляетъ поле съ честію! сказалъ капитанъ Коддъ, но съ весьма печальнымъ видомъ.

— Ммъ! хрюкнулъ Ведди Деревянная-Нога, закуривая свою пѣнковую трубку.

Толпа разошлась недовольною, и я опасаюсь, что моя храбрость не очень возвысилась во мнѣніи зрителей. Не менѣе того, я послѣдовалъ за Пурдономъ въ Кармичелевъ трактиръ, допивать начатую имъ кружку, а Бреди отправился хвастать собою къ До-

синькѣ. Слава его геройства покорила ея сердце. Что до меня касается, то надобно признаться, что я низко упалъ въ ея мнѣніи. Въ тотъ же вечеръ Тедди Бреди открылся въ любви своей, и былъ принятъ. Госпожа Макнамара захотѣла-было поспорить, но красный мундиръ взялъ верхъ надъ ея упрямствомъ.

— Опъ можетъ дослужиться до генеральскаго чина, сказала Досинька: и быть пожалованъ въ баронеты, и тогда я буду — леди Бреди.

— Или если отецъ мой будетъ сдѣланъ графомъ и перомъ Англіи, ангельская Θεодосія, подхватилъ прапорщикъ: тогда еще скорѣе вы будете леди Тедди Бреди.

— Прелесть, маменька! вскричала дочь: леди Тедди Бреди! Какое милое названіе!

Но къ чему издѣваться надъ воспоминаніями о несчастной любви моей? Досинька вышла замужъ за прапорщика, прежде чѣмъ женитьба ея дяди сдѣлалась имъ извѣстною; и, если, вѣроятно, они не были счастливы, — такъ что жъ? вы и я можемъ быть счастливые ихъ! У нихъ было одиннадцать человекъ дѣтей, и, какъ я слышалъ, Бреди содержитъ теперь очень порядочный трактиръ въ Бристоль....

Таковъ былъ поединокъ мой съ прапорщикомъ 48-го пѣхотнаго полка, Тедди Бреди.

АННА СИТНИКОВА.

Blackwood's Magazine.

ЖЕНА СОЛНЦА.

=

СТАТЬЯ Г. ЮЛІЯ ЖАНЕНА.

=

Подлѣ Парижа, въ Монмартрѣ, въ заведеніи доктора Бланша, неутомимаго цѣлителя всѣхъ родовъ сумасшествія, находилась женщина, которой помѣшательство было странно и привлекательно. Женщина эта, еще молодая, съ пріятнымъ лицомъ, съ улыбкою полною прелести, воображала, что она обручена съ солнцемъ, которое давно на ней сваталось: они дали обѣтъ другъ другу въ прекрасный осенній день, и съ тѣхъ поръ она принадлежала ему, а оно ей. Солнце было ея радостью, ея славою, ея торжествомъ, бѣдныжки! Она просыпалась съ первыми лучами своего пламеннаго супруга; она смотрѣла, какъ вставалъ могучій мужъ ея, и привѣтствовала его взоромъ, какъ птички привѣтствовали его пѣснями, какъ рѣка ропотомъ струй, какъ роза благоуханіемъ. Чѣмъ прекраснѣе была природа на его восходѣ, тѣмъ счастливѣе чувствовала себя безумная. Не божественный ли супругъ ея разливалъ всюду свѣтъ и теплоту? Не царь ли онъ вселенной? Не провела ли она цѣлой восхитительной ночи въ его объятіяхъ? Душа міра была ея душою. Въ непрерывномъ восторгѣ слѣдила она каждый его шагъ, и чѣмъ выше всходило солнце, тѣмъ больше возрастало въ ней поэтическое изступленіе. Едва могли уговорить ее къ принятію обыкновенной пищи, — такъ овладѣла этой женщиной небесная страсть. Чтобъ склонить ее къ этому, надобно было повторять, что самъ супругъ ея зарумянилъ и приправилъ эти плоды, что самъ онъ позолотилъ эту пшеницу, выростилъ этотъ виноградъ, и что она имѣетъ полное право съѣсть за обширный столъ, который солнце уставляетъ яствами на пути своемъ. Когда огнистый лучъ склонился къ западу и утопалъ далеко въ извилинахъ Сены, пѣжная супруга солнца была въ такомъ же безпокойствѣ, какъ жена бѣднаго рыболова, у которой мужъ два мѣсяца не возвращался домой, а сердитое

море бушуетъ подь ухомъ.—Что будетъ съ моимъ мужемъ? говорила безумная. Онъ долженъ изъ такой дали притти почевать въ нашей комнаткѣ! Господи, только бы не ушибся онъ дорогою!—Мало-по-малу солнце погружалось за горизонтъ: тогда бѣдная женщина складывала руки на груди, и таинственнымъ, сладкимъ голосомъ говорила супругу:—Я тотчасъ буду! я тотчасъ буду!—Потомъ поспѣшно уходила въ свою комнату, чтобъ не заставить солнце долго ждать себя.

Странное и счастливое помѣшательство! Милое безуміе! Чувствовать, что душа привязана къ чему-то лучемъ солнца! Бояться только, чтобъ грозныя облака не подернули возлюбленного свѣтила! Быть счастливой всегда, когда счастлива природа! Впрочемъ у ней было столько же горя, какъ и у не-безумныхъ. Когда наступала зима и солнце блѣднѣло, дрожало подь снѣгомъ, несчастная несла бремя тягчайшей грусти. Спокойствіе, улыбка, пѣсни, все исчезало: не было праздника ея душѣ! Взгляните сами, какъ мерзнуть и дрожить ея супругъ, какъ приклоняетъ онъ утомленную голову на обледѣнелыя горы? Какъ скучны и продолжительны казались ей зимніе дни! Чѣмъ возвышеніе въ мірѣ былъ тотъ, кого она любила, тѣмъ несноснѣе казалось ей бѣдствіе видѣть его униженнымъ, помраченнымъ, дрожащимъ, побѣжденнымъ и въ неволѣ. Но упадокъ солнца только временный. Скоро пробьется оно сквозь самыя густыя тучи; скоро выступитъ побѣдителемъ, — вотъ оно! Весною, когда помѣшанная встрѣчала своего супруга въ прежнемъ блескѣ, когда листья сверкали отъ него на деревьяхъ какъ искры изъ-подъ кузнечнаго молота, сердце ея наполнялось дивною радостью: она сбрасывала трауръ, одѣвалась въ самое яркое, блестящее платье, и пѣла самыя сладостныя гимны. — Радуйтесь, свѣтила тверди, радуйтесь; и вы, волны рѣки, люди и духи, радуйтесь! мужъ мой, солнце, былъ боленъ и выздоровѣлъ! Онъ былъ въ отсутствіи и воротился! — И дѣйствительно вся природа повиновалась безумной, — вся природа радовалась возврату ея мужа.

Это помѣшательство оставалось десять лѣтъ неизлечимымъ. Но бѣдная женщина была такъ счастлива! зачѣмъ лечить ее отъ счастья? Жена солнца умерла тому три года, и смерть ея была такъ же трогательна, какъ и жизнь. Это случилось

въ прекрасный осенній день. Былъ полдень. Кроткое и спокойное солнце проливало на землю и на жену свои чистѣйшіе лучи. Жена его сидѣла на муравѣ, подъ большою яблоней, и взоромъ провожала въ небѣ величественнаго супруга. Никогда сердце ея не было такъ полно любви, никогда взглядъ ея не былъ такъ пѣженъ, никогда сонъ не подходилъ такъ близко къ дѣйствительности. Они такъ такъ хорошо понимали другъ друга! Она такъ зорко смотрѣла на него, а онъ на нее! Онъ шелъ медленно по лазуревому полю, — вѣрно для того, чтобъ насмотрѣться, какъ она стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ. И вдругъ, увы, могущественный лучъ природы остановился и гаснетъ! Солнце скрылось не попрежнему, не исподоволь, не на берегу рѣки, не отрянувъ блестящей пыли съ ногъ и съ одѣянія. Оно вдругъ остановилось совершенно. Оно исчезаетъ; его не видно! Гдѣ оно? — Да, да! мужъ мой у моей соперницы. Онъ мнѣ изменяетъ! Онъ ушелъ отъ меня днемъ, и не воротится къ вечеру! — Она только и жила для того, чтобъ любоваться имъ во время дня, ожидать его ночью, привѣтствовать его на зарѣ, воспѣвать его весною, дивиться ему лѣтомъ, благословлять его осенью, оплакивать зимою, и любить — всегда; она видѣла, что онъ исчезъ внезапно, неожиданно; не знала, куда ушелъ, когда воротится, и не пережила — затмѣнія! Она умерла, — умерла отъ ревности, отъ любви, съ отчаянья.

И только успѣла она кончить жизнь, солнце разошлось съ луною самымъ невиннымъ образомъ, и спокойно продолжало путь свой. Но было уже поздно. Драма кончилась, и безсмертный супругъ, бывший еще за одинъ мигъ предметомъ самой пламенной страсти, рассыпалъ теперь лучи свои на холодныя, сомкнутыя вѣжды смертной своей супруги. Да! видно ужъ умерла бѣдная женщина, когда не оживилъ ея этотъ печальный лучъ, остановившійся на ней какъ-бы для того, чтобъ выпросить себѣ прощеніе.

Courrier du beau monde.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО

ВО ФРАНЦІЮ И ИСПАНІЮ

1687 ГОДА.

==

Императоръ Римскій, Леопольдъ I склонялъ Русскій дворъ къ союзу съ нимъ противъ Турокъ, которые едва-было не взяли его столицы, Вѣны; но старанія его не имѣли успѣха, и причиною тому было несогласіе Польской республики на удовлетвореніе требованій Россіи. Въ послѣдствіе времени, императоръ склонилъ и короля и республику заключить съ Россіею вѣчный миръ, уступивъ ей Кіевъ, Смоленскъ и нѣкоторые другіе города, а съ нимъ войти въ союзъ противъ невѣрныхъ. Республика согласилась на это тѣмъ легче, что въ 1676 году принуждена была уступить Портъ важную Каменецкую крѣпость. Въ договоръ между императоромъ и королемъ положено было, между прочимъ, чтобы обѣ стороны старались склонить къ союзу и Русскихъ государей.

Вѣчный миръ Россіи съ Польшею заключенъ 26 апрѣля 1686 года, а потомъ постановленъ съ нею же, въ пользу Австріи, оборонительный и наступательный союзъ противъ Турокъ, и сверхъ того положено послать посольство въ Англію, Францію, Испанію, Голландію и Данію, съ предложеніемъ вступить въ союзъ, — что Русскій дворъ принялъ на себя.

Тогда отправлены въ Вѣну посланники, — бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и ближній окольничій Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, который изъ Вѣны долженъ былъ проѣхать въ Венецію. Какъ импе-

раторъ такъ и Венеціанская республика приступили къ союзу.

По возвращеніи боярина Шереметева отправлены были послами — въ Англію, Василій Семеновичъ Подсвищковъ; во Францію и Испанію, ближній стольникъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій и стольникъ князь Яковъ Ефимьевичъ Мышецкій; въ Голландію, дьякъ Василій Постниковъ; въ Данію, дьякъ Любимъ Домнинъ; въ Швецію и Бранденбургію, дьякъ Борисъ Протасовъ.

Потомъ многочисленная Русская армія, подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голлицына, вступила въ Крымъ, и тѣмъ разрушила весьма опасный для императора союзъ, заключенный въ Адрианополѣ между Крымскимъ ханомъ, Франціею и Трансильванскимъ княземъ Текелліемъ, котораго Франція обязалась снабдить искусными офицерами и деньгами. Но для Россіи война эта не имѣла ни какой пользы: Татары выжгли на двѣсти верстъ Крымскія степи, и Русское войско принуждено было возвратиться ни съ чѣмъ въ свои границы.

Описанія этихъ посольствъ до сего времени еще не напечатаны. Одинъ почтенный любитель отечественной исторіи сообщилъ намъ копію съ любопытнаго во многихъ отношеніяхъ статейнаго списка посольства князей Долгорукова и Мышецкаго, и мы сдѣлаемъ изъ нея выписку, сохраняя, по возможности, подлинныя выраженія пословъ.

«Въ лето 1687 февраля 1, Великіе Государи Цари и «Великіе Князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, и Великая Государыня Царевна и Великая «Княжна Софія Алексѣевна, велѣли ближнему стольнику и намѣстнику Симбирскому князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову, стольнику и намѣстнику Болотовскому князю Якову Ефимьевичу Мышецкому и «дьяку Кириллу Алексѣеву, ѣхать для своихъ государ-

«скихъ дѣлъ къ королямъ Французскому Людовику «и Шпанскому Карлусу въ великѣхъ и полномочныхъ «послѣхъ.»

Въ посольской свитѣ были — у князя Долгорукова, три стольника, три стряпчихъ и Сибирянинъ Михаилъ Романовъ сынъ Кушниковъ; у князя Мышецкаго, три жильца; у дьяка, одинъ жилецъ; при посольствѣ для перевода Нѣмецкихъ и Латинскихъ писемъ Товія Мейсперъ, и для письма трое подъячихъ. Посламъ велѣно ѣхать на Великій Новгородъ, Псковъ и Ригу, а оттуда моремъ до Франціи. О вспомога-тельствѣ въ проѣздѣ разными государствами посланы съ ними проѣзжія грамматы за *отворчатыми* печатями.

Послы отправились 26 февраля. Изъ Пскова ссы-лались они съ Рижскимъ генераль-губернаторомъ о пріемъ посольства съ надлежащею честію, что и было сдѣлано: при въѣздѣ ихъ въ городъ стрѣляли изъ пушекъ, а на дворѣ у нихъ поставленъ былъ караулъ. Въ Ригѣ наняли они корабль до Французскаго города Калиса (Calais) за шестьсотъ сфимковъ, и отправились 13 мая. Но они не могли понасть въ этотъ городъ, боясь «Турецкихъ» корсаровъ, кото-рые въ то время тутъ бродили и захватили многіе Голландскіе корабли: послы узнали объ этомъ, не доѣзжая Калиса двадцать пять миль, и какъ корабль ихъ былъ купеческій, безъ пушекъ, то принуждены были войти въ рѣку Маасъ и пристать къ городу Брилю. Здѣсь пробыли они на своемъ кораблѣ до 17 іюня. Въ этотъ день почтарь изъ города Роттердама привезъ имъ посланную изъ Посольскаго Приказа царскую граммату къ Испанскому королю о помощи денежною казною противъ Турокъ.

Узнавъ въ Брилѣ, что до Французскаго города Дюнкерка можно доѣхать прокопными рѣками (кана-

ламн), послы наняли четыре шкуты, и прибыли на нихъ въ Голландскій городъ Шлюсъ, порубежный съ Фляндскою землею Испанскаго владѣнія, гдѣ наняли другія суда. Они пріѣхали 25 іюня въ Фляндскій городъ Брыггнъ. Здѣсь послали они къ генераль-губернатору сказать, что ѣдутъ посольствомъ къ его королю, и просили его дать имъ до Французскаго порубежнаго города суда или подводы, но получили въ отвѣтъ, что прошенія ихъ нельзя исполнить безъ особаго королевскаго повелѣнія. Несмотря на то, генераль-губернаторъ былъ у нихъ съ визитомъ.

Въ городъ Брыггнъ послы получили донесеніе отъ гонца Никиты Бехтѣева, который по указу Царскаго Величества былъ отправленъ къ королямъ Французскому и Испанскому. Онъ доносилъ имъ, что въ Парижъ прибылъ 10 іюня, и получилъ королевское повелѣніе быть на пріѣздѣ (аудіенціи) въ Версалию, а между-тѣмъ отдать царскую грамоту министру посольскихъ дѣлъ, который, прочитавъ ее, доложить королю, и, «ежели доведется, то король велитъ ему, Бехтѣеву, видѣть свои очи.» Бехтѣевъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого не можетъ. Послѣ долгаго спора, ему сказали, что, ежели онъ грамоты не отдастъ, король велитъ отвезти его на границу, откуда онъ пріѣхалъ. Но какъ и за тѣмъ онъ не хотѣлъ исполнить ихъ требованія, то его отвезли на границу, откуда онъ пріѣхалъ въ Голландскій городъ Филиппинъ, гдѣ и остановился.

Послы отправили къ нему подъячаго сказать, чтобы онъ въ точности поступилъ по тому наказу, каковъ ему данъ изъ Посольскаго Приказа. Бехтѣевъ, получивъ это повелѣніе, нанялъ подводы и поѣхалъ обратно въ Парижъ, потому что дорога въ Шпанию шла черезъ этотъ городъ.

Наплавъ въ Брыггнѣ повозки, послы пріѣхали во Фландрскій городъ Пинпортъ, а отсюда на судахъ отправились до Дюнкерка; не доѣхавъ за мило, послали они къ тамошнему интенданту стольника съ переводчикомъ объявить о своемъ пріѣздѣ и просить о пріемѣ, по обычаю, и отправленіи въ Парижъ немедленно. Интендантъ отвѣчалъ, что приметъ ихъ со всякою достойною честію; но отпустить въ Парижъ, безъ указа своего государя, не смѣетъ, а будетъ писать о томъ. Интендантъ самъ пріѣхалъ къ посламъ съ каретами, спрашивалъ ихъ о здоровьи, и перевезъ ихъ въ городъ, гдѣ встрѣчали ихъ пѣхотные полки.

Юля 1 явились къ посламъ присланные отъ короля приставъ Юна Шторфъ и мушкетеръ Елизарій Кро, и говорили, что король, узнавъ объ ихъ пріѣздѣ, приказалъ ихъ спросить, «не для какова ли упрямства они пріѣхали и не будутъ ли въ чемъ противны воли Его Величества.» Послы отвѣчали, что столь странное вопрошеніе «зѣло ихъ удивляетъ, понеже они чрезъ обыкновенный чинъ посольства присланы отъ Великихъ своихъ Государей къ Его Королевскому Величеству для любленія между ими и для общихъ ихъ государскихъ дѣлъ, а не для какого противленія, и что прежнимъ Царскаго Величества къ королю Французскому посланникамъ необыкновенныхъ вопросовъ не чинено.» Приставъ сказалъ, что онъ будетъ писать о томъ къ королю; потомъ потребовалъ отъ нихъ списка съ проѣзжей грамматы и росписи находящимся при послахъ дворянамъ и прочимъ чинамъ, что послы и исполнили.

Юля 8 приставъ объявилъ посламъ, что король приказалъ ему принять ихъ и ѣхать съ ними въ Парижъ. Черезъ два дня прислано изъ Парижа десять каретъ, и подъ людей верховыя лошади, а подъ рухлядь телѣги.

Изъ Дюнкерка выѣхали они 12 іюля, и ѣхали на Септанъ (St-Aignan), Долианъ, Амгенъ и Булонь: вездѣ встрѣчали ихъ съ пушечною пальбою. О пріѣздѣ ихъ въ Дюнкеркъ и отправленіи въ Парижъ донесли они Государямъ черезъ почту. Іюля 17 посольство прибыло «на подходій станъ» въ мѣстечко Св. Діонисія, откуда приставъ поѣхалъ къ королю, и на другой день возвратяся сказалъ, что онъ короля не видалъ, потому что Его Величество поѣхалъ въ мѣстечко Монтеного, а съ нимъ и посольскихъ дѣлъ министръ Крусинъ; но что онъ о пріѣздѣ пословъ писалъ и ожидаетъ королевскаго возвращенія въ Версалию къ 22 іюля. Того же числа пріѣзжалъ къ посламъ изъ Парижа гонецъ Бехтѣвъ, и говорилъ, что онъ долгое время домогался видѣть королевскія очи и вручить грамоту, но ему велѣтъ явиться къ министру посольскихъ дѣлъ и ѣхать въ Версалию въ наемной каретѣ, а королевской не даютъ.

Послы говорили приставу: почему такъ поступаютъ съ Бехтѣвымъ въ умаленіе братской любви между ихъ государями? Они просили доложить королю, чтобы Его Величество дозволилъ ему видѣть свои очи и царскую грамоту принять самъ. Черезъ нѣсколько дней приставъ объявилъ имъ, что о словахъ ихъ онъ доносилъ королю, но Его Величество и слышать о томъ не хочетъ.

Іюля 22 пріѣхали къ посламъ «мастеръ церемоній», Бопелій, и товарищъ его Жиро, и королевскимъ именемъ спрашивали ихъ о здоровьи, объявивъ, что Его Величество велѣлъ принять ихъ въ Парижъ 24, а на пріѣздѣ (пріемной аудіенціи) быть имъ 26 числа; но притомъ указалъ, чтобы они предварительно были у министра Кольберта и объявили ему дѣла, которыя съ ними отъ Царскаго Величества наказаны, послѣ чего шли бы къ королю. Послы отвѣчали, что они не только этого сдѣлать, но и мыслить о томъ не могутъ, по-

тому что они отъ своихъ государей посланы къ королю, которому и должны прежде «справить посольство» и подать граммату, послѣ чего уже готовы быть въ отвѣтъ, съ кѣмъ король прикажетъ, а прежде нежелан увидятъ королевскія очи, они ни у кого быть не могутъ, «потому-де, что ни въ которомъ изъ окрестныхъ, не токмо христіанскихъ, но и бесурманскихъ государствъ, не водится того, къ чему ихъ нынѣ принуждаютъ, да и прежде присланнымъ отъ ихъ Царскихъ Величествъ посланникамъ таковыхъ необыкновенныхъ дѣлъ не чинено.» На это мастеръ церемоній сказалъ, будто прежніе Русскіе послы дѣлали это, «а хотябъ-де и не дѣлали, то государь его въ волѣ своей самовластенъ, въ которое время какъ изволитъ, такъ и чинитъ,» и при дворѣ его всѣхъ государствъ послы, до представленія посольства, бываютъ у посольскаго министра. Несмотря на то, послы твердо стояли въ своемъ, и мастеръ церемоній наконецъ сказалъ, что онъ донесетъ о томъ королю, «только-де напередъ говоритъ, что Его Величество сказаннаго объявленія своего никогда не отмѣнитъ.»

Юля 24 приставъ сказалъ посламъ, что король велѣлъ объявить имъ, чтобы они указу его не противили, потому что и прежніе Русскіе послы дѣлали то же, что все записано въ канцеляріи, и въ увѣреніе этого король дастъ имъ писъмо за своей подписью. Послы отвѣчали, что такого требованія они никогда не исполнять; что прежніе Русскіе послы къ министру до представленія посольства не хаживали, и что если бы это было такъ, оно было бы извѣстно, и потому и писъма за королевскою подписью брать имъ не для чего. На другой день маstra церемоній, пріѣхавъ къ посламъ, объявили, что король своего намѣренія не оставляетъ, и что, если они повелѣнія его не исполнятъ, Его Величество приказалъ отнять отъ нихъ пристава, караулъ и все принадлежащее къ посольству.

Послы отвѣчали, что въ этомъ воля Его Величества; по нимъ никогда и на мысль не придетъ выполнить такія неспосныя и трудныя предложенія, «какихъ напередъ сего не бывало, и что они просятъ, чтобы тѣ трудности приказаль отставить».

Іюля 26 маstra церемоній объявили, что король, желая быть съ Русскими Государами въ братской дружбѣ и любви, прежнее свое повелѣніе отмѣнилъ, и велѣлъ принять ихъ въ Парижъ 30 іюля, а посольство править въ Версаліи 2 августа. Сверхъ того маstra сказали, что для пріема ихъ пріѣдетъ первый маршалокъ и адмиралъ Детрій, и съ нимъ королевская карета, въ которую сядетъ первый посолъ, по лѣвую у него сторону маршалокъ, а противъ ихъ мастеръ церемоній и приставъ. Въ другой, Дофинновой каретѣ поѣдетъ второй посолъ и дьякъ, а съ ними товарищъ мастера церемоній. Послы сказали, что они отъ своихъ Государей присланы вмѣстѣ, и должны ѣхать вмѣстѣ же въ одной каретѣ; но получили въ отвѣтъ, что во Франціи, обыкновенно, всѣхъ христіанскихъ государей только одинъ посолъ сидитъ въ первой каретѣ, и съ нимъ маршалокъ.

Іюля 30 пріѣхалъ адмиралъ съ каретами, и послы, «убрався по посольскому обычаю», отправились описаннымъ порядкомъ. Свита ихъ ѣхала въ другихъ каретахъ, а люди верхомъ. По дорогѣ до Парижа было великое множество любопытныхъ въ каретахъ и на лошадахъ; также и въ городѣ по улицамъ, которыми они ѣхали. Въ Парижѣ поставили ихъ на посольскій дворъ, и три дня готовился для нихъ столъ; подчивалъ ихъ маршалокъ Шарлетъ со многими чиновными дворовыми людьми.

Августа 1, маstra церемоній сказали посламъ, что король приметъ ихъ въ Версаліи втораго числа, и того же дня должны они «быть въ отвѣтъ» съ министромъ посольскихъ дѣлъ Кольбертомъ; только-де его

Величество указалъ, что бы они трубъ, литавръ и людямъ сабель имѣть не вѣлѣли. Послы отвѣчали, что первыя двѣ статьи они выполнятъ; но что касается до третьей, то «такого необыкновеннаго объявленія и безчестія ни въ которомъ государствѣ не только полномочнымъ посламъ, но и посланникамъ не чинится.» На это мастеръ церемоній сказалъ, что государь ихъ въ волѣ своей самовластенъ, и что пока послы ся не выполнятъ, до тѣхъ поръ имъ «на прїѣздѣ не быть.» Послѣ многихъ споровъ послы уступили; но просили донести королю, чтобы во время представленія ихъ посольства у короля не было ни какихъ другихъ пословъ, посланниковъ и гонцевъ. Мастеръ церемоній увѣрилъ ихъ, что желаніе ихъ будетъ выполнено.

Августа 2, прїѣхали первый маршалокъ Дестрій и мастеръ церемоній съ своимъ товарищемъ, и послы отправились прежнимъ порядкомъ. Въ Версаліи передъ дворцомъ стояли на площади на стойкѣ (въ парадѣ) строемъ Швейцарскіе пѣхотные полки. Водворцѣ, ввели ихъ въ посольскія палаты, гдѣ они, «убрався по посольскому обычаю», пошли къ королю. Впередѣ ихъ, подъячій Волковъ несъ царскую грамоту. Пословъ провожали тотъ же маршалокъ, мастера церемоній и приставъ. У королевскаго крыльца встрѣтилъ ихъ мастеръ церемоній Бленвилъ, и пошелъ передъ ними, а у первой королевской компаты, маршалокъ Люскарьбокъ (Luxembourg), который пошелъ также передъ ними. На королевскомъ крыльцѣ стояла ея гвардія «съ протазаны, а въ палатахъ съ протазаны и съ карабины.» Король, при входѣ пословъ, всталъ, а они, поклонясь и подступивъ къ мѣсту, «правили отъ Великихъ Государей поздравленіе Его Величеству»: рѣчь говорилъ князь Долгорукій. По окончаніи рѣчи, король вставъ, снялъ шляпу, и сказалъ: «Желаю слышати о здравіи братій

нашихъ, Великихъ Государей, Ихъ Царскаго Величества, и о счастливомъ ихъ государствованіи.» Послы говорили: «Какъ мы поѣхали отъ братій вашихъ, пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ Великихъ Государей, отъ Ихъ Царскаго Величества, и Божіею милостію пресвѣтлѣйшіе, державнѣйшіе Великіе Государи наши, Цари и Великіе Князи, на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, Россійскаго царствія престолѣ, въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, въ добромъ здравіи пребываютъ.» Потомъ, первый посолъ, сказавъ, что Ихъ Царское Величество прислалъ къ его Королевскому Величеству, брату своему, любительную свою грамату: онъ взялъ ее у дѣяка, и поднесъ королю, который принялъ ее, «вставъ и шляпу снявъ.» Тутъ послы говорили рѣчь, которую началъ первый изъ нихъ. Въ 1684 году, изъяснялъ онъ, цесарь Римскій прислалъ къ Ихъ Царскимъ Величествамъ полномочныхъ пословъ своихъ, Ягана Христофора вольнаго барона Зжирова (изъ Жирова) Жировскаго, да Савостяна вольнаго жъ барона Зблемберга (De Blemberg), которые, по отправленіи посольства, въ разговорахъ съ ближними боярами, предлагали о обновленіи между ихъ государями братской дружбы и любви, и о учиненіи союза между цесаремъ и королемъ Польскимъ противъ Турецкаго султана и Крымскаго хана. Ближніе бояре сказали имъ, что Ихъ Царскія Величества этого желаютъ, но что они, цесарскіе послы, должны сдѣлать прежде договоръ и совершить постановленіе о вѣчномъ мирѣ между Ихъ Царскимъ Величествомъ и королемъ Польскимъ, а потомъ уже приступить къ разсужденію о союзѣ противъ невѣрныхъ, «понеже тотъ союзъ безъ вѣчнаго мира быти не можетъ.» Австрійскіе послы сказали, что на это они не имѣютъ полномочія, но донесутъ своему государю, съ чѣмъ и отправились изъ Москвы.

Второй посолъ продолжалъ: «Въ 1686 году король Польскій прислалъ полномочныхъ своихъ пословъ, Христофора Гримултовскаго, восводу Познаньскаго, и Марціана Александра князя съ Козельска Огинскаго, канцлера великаго княжества Литовскаго, съ товарищи, которые по отправленіи посольства, въ разговорахъ съ ближними боярами, предлагали, что государь ихъ желаетъ быть съ Ихъ Царскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви паче прежняго, и учинить вѣчный миръ и союзъ на враговъ имени Христова, — о чемъ также съ тѣми же посланцами писали къ Ихъ Царскому Величеству и Ваше Королевское Величество, и Курфирстъ Бранденбургскій, да князь и сенатъ Венеційскій: въ слѣдствіе чего, Ихъ Царское Величество, по желанію Римскаго императора и Вашего Королевскаго Величества, взяли съ королемъ Польскимъ вѣчный миръ и союзъ на общаго врага.»

Дьякъ присовокупилъ: «И тотъ вѣчный миръ и союзъ Ихъ Царское Величество въ присутствіи Польскихъ пословъ, а король Польскій при бытности царскихъ пословъ, ближняго боярина Бориса Петровича Шереметева съ товарищи, во Львовѣ, утвердили, и для извѣщенія о семъ Великіе Государи отправили насъ пословъ къ Вашему Королевскому Величеству, и при томъ вѣлно намъ объявить о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ.»

Первый посолъ заключилъ: «И Вашему бѣ Королевскому Величеству повелѣть быть съ нами въ отвѣтъ своимъ думнымъ людямъ, и показанныхъ намъ дѣлъ выслушати и отвѣтъ учинити.»

Король отвѣчалъ, что онъ «Царскаго Величества присылкѣ зѣло благодаренъ, и зѣло радуется о вѣчномъ мирѣ съ королемъ Польскимъ,» а въ отвѣтъ съ ними указалъ быть того жѣ числа посольскихъ дѣлъ министру, Кольберту.

Затѣмъ Король допустилъ пословъ къ рукѣ, послѣ чего они поднесли ему отъ себя дары, — первый посолъ, двухъ кречетовъ, сокола, челикъ соколій, чалдари, четыре сорока соболей, двадцать лисицъ черныхъ, десять рысей, бобра, барса, пятнадцать сороковъ горностаевъ, тридцать косяковъ..... мѣхъ Китайскій барсовый, кушакъ золотный, чалму золотную, пять заарбафовъ (кусковъ Персидской парчи) золотныхъ и серебряныхъ, пять атласовъ золотныхъ, пять заарбафовъ по дорогамъ (?), и камку золотную Китайскую; второй посолъ, сорокъ соболей, пять косяковъ камокъ лаудановъ, пару соболей и двѣ камки лаудановъ; дьякъ, сорокъ соболей и заарбафъ серебряный, шесть косяковъ камокъ лаудановъ, пару соболей и двѣ камки золотныя Китайскія; племянникъ перваго посла, бывшій въ свитѣ, князь Василій Долгоруковъ, сорокъ соболей, шесть лисицъ черныхъ и десять косяковъ камокъ лаудановъ.

Наконецъ послы, ударивъ королю челомъ, пошли, а Его Величество всталъ, шляпу снялъ, и поклонился.

Во время пріема, при королѣ стояли, по правую сторону Дофинъ, сынъ королевскій; по лѣвую братъ королевскій Дюкъ де Орлеанъ; за ними ближніе и думные люди. Рѣчи посольскія и слова королевскія переводилъ мушкетеръ Елизарій Кро. Послы возвратились въ прежнія палаты, куда черезъ нѣсколько минутъ пришелъ маршалокъ Детрій и звалъ ихъ къ столу, за который съ ними сѣли маршалокъ, мастр церемоній и приставъ: подчивалъ ихъ маршалокъ Шарлетъ съ чиновными людьми. По окончаніи стола Детрій сказалъ посламъ, что король велѣлъ быть имъ въ отвѣтъ того же числа, для того, что Версалія отъ Парижа далеко, чтобы имъ отъ лишней ѣзды не было трудности. Детрій приводилъ ихъ въ посольскую палату, откуда, по приглашенію мастера церемо-

ній, Бонелія, пошли они въ отвѣтную палату, гдѣ въ дверяхъ встрѣтилъ ихъ Кольбертъ-Крусинъ.

По занятіи послами мѣстъ въ креслахъ, Кольбертъ сказалъ имъ, что король велѣлъ ему быть съ ними въ отвѣтъ; но какъ поданной ими царской грамматы перевести не кому, то просилъ Латинскаго ея перевода. Послы дали ему Латинскій переводъ, сказавъ, что Великіе ихъ Государи желаютъ съ Его Королевскимъ Величествомъ заключить союзы противъ Турокъ. Министръ отдѣмался общими словами, и кончилъ тѣмъ, что донесетъ объ этомъ королю, и что Его Величество указалъ ему быть съ ними въ отвѣтъ въ другой разъ въ Парижъ, 10 августа, на посольскомъ дворѣ.

По возвращеніи пословъ въ Парижъ пришли къ нимъ мушкетеръ Кро и бывший у гонца Бехтѣва приставъ Блюндеръ, и за тайну сказали имъ, что 8 августа прибыли въ мѣстечко Шаломтонъ (Shalampton?), отъ Парижа за мило, Турецкіе посланники, которыхъ того же числа отвезли къ королю въ Версалию, — а за чѣмъ они пріѣхали, того-де за подлинно не знаютъ, но кажется за тѣмъ, чтобы просить помощи противъ союзныхъ государей. Августа 10 пріѣхалъ къ посламъ мастеръ церемоній Жиро съ объявленіемъ, что король, «уразумѣвъ все изъ перваго ихъ отвѣта», не находитъ уже нужнымъ давать имъ новой конференціи съ министромъ, и приказалъ отпустить ихъ немедленно, и что королевская грамота къ Ихъ Царскимъ Величествамъ будетъ прислана къ посламъ на дворъ. На это послы сказали, что Его Величеству, по первому ихъ отвѣту, нельзя было выразумѣть воли Великихъ ихъ Государей, потому что въ этомъ отвѣтѣ ни какихъ дѣлъ предложено не было, а что касается до принятія королевской грамматы на посольскомъ дворѣ, то это дѣло небывалое, и они ея не возмутъ. Мастеръ церемоній отвѣчалъ, что еже-

ли они грамматы на дворъ не примутъ, то наведутъ на себя великій королевскій гнѣвъ, и что перемѣны тому никогда не будетъ.

Послѣ долговременнаго спора послы рѣшительно сказали, что они грамматы на дворъ у себя не примутъ ни подъ какимъ видомъ, потому что какъ цесарь Римскій, такъ и всѣ окрестные великіе государи, отдаютъ грамматы царскимъ посламъ сами на отпущкѣ, — что дѣлалъ и король Французскій съ прежними Русскими посланниками. Мастеръ церемоній ухмалъ, и того же числа вечеромъ явился на посольскомъ дворѣ караулъ сверхъ обыкновеннаго караула, съ приказаніемъ никого не спускать и никого не впускать: къ посольской рухляди также поставили караулъ. На вопросъ посольскій объ этомъ необыкновенномъ поступкѣ, приставъ отвѣчалъ, что король приказалъ усилить караулъ для лучшей безопасности, а къ рухляди приставить для того, что въ ихъ землѣ обыкновенно пословъ и посланниковъ всѣхъ государствъ осматриваютъ: какъ ихъ рухляди не осматривали, продолжалъ приставъ, то король велѣлъ сдѣлать съ ними то же, что дѣлается съ прочими, и объявить имъ, чтобы они показали свои вещи. Послы возразили, что караулъ представленъ не для безопасности, а для ихъ «безчестія.» Осматриваютъ ли во Франціи, или нѣтъ, чужестранныхъ пословъ, этого они не знаютъ, а знаютъ совершенно только то, что прежнихъ Русскихъ пословъ и посланниковъ не осматривали: этого требованія они никогда не исполнять.

Августа 11, пріѣхали мастеръ церемоній Жиро и приставъ Юна съ объявленіемъ, что за отказъ ихъ принять граммату на дворъ «король вельми яростенъ, общаетъ учинить имъ великое безчестіе, и указалъ выпроводить ихъ до Французскаго рубежа до города Дюнкерка.» Вместе съ тѣмъ, ихъ принуждали при-

нять граммату. Но послы сказали, что не только королевскій гнѣвъ, но и самая смерть не принудить ихъ принять ее, и что, если король приказалъ отпустить ихъ до рубежа, въ этомъ его воля. Спустя три дня, мастеръ церемоній Бонелій и товарищъ его Жиро привезли къ посламъ королевскіе дары, противъ поднесенныхъ ими даровъ. Но послы изъяснили, что они благодарятъ за милость королевскую, и даровъ не примутъ, «понеже главное ихъ дѣло то, чтобы совершить дѣла Великихъ ихъ Государей, и потомъ принять къ нимъ граммату изъ рукъ Его Королевскаго Величества, по достоинству: да и то-де зѣло ихъ удивляетъ, что король жалуется, присылаетъ къ нимъ дары, а рухлядь ихъ держать за карауломъ, — каковаго дивнаго способа и разсужденіе ихъ объяти не можетъ»; однако жъ они о своей рухляди ни какого прошенія не приносятъ, а просятъ только о томъ, чтобы «Королевское Величество, не нарушая братской дружбы съ ихъ Великими Государями, по обыкновенію всѣхъ христіанскихъ монарховъ, указалъ выслушать наказанныя съ ними дѣла, и отвѣтъ и отпущскъ учинилъ по обыкновенію.»

На это Бонелій сказалъ, что приставленный къ ихъ рухляди караулъ не новизна; что у пословъ всѣхъ земель осматриваютъ пожитки, и что ежели ихъ пожитки не будутъ осмотрѣны, другихъ земель послы будутъ требовать того жъ, и тѣмъ нарушится право королевское: если они не хотятъ показывать своей рухляди, то хоть бы для вида велѣли вскрыть одинъ ящикъ; послѣ чего караулъ будетъ снятъ тотчасъ. Ежели это кажется имъ неумовѣрнымъ, пусть спросятъ всѣхъ другихъ чужестранныхъ пословъ и посланниковъ, находящихся при Французскомъ дворѣ. Послы отвѣчали, что хотя рухлядь ихъ не тайная и показать ее не трудно, однако жъ «они дѣлать сего не повинны,» для того, что это «чинится

изъ умаленія, а они присланы для умноженія дружбы и любви» между государями, для государскихъ дѣлъ, и отнюдь не въ неволю: спрашивать имъ о томъ иностранныхъ пословъ не для чего, потому что хотя, по ихъ словамъ, всѣхъ чужестранныхъ пословъ осматриваютъ, но прежнихъ Русскихъ пословъ не осматривали, и хотъ бы король велѣлъ отнять у нихъ всѣ ихъ пожитки, они не велятъ вскрывать ни одного ящика, потому что не должны ничего дѣлать по принужденію и для умаленія любви и дружбы.

Бонелій просилъ ихъ принять безспорно королевскіе дары, потому что въ противномъ случаѣ учинять Его Величеству великое безчестіе, а на себя навлекутъ великій его гнѣвъ; и ежели они даровъ не примутъ, то поднесенные ими дары пришлются къ нимъ назадъ. Но послы отвѣчали, что они своихъ даровъ обратно не примутъ, и повторили прошеніе быть у короля на отпускъ и получить грамоту изъ его рукъ. Тутъ Бонелій сказалъ, что если они не примутъ, то король приказалъ покласть дары въ возы насильно. Послы примолвли, что король во своей землѣ самовластенъ; но что они не только даровъ, да и возовъ, въ которые они будутъ положены, никогда при себѣ имѣть не будутъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго спора, маstra церемоній поѣхали; дары понесли за ними.

Августа 17, Бонелій, пріѣхавъ опять съ дарами, сказалъ, что король зѣло гнѣвенъ за ихъ отказъ, и теперь присылаетъ дары вторично, съ объявленіемъ, что если они ихъ не примутъ, то навлекутъ на себя великій гнѣвъ Его Величества и безчестіе: дары ихъ присланы будутъ назадъ, и ихъ завтра же отпустятъ на рубежъ. Но послѣ многихъ споровъ, послы рѣшительно отказались отъ принятія даровъ, и мастеръ церемоній принужденъ былъ ѣхать обратно и съ дарами.

Въ тотъ же день пріѣхалъ къ посламъ Греческій митрополитъ изъ Кандін, бывшій прежде духовникомъ Имеретинскаго царя Арчила. Отъ гоненія Турокъ пріѣхалъ онъ по своимъ дѣламъ въ Парижъ. Онъ сказывалъ посламъ, что король Французскій принялъ Турецкихъ пословъ съ великою любовію, и велѣлъ поставить и на томъ дворѣ, на которомъ стоятъ Русскіе послы. Митрополитъ общалъ развѣдать и увѣдомить, зачѣмъ эти Турки пріѣхали. Но къ вечеру митрополитскій слуга пришелъ къ посламъ сказать, что ко двору митрополита приставленъ караулъ, и не велѣно не выпускать ни его, ни людей его. Приставъ объявилъ посламъ, что король приказалъ имъ ѣхать въ мѣстечко Св. Діонисія, гдѣ они получаютъ отвѣтъ отъ Кольберта, — «а то-де мѣстечко отъ Версаліи ближе Парижа, и потому имъ на отпущкѣ къ королю въ Версалію ѣздить способнѣе.» Послы возражали, что то-де мѣстечко отъ Версаліи не ближе Парижа, и ѣхать туда не для чего; но приставъ отвѣчалъ, что король велѣлъ посольскій домъ починивать, ковры и все изъ него обирать.

На слѣдующее утро послы выѣхали съ приставомъ изъ Парижа, и, прибывъ въ мѣстечко Св. Діонисія, услышали отъ своего провожатаго, что король приказалъ отдать имъ, не осматривая, бывшіе за карауломъ ихъ пожитки. Тутъ они изъяснили, что когда пожитки отдаются имъ безъ осмотра, то и они, безъ принужденія, прикажутъ показать ихъ, для того, чтобы Его Величеству не сомнительно было, что если они не хотѣли оказывать своей ружьяди, такъ это не для другой причины кромѣ той, о которой объявляли прежде. Они приказали показать свои вещи. Приставъ имъ отвѣчалъ, что король его есть великій государь и дохода получаетъ около двухъ сотъ милліоновъ; что къ ружьяди ихъ

приставленъ былъ караулъ только по мѣстному праву, и что когда бѣ въ ихъ сундукахъ было запрещенныхъ товаровъ на сто тысячъ, «и то-де во Франціи не великая вещь, и король о такомъ маломъ дѣлѣ и мыслить не изволить.»

Августа 22 пріѣхалъ Кольбертъ, и началась конференція. Послы, вручивъ ему списокъ съ договора о вѣчномъ мирѣ съ Польшею и о союзѣ противъ общаго врага креста Господня, просили, чтобы Его Величество приступилъ къ этому союзу и послалъ войско свое на Турковъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, — чего они ожидаютъ тѣмъ болѣе, что Его Величество, черезъ Польское посольство, бывшее въ Москвѣ, обнадеживалъ «къ благоупотребленію христіанскаго общества во всѣхъ дѣлахъ,» да и прежде писалъ съ посланниками Царскаго Величества, стольникомъ Семеномъ Алмазовымъ и дьякомъ Семеномъ Ипполитовымъ, и словесно наказывалъ, что «тому наступленію на невѣрныхъ съ его стороны помѣшательства не будетъ, и что когда увидитъ онъ соединеніе государей, тогда обѣщаетъ учинить помощь своимъ войскомъ.» Кольбертъ, принявъ бумагу, отвѣчалъ желаніемъ побѣды высокимъ союзникамъ, но сказалъ, что государь его приступить къ союзу не можетъ за нѣкоторыми трудностями: онъ уже знаетъ черезъ газеты, что союзники одержали побѣду надъ своими врагами и пріобрѣли себѣ славу, и поэтому если онъ теперь вступить въ союзъ и пошлетъ свои войска, ему будетъ послѣдняя слава, «а онъ-де государь великій, ищетъ коронѣ своей собственной славы, и войска его ни подъ чьимъ региментомъ, кромѣ его, не обрѣтались.» Ему нельзя приступить къ союзу и потому, что, когда въ прошлыхъ годахъ цесарь имѣлъ войну съ Турками и король послалъ ему на вспоможеніе свои войска, имъ «было чинено

великое утѣшеніе»,—ставили ихъ въ поляхъ и въ худыхъ мѣстахъ, безхлѣбныхъ, а въ сраженіяхъ посылали въ первый огонь, отъ чего много ихъ погибло, а славы Его Величеству не причинилось ни какой: вся она досталась цесарю, который не сдѣлалъ за то ни какого воздаянія. Когда Турки подходили подъ Вѣну, Его Королевское Величество хотѣлъ-было послать Австрійское войско на помощь подъ начальствомъ своего генералиссимуса; но цесарь этой помощи не принялъ, не извѣстно для какой причины. Кромѣ того, Его Величество посылалъ восемь тысячъ человекъ въ помощь Венціянамъ противъ Турокъ; но и они, «въ военныхъ трудахъ, ихъ выдавали, и чинили имъ великіе налоги, и мало не все они пропали, а воздаянія за то Его Величеству ни какова не учинилось и славы ни какой не выросло.» У Поляковъ мало войска, и въ прошедшую войну съ Турками они много изъ него потеряли, «а у Его Величества войски великія, и онъ можетъ, одною своею особою, одержать надъ Турками побѣду; съ Царями же Русскими имѣетъ разстояніе дальное, и войскъ на помощь ни въ которую сторону послать не можетъ, а Русскіе Государи могутъ сами и безъ посторонней помощи одержать надъ Турками побѣду.»

Послы говорили, что по столь малымъ причинамъ, которыя впрочемъ можно устранить черезъ обсылки или посольства, нельзя отклонять такого богоугоднаго дѣла, и что если въ прежнія времена Французскія вспомогательныя войска подверглись трудностямъ, то вѣроятно отъ того, что ихъ было мало: ежели теперъ Его Величество, приступивъ къ союзу, пошлетъ многочисленную рать, она будетъ дѣйствовать подъ его именемъ, и слава въ побѣдахъ ни кому, кромѣ его, принадлежать не будетъ. Но Кольбертъ сказалъ, что король велѣлъ объявить имъ, что онъ къ союзу при-

ступить не можетъ потому, что «между нимъ и царемъ исконная всегдашняя недружба, а съ Турками всегдашній миръ и крѣпкая дружба; а отъ торговли между обоюдными ихъ подданными въ казнѣ Его Величества дѣлается великое пополненіе; и ежели-де ему съ Турками миръ разорвать, а союзные государи, преодолевъ ихъ, заключать съ ними миръ, тогда-де тотъ босурманъ прежде всего объявитъ войну Его Величеству, и государству его сдѣлается разореніе.» Поэтому, онъ никогда не разорветъ мира съ Турками, которые съ своей стороны обѣщаютъ сохранять его вѣчно, — «и какой бы разумъ и славу Его Величество оказалъ на весь свѣтъ, если бъ онъ помогалъ недругу, а наступалъ на друга?» На доказательства пословъ, что Французскому народу гораздо выгоднѣе производить торговлю съ христіанами, чѣмъ съ невѣрными, Кольбертъ возразилъ, что «государь его служить своему государству многія лѣта со всякою славою высокоразумными поступками, а нынѣ учинилъ бы не такъ разумно, если бы, безо всякой способной и государству своему пожиточной (полезной) причины, разорвалъ миръ съ Турками, и помогалъ тому, отъ кого впредь чаеть государству своему всякія противности.» Послы старались объяснить, что Русскіе Государи приступили къ союзу, невзирая на собственную свою выгоду; подняли оружіе единственно за имя Христово, и приглашаютъ Его Величество къ тому же, полагаясь на его грамоту, присланную черезъ Польское посольство, и на увѣреніе, данное посланнику Алмазову; но Французскій министръ отозвался, что онъ всегда объявлялъ подлинное намѣреніе своего государя, и теперь его объявляетъ, а что касается до грамоты, то Его Величество писалъ ее только по просьбѣ Польскаго короля, съ которымъ онъ издавна въ дружбѣ; за исполненіе его желанія въ заключеніи вѣчнаго мира, онъ благо-

дарить Русских Царей, по болѣе ничего сдѣлать не можетъ. Послы предлагали, чтобы, если король не желаетъ приступить къ союзу, по-крайней-мѣрѣ общалъ не мѣшать союзнымъ государямъ, и Кольбертъ отвѣчалъ имъ, что это исполнится, если только пограничныя съ Франціею государства не подадутъ никакой причины: въ противномъ случаѣ какъ не оборонить своего государства?

Наконецъ Кольбертъ сказалъ, что государь его желаетъ, чтобы Ихъ Царскія Величества дозволили іезуитамъ свободно ѣздить черезъ Россію въ другія государства, потому что они «обыкли ходить въ инныя земли для проповѣди вѣры, а чрезъ Россію свободнаго пути не имѣютъ.» На это послы отозвались, что «Королевскаго Величества посламъ, посланникамъ и гонцамъ путь чрезъ Россію свободенъ, а о пропускѣ иныхъ чиновъ они указа не имѣютъ,» и должны донести о томъ Ихъ Царскому Величеству. Что касается до торговли, то если ему наказано говорить о томъ съ ними, они имѣютъ на этотъ предметъ указъ отъ своихъ государей. Они получили въ отвѣтъ, что Его Величеству это пріятно, и что онъ прикажетъ объявить своимъ подданнымъ, чтобы они ѣздили съ товарами къ городу Архангельску.

Этимъ кончилась конференція.

На слѣдующій день приставъ Іона увѣдомилъ пословъ, что король не изволилъ сдѣлать ни какой перемѣны въ намѣреніи, объявленномъ черезъ министра, и что онъ назначаетъ имъ быть на отпускъ завтра, 24 числа. Послы сказали, что они готовы; только просятъ, чтобы Его Величество приказалъ прислать имъ прежде отпуски списокъ съ своей отвѣтной грамоты, «дабы имъ вѣдомо было, какъ въ ней написано будетъ.» Приставъ доложилъ о томъ, и, возвратясь, сказалъ, что списокъ съ грамоты доставится имъ по пріѣздѣ ихъ въ Версалию, а въ грамотѣ

«именованіе государей ихъ написано будетъ по достоинству, какъ они сами себя описуютъ.» Послы требовали, чтобы списокъ былъ присланъ въ мѣстечко Св. Діонисія, «для того-де, что то вездѣ обыкновенное дѣло, — прежде бытія на отпускъ списки съ грамматъ къ посламъ присылаютъ.» Приставъ возразилъ, что этого сдѣлать нельзя, но что король именемъ своимъ приказалъ ихъ обнадежить, что царскія именованія и титулы написаны будутъ исправно.

Августа 24, пріѣхали маршалокъ Дирайскій съ мастрами церемоній, и повезли ихъ въ Версалию въ каретахъ прежнимъ порядкомъ. Тамъ приставъ принесъ къ нимъ списокъ съ королевской грамматы. Послы велѣли ее перевести, нашли, что именованія и титулы прописаны неисправно, и объявили о томъ приставу, сказавъ, что они граматы не примутъ и на отпускъ къ королю не пойдутъ. Онъ пошелъ съ этимъ отзывомъ. Возвратясь, онъ сказалъ, что король зоветъ ихъ на отпускъ, и требуетъ, чтобы они грамату приняли, такъ какъ царскія титулы написаны въ ней по достоинству, противъ того списка, который сами они подали, бывъ въ отвѣтъ, — въ чемъ Его Величество ихъ удостовѣряетъ. Послы остались при прежнемъ объявленіи. Приставъ отправился опять, и, возвратясь, сказалъ, что король весьма удивляется тому, что они не вѣрятъ его слову, а вѣрятъ списку; что онъ удостовѣряетъ ихъ вторично, что граммата написана исправно, и ожидаетъ немедленнаго ихъ прихода. Послы, полагаясь на королевское слово, пошли.

При входѣ пословъ, король всталъ и поклонился, а потомъ, сядя, говорилъ, что онъ «присылкѣ отъ Царскаго Величества благодаренъ, и съ чѣмъ послы присланы, о томъ выразишь, и союзу христіанскихъ государей радъ,» и желаетъ, чтобы дѣло увѣн-

чалось благимъ окончаніемъ. Король взявъ изъ рукъ Кольберта грамоту, всталъ, и, снявъ шляпу, продолжалъ: «Посылаетъ-де онъ къ любительнымъ своимъ братьямъ и Великимъ Государямъ свою грамоту, и чтобъ они великіе и полномочные послы, пріѣхавъ къ Ихъ Царскому Величеству, отъ Его Королевскаго Величества поклонилися.» Онъ вручилъ грамоту первому послу; потомъ допустилъ всѣхъ къ рукъ, и они, ударивъ челомъ, удалились.

Во время аудіенціи, подлѣ короля стояли — по правую руку братья его дюкъ де Орлеанъ, и сродникъ его, принцъ Кондеушъ, — по лѣвую, королевскій сынъ, Дофинъ.

По возвращеніи въ прежнюю палату, послы тотчасъ велѣли переводчику «на королевской грамотѣ подписи вычестъ и выразишь.» Переводчикъ нашелъ, что на подписи грамоты написано неисправно, — не написано *Великимъ Государямъ*. Они заявили это приставу, и сказали, что обнадеживаніе Его Величества о исправленіи грамоты не состоялось, и, возвращая грамоту, просили, чтобы она была переписана. Приставъ отправился съ грамотою и скоро возвратился съ извѣстіемъ, что король приказалъ переписать ее «по достоинству,» и просить, чтобы они ѣхали въ мѣстечко Св. Діонисія, — что они и исполнили. Спустя два дня, прибылъ къ нимъ приставъ, и, вынувъ изъ кафтанной *зепи* (кармана) прежнюю грамоту, сказалъ, что король не велѣлъ ее переписывать; что словъ — *Великимъ Государямъ* не возможно выставить потому, что Его Величество ни къ которому государю такъ не пишетъ; что того же домогается безпрерывно и салтанъ Турскій, однако жъ король не пишетъ, — да и «самъ Его Королевское Величество и себѣ такой титулы не приписуетъ.» Послы отвѣчали, что, безъ переписки, они грамоты не примутъ, потому что въ грамотѣ, присланной съ ни-

ми отъ ихъ государей къ королю, было написано — *Великому Государю*. Сверхъ того, въ прошломъ году, король писалъ такъ къ Ихъ Царскому Величеству съ стольникомъ Алмазовымъ, а «пынь такое нарушение братской дружбы и любви чинится напрасно, — да и то ихъ зѣло удивляетъ, что онъ, приставъ, привезъ королевскую грамоту дерзновенно и безопасно, въ *зени*, а король его государь великій и грамота также къ великимъ государямъ, и такія грамоты надлежитъ имѣть со всякимъ достойнымъ почитаніемъ и опасательствомъ.» На это приставъ сказалъ имъ: «Во Франціи-де на такія причины не взирають, и того-де въ безчестіе не ставятъ, — а какое обыкновеніе въ Русскомъ государствѣ, имъ то не знаемо, — а онъ привезъ грамоту по обыкновенію своего государства, и король указалъ ему ту грамоту отдать имъ,» и объявить, что она никогда переписана не будетъ. Послы, съ своей стороны объявили, что они никогда ея не примутъ. Приставъ положилъ грамоту на столъ. Когда послы увидѣли это, они вышли изъ палаты, сказавъ, что не только грамоты не примутъ, но и въ палату ходить не будутъ.

Съ этимъ отвѣтомъ приставъ отправился въ Версалию. Возвратясь оттуда, онъ объявилъ, что король указываетъ имъ взять грамоту, что она никогда не будетъ переписана, что съ Алмазовымъ никогда не писано такъ, какъ они говорятъ, что наконецъ о томъ и въ канцеляріи нѣтъ ни какого свѣдѣнія. На слова пословъ, что у нихъ есть списокъ съ этой грамоты, приставъ возразилъ, что король общается своею душою, что такой титулы въ грамотѣ съ Алмазовымъ не писано, — и съ тѣмъ поѣхалъ онъ обратно въ Версалию. Мастра церемоній привезли королевскіе дары; но послы, поблагодаривъ за милость, объявили, что королевскаго жалованья они принять не могутъ, а просятъ о перепискѣ грамоты. Присланные изъяснили,

что они не смѣютъ объ этомъ докладывать, и что ежели послы даровъ не примутъ, то навлекутъ на себя великій королевскій гнѣвъ. Когда послы совершенно отъ этого отказались, мастра церемоній, сказавъ, что «Его Величеству ни отъ кого подобныхъ досадительствъ прежде не бывало», поѣхали назадъ, а дары понесли за ними. На другой день, 28 августа, приставъ возвратился съ объявленіемъ, что король приказалъ, ежели они грамматы не возмутъ, снять съ посольскаго двора караулъ и всѣхъ чиновниковъ: что касается до ея переписки, то Его Величество велѣлъ имъ сказать клятвенно, что какъ бы они долго во Франціи ни жили, она переписана не будетъ, для того, что «то дѣло учинено не безъ размышленія и осмотрѣнія». Послы отказались рѣшительно. Караулъ, приставъ и всѣ прочіе ихъ оставили.

Такимъ образомъ, послы жили въ Сенъ-Дени на свой счетъ, и, купивъ лошадей, чтобы ѣхать въ Испанію, послали въ Версаль къ Кольберту просить себѣ протѣжаго письма. Посланные воротились съ отвѣтомъ, что король велѣлъ имъ ѣхать въ городъ Гавръ де Грасъ (Havre-de-Grâce) на королевскихъ подводахъ и кормахъ; откуда отвезутъ ихъ на военномъ кораблѣ до Испанскаго рубежа, до города Савостьяна (St.-Sebastien); прямо, сухимъ путемъ, онѣ ѣхать имъ не позволяютъ; «а что они, послы, бывъ въ Парижѣ и мѣстечкѣ Св. Діонисія, Его Величества персоны и даровъ не приняли, и тѣмъ учинили ему великое безчестіе, понеже Его Величество имѣетъ (терпитъ) отъ того великое подозрѣніе отъ постороннихъ народовъ, что тѣ Его Величества персоны по многія времена къ нимъ, посламъ, были присыланы и они ихъ не приняли, и тѣ персоны назадъ отъ нихъ со двора относили, — а королевскаго-де Величества персонъ принося съ двора относить неприлично, — и такова досадительства и безчестія Его Величеству ни-

когда и ни отъ какихъ пословъ не бывало, — за то-де Его Величество вельми гнѣвенъ, и общается учинить имъ великое безчестіе: нѣкогда-де былъ у него посолъ Англическаго короля и, за находящимися тогда причинами, не хотѣлъ принять персоны и даровъ королевскихъ, и Его-де Величество указалъ сказать ему за то казнь.»

Августа 31, мастра церемоній привезли «четыре королевскія персоны съ каменья»; и объявили, что государь ихъ прислалъ имъ свое жалованье, по персонѣмъ да князю Василью Долгорукову. Послы, повторивъ причины, по которымъ они *персонъ* не приняли, просили и теперь донести объ нихъ королю и удовлетворить прежнее ихъ прошеніе: тогда они готовы будутъ принять королевскія персоны съ благодарностію; иначе, просятъ, чтобы ихъ не неволили. На это, присланные имъ сказали, что они не смѣютъ болѣе объ этомъ докладывать, и что имъ приказано извѣстить тотчасъ о принятіи или непринятіи даровъ. «И послы тѣ персоны приняли.»

Послѣ того, явился къ нимъ приставъ для сопровожденія ихъ до Гавра. Они и его просили доложить о перепискѣ грамматы, но онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то ни какого приказанія. Такимъ образомъ послы, въ сопровожденіи пристава Юны Шторфа и мушкетера Кро, отправились въ каретахъ 31 августа, и ѣхали на городъ Руанъ, а 5 сентября прибыли въ Гавръ. На другой день приставъ объявилъ имъ, что король приказалъ вручить имъ его дары, и ежели они ихъ не примутъ, не велѣлъ отправлять ихъ на корабль, а оставить въ этомъ городѣ. Дары состояли въ слѣдующемъ: первому послу пара пистолей, фузея, часы боевые, двое часовъ *зепныхъ* (карманныхъ), шесть ковровъ шелковыхъ, двѣ матеріи золотныя, двѣ матеріи золот-

ныя легкія на подкладки; второму пара пистолей, фузея, часы боевые, двое часовъ зепныхъ, шесть ковровъ съ золотомъ; дьяку пара пистолей, фузея, часы боевые, двое часовъ зепныхъ и пять ковровъ шелковыхъ; дворянамъ, переводчику и одному подъячему, по персонъ золотой, а прочимъ подъячимъ по персонъ серебряной.

Послы приняли дары, и отправились 15 сентября на военномъ корабль. Они прибыли 30 того же мѣсяца къ городу Савостьяну, который отъ Французской границы въ двухъ миляхъ, и, не доѣзжая за милю, остановились въ мѣстечкѣ Посажахъ, откуда послали переводчика и подъячаго къ Савостьянскому генералу объявить о своемъ прїѣздѣ, и просить о прїемѣ въ городъ, преспровожденіи къ королю и снабженіи ихъ кормомъ и подводами. Посланные принесли отвѣтъ, что генералъ не можетъ ихъ принять безъ королевскаго указа, но что онъ донесетъ Его Величеству немедленно, и отвѣдь пришетъ къ нимъ черезъ маіора. Этотъ маіоръ дѣйствительно прїѣхалъ на другой день къ посламъ на корабль. Именемъ генерала спрашивалъ онъ ихъ о здоровьѣ, и говорилъ, что его начальникъ не въ правѣ принять ихъ безъ воли государя, но просить, до полученія повелѣнія, остановиться въ городѣ и жить на своихъ проторахъ. Такимъ образомъ, 2 октября сошли они съ корабля, одаривъ капитана и начальныхъ людей. Перваго ноября прїѣхалъ къ нимъ самъ генералъ, дука де Кансанъ, спросилъ о здоровьѣ, и объявилъ, что отъ короля получено повелѣніе принять ихъ, и отпустить въ Мадридъ со всякою достойною честію. Генералъ прибавилъ, что въ приставахъ у нихъ будетъ капитанъ донъ Михель. Черезъ недѣлю явился къ нимъ приставъ съ тремя *литерами* (*litière*), въ чемъ посламъ ѣхать. Подъ свиту и рухлядь были присланы подводы. Скоро потомъ отправились они изъ мѣстеч-

ка Савостьяна, и ѣхали чрезъ города Витторію, Бервекъ и Бургусъ, а 24 ноябрю прибыли на подхожій станъ въ мѣстечко Алковиндасъ, въ двухъ миляхъ отъ Мадрида. Въ тотъ же день, пріѣхалъ къ нимъ отъ короля посольскій кондукторъ, Карлусъ, и говорилъ, что государь его «по любленію съ Ихъ Царскимъ Величествомъ, жалуя ихъ великихъ пословъ, указалъ ему спросить ихъ о здоровьѣ, и посольству ихъ зѣло благодаренъ, и пріемлетъ въ великую любовь, а въ Мадридъ приказалъ принять ихъ 26 ноября». Потомъ желалъ онъ видѣть посольскую проѣзжую граммату, и уѣхалъ.

Въ назначенный день Карлусъ явился опять съ извѣстіемъ, что король прислалъ за ними три кареты и лошадей подъ свиту. Онъ сказывалъ, что король прислалъ сюда для нихъ кареты «чрезъ обычай (сверхъ обычая), для любленія съ Ихъ Царскимъ Величествомъ и жалуя ихъ, пословъ, а обыкновенно-де королевскія кареты подъ всѣхъ пословъ высылаются только за милю отъ города.» Послы, поблагодаривъ за милость королевскую, убрались по посольскому обычаю, и отирались того же числа. Въ одной каретѣ сидѣли оба посла, а противъ нихъ кондукторъ; дворяне помѣстились въ остальныхъ двухъ; прочіе ѣхали верхомъ.

При вѣздѣ въ Мадридъ видѣли они множество любопытствующихъ людей въ каретахъ и верхомъ. У городскихъ воротъ стояла пѣхота съ мушкетами. Ихъ поставили въ домъ, въ которомъ было двадцать двѣ палаты, обитыя коврами золотными и шелковыми, а въ столовой стояло «мѣсто» съ королевскимъ гербомъ подъ балдахиномъ, вышитое золотомъ и серебромъ. Три дня угощали ихъ столомъ, за которымъ подчивалъ ихъ маршалокъ Делапусъ, «съ чиновными королевскими и дворовыми людьми.» На другой день пріѣхалъ кондукторъ, и именемъ ко-

королевскимъ спрашивалъ ихъ о здоровьѣ. Послы, поблагодаривъ, просили доложить королю, чтобы приказалъ вскорѣ быть имъ у себя съ грамматою. Дня черезъ два, кондукторъ донесъ имъ, что король приметъ ихъ 1 декабря. Послы сказали, что они готовы исполнить волю королевскую, только просятъ, чтобы, во время отправленія ими посольства, не было иныхъ государствъ пословъ, посланниковъ и гонцевъ. Въ назначенный день явились маршалокъ маркизъ Делапуэль и кондукторъ съ комнатными дворянами, королевскою каретою и верховыми лошадьми; но тутъ объявили имъ королевское повелѣніе, что всѣ христіанскихъ государей послы, во время отправленія посольства, ѣздить ко двору верхами, а карету возить за ними для почести: поэтому и они должны ѣхать верхомъ, для того-де, что во Шпаніи великая честь ѣхать на посольство къ королю верхомъ. Послы не противорѣчили.

Порядокъ шествія былъ почти тотъ же, какъ въ Парижѣ. На улицахъ и у дворца толпилось множество зрителей. Послы сошли съ лошадей у крыльца. На королевскомъ дворѣ и на крыльцѣ стояла гвардія съ протазаны. При входѣ ихъ въ аудіенцъ-залу, король всталъ, а послы, поклонясь, подступили къ трону и правили посольство. Рѣчь ихъ, по обыкновенію, начиналась полнымъ титуломъ царскимъ; потомъ слѣдовалъ королевскій титулъ, такимъ образомъ: «Королю Кастиліи, Легионскому (Леонскому), Арагонскому и обоея Сициліи, Іерусалимскому, Наваррскому, Гранацкому, Толецкому, Валенскому, Галецийскому, Маюрицкому (Маіоркскому), Минорцкому, Испанскому, Сардинійскому, Кордувскому, Корсицкому, Мурцыскому, Гіенецкому, Алхарвискому (Алгарвскому), Гибралтарскому, и Кинарейскихъ Острововъ, и восточныхъ и западныхъ Индій и острововъ, и крѣпкія земли, и Окіанскаго моря; Арцы-

«арцуху (Эрцгерцогу) Аустрійскому, Арцуху (Герцогу) Бургунскому, Брабанскому и Медіоланскому, графу Гапшпурскому, Фляндрскому, Тиролюскому и Барцынонскому, государю Бискайскому и Моллинскому, и иныхъ.» Рѣчь заключалась тѣмъ, что Великіе ихъ Государи велѣли его поздравить, и про свое государское здоровье сказать.

Король, выслушавъ ихъ привѣтствіе, снялъ шляпу и сказалъ: «Братіи нашихъ Великихъ Государей, Ихъ Царскаго Величества о здравіи и о счастливомъ ихъ государствованіи желаю слышати.» Послы отвѣчали, что «Великіе ихъ Государи, на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, Россійскаго царствія престолѣхъ, въ царствующемъ величествѣ градъ Москвъ, въ добромъ здравіи пребываютъ.» Король сказалъ, что онъ душевно радъ слышать про здоровье Ихъ Царскаго Величества, и въ братской дружбѣ и любви быть съ ними «любително желаетъ.» Первый посолъ взялъ у дьяка граммату, и поднесъ королю, который принялъ ее, снявъ шляпу. Тогда послы говорили рѣчь, сначала первый, потомъ второй и наконецъ дьякъ. Содержаніе ея состояло въ томъ, что родитель Ихъ Царскихъ Величествъ былъ въ братской дружбѣ и любви и любительныхъ пересылкахъ съ Его Королевскимъ Величествомъ; что, по кончинѣ его, Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, взошедъ на престолъ, присылалъ къ Его Королевскому Величеству въ 1681 году стольника Петра Потемкина и дьяка Степана Волкова, извѣстить его о томъ, а какъ теперь Всевышній и его отозвалъ къ себѣ, то Цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ послали ихъ объявить о томъ, и сказать, что Ихъ Царскія Величества заключили съ Польскимъ королемъ вѣчный миръ, и такъ же какъ съ императоромъ Римскимъ, вступились нимъ въ союзъ на невѣрныхъ. Рѣчь заключилъ князь Долгорукій изъясне-

ніемъ, что имъ поручено говорить и о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, и что они просятъ, чтобы Его Величество указалъ думнымъ своимъ людямъ быть съ ними въ отвѣтъ.

Король, пожелавъ союзнымъ государямъ успѣха надъ невѣрными, сказалъ, что онъ велитъ выслушать пословъ своему министру. Послы были допущены къ королевской рукѣ, поднесли отъ себя дары, и, ударивъ челомъ, вышли. Дары были такіе же, какіе поднесены ими Французскому королю. Во время аудіенціи король стоялъ и каждый разъ, когда въ рѣчахъ слышалъ имена Государей, «тѣмъ словамъ шляпу снималъ.» При немъ стояли первый его министръ, Констабель, и восемь человекъ ближнихъ людей. Въ той же палатѣ, въ углу, находились золоченныя рѣшетки, за которыми была королева, «съ открытымъ лицомъ,» и съ нею нѣсколько «женскаго возраста персонъ.» По окончаніи посольства, король сказалъ посламъ «видѣть очи» супруги своей и матери. Ихъ повели сперва къ царствующей королевы, которая приняла ихъ, стоя подъ балдахиномъ на рундукѣ: она спрашивала о здоровьѣ Великихъ Государей и благовѣрныхъ Царицъ и Царевенъ, и услышавъ, что они здоровы, зѣло увеселилась. Затѣмъ послы были и у ея руки и поднесли дары. При королевѣ стояли, по правую сторону, семь вдовъ (дамъ) и нѣсколько дѣвицъ, а по лѣвую шесть человекъ ближнихъ людей, которые прежде стояли у короля; за ними нѣсколько королевскихъ чиновныхъ людей. Потомъ, послы были у вдовствующей королевы, на особомъ дворѣ. И здѣсь принимали ихъ съ такою же церемоніею.

На слѣдующее утро пріѣхалъ къ посламъ комисаръ Фляндрінъ сказать, что поданной ими грамматы перевести не кому: они вручили ему Латинскій переводъ. Кондукторъ ихъ увѣдомилъ, что король ука-

замъ имъ быть въ отвѣтъ, по обыкновенію Шпанскаго государства, у перваго своего министра, конта Деропеса (de Lopez), но они сказали, чтобы Его Величество позволилъ имъ, прежде отвѣта, видѣть свои очи, потому что они должны благодарить его за столько милостей, оказанныхъ имъ съ пріѣзда въ Мадридъ, а потомъ «указалъ бы имъ быть въ отвѣтъ на своемъ королевскомъ дворѣ, — а у министра де въ дому быть имъ не возможно.» Кондукторъ замѣтилъ, что, по обыкновенію Шпанскаго государства, послы всѣхъ государей ведутъ переговоры у королевскаго министра, но что онъ объ этомъ донесетъ Его Величеству. На другой день онъ воротился къ нимъ съ благополучною вѣстію: Его Величество, желая съ Ихъ Царскимъ Величествомъ быть въ братской дружбѣ и любви, и чтобы не возбуждать лишнихъ споровъ, приказалъ своему министру оставить обыкновеніе Шпанскаго государства, и, черезъ обычай, отправиться къ нимъ самому, изъ уваженія къ великимъ посламъ. Въ самомъ дѣлѣ, того же числа пріѣхалъ къ нимъ министръ, донъ Криспинъ Гонзале Ботелія. Послѣ взаимныхъ учтивостей началась первая конференція, въ которую послы объявили только о заключеніи союза противъ невѣрныхъ, и о томъ, что Ихъ Царскія Величества желаютъ быть со Шпанскимъ королемъ въ братской дружбѣ и пересылкахъ паче прежняго. Министръ сказалъ, что онъ донесетъ о томъ государю.

Шестаго декабря была вторая конференція. Министръ ихъ удостовѣрилъ, что король зѣло радъ союзу христіанскихъ государей на невѣрныхъ, и желаетъ имъ помощи Божіей; что онъ босурманскимъ народамъ всегдашній недругъ, и никогда съ невѣрными, особенно съ Турками, мира не имѣетъ. Послы вручили ему Латинскій переводъ заключеннаго съ Польшею договора, и присовокупили, что Государи

ихъ просить, чтобы и Его Величество приступилъ къ союзу. Онъ отвѣчалъ, что государь его давно желаетъ этого, и съ тѣмъ отправилъ въ Вѣну посла, который живетъ тамъ уже шестой годъ, — «но отповѣди еще нѣтъ, — знатно для того, что императоръ отписывается о томъ съ своими союзниками.» На изъвленное ими удивленіе, что Шпанскій посолъ въ Вѣнѣ въ столь долгое время ничего не сдѣлалъ, министръ далъ уразумѣть, что причиною этому несогласію союзниковъ императора, «а паче Венеційской Посполитой Рѣчи.» Но онъ сказалъ, чтобы Русскіе послы не сомнѣвались въ приступленіи его государя къ союзу, — «понеже Его Королевское Величество съ императоромъ единовѣренъ и единокровенъ, и каковъ-де тотъ союзъ Цесарскому Величеству, таковъ и Его Королевскому Величеству, годенъ.» Съ этими словами онъ ихъ оставилъ.

На третьей конференціи, бывшей 9 декабря, министръ объявилъ, что государь его, желая быть съ Ихъ Царскимъ Величествомъ въ крѣпчайшей братской дружбѣ и любви и въ соединеніи противъ непріятелей Креста Господня, пошлетъ къ императору посла своего, арцуха Колонскаго, для скорѣйшаго окончанія дѣла о союзѣ, и о послѣдствіяхъ извѣститъ Русскихъ Государей черезъ обсылки. Хотя Его Величество и не вступилъ въ явный союзъ съ императоромъ, но никогда ни какого «разиства» съ нимъ не имѣетъ, безпрестанно вспомоцествуетъ ему деньгами и войскомъ, и сверхъ-того «многія королевскія галеры съ ратными людьми ежегодно бываютъ въ Средиземномъ Морѣ, и всегда у нихъ съ Турками бой:» этимъ и дѣлается помощь христіанскому союзу, потому что развлекаются Турецкія силы; но впередъ Его Величество еще усугубитъ свое тщаніе. Послы сказали, что ежели Его Величеству нельзя, за нѣкоторыми трудностями, приступить теперь къ союзу, то по-

крайней-мѣрѣ изволить бы прислать на вспоможеніе Ихъ Царскому Величеству «ефимочной казны миліона два или три», или сколько угодно будетъ. Министръ обѣщалъ доложить о томъ государю.

На четвертой конференціи онъ объявилъ посламъ, что денежнаго вспоможенія нынче нельзя сдѣлать, оттого что казна Его Величества послана цесарю на такой же конецъ, и издержана на строеніе галерей, которыя непрестанно сражаются съ Турками, — «и оттого-де королевской ефимочной казни великое есть оскуденіе.» Послы, удостовѣряя, что Русскіе Государи желаютъ денежнаго вспоможенія черезъ заплату (займообразно), домогались его крѣпко, пространными разсужденіями и всякими доводами, но получили въ отвѣтъ, что хотя король могъ бы ссудить ихъ деньгами и безъ возврата, нынче однако жъ «за великими расходами того учинить ни какими мѣры невозможно.» Министръ, прекративъ дальнѣйшій разговоръ объ этомъ предметѣ, сказалъ, что Его Величество весьма желаетъ, чтобы подданные Русскіе и Шпанскіе производили между собою торговлю. На вопросъ пословъ, имѣетъ ли отъ своего государя повелѣніе заключить съ ними торговый договоръ, онъ отвѣчалъ, что нѣтъ; что это требуетъ времени, и что прежде всего ему нужно имѣть подлинную вѣдомость, какія пошлины Испанскіе подданные должны платить съ своихъ товаровъ въ Россіи. Послы обѣщали доставить ему вѣдомость, и, повторивъ прежнее предложеніе о союзѣ и денежномъ пособіи, просили, чтобы король, ежели ему не угодно будетъ перемѣнить своего намѣренія, приказалъ бы ихъ отпустить.

Пятнадцатаго декабря пріѣхалъ къ нимъ комисаръ Фляндринъ, Николай. Король, сказавъ онъ остался при прежнемъ своемъ намѣреніи, но, жалуя ихъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, указалъ строить на своемъ королевскомъ дворѣ, нарочно для нихъ, новую коме-

дію. Послы отвѣчали, что они готовы быть въ комедіи. Между разговорами комисаръ сказалъ, что Королевское-де Величество зѣло прославляетъ превысочество разума Русскихъ Государей въ томъ, что премудро-разсмотрительнымъ своимъ разсужденіемъ изволили нынче привести въ дѣйствіе дѣло, такъ давно желаемое и столь полезное обществу христіанскому, каково союзъ христіанскихъ государей; что оно во всей Европѣ почитается за великій и дражайшій клейнодъ ихъ царской короны; что всюду уже сдѣлалось зѣло высокославнымъ, и что поэтому всѣ признають, что «государство Русское въ настоящее время нѣкоторыми изрядными способами ограждается.» Король желаетъ-де вѣдать о лѣтѣхъ Ихъ Царскаго Величества.

Послы отвѣчали: «Помощію въ Тройцѣ славимаго Бога, по премудрому и разсмотрительному Ихъ Царскаго Величества старанію, чинъ управленія Русскаго государства происходитъ зѣло изрядными способами. Несмотря на толки разныхъ народовъ, обрѣтающихся при дворѣ Ихъ Царскаго Величества, самая истина и настоящее дѣло являетъ, что тѣ государства, которыя въ силахъ своихъ упадаютъ, всегда ищутъ уклоняться отъ войны и желаютъ себѣ покой, — а пресвѣтлая корона Ихъ Царскаго Величества сіяетъ ясно, и благоподражательно, доброхотно, подвинула рати свои противъ враговъ Креста Святаго, Турскаго салтана и всегдашняго его помощника, хана Крымскаго. Русскіе Государи дѣлають это не изъ принужденія какого, но изъ благоподражательнаго своего намѣренія и по просьбѣ христіанскихъ государей, для свободы многочисленныхъ народовъ, издавна загнаныхъ и всегда стенающихъ подъ игомъ босурманскимъ. Это обстоятельство явно показываетъ превысокоразумное и доброопасное, милостивное, разсмотрительное ихъ Государское управленіе, отъ котораго Россія содержится въ крѣпости

силъ своихъ. А лѣта Великихъ Государей, Богомъ соблюдаемаго ихъ возраста, — Царю и Великому Князю Іоанну Алексѣевичу лѣтъ двадцать, Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу шестнадцать. Дородствомъ, изобиліемъ разума, изрядствомъ лицъ, милосердымъ нравомъ и всѣми благими и хвалы достойными годностями всемогущій Богъ украсилъ ихъ преизобильно. Ко всѣмъ народамъ, подданнымъ своимъ и чужеземнымъ, они милосерды; чести даруютъ по своему государскому разсмотрѣнію, и въ милостяхъ своихъ содержатъ каждого по заслугамъ. Многія Богомъ поручимыя государства и земли истинно блаженствуютъ подъ ихъ доброоопаснымъ разумомъ. Съ ними соцарствуетъ сестра ихъ, Великая Государыня, благовѣрная Царевна и Великая Княжна, Софія Алексѣевна, — всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцы.

Послы и министръ сообщили взаимно другъ другу тарифы Россійскіе и Испанскіе. Потомъ они были въ комедіи, и сидѣли на устроенныхъ для нихъ мѣстахъ, покрытыхъ золотыми коврами. Наконецъ имъ объявлено, что король назначилъ быть на отпускъ 28 числа. Послы просили, чтобы король приказалъ въ отвѣтной своей грамматѣ именованія и титулы Ихъ Царскаго Величества написать по достоинству, какъ они, Великіе Государи, сами себя описуютъ. На другой день кондукторъ привезъ имъ списокъ съ грамматы, который найденъ послами въ исправности.

На отпускнуой аудіенціи, они благодарили короля за оказанную имъ въ государствѣ милость. Онъ, взявъ лежавшую подле него на столѣ граммату и снявъ шляпу, сказалъ, что посылаетъ съ ними, къ любительнымъ своимъ братьямъ и Великимъ государямъ, свою любительную граммату, и проситъ ихъ, чтобы они, возвратясь въ Москву, и увидѣвъ Ихъ Царское Величество, отъ него имъ поклонились и на превысокихъ

престолѣхъ ихъ поздравили. Король отдалъ граммату первому послу, и, пожелавъ имъ благополучнаго пути, простился съ ними.

Согласно желанію короля, они были также на отпускъ у его супруги и матери, которыя приказали кланяться Царицамъ и Царевнамъ.

Возвратясь къ себѣ, послы тотчасъ велѣли переводчику прочесть и перевести адресъ на конвертѣ грамматы, и нашли все въ исправности. На другой день, кондукторъ спросилъ ихъ, какою дорогою поѣдутъ они изъ Мадрида до границы. Послы изъявили желаніе ѣхать на Шпанскій городъ Белбуа (Bilbao). Кондукторъ сказалъ, что Его Величеству желательно, чтобы они, по дорогѣ, заѣхали въ монастырь Св. Лаврентія, именуемый Скуяръ (Escorial), гдѣ погребаются Шпанскіе короли, — «а тамъ-де строеніе дивное, и видѣнія достойное, и обыкновенно-де всѣ чужестранные послы, по указу королевскому, въ тотъ монастырь ѣздятъ.» Тридцать перваго декабря, королевскій компантый дворянинъ (каммеръ-юнкеръ), привезъ посламъ жалованье, по запанѣ; такой же даръ получили они и отъ вдовствующей королевы, а на слѣдующее утро явился прежній дорожный приставъ, съ *литерами*. Подъ рухлядь присланы были лошади. Посольство выѣхало того же числа, въ каретахъ. За городъ провожалъ ихъ кондукторъ.

Въ бытность пословъ въ Мадридъ пріѣзжалъ къ нимъ, для почести (съ визитомъ), цесарскій полномочный посолъ, контъ Комесъ. Послы между рѣчей сказали ему, что вѣсть носится въ Мадридѣ, «черезъ куранты», (газеты), будто Турскій салтанъ уступилъ королю Французскому нѣкоторыя мѣста въ Египтъ для того, чтобы онъ помогъ ему въ нынѣшнемъ его упадкѣ; что король Французскій хочетъ начать войну съ цесаремъ, и что цесарь ищетъ примириться съ салтаномъ. Посолъ сказалъ имъ, что онъ и самъ знаетъ

это «черезъ куранты,» только увѣряетъ ихъ, что у его государя нѣтъ намѣренія мириться съ салтаномъ; что нынѣшняго лѣта салтанъ просилъ его о мирѣ, и для этого присылалъ нарочное посольство, но оно не было допущено до Вѣны; что Голландскіе Штаты предлагали ему посредничество свое въ мирѣ, но имъ сказано, что цесарь между собою и салтаномъ не требуетъ инаго посредника, кромѣ своего генералисимуса, арцуха Лотаринскаго, «со уготованными къ тому рати». Сверхъ-того, были у нихъ — Испанскій дворовый министръ, Констабель, а по-Русски — бояринъ и конюшій, который пріѣзжалъ съ позволенія своего государя, и посольскій министръ допъ Мануель Деливеръ. Встѣмъ имъ послы отдали визитъ, и ѣздили въ королевскихъ каретахъ. Въ Мадридѣ, по королевскому указу, принесено посламъ въ разное время корму на тридцать дней 4650 ефимковъ. Послы доносили обо всемъ въ Москву чрезъ почту.

Въ монастырь Скуяръ послы пріѣхали 2 января 1688 года: тамъ показывали имъ «всякое строеніе и сокровища». Оттуда отправились они въ города Ба-ліюліи и Бургусъ, черезъ Витторію. За милю отъ Белбуя, тамошній губернаторъ выслалъ встрѣтить ихъ начальныхъ людей, которые отъ его имени спрашивали ихъ о здоровьѣ. Прибывъ въ Белбуй 18 января, они остановились въ приготовленномъ для нихъ домѣ, гдѣ ихъ доводствовали кормомъ шесть дней, — послѣ чего жили они уже на свой счетъ. Тридцатаго января наняли они корабль до Амстердама у Голландскаго торговаго человека, Петра Рейнера, за семь сотъ ефимковъ, оставили Белбуй 2 февраля, и прибыли въ Амстердамъ 26-го.

Д. ЯЗЫКОВЪ.

ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

=

Германская Философія вскружаетъ многія головы, подверженныя круженію отъ всего темнаго и непонятнаго. Мы часто позволяли себѣ отзываться объ ней съ большимъ неуваженіемъ. Нѣкоторые изъ ея приверженцевъ, изучавшихъ ее дѣйствительно или только знакомыхъ съ ней по-наслышкѣ, обращали намъ въ упрекъ наши съ ней вольности. Пора поставить всю публику въ возможность быть судьей въ этомъ дѣлѣ.

Германская Философія еще недавно сыпала звонкими обѣщаніями, старалась поселить самыя лестныя надежды и ожиданія. Сбылись ли эти надежды? Вотъ вопросъ, который простое изложеніе ея рѣшить лучше всякаго умствованія.

Умозрительная, трансцендентальная Философія, которую Германцы называютъ типомъ своего ума, выраженіемъ ихъ бытія, формою ихъ личности; Философія, которой обладаніе, по словамъ ихъ, ставитъ ихъ выше всѣхъ народовъ, не имѣющихъ Германской и слѣдственно ни какой Философіи; Философія, проникающая вселенную, созерцающая непостижимое, не знающая границъ ни сомнѣній, не начинающая ни откуда, не предполагающая и не производящая ничего; Философія, богатая напыщенными обѣщаніями и безконечными введеніями, эта Философія — просто порча языковъ и порча умовъ, — Философія существенно схоластическая и пустословная.

Что за Германская Философія? Могутъ ли всѣ эти маленькія философическія княжества, вѣчно враждующія между собою, составлять одно, благоустроенное умственное государство? Есть ли во всѣхъ этихъ систе-

махъ какая-нибудь общая основная идея? Судя по отношеніямъ, въ какихъ находятся теперь Нѣмецкія философическія державы, должно полагать, что нѣтъ ни какой общей точки, которая могла бы привести ихъ не только къ возстановленію мира, но даже къ взаимному уразумѣнію, къ опредѣленію единственнаго возможнаго способа когда-нибудь сойтися. Прямая и открытая полемика системъ, прежде столь плодоносная и блестящая, теперь почти совсѣмъ прекратилась: только изрѣдка, и то непрямо, нападаетъ одна система на другую, дѣйствуя не столько логикой, сколько бранью.

Гегеллисты величаютъ всѣ ученія своихъ противниковъ общимъ именемъ *невъдѣльнѣ*: они притворяются непризнающими важности, способа и источника дѣлаемыхъ имъ возраженій, и объявляютъ невѣждами, умственно-слѣпыми всѣхъ тѣхъ, кто дерзаетъ не слѣдовать ихъ заповѣдямъ. Противники ихъ, въ томъ числѣ самъ Шеллингъ, обвиняютъ ихъ взаимно въ *шарлатанствѣ*, тогда какъ въ свое время тѣ же Шеллингисты такъ точно унижали другихъ, обличавшихъ пустоту и ничтожность ихъ ученія. Но какъ ни старалась каждая изъ многихъ системъ сдѣлаться исключительною, какими ни превозносились всѣ онѣ успѣхами, сколько ни придавали важности существующимъ между ними различіямъ, а всѣ, отъ Кантовой до Гегелевой, дѣлятся на одной и той же гипотезѣ, на одномъ и томъ же предположеніи, произвольномъ и невѣроятномъ. Произволъ есть единственная общая точка между ними, — произволъ, или лучше, анархія ума: всѣ онѣ хотятъ создавать истину, а не познавать ее, хотятъ замѣнить дѣйствительность идеями, олицетворить или, лучше, обоготворить свои отвлеченія, отречься отъ ихъ источника и выдавать ихъ за вдохновенія, за какія-то непосредственно и только имъ лично дарованныя просвѣтленія души.

Германскіе философы опирають свои выводы на-фактъ, — но на фактъ мечтательномъ, на чистой гипотезѣ, на *постулатѣ*, то есть, обстоятельствѣ неизвѣстномъ, которое надобно еще извѣдать и повѣрить, прежде чѣмъ станешь выводить изъ него слѣдствія. И эта гипотеза, составляющая основное условіе всѣхъ ихъ системъ или, лучше, всю ихъ Философію, не что иное, какъ психологическое заблужденіе! Они придаютъ душѣ дѣятельную, творческую, ясновидящую способность, которою, не сообщаясь съ вѣншнимъ міромъ, не оплодотворяясь его наблюденіемъ, не обогащаясь данными и опытностью, она выводитъ сама изъ себя соотвѣтственныя вещамъ идеи, по гармоніи, предугаженной между ея свойствами и дѣйствительнымъ бытіемъ. Вообразимость дѣла для нихъ уже несомнѣнная истина, которую они не познають, а сами *построиваютъ*. Коль скоро вы въ состояніи что-нибудь задумать мыслию, то, по ихъ системамъ, это что-нибудь должно существовать въ созданной природѣ, и существовать точно такъ, какъ вы его задумали и поняли. Разумъ, *die Vernunft*, разумъ внутренній, дѣйствующій самъ въ себѣ безъ помощи вѣншняго міра, и противопологаемый ими понятію, смыслу, *der Verstand*, есть у нихъ отдѣльная, волшебная способность ума, проникающая въ сущность вещей и постигающая безусловно-подлинное, *абсолютное*: этотъ-то разумъ и есть само безусловно-подлинное, онъ или его непосредственное, добровольное откровеніе, объемлющее все что есть и что быть должно, и объемлющее все въ безусловномъ единствѣ вещей, внѣ пространства и времени, внѣ всякихъ предѣловъ и сомнѣній. Онъ-то и есть подлинное бытіе человека, подлинное бытіе вещей, центръ совокупленія того и другаго, бытія, который не наблюдаетъ факты, но опережаетъ ихъ, опредѣляетъ заранѣе, пророчествуетъ ихъ съ безпогрѣшительностію, которой истины принадлежать къ

высшему и несомнѣнному порядку истинъ. Движеніе этого разума внутри васъ или, яснѣе, чтеніе вами того, что заранѣе въ него вписано, и тонкое толкованіе его непреложныхъ оракуловъ, — вотъ высшее умозрѣніе, *speculatio*, единственный способъ философствовать на Нѣмецкую погу, котораго прекрасный плодъ Философія умозрительная, — Философія *per excellentiam*. То, что мы называемъ Философіею, или просто знаніемъ, — чтобъ не спорить о словахъ, — это отнюдь не знаніе, потому что мы знаемъ вещи только порознь и не думаемъ постигать безусловное единство и тайну, совокупающую ихъ разнообразіе; принимая «стройное разногласіе міра» за всеобщій фактъ и за условіе всякаго познанія, мы отнюдь не пытаемся объяснить его, — и слѣдственно что жъ мы за философы?

Какая безпредѣльная посылка, какое удобное предположеніе, этотъ чудесный разумъ! Говорятъ, онъ — фактъ. Это игра словъ! Назвать гипотезу невзначай фактомъ была первая уловка этой Философіи, которая вся состоитъ изъ уловокъ. Фактъ есть вещь, доказанная осязательнымъ опытомъ, свидѣтельствомъ чувствъ, — а кто видѣлъ, кто поймалъ рукою это свойство разума? гдѣ ему физическія и неоспоримыя доказательства? Предположеніе такого разума въ чловѣкѣ оспаривается и въ самой Германіи и внѣ ея, не только здравымъ смысломъ, но и записными философами. Кантъ, Якоби, Рейнгольдъ, Бардили, Фрисъ, Кругъ, Гербартъ, его оспаривали: къ несчастію, они возражали только противъ объема, который другимъ умозрителямъ вздумалось давать этому предположенію, и оттого не могли остановить успѣховъ произвольнаго ученія. Огромность гипотезы ослѣпила умствующую толпу, восторжествовала надъ сомнѣніемъ, и наконецъ превратилась въ убѣжденіе: теперь всѣ Германскіе философы согласны въ томъ, что мож-

по создавать предметную истину, то есть, чистымъ умозрѣніемъ опредѣлять сущность предметовъ, и безъ участія чувствъ отгадывать, какъ что должно быть въ природѣ; и только тѣ изъ нихъ, которые придерживаются ближе къ Канту, нѣсколько ограничиваютъ это плюмниатское начало, какъ далѣе увидимъ.

Это предположеніе Германскихъ философовъ черезчуръ смѣло, — и тѣмъ болѣе, что каждый можетъ повѣрить его основательность и испытать дѣло на себѣ; но въ Философіи, какъ и во всемъ другомъ, стѣнитъ выдумать что-нибудь очень странное и обѣщать какъ-можно больше, чтобъ изумить, возбудить вниманіе, и вы безопасны на счетъ успѣха. Конечно, успѣхъ этотъ не прочесть, какъ то доказываютъ частыя превращенія самой Германской Философіи, которая должна была безпрестанно увеличивать свои обѣщанія, чтобъ пріостановить усиліе равнодушія и отвращенія къ ней публики: но все же онъ успѣхъ, а для толпы успѣхъ — доказательство!

Мы сказали, что каждый можетъ повѣрить на себѣ опытомъ основательность начального ихъ предположенія. Этого-то они и не хотятъ. Повѣрки и опыта они страшатся пуще смерти. Они доказываютъ, что повѣрять этого не должно и не возможно. Надъ кѣмъ хотите вы производить опытъ? Надъ лицомъ? Лица нѣтъ въ природѣ, — есть только общій человѣкъ, Я, котораго они единственные представители: слѣдственно вы должны вѣрить тому, что они говорятъ вамъ, а не повѣрять ихъ слова опытомъ. И дѣйствительно, познавая все черезъ непосредственное открытіе разума, приписывая одному умозрѣнію способность производить истинное знаніе, надобно было запрягать куда-нибудь опытъ, то есть, свидѣтельство чувствъ. О томъ, что они противъ него выдумывали, какъ на него клеветали, какими средствами старались погубить его, можно было бы написать тьму

книгъ безъ всякой пользы. Но здѣсь-то коренное противорѣчіе Германской Философіи и зародышъ собственнаго ея истребленія. Опытъ ей ужасно надобъдается, — и какъ бы она хотѣла сжить его съ рукъ, чтобъ потомъ распоряжаться на просторъ! Вотъ отчего такъ часто повторяютъ въ Германіи, что смыслъ и разумъ портятъ Философію, или, какъ говорилъ одинъ Гегелистъ въ началѣ своего курса, «что истинная Философія начинается уничтоженіемъ смысла.» Одаривъ свой вымышленный разумъ безпредѣльнымъ могуществомъ — творить, или говоря ихъ языкомъ, *построивать* дѣйствительность, они уже тѣмъ самымъ уничтожали опытный источникъ познанія, и такимъ только образомъ сохранили единство цвѣта своимъ системамъ, хотя единство это — мнимое, и въ Германской Философіи нельзя сдѣлать шагу, не наткнувшись на предположеніе двоякаго источника познаній. Чтобъ уничтожить его еще лучше, они выдумали противоположность разума смыслу, идею понятію, умозрѣнію, или безусловно-подлиннаго созерцанія, зрѣнію посредствомъ чувствъ и опыта, и, вслѣдствіе того, раздѣленіе Психологіи, Логики, Физики на умозрительную, или выспренную, и на опытную, или низшую, — двоякость, противорѣчащая сама себѣ, невообразимая, уничтожающая всякую Философію, то есть, знаніе, тѣмъ именно, что заставляетъ допускать два рода знанія, первой и второй степени.

По мнѣнію этихъ господъ, того или другаго вывода нельзя признать истиннымъ потому, что онъ основанъ исключительно на соображеніяхъ смысла: смыслъ говоритъ одно, а идея другое. Разумъ, напримѣръ, опредѣляетъ возмездіе, единственною справедливою мѣрою казни, — носъ за носъ, барана за барана, — а опытъ доказываетъ, — что подобная казнь не всегда достаточна къ удержанію отъ преступленій и что поэтому не должно ограничиваться однимъ возмездіемъ.

Такъ что жъ это за разумъ и что за смыслъ, когда они противорѣчатъ одинъ другому? Слѣдственно смыслъ умнѣ разума?

Германскіе философы довольно трудились надъ тѣмъ, чтобъ согласить несогласимое. Кантъ первый совершенно противоположилъ разумъ смыслу, но онъ установилъ между ними взаимныя соотношенія, опредѣливъ каждому его кругъ. Онъ приписывалъ разуму способность «творить» истину и «непосредственное знаніе» только въ предѣлахъ нравственности, а познаніе внѣшняго міра предоставлялъ опыту. Но можно ли дѣйствительно отделить то, что есть, отъ того что быть должно? Самъ Кантъ доказалъ лучше всѣхъ несбыточность такого раздѣленія въ сочиненіяхъ о нравственности и о правѣ естественномъ, гдѣ казуистика уничтожаетъ законы, объявленные именемъ разума, и, приложеніе опредѣляетъ мѣру права, такъ, что гдѣ разумъ, сперва принятый за безусловное начало, становится чѣмъ-то второстепеннымъ и условнымъ, и наконецъ совсѣмъ запутывается. Для устраненія этого противорѣчія, преемники его, Фихте, Шеллингъ и Гегель, вздумали утверждать, что опытъ подчиненъ чистому умозраженію, природа идеѣ, смыслъ разуму, и что истинное знаніе, знаніе подлиннаго бытія вещей, пріобрѣтается не иначе, какъ непосредственнымъ внушеніемъ разума. Легко утверждать, что все знаешь посредствомъ чистаго умозраженія, но не возможно скрыть, что положенія, выдаваемыя за выводы à priori, суть просто результаты прежнихъ отвлеченій, понятій предварительно почерпнутыхъ въ опытъ. Кто говоритъ, что есть знаніе выше опытнаго, тотъ уничтожаетъ послѣднее, какъ-бы ни старался онъ прикрыть это разногласіе уловочнымъ изложеніемъ своихъ догматовъ.

Германскіе философы въ странномъ положеніи: они не могутъ отвергать опыта рѣшительно, потому что

это было бы нелѣпо, и не могутъ допустить его въ какомъ-нибудь самостоятельномъ значеніи, чтобъ не разрушить своихъ сверхопытныхъ, заоблачныхъ системъ. Что жъ они дѣлають? Опять поднимаются на уловки обыкновенно морочать словами — конечное, безконечное, абсолютное, безусловно-подлинная дѣйствительность, проявленіе, идеѣ, понятія, — ворочанія одной и той же задачи, отнюдь не ведущія къ ея рѣшенію! Обоготвореніе той отвлеченности, которую называютъ они разумомъ или другими равнозначительными именами, — вотъ *deus ex machina*, фокусничій снурокъ Германской Философіи. Божество это рѣшаетъ всѣ задачи, уничтожаетъ всѣ сомнѣнія. Принявъ за основной фактъ, что они одарены ясновидѣніемъ, проникающимъ вселенную, или тождественнымъ дѣйствительности, они смѣшали простое мнѣніе съ истиною, воображимость съ дѣйствительностью, и не могутъ ни убѣждать, ни убѣждаться: одно средство — вѣрить! Нынѣшній Германскій философъ не тотъ старый, добродушный, аккуратный Нѣмецъ, который вездѣ ссылается на факты, сознается въ своей ограниченности, толкуетъ о тайныхъ свойствахъ вещей, выражается предположительно, чистосердечно различаетъ вѣдомое отъ невѣдомаго, допускаетъ случаи, гдѣ данныя еще недостаточно изслѣдованы для вывода достовѣрнаго заключенія, и отнюдь не считаетъ себя въ правѣ смѣшивать возможное съ дѣйствительнымъ, вѣроятное съ несомнѣннымъ: нѣтъ, нынѣшній философъ прямой посредникъ между міромъ видимыхъ явленій и другимъ міромъ пресущественнымъ, пророкъ, не только знающій невѣдомое, но и въ томъ, что всѣмъ извѣстно, открывающій особенныя стороны, исключительно ему доступныя. Вотъ обыкновенное его умствованіе: Какъ бы ни былъ обширенъ опытъ, никогда не можетъ онъ овладѣть истинною конечною и безусловною, потому что онъ только переходитъ отъ од-

ного состоянія вещи къ другому, отъ условія къ условію; онъ только расширяетъ кругъ, въ которомъ самъ затворенъ, но предѣлы все остаются: оттого крайнія условія, имъ достигаемыя, всегда оказываются случайными, тѣнными, неоправдываемыми разумомъ, и случайность эта переходитъ во всѣ отрасли его знанія, такъ, что если безусловно-подлинное не проявится въ непосредственномъ, идеальномъ откровеніи, то нѣтъ и знанія безусловно-подлиннаго, необходимаго и несомнѣннаго, то есть, нѣтъ и Философіи. Поэтому должно или отречься отъ Философіи или допустить возможность первичныхъ откровеній со стороны разума, которыя выше всѣхъ выводовъ анализа, которыя самостоятельны, самоопредѣлительны и въ точности соотвѣтственны внѣшнему бытію, какъ конечное его дополненіе, какъ идеальная сторона вещи физической, слѣдствіе безусловнаго тождества вещи, находящейся въ природѣ, и ея идеи, заранее заключенной въ нашъ разумъ, и предустановленнаго между ними согласія. Вотъ дилемма, которою философы устрашаютъ тѣхъ, кто осмѣливается не довѣрять имъ; вотъ аргументъ *ad hominem*, на которомъ основывается Германская Философія, называемая поэтому не Философіею разбора истины, а Философіею върованія. Съ чего же вы взяли, что человѣкъ одаренъ средствами познавать безусловно-подлинное, конечное и несомнѣнное, — что они должны находится въ немъ не здѣсь, такъ тамъ, — и что познаніе этого безусловнаго и несомнѣннаго для него такъ необходимо, что ужъ лучше вратъ объ немъ наобумъ (умозрительно), закрывъ глаза и уши, нежели оставить его въ покоѣ? Неужели такъ страшно сознаться въ томъ, что доказываютъ и наблюденіе человѣческой природы, и наша Исторія, и даже сама Германская Философія, — въ томъ, что всякое знаніе условно, и что основаніемъ

достоверности можетъ-быть не что иное, какъ самый общій выводъ изъ самаго общаго наведенія опыта; что природа постоянна; что при одинакихъ условіяхъ, на одинаковой степени развитія, происходитъ одно и тоже дѣйствіе, является одинъ и тотъ же феноменъ; что слѣдственно природа разумна, и что должно изучать ее для пріобрѣтенія достоверныхъ свѣдѣній, должно ее слушаться для того, чтобъ управлять ею? Доводу — познаніе безусловно-подлиннаго необходимо, и слѣдственно возможно, — легко дать противный оборотъ, и сказать — познаніе безусловно-подлиннаго невозможно, и слѣдственно не есть необходимо; и съ тою еще выгодой, что въ послѣднемъ случаѣ выводъ основывается на дознанномъ фактѣ, а въ первомъ на произвольномъ предположеніи. Но всего лучше опровергать подобныя притязанія требованіемъ, чтобъ они оправдывались на дѣлѣ и въ своихъ слѣдствіяхъ.

Если Германскіе философы дѣйствительно озарены горнимъ свѣтомъ, пусть они докажутъ это, истолковавъ намъ въ самомъ дѣлѣ тайную связь вселенной и прояснивъ мракъ множества второстепенныхъ вопросовъ, которые утомляютъ доселѣ самые ревностныя изслѣдованія? Вотъ скала, о которую всегда сокрушается ихъ Философія, и гдѣ ни какія уловки не въ силахъ прикрыть ея немощи, которая давно замѣтна людямъ здравомыслящимъ, и которая заставитъ наконецъ молчать многообъщающихъ философовъ.

Кантъ, низложитель схоластики, самъ Кантъ былъ главнымъ виновникомъ этого трансцендентальнаго, заоблачнаго ученія. Въ основаніе своей системы положилъ онъ слѣдующую мысль: единственный источникъ познанія внѣшняго міра есть опытъ, а выводитъ сущность вещей изъ идей человека значить предаваться пустымъ и бесплоднымъ умствованіямъ: вещи познаваемы только какъ явленія, а не сами по себѣ,

не въ безусловно-подлинной ихъ дѣйствительности, которая навсегда останется неизвѣстною. И такъ Кантъ установилъ ученіе, совершенно противоположное тому, какое проповѣдуетъ позднѣйшая философія. Но способъ изложенія его системы отнюдь не благопріятствовалъ изгнанію стараго догматизма, который возобновился тотчасъ послѣ него: точками отшествія Кантъ попрежнему принималъ отвлеченности, — главный недостатокъ Философіи всѣхъ вѣковъ; онъ не спросилъ себя, имѣлъ ли бы онъ тѣ идеи, которыя называетъ врожденными, если бъ у него не было чувствъ, источника опыта, вмѣсто того, чтобъ опровергать схоластику методою опыта, онъ защищалъ опытъ схоластически. Сверхъ-того, онъ допускалъ въ душѣ извѣстныя первобытныя формы знанія, то есть, рамы, въ которыхъ распредѣлялись отношенія познаваемыхъ предметовъ, и наконецъ довершалъ несогласимость своего ученія вымысломъ особеннаго практическаго разума, который, въ противоположность теоретическому, опредѣляетъ у него человѣческіе поступки помощію собственнаго ясновидѣнія, и въ познаніи того, что быть должно, не слѣдуетъ общему логическому способу. Отъ разума, созданнаго Кантомъ, до разума, *строивающаго* вселенную, одинъ шагъ. Въ этой философіи крылся зародышъ двухъ ученій: одно истинное, постепенное, ограничивавшееся только возможнымъ знаніемъ; другое мечтательное, исполненное предположеній, богатое пустыми перспективами, — и оно-то восторжествовало съ помощію Фихте. Онъ первый провозгласилъ это мнимое умственное, или безусловное созерцаніе всеобщимъ и единственнымъ источникомъ знанія. У него не идеи отраженія дѣйствительности, а напротивъ дѣйствительность — оттискъ идей; знаніе не зависитъ отъ свойства предметовъ, а *полагаетъ*, то есть, производитъ ихъ изъ себя какъ собственное дополненіе. Слово *полагать*

есть философскій камень Германскаго любомудрія: прибавляя къ нему разные предлоги, вы получите удивительные глаголы, которыми все объясняется — то есть, *предполагается*. Безусловное лице, *Я*, полагаетъ міръ внѣшній, не-*Я*, какъ свой антитезъ, и связываетъ его съ собою безусловнымъ синтезомъ. Это очень ясно: это значить, что умъ производитъ природу, и что только онъ одинъ имѣетъ истинное бытіе, а все прочее существуетъ для него и по его милости; для познанія истины стоитъ лишь углубиться въ это *Я* и выслушать его откровенія.

Это слишкомъ идеальное направленіе системы Фихте, уничтожавшей предметную дѣйствительность, возбуждало противодействіе Шеллинговой философіи. Шеллингъ наследовалъ отъ своего предшественника предположеніе самобытнаго ясновидѣнія разума, которое называли тогда умозрѣніемъ, и вся разница между Фихте и Шеллингомъ въ употребленіи этого волшебнаго жезла.

Шеллингъ придавалъ вещамъ такую же дѣйствительность, какъ и идеямъ, и соединилъ ихъ предположеніемъ безусловнаго тождества: вещь и идея одно и то же; это — одно существо, только оно проявляется въ двухъ различныхъ формахъ. «Безусловное, какъ всюду тождественное начало дѣятельности, для проявленія себя должно перейти въ дѣятельности противоположныя; но разъединеніе это не есть дѣйствительное: что само въ себѣ тождественно, то въ сущности не разъединяется, а должно быть только формное, то есть, происходящее оттого, что безусловное отражается въ самомъ себѣ и дѣлается собственнымъ противоположеніемъ.». И вотъ по чему быкъ и идея быка одно и то же! Это безусловное тождество всего сущаго и всего мыслимаго *объясняетъ* ли или только показываетъ непроницаемую тайну? Выводъ ли это горняго ясновидѣнія, или только самое общее выраженіе са-

мой обширной отвлеченности? По рѣшенію этихъ вопросовъ должно судить, настоящее ли открытіе сдѣлала Шеллингова философія или только открытіе пустыхъ словъ.

Называйте идею и предметъ тождественными, — мы согласны: только не говорите, чтобъ между ими не могло быть и безусловной разности; не скрывайте подъ этимъ уловочнаго старшинства идей, которыми вы уничтожаете дѣйствительность вмѣсто того, чтобъ познавать ее. Называйте общую связь вселенной безусловнымъ тождествомъ, а феномены формами ея проявленія, — Богъ съ вами: только не увѣряйте насъ, что этими отвлеченностями объяснили вы первую причину или послѣднія условія всего сущаго: блаженной памяти Метафизика толковала ихъ не хуже вашего своими *substantia* и *modi*.

Ученіе Шеллинга преимущественно занималось вѣдшимъ міромъ, и оттого получило названіе Философіи Естественной. Но это самое приложеніе его къ природѣ ускорило упадокъ школы въ общемъ мнѣніи, потому что сближеніемъ съ дѣйствительностью всего легче было повѣрить ея догматы. Умозрительная Физика Шеллингистовъ хотѣла объяснить явленія природы во всѣхъ ихъ отношеніяхъ, и доказать всемірный организмъ въ его цѣлости помощію одного умозрѣнія; но растерявшись въ отвлеченностяхъ, въ аллегорическихъ образахъ и самыхъ странныхъ сравненійхъ, она скоро превратилась въ формализмъ неподвижный и безжизненный, гдѣ силы природы, числа и математическіе знаки олицетворяются и распредѣляются по особенной табелі о рангахъ. Такъ напримѣръ электричество представляетъ собою смыслъ, кровь соотвѣтствуетъ водѣ, инстинктъ свѣту, черепъ алмазу, а что золото и серебро — мужчина и женщина, которые *тяготѣютъ* другъ къ другу, объ этомъ нечего и говорить. «Вещество проявляется въ

водъ, какъ безразличное, въ свѣтъ, какъ идеальное, въ алмазъ, какъ существенное.» Все объяснено, — и дѣло кончено.

Система Шеллинга далеко распространяла тождество идей съ предметами и единство безусловно-подлиннаго съ его проявленіями, однако жъ органъ знанія все еще служилъ какъ-бы мостомъ, соединяющимъ два эти міра, которые поэтому представлялись порознь. Здѣсь говорили еще объ умозрѣніи и познаніи безусловно-подлиннаго; безусловно-подлинное было еще предметомъ, который слѣдовало постигнуть. Путь къ нему указанъ былъ такимъ образомъ, что каждый могъ протестовать, если не находилъ въ своемъ *Я* обѣщаннаго ясновидѣнія, если напрасно измучился, стараясь вдолбить себѣ въ голову возможность, чтобъ изъ $a=a$, изъ этого пустопорожняго тождества и вѣчнаго покоя, могло возникнуть безконечное разнообразіе дѣйствительности. Для устраненія этого неудобства надлежало еще разъ перегнать ээирную тождественность, надлежало совершенно уничтожить различіе между знаніемъ и предметомъ, и такъ совокупить безусловно-подлинное съ идеею, чтобъ отнюдь не къ чему было привязаться. Это предпринялъ Гегель. Онъ хочетъ рѣшительно устранить всякое психологическое изслѣдованіе о возможности безусловнаго знанія, и говоритъ, что недоувѣряющимъ этой возможности должно отвѣчать «такимъ же недоувѣріемъ къ ихъ недоувѣрію.» Возможность безусловнаго всеувѣдѣнія принимаетъ онъ за фактъ, неподлежащій сомнѣнію и не требующій доказательствъ, а такъ какъ оно не совмѣстно съ умомъ, стѣсненнымъ необходимыми условіями, то по мнѣнію его должно забыть объ этихъ условіяхъ, не говорить ни объ умѣ, ни объ его предѣлахъ, и тогда все пойдетъ какъ нельзя лучше: только надо имѣть доувѣріе.

Кантъ основалъ систему свою на критикѣ умственныхъ способностей, чтобъ разрушить царство произвола въ Философіи и уничтожить грезы старой Метафизики. Гегель, въ самомъ началѣ своего ученія, провозглашаетъ невозможность такого философствованія, для того, чтобъ опять вызвать привидѣнія, изгнанныя Кантомъ. Гегель утверждаетъ, что онъ усовершенствовалъ систему формъ Шеллинга. По его мнѣнію, Шеллингъ далъ Философіи безусловное ея содержаніе, но, поставивъ философствующій умъ внѣ рѣшаемымъ имъ вопросамъ, онъ не успѣлъ соединить знанія съ предметами. Форма, изобрѣтенная Гегелемъ, форма *per excellentiam*, форма, которая вмѣстѣ и содержаніе, есть умозрѣніе, движимое собственно діалектикой, — способъ, по которому знаніе приходитъ само собою безъ посредничества ума, изгнаннаго изъ этого самодвига; способъ, не начинающій съ чего-нибудь, предполагающій сперва ничто и разрѣшающійся ничтожествомъ.

Философія Гегеля даже и по языку приближается къ старой Схоластикѣ. Онъ возобновилъ старую ссору номиналистовъ съ реалистами. По его мнѣнію, понятія—предметны, и составляютъ истинную сущность вещей: онъ не хочетъ видѣть въ нихъ общностей, въ которыя сведены вещи и явленія для того, чтобъ ихъ легче было помнить, и которыя воплощаются въ языкъ, гдѣ каждое слово означаетъ бездну отношеній и предметовъ, принимаемыхъ черезъ отвлеченіе за тождественныя, хотя въ дѣйствительности они отнюдь не одни и тѣ же; онъ смѣшиваетъ облегчительное для насъ употребленіе понятій съ самыми вещами, утаиваетъ ихъ происхожденіе, приписываетъ имъ безусловно-подлинную дѣйствительность, и, поставляя списокъ выше образца, уничтожаетъ дѣйствительное въ его частностяхъ, отвергаетъ различіе лицъ; онъ увѣчитъ природу, втѣсняя ее

въ рамы блѣдныхъ и тощихъ отвлеченій, и превращаетъ естественный порядокъ, исправляя предметъ по его умственному образу вмѣсто того, чтобъ исправлять образъ по предмету.

Но послушаемъ самого Гегеля. «Кто утверждаетъ дѣйствительность лица, тотъ говорить совсѣмъ не то, что самъ думаетъ..... Онъ хочетъ сказать, — *этотъ* листъ бумаги, на которомъ я писалъ, — не говорить того, что хочетъ сказать. Если бъ онъ дѣйствительно хотѣлъ говорить о томъ листѣ бумаги, который у него въ мысляхъ, то это было бъ не возможно потому что чувственное *это* невыразимо даромъ слова, исключительно принадлежащимъ сознанию, которое само въ себѣ безусловно. Пока успѣютъ опредѣлить *этотъ* листъ, онъ сгніетъ: тѣ, кто началъ бы его описаніе, не могли бъ кончить, и должны были бъ передать эту обязанность другимъ, которые спохватились бъ наконецъ, что говорятъ о томъ, что уже не существуетъ..... Поэтому когда дѣло идетъ и объ особенномъ предметѣ, о лицѣ, мы означаемъ его только общностями, и то, что называемъ мы невыразимымъ, конечно неистинно и неразумно.» Слѣдственно нѣтъ ни Петра ни Ивана, — а только есть Петро-Иванъ, общее и безсмынное *Я*.

Вотъ вамъ образчикъ этой діалектики, которая столько жъ отличается страчностью языка, сколько ложностію умствованія! Замѣтьте, она не говоритъ, что особенная дѣйствительность, то есть предметъ, лице, не можетъ отдѣльно отъ цѣлаго рода своего вмѣститься въ понятія, со всѣми своими свойствами, что мы понимаемъ предметъ, лице, только относя ихъ къ цѣлому роду, къ какой-нибудь общности, и что слѣдственно понятія — только не полныя опредѣленія вещей, а хочетъ доказать, что такъ какъ особенное, то есть, лице, невыразимо въ общностяхъ, то оно и не дѣйствительно.

Все это старые толки о сущностях и существенностяхъ, объ *essentia*, *substantia*, *entitas*, *hypostasis*, *accidentia*, *modi*, выражающихъ только произвольныя раздробленія единства природы. Кто жъ не знаетъ, что несущественнымъ, случайнымъ называемъ мы что-нибудь только въ отношеніи къ общимъ понятіямъ, по которымъ распределяемъ вещи и явленія, а не потому, чтобъ мы въ самомъ дѣлѣ отрицали существенность? Кто скажетъ серіозно — этого нельзя точно выразить общими понятіями, слѣдственно это не существуетъ?

Гегель неоднократно возставалъ противъ привычки останавливаться на отвлеченностяхъ и раздѣлять ихъ неодолимыми преградами, а никто больше его не впадалъ въ это заблужденіе. Если бъ онъ сказалъ: Вотъ опытъ описанія явленій, разсматриваемыхъ съ общей точки зрѣнія, — вотъ рама для дѣйствительности, — онъ назвалъ бы свое ученіе настоящимъ его именемъ; но тогда бы никто не обратилъ на него вниманія, потому что каждый увидѣлъ бы, что это самое произвольное, самое пустое, самое ничтожное распределеніе; каждый могъ бы убѣдиться, какъ мало проку въ раздробленіи дѣйствительности на разныя степени бытія и принятіи за безусловную истину отвлеченія отъ всѣхъ измѣненій, оттънковъ и переходовъ, которымъ напередъ отказано въ истинной дѣйствительности. Но Гегель не объясняется такъ чистосердечно: онъ увѣряетъ, что изъ *любомудрія* сдѣлалъ онъ настоящую *мудрость*; онъ скрылъ пошлости своего ученія подъ стереотипными выраженіями, жеманными, притязательными и необыкновенными; онъ столько разъ твердилъ о превосходствѣ своего знанія передъ всѣми другими, что успѣлъ навязать кой-кому утомительный формализмъ своихъ отвлеченій. *Форма* всегда была гибельна для Филосо-

фин, а въ Германской она до-сей-поры господствуетъ во всей силѣ.

Но быть-можетъ, мы утомили читателей этимъ краткимъ изложеніемъ общностей. Вы спросите — что жъ произвели Германскіе философы? Какой положительный выводъ этого умственного созерцанія и выспренней мудрости? Нельзя ли примѣнить къ нимъ изреченія Евангельскаго — Отъ плодъ ихъ познаете ихъ? Положительность бываетъ только тамъ, гдѣ знаніе нераздѣльно съ жизнью, гдѣ наука не составляетъ опричинны; а для Германіи, при всѣхъ ея успѣхахъ и просвѣщеніи, еще не наступило это время. Запертые въ своихъ университетахъ, отчужденные отъ общественной жизни, не имѣющіе случая узнать человѣка на опытъ, философы смотрятъ тамъ на него сквозь закопченное стекло оконъ своихъ аудиторій, видятъ его неясно, воображаютъ объ немъ небывалое, и, переходя изъ одной мечты въ другую, впадаютъ наконецъ въ дикія умозаключенія, изъ которыхъ дѣлаютъ они ремесло, родъ прибыльной тайны. Впрочемъ, если бъ даже не было бездны печатныхъ доказательствъ, само собою ясно, что Германская Философія, ставъ выше природы, и такимъ образомъ предавшись произвольности, не можетъ имѣть ни какихъ положительныхъ результатовъ, и готова объяснять все, какъ вамъ угодно. Она предсказывала будущую исторію человѣчества до скончанія вѣковъ, и описывала вамъ подробно преставленіе свѣта; она объясняла, что человѣкъ одаренъ свободной волею, и что свобода эта — невольна, *fatalitas*; она доказывала не-шутя, что вселенная тождество, двойственность, тройственность, что все на свѣтѣ тройнично; что внутренность земли населена, и что слѣдуетъ посылать туда колоніи; что Пруссія есть отпущеніе грѣховъ; что удивленіе Виктора Гюгò къ Наполеону есть приложеніе Любви къ Исторіи, и прочая. Эти

выводы принадлежатъ разнымъ любомудрамъ, но всѣ отличаются одною и тою же произвольностью и цѣльностью умствованія. Нѣтъ предмета, котораго бы нельзя было рѣшить утвердительно и отрицательно помощію этой Философіи.

Главное заблужденіе Германской Философіи состоитъ въ томъ, что она хочетъ творить истину, а не открывать ее. И творя истину, она силится вывести изъ внезапнаго, первобытнаго ясновидѣнія тѣ свѣдѣнія, которыя очевидно суть слѣдствія предварительнаго опыта. И оттого содержаніе системъ ея не всегда бываетъ ложно: умозрители какъ ни играютъ словами, а знаніе поневолѣ черпаютъ тамъ же, гдѣ и другіе, и превращая видъ вопросовъ, только напрасно затрудняютъ ихъ рѣшеніе. Такимъ образомъ, школа философовъ - натуралистовъ, между множествомъ тщетныхъ усилій, произвела и кое-что хорошее, потому что умозрители должны были сами дѣлать наблюденія и пользоваться наблюденіями другихъ. Однако жъ если что и сдѣлано ими хорошаго, такъ не по ихъ системѣ, а наперекоръ ей; не *потому*, что они были умозрительными философами, а *несмотря на то*, что были ими; не потому, чтобъ ихъ ученіе управляло природою, но потому, что природа нерѣдко вынуждала ихъ забывать его. Напротивъ, въ нравственныхъ наукахъ, которыя держатся еще на общихъ началахъ, увѣковѣченныхъ преданіемъ, Германская Философія, съ своими предположительными отвлеченностями, не могла приобрѣсти ни малѣйшаго успѣха, потому что здѣсь необходимо, сбросивъ цѣпи формъ, подвергать строгому изслѣдованію догматы, выдаваемые за безусловные, и руководствоваться способомъ самымъ чистымъ и безпристрастнымъ, который очерняется только въ постоянномъ наблюденіи чело-вѣческой природы и исторіи развитія народовъ: безъ этой неослабной повѣрки правилъ съ жизнію, нико-

гда не будет толку въ правоученіи. Съ увѣренностію, раждаемою тщательнымъ соображеніемъ и изученіемъ предмета, осмѣливаемся мы утверждать, что нѣтъ ничего противорѣчиваго и безплоднаго громады систематическихъ книгъ, изданныхъ въ Германіи подъ фирмою этой Философіи по части нравственности и права, — заисключеніемъ Шлейермахеровой «Критики» всѣхъ системъ правоученія и творенія Гуго о философіи права положительнаго, въ которой однако жъ только способъ заслуживаетъ безоговорочное одобреніе, а многія заключенія, выведенныя авторомъ въ притиводѣйствіе догматизму его предшественниковъ и противниковъ, болѣе рѣзки нежели истинны.

Мы сказали, что Германская Философія, не имѣя собственно принадлежащихъ ей результатовъ, способна оправдать все, что хотите, подъ прикрытіемъ общепримѣнимыхъ, стереотипныхъ выраженій. Однако жъ не легко себя представить, какому насилію, какому искаженію подвергаетъ она то, что возьмется втѣснить въ свои рамы. Гегелева школа особенно отличается по этой части. Для примѣра беру изъ его сочиненій первую страницу, какая попадется. Вотъ какъ объясняетъ онъ, что при вступленіи дѣвушки въ болѣе независимое состояніе замужества ослабляются узы, связывающія ее съ родителями: «Дѣвушка не можетъ достигнуть *бытія для себя*, къ которому она способна, не пожертвовавъ отношеніями къ родителямъ:» слѣдственно въ родителяхъ не видитъ она *положительнымъ образомъ* своего *бытія-для-себя*! Далѣе Гегель говоритъ, будто различіе между цѣломудріемъ женщины и мужчины состоитъ въ томъ, «что добродѣтельная женщина желаетъ не *сего* мужа, не *сихъ* дѣтей, а мужа и дѣтей вообще; что цѣломудріе нечисто, если въ желаніи есть склонность къ определенному лицу (это потому, что въ природѣ нѣтъ лицъ); что порядочная женщина не ищетъ познать себя

въ другомъ семь Я; » между-тѣмъ какъ мужчина, «обладая, въ званіи гражданина, способностію къ *всеобщности*, и притомъ съ яснымъ сознаніемъ, покупаетъ право страсти и въ то же время сохраняетъ свою независимость. » Напоследокъ, поговоривъ объ отношеніяхъ между сестрою и братомъ, Гегель оканчиваетъ слѣдующими словами: « Потеря брата незамѣнима для сестры, и потому долгъ ея въ отношеніи къ нему есть самый важный и выспреннѣйшій изъ всѣхъ долговъ. » Странное ученіе! Безъ-сомнѣнія, скажутъ, что отрывки эти могутъ быть понятны только въ цѣлой системѣ: читайте жъ цѣлую систему, и вы убѣдитесь, что бредни не перестаютъ быть бреднями, оттого что ихъ сцѣпять многогромакимъ именемъ системы; читайте безъ предубѣжденія, безъ рабской вѣры къ авторитетамъ, и вы увидите, что мы назвали эти умствованія точно ихъ именемъ. Стоитъ лишь вспомнить о Схоластикѣ среднихъ вѣковъ, для убѣжденія себя въ томъ, что есть родъ Философій, начинающійся тамъ, гдѣ оканчивается здравый разсудокъ.

Съ начала нынѣшняго столѣтія, или лучше, съ появленія Фихте, который систематически поставилъ Философію внѣ всѣхъ законовъ и повѣрокъ, часто рождались сомнѣнія насчетъ добросовѣстности учителей. Дѣйствительно, умствованія и выводы ихъ иногда такъ странны, такъ очевидно уловочны, такъ чужды всего человѣческаго, что имѣешь почти полное право подозрѣвать ихъ честность. Но довольно знать развитіе и ходъ этой Философій, чтобъ устранить всѣ подобныя подозрѣнія. Она просто восторженное заблужденіе, — и только. Безпрерывно твердя себѣ о мнимой необходимости знанія высшаго разряда, безпрерывно думая о томъ, что они называютъ *противоположеніемъ* во всѣхъ другихъ взглядахъ на отношенія человѣка къ природѣ; преслѣдуя льстивую надежду уничтожить условія, которымъ подлсажать всѣ наши

познанія; сначала укрѣпляя въ себѣ колеблющуюся вѣру авторитетомъ предшественниковъ, а вконцѣ превосходя ихъ самихъ въ смѣлости и самоубѣжденіи, Германскіе философы естественно доходятъ до того, что заблужденіе становится неподвижною идеей. Здѣсь конечно есть и примѣсъ тщеславія, но она не исключаетъ вѣры въ стремленіе къ возмечтанной цѣли.

Нѣтъ ни какой возможности, чтобъ одинъ человекъ началъ и успѣлъ довершить такое ученіе, какъ Гегелево: оно — слѣдствіе многихъ прежнихъ усилій. Высокопарная мечта, укрѣпляясь преданіемъ, росла и распространялась постепенно. Кантъ первый намѣкнулъ о пророчествующемъ разумѣ: это послужило зародышемъ. Фихте и Шеллингъ развернули и прославили его идею. Однако жъ у Фихте и Шеллинга это знаніе безусловно-подлиннаго, это всемогущее умозрѣніе, не совсѣмъ еще теряло характеръ гипотезы. Гегель уже объявилъ его несомнѣннымъ фактомъ, изъ котораго выводится рѣшеніе всѣхъ возможныхъ вопросовъ, и такимъ-то образомъ довершилъ онъ переходъ Философіи въ не-Философію, который предсказывали въ Германіи уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Но Гегель и сгубилъ Германскую Философію, показавъ систематически, что безусловность въ знаніи ведетъ прямо къ уничтоженію всякаго знанія.

Но какъ ни глубоко впиалась неподвижная идея въ философствующія головы, какъ ни сильно самоубѣжденіе умозрителей, какъ ни тверда вѣра ихъ въ свою непогрѣшительность, а то, что не имѣетъ основанія, рано или поздно должно вдругъ зашататься. Вотъ отчего большая часть ихъ оканчиваютъ философское поприще религіознымъ мистицизмомъ.

Въ самой Германіи для большинства учащихся, которые, изъ уваженія къ старому обычаю, должны

знать хоть что-нибудь о Философіи, ученіе, развитое Фихте и его преемниками, остается совершенной тайною. Смѣшно и жалко видѣть толпы людей, которые каждый день, тѣсясь около своего профессора, слушаютъ со всевозможнымъ вниманіемъ и не только не разумѣютъ его системы, но даже и не догадываются, о чемъ рѣчь. Они ходятъ на лекціи, перечитываютъ свои тетради, и душа ихъ не согрѣвается ни малѣйшимъ побужденіемъ. Эта Философія отнюдь не страсть ихъ, хотя они и поклоняются ей какъ Буряты своему кумиру. Чтобы понимать, что такое говоритъ она въ наше время, необходимо изучить напередъ Канта, и потомъ пройти внизъ всю лѣстницу великихъ мечтателей. Всегда, и очень справедливо, обвиняли ее въ неясности; но въ ней еще болѣе надутости и притязанія, — а то, что называютъ темнотою, составляетъ коренной грѣхъ, можно сказать, жизненное ея начало, — и есть замѣчаніе, справедливое до пошлости, что удивленіе, доходящее до безумія, всего лучше поддерживается таинственностью, сквозь которую всегда просвѣчиваетъ что-то сверхчеловѣческое и высшее. Оттого тѣ, кто не имѣетъ терпѣнія пройти весь предуготовительный путь къ уразумѣнію этой тайны, считаютъ достигшихъ обладанія ею существами высшаго разряда, тогда какъ эти, ознакомившись съ приемами учителя, совершенно забываютъ, что большая разница понимать систему и понимать истину.

Можно привести нѣсколько любопытныхъ фактовъ, показывающихъ, что значить — понимать Германскую Философію. Бенеке, такъ основательно опровергавшій ея ученія и такъ сильно защищавшій необходимость замѣнить произвольный догматизмъ строгою, самоповѣряющеюся системою, рассказываетъ, что профессоръ его, Бернгарди, который былъ въ самыхъ

короткихъ связяхъ съ Фихте по дружбѣ и по Философіи, чистосердечно признавался, что никогда не могъ понять его умозрѣній. Самъ Фихте обвинялъ въ этомъ извѣстнаго философа Рейнгольда, а Гегель говорилъ, что его могъ постигнуть одинъ только человекъ, — да и тотъ не постигъ! Причину отгадать нетрудно: всѣ эти господа только обходятъ задачу, а не рѣшаютъ ее; и потому, если вы и поймете, что они хотѣли сказать, все-таки не вразумитесь, какъ можно устранить этимъ отъ задачи тѣ трудности, противъ которыхъ они вооружились. Они оправдываются тѣмъ, что будто Философія не способна къ образу изложенія болѣе обще-доступному. Это справедливо въ отношеніи къ подобному ученію: если разорвать искусственную ткань словъ и вывести его на свѣжую воду, останутся однѣ пошлыя общности и вопросы, все-еще ожидающіе рѣшенія. Тогда каждый увидитъ то, что теперь видятъ немногіе послѣ долгихъ, утомительныхъ изслѣдованій, а именно, что Философія эта движется безъ конца и безъ цѣли въ кругу, которымъ сама очертилась, и изъ котораго не можетъ выйти, потому что онъ ея собственная выдумка, а не вещь, опредѣленная для человека природою. Она раздѣляетъ общую судьбу всѣхъ ученій, опирающихся на авторитеты, а не на здравый смыслъ и живое убѣжденіе. Множество этихъ авторитетовъ сгубитъ ихъ всѣ, если который-нибудь скоро не превзойдетъ прочихъ новостью, необычайностью и объемомъ своихъ обещаній.

Прорицать въ наше время — ремесло жалкое: исторія Германской Философіи служитъ тому доказательствомъ. Ей предрекали скорое паденіе, когда она только успѣла начать свои прорицательныя сумасбродства. До-сихъ-поръ она все-еще держалась; но теперь рѣшительно упала въ цѣлой Германіи: жиз-

ненныя силы ее оставили, и нѣтъ ни одного представителя, который бы могъ поддержать ее важностью своего имени. Тяжелое сопротивленіе равнодушія, котораго дѣйствіе всего страшнѣе, довершитъ уничтоженіе того, что только потрясли дѣятельныя нападенія.

Германцы наконецъ утомились этимъ множествомъ бесполезныхъ изліяній мечтъ; общая воспріимчивость притуплена тщетными ожиданіями и обманутыми надеждами. Партіи болѣе и болѣе склоняются къ бездѣйствію; рѣзкая полемика приверженцевъ и противниковъ прекратилась, потому что высказали другъ другу все, что было можно: остается теперь молчать и разойтись. Какая разница между тѣмъ, что видимъ нынче, и тѣмъ, что было въ началѣ столѣтія, когда воспаряло ученіе Шеллинга! Тогда все было живо и дѣятельно, — теперь все дряхло, все при смерти: никто не думаетъ творить, а только какъ-бы подогрѣть старыя бредни. Другія науки болѣе и болѣе освобождаются отъ ига формализма, и разобщеніе, уединеніе Философіи становится день-о-то-дня замѣтнѣе.

Политическія науки совершенно ее бросили. Естественное право Канта имѣло вліяніе на положительное законодательство, и даже Фихтево ученіе, при всей его сумасбродности, проскользало въ политическія разсужденія; но опытъ Гегеля остался безъ всякихъ слѣдствій, несмотря на усердныя старанія учениковъ его. Вообще Философія права съ нѣкотораго времени такъ мало уважается въ Германіи, что лучше правовѣдцы готовы были бы даже не упоминать объ ней, если бѣ стародавнее преданіе не утверждало за нею мѣста въ энциклопедіи политическихъ знаній. Въ естественныхъ наукахъ та же участь постигла многочисленную школу Шеллинга, которая пережила са-

ма себя, такъ какъ глава ея пережила свою систему. Умозрѣніе принуждено было уступить наблюденію природы. Не больно ли видѣть, что тогда какъ въ самой Германіи Физика сбросила съ себя иго Шеллингизма и Окенизма, у насъ начинаютъ появляться книги, которыя хотятъ привить эту безтолковщину здравому смыслу Русскаго юпошества? Еще недавно видѣли мы одно такое сочиненіе, изданное въ Москвѣ, — и видѣли «безусловныя» похвалы, воздаваемыя ему въ нѣкоторыхъ журналахъ, гдѣ его привѣтствовали какъ новый успѣхъ естественнаго знанія въ нашемъ отечествѣ: а это былъ шагъ назадъ! Что касается до новѣйшей и послѣдней системы, именно системы Гегелевой, то она отличается еще тѣмъ, что ее ненавидѣли въ Германіи, и очень немногіе ей слѣдовали. Гегелеву систему можно назвать, не выходя изъ предѣловъ истины, «ученіемъ философской *partii*.» Мы отнюдь не хотимъ подтверждать этимъ названіемъ распространеннаго въ ученomъ свѣтѣ подозрѣнія касательно не-философическихъ причинъ, будто-бы побудившихъ къ ней Гегеля, но въ этой школѣ господствуетъ такой духъ секты, такая пошлость, исключительность, нетерпимость, которые вовсе несовмѣстны съ наукою еяльною и благородною, созданною для увлеченія умовъ въ свою пользу, а не для того, чтобы раздражать ихъ. Гегель былъ послѣдній; но онъ, преимущественно передъ всѣми, займетъ первое мѣсто послѣ Омы Аквинскаго и Денса Скотта.

Германскую Философію называли нерѣдко върованіемъ, и говорили, что въ организаціи Нѣмцевъ есть что-то особенное, какая-то чудесная способность предчувствованія, требующая пророчательной Философіи. Доказательствомъ этому полагали то, что въ Нѣмецкомъ языкѣ есть слово *Gemuth*, котораго нѣтъ въ другихъ языкахъ, — слово выражающее соединенное дѣй-

ствіе ума и сердца. Но должно признаться, что если Германцы дѣйствительно ощущаютъ потребность въ Философіи, выражающей собою вѣрованіе, то ея философы худо выполнили свое призваніе, и система ихъ явилась противною своей цѣли и источнику. Отъ Философіи, или точнѣе, отъ подставной науки, которая возникаетъ изъ такого расположенія души, слѣдовало бы въ такомъ случаѣ ожидать смиренія и умирительнаго чувства. Правда, Якоби промѣлъ на свое ученіе истинное благочестіе, но то было явленіе кратковременное, преходящее, и виновника его причислили ко второму разряду философовъ. Послѣ него все измѣнилось: мистицизмъ изъ теософическаго перешелъ въ схоластическій. Не угодно ли поискать назидательности и смиренія у Гегеля?

Если вѣрить Г-жѣ Сталь, то Германская Философія, основанная на чистомъ оптическомъ обманѣ, согрѣта какимъ-то особеннымъ жаромъ, такъ, что если она и не ведетъ къ истинѣ яснымъ и самоповѣряющимся способомъ; но — крайней-мѣрѣ вливаетъ въ душу порывы поэзіи. Это справедливо лишь въ нѣкоторой степени. Кромѣ Рейнгольда, Якоби и Кёппена, которые совершенно отдѣляются отъ главныхъ системъ повѣйшей Философіи, этотъ жаръ находится только у Фихте въ книгѣ «Опредназначеніи чловѣка,» въ «Рѣчахъ къ Германскому народу», и особенно въ школѣ Шеллинга, когда она еще процвѣтала: но зато сколько тутъ пошлыхъ разглагольствій! Въ поэтическомъ чувствѣ, не разрѣшающемся личными созданіями, единственною прочною формою поэзіи, — отъ выпрепняго до пошлаго, отъ огненной рѣчи до напыщеннаго разглагольствія, отъ учительскаго образца до ученической каррикатуры переходъ очень близокъ, и переходъ этотъ давно уже совершился. Поэтическая ихъ манера сочинила сама изъ себя пародію, и послѣ

усовершенія, приданнаго этому любомудрію Гегелемъ, отъ нея остался самый сухой и безжизненный костякъ, какой только можно себя представить. Можно сказать даже, что умозрительныя ученія изсушили въ народъ источникъ чистой поэзіи: все, что Германія произвела великаго въ этомъ родѣ, процвѣло еще до ихъ укорененія; но съ тѣхъ поръ, какъ умозрительная Философія начала въ ней свирѣпствовать, богатая нива ея Словесности производитъ одни только сорныя травы и безвкусныя плоды. Да и тѣ, кто нынче мерцаетъ тамъ нѣкоторымъ блескомъ генія, отъявленные враги и насмѣшники Германской Философіи.

Эта Философія, несмотря на свое полувѣтковое существованіе, пребывала почти вовсе разобщенною съ чужими краями. Нѣмцы толкуютъ это въ благопріятную для себя сторону: они говорятъ и думаютъ, что внутреннее превосходство и выспренность ихъ Философіи требуютъ умовъ, отлично устроенныхъ, умовъ Нѣмецкихъ, и особаго, народнаго предрасположенія. Мнѣніе это такъ часто повторялось въ различныхъ видахъ, что сдѣлалось наконецъ афоризмомъ. Такимъ образомъ, самое то обстоятельство, которое долженствовало опозорить безпогрѣшительность ихъ взглядовъ, послужило имъ къ удаленію всѣхъ сомнѣній!

Мы предложимъ теперь нѣсколько образчиковъ этой Философіи для сравненія съ тѣмъ, что выше объ ней говорили: ихъ будетъ достаточно для объясненія ея способа, а здѣсь все дѣло въ способѣ, въ приѣмѣ, въ умовкѣ. Начнемъ хоть съ Г. Окена, одного изъ знаменитѣйшихъ Шеллингистовъ, и возьмемъ страничку изъ его теоріи родотворенія, написанной лѣтъ за тридцать, когда умозрительная Физика была еще въ

большомъ уваженіи. Должно замѣтить, что авторъ только философствуя говоритъ такъ сумасбродно: по другимъ статьямъ онъ человѣкъ очень умный и ученый.

« $+ 0 -$, настоящая Пифагоровская тройственность, $\neq 3 = 1 + 1 + 1$, которое есть только сторона конечнаго. $+ 0 -$ свободно отъ конечнаго представляющаго въ видѣ $n + 3 + 2 + 1 - 1 - 2 - 3 - n$, какъ безконечное повтореніе конечнаго, и однако жъ въ этомъ $+ 0 -$ всѣ числа *положены* (gesetzt) отъ вѣчности, потому что всѣ отъ него произошли, хотя въ немъ нѣтъ ни одного $+ 1$, ни одного $- 2$, которые должны были уничтожиться для того, чтобы имъ можно было возвратиться въ вѣчность..... Что находите вы въ 0? Видите вы въ немъ 1 или 2, одинъ $- 1$, или одинъ $- 4$, черту или кругъ? Нѣтъ, нигдѣ; вы видите это отдѣльное и земное только тогда, когда смотрите въ 0, въ тождества. Выспреннѣйшее не оскверняется такими вещами..... Какъ данный кругъ есть являющаяся молнія идеи круга, такъ идея круга есть молнія нуля..... 0, какъ чистый 0, отвлеченный отъ $+$ и $-$, не имѣетъ сказуемаго; онъ не что-нибудь, и не ничтожество, не положительный, и не отрицательный, не одинъ, и не многіе, неимѣющій формы, и не безформный; нельзя приписывать ему ни бытія ни небытія; онъ не есть, но онъ и не не есть; онъ не конеченъ, но и не безконеченъ; онъ несказанный, невыразимый, безусловный безъ всякой опредѣленности. »

Вотъ отрывокъ изъ сочиненія другаго естественнаго философа, писавшаго спустя лѣтъ двадцать, и, честно увѣряемъ, не для шутки, — иначе мы не стали бъ и выписывать. Заглавіе книги его, — « Природа, человѣкъ и разумъ, » — а имя автора — Кейперъ. Теперь послушайте :

«На сѣверѣ, близъ Гренландіи, обитаетъ китъ въ самомъ мозгу земли. Между рыбами онъ представляетъ то, что есть философическаго въ человѣкѣ: оттого и живетъ онъ только тамъ, гдѣ голова земли погребена въ водахъ неприступныхъ. Раждая живыхъ дѣтенышей, онъ являетъ образъ философа, который самъ изъ себя раждаетъ знаніе всего сущаго. Вся Европа занимается китоловнымъ промысломъ, кромѣ Германіи, потому что Германія сама одарена философическими способностями, которыя въ себѣ развиваетъ, и не имѣетъ надобности въ китахъ. Китъ служитъ упругою подпорою, — читатель припомнитъ женскіе корсеты: то же самое для наукъ — размышленія философа. Изверженіе воды ноздрями конечно знаменуетъ смѣлос и высшее освобожденіе мысли: разсѣкая воздухъ, оно доказываетъ въ себѣ сродство съ полетомъ птицъ. Китовый жиръ проливаетъ свѣтъ подобно умозрѣніямъ философа.» Продолжая въ этомъ тонѣ, Кейперъ находитъ, что семга въ морѣ соответствуетъ литературнымъ журналамъ на сушѣ, а сельди газетамъ. Послѣ этого, признайтесь сами, приложеніе ясновидящаго разума къ естественнымъ наукамъ не есть ли величайшій подвигъ вѣка? Китъ — умозрительный морской философъ, Библіотска для Чтенія — семга, а Сѣверная Пчела — следка!

Любимая тема Гегеля, этого великаго жреца улювокъ, увертокъ и придирокъ, состоитъ въ томъ, что разныя точки и степени развитія вселенной сами въ себѣ не имѣютъ истинной дѣйствительности: это ничего не объясняетъ и только служитъ поводомъ къ безполезному словопрещію. Если бъ мы не боялись истощить терпѣніе нашихъ читателей, то выписали бъ безконечно и безтолковое умствованіе этого философа объ идее, выражаемой Нѣмецкимъ словомъ *jetzt*, «теперь», которое употребляетъ онъ въ видѣ существи-

тельнаго. Но вотъ по-крайней-мѣрѣ способъ его въ приложеніи.

«*Каждый долженъ говорить правду.* Къ этой обязанности, высказанной безусловно, сперва должно присовокупить условіе — *если правда ему извѣстна*; послѣ чего правило приметъ слѣдующій видъ: *каждый долженъ говорить правду по собственному убѣжденію и сознанію.* Здравый разумъ, эта нравственная совѣсть, знающая непосредственно, что благо и справедливо; скажетъ намъ, что условіе совокуплено съ общимъ выраженіемъ такъ точно, какъ онъ понималъ это правило, но разумъ тѣмъ самымъ допускаетъ, что, высказывая правило, онъ его уже нарушилъ. Въ самомъ дѣлѣ, разумъ изложилъ его такъ — *Каждый долженъ говорить правду*, а хотѣлъ сказать — *Каждый долженъ говорить правду по своему сознанію*: слѣдственно онъ высказалъ не то, что думалъ, а говорить не то, что думаешь, значитъ говорить неправду. Исправленная лживость или неловкость объяснится слѣдующимъ образомъ: *Каждый долженъ говорить правду по своему сознанію*; по этимъ она измѣняется въ нѣчто частное и случайное то, что въ своемъ началѣ разумъ хотѣлъ выразить какъ общегодное и конечное въ самомъ себѣ: зависить отъ случая, знаю ли я правду, говоря ее, или нѣтъ, и правило предписываетъ не больше ни меньше, какъ говорить правду и ложь безъ разбору, смотря по тому, какъ случится мнѣ знать и понимать ихъ. Эта случайность содержанія имѣетъ свою всеобщность только въ формѣ изложенія, выражающей правило; но какъ правило нравственное, оно обѣщаетъ всеобщее и неуклонное содержаніе и само себѣ противорѣчитъ случайностью. Если наконецъ измѣнить правило такъ, чтобъ оно требовало вмѣстѣ и знанія истины, то это будетъ уже новое правило, совершенно противорѣчащее то-

му, съ котораго мы начали. По положенію, здравый разумъ долженствовалъ непосредственно обладать способностью говорить правду, а теперь требуется, чтобы онъ зналъ ее, и слѣдственно допускается, что она не извѣстна ему непосредственно.» (Гегель, «Феноменологія духа», стран. 316). Этотъ отрывокъ — вся Германская Философія въ маломъ видѣ. То, что мы объ ней говорили, является здѣсь въ такомъ свѣтѣ, что, для полнаго убѣжденія, стоитъ лишь сравнить эту страницу съ предъидущими.

Тутъ, Гегель сначала устанавливаетъ законодательный разумъ, и, выставивъ за безусловное его начало отвлеченность, заключенную въ формулу, шумитъ и сердится, потому что формула оказывается нелѣпою. Мы остановимъ вниманіе не на странности исключенія, которое авторъ дѣлаетъ изъ своего правила на случай незнанія истины, — она слишкомъ очевидна; но на несправимей ложности основнаго и общаго направленія его системы, на безуміи воображать себѣ, будто естество предмета дѣйствительно признаетъ форму его положеній и опредѣленій, правилъ и исключеній, будто поступки и формула, ихъ выражающая, дѣйствительно тождественны, и будто можно смѣшивать порядокъ учебной книги съ организаціею живой природы. Здѣсь должно было изслѣдовать свойства поступковъ въ ихъ совокупности, а не формулу, которая метитъ только на одну изъ множества стихій, составляющихъ нравственные поступки въ ихъ дѣйствительности, и потому отнюдь не можетъ вести къ рѣшенію многосложнаго вопроса. Наконецъ, необходимо придать общей наукѣ по-крайней-мѣрѣ здравомысліе жизни, ибо нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на свѣтѣ было бы еще хуже, если бъ люди такъ же пользовались этими правилами въ своихъ поступкахъ, какъ Германскіе философы при построеніи своихъ си-

стемъ. Впрочемъ не должно выпускать здѣсь изъ виду и насмѣшливаго умствованія, которымъ Гегель заставилъ разумъ сбиться съ толку и противорѣчить самому себѣ въ своемъ выраженіи. Самъ онъ и вся его школа чрезвычайно любятъ эти насмѣшки, которыя составляютъ часть ихъ діалектики.

Чтобъ показать, какъ способенъ къ усовершенію этотъ приѣмъ выставлать отвлеченности и потомъ терять ихъ одну объ другую подъ предлогомъ діалектики, мы окончимъ выпискою умозрѣнія одного изъ первыхъ Гегелистовъ. Книга его расхвалена до небесъ въ журналъ, управляемомъ этой школою. Заглавіе такъ же странно, какъ и самое сочиненіе: «Листки изъ области настольныхъ и вспомоgetельныхъ актовъ одного правовѣдца, изданные К. Ф. Гёшелемъ.» Вотъ что гласятъ намъ листки Г. Гёшеля:

«Такъ какъ коллегія, товарищество, общество, состоитъ изъ многихъ особъ, то одно лице не можетъ дать начала коллегіи, но послѣдняя можетъ поддерживать общность въ качествѣ наслѣдника особъ, которыхъ она представитель. Но такъ какъ коллегія состоитъ не только изъ многихъ лицъ, но и изъ связи ихъ, или соединенія, то, для единства *многихъ*, недостаточно *двухъ*: два — отвлеченная противоположность *одного*, и потому необходимы *трое* по-крайней-мѣрѣ, чтобъ двое по-очередно соединялись въ третьемъ. *Tres faciunt collegium*, — трое составляютъ коллегію. Однако жъ древнѣйшій изъ союзовъ, бракъ, состоитъ, какъ мы видимъ собственными глазами, только изъ *двухъ* особъ. Здѣсь очевидно не достаетъ *третьяго* для тѣснаго и полного соединенія (!). Юридическое правило, о которомъ мы говорили, — *tres faciunt collegium*, казалось бы поэтому совершенно произвольнымъ и опровергаемымъ на опытѣ. Но,

быть-можетъ, бракъ не есть общество, университетъ, *corpus, universitas*? И въ самомъ дѣлѣ, не должно забывать, что бракъ достигаетъ окончательнаго довершенія въ своей цѣли въ потомствѣ, какъ семейство: слѣдственно и бракъ доказываетъ, что по-крайней-мѣрѣ *трое* необходимы для полнаго соединенія. Можно даже сказать, что третьяго *не недостаетъ ни въ какомъ бракъ*: во-первыхъ, двое тутъ становятся однимъ; во-вторыхъ, третій въ этомъ союзѣ, какъ восходящій, есть родители, какъ нисходящій, — дитя. Поэтому и бракъ есть правильная, состоящая изъ трехъ, коллегія.» Пусть Гегелисты восхищаются, сколько угодно, а по-Русски это называется — чепуха!

Германская Философія надѣлала много вреда; она сбила съ толку не одну умную голову и запутала всѣ науки: пора ей въ отставку, — и, по милости, освободите отъ ней Русскихъ, которые всегда славились своимъ здравымъ смысломъ.

О КОЗЬЕМЪ ПУХЪ.

Хочу сказать нѣсколько словъ о козьемъ пухѣ,—объ этомъ загадочномъ и достойномъ замѣчанія произведеніи природы, которое, по мѣсту жительства моего и по дружбѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ владѣльцевъ здѣшняго края, сдѣлалось мнѣ достаточно извѣстнымъ, чтобы говорить не наобумъ, а основываясь на неоспоримыхъ данныхъ, на многолѣтнихъ опытахъ. Загадочнымъ называлъ я произведеніе это потому, что объ немъ много бредили и бредятъ понынѣ: говорили, писали, печатали такія вещи, которымъ здѣсь, на мѣстѣ, смѣется всякій казакъ и мѣщанинъ, мѣняя у Киргизовъ или собирая съ домашнихъ козъ зимнюю ихъ оболочку. Но и казакъ и мѣщанинъ или безграмотны, или имъ не дограмоты. Сто лѣтъ сидимъ мы около Оренбурга, собираемъ и продаемъ козій пухъ,—дѣло идетъ своимъ чередомъ,—сотни людей наживаются выгоднымъ ремесломъ этимъ,—а земляки наши, сосѣднихъ губерній, говорятъ о козьемъ пухѣ, какъ о златыхъ перьяхъ райской птицы, глаголемой *сиринъ*; и заморскихъ земель Нѣмцы гнутъ, какъ говорится, чуху неколесную, докапываются, доискиваются учеными изысканіями, — а ларчикъ просто отпирается!

Драгоценность, незамѣняемость козьего пуху извѣстны почти всякому и не подлежатъ сомнѣнію: изъ него только можно выдѣлывать восточныя шали, изъ него только Русскіе платки или шали, не уступающіе первымъ. И такъ, важнѣе всего вопросъ,—нельзя ли расплодить и размножить въ Европѣ животное, дающее запасы на эту неподражаемую ткань, и напередъ всего, разумѣется, у насъ, въ Россіи? Но для этого должно изслѣдовать предварительно, что такое этотъ козій пухъ, и какое именно животное даетъ его.

Самое обыкновенное и наиболѣе распространившееся мнѣніе состоитъ въ томъ, что козій пухъ идетъ отъ особой породы козъ,—какой-то Тибетской или Кашмирской, и что, слѣдовательно, должно стараться вывезти и расплодить у себя эту породу.

Тибетъ дѣйствительно богатъ козымъ, тончайшимъ пухомъ,—богаче всѣхъ извѣстныхъ странъ, а по сосѣдству, въ

Кашмиръ дѣлаются лучшія восточныя шали. И такъ, мнѣніе это казалось бы, не безъ основанія.

Между множествомъ статей и сочиненій, вышедшихъ за границу объ этомъ предметѣ, должно упомянуть о небольшой книжкѣ, изданной въ 1824 году Фрейдбергомъ*. Онъ говоритъ, вкратцѣ, слѣдующее. Не подлежитъ сомнѣнію, что животныя и растенія могутъ быть переносимы съ мѣста на мѣсто и приурочиваемы къ странамъ, имъ доселѣ не свойственнымъ. Первый, по неудачный опытъ переселенія Тибетскихъ козъ, ради пуха ихъ, въ Европу, сдѣланъ Англичанами; но козы не перенесли тропическаго климата Бенгалии и моря. Французы Жоберъ и Терриэ произвели это съ успѣхомъ, избравъ путь не черезъ Остъ-Индію, а черезъ Россію, гдѣ климатъ болѣе свойственъ животнымъ этимъ; но ученые и неученые заспорили, — Тибетскія ли это козы, которыхъ вывезъ Жоберъ, или Кашмирскія, или Татарскія? Между-тѣмъ, попытки Жобера увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ, говоритъ сочинитель: часть козъ дала пухъ, ничѣмъ неуступающій Тибетскому; козы еще размножились, и вотъ ихъ описаніе: длинныя височія уши; нѣсколько поднятый хвостъ; прямые рога; туловище болѣе обыкновеннаго; шерсть чрезвычайно бѣлая, но иногда бываетъ и сѣрая; козленокъ растетъ скорѣе обыкновеннаго, и легко дѣлается ручнымъ. И простыя козы даютъ пухъ, продолжаетъ Г. Фрейдбергъ: но пухъ меньшей доброты, а происшедшія отъ смѣшенія простыхъ козъ съ Тибетскими даютъ пухъ совершенно одинаковый съ послѣдними. Доставка козьего пуху черезъ Россію обходится весьма дорого: и такъ, надобно обзавестись своими Тибетскими козами. Порода эта водится въ Тибетѣ, на высокихъ, снѣжныхъ горахъ, на холоду; кормится бѣднымъ лакомъ твердой почвы. Тибетскія козы бываютъ разныхъ цвѣтовъ, — и вотъ ихъ примѣты: уши то стоячія, то повислыя; рога прямые; а какъ уже доказано, что козы Тибета могутъ водиться и у насъ въ Европѣ, и именно во Франціи, то и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что

* Ueber die Ziege von Thibet, aus deren Wolle die kostbaren Kaschemir-Schawls verfertigt werden, dann auch über die Versuche, Möglichkeit und Art, diese Thiere in Europa und vorzüglich in Oestreich einheimisch zu machen, von H. M. Freudberg, Brünn, 1824.

мы можем и должны,—говорить сочинитель, — въ самом скоромъ времени сдѣлаться, въ отношеніи ткацка дорогахъ шалей, опасными соперниками Кашмирцевъ. Затѣмъ, слѣдуетъ еще глава о болѣзняхъ Тибетскихъ козъ, объявленіе о томъ, что императоръ Австрійскій выписалъ и получилъ нѣсколько такихъ животныхъ, а Швейцарецъ Вольваръ продаетъ ихъ по сту и сту пятидесяти гульденовъ за голову, —и вотъ, въ сокращеніи, все, что написалъ Г. Фрейдбергъ, прибавивъ къ этому еще изображеніе Тибетской козы, ни сколько не похожей на описаніе его: на изображеніи этомъ хвостикъ повислый; уши длиннѣйшія, ослиныя, стоячія; на шеѣ сережки; а рога прямые, длинные, и, —чего спокойнѣе въ не видать и не слышать было на козлахъ и козахъ,—витые, какъ у баснословнаго единорога. Сочинитель безпрестанно самъ себя противорѣчить,—какъ видно даже изъ приведенныхъ словъ его,—говорить, по наслышкѣ, наугадъ, о такой вещи, о которой онъ ни какого точнаго, яснаго понятія не имѣетъ. Впрочемъ, чего пенять на одного, за грѣхи и заблужденія цѣлаго поколѣнія? Никто, и даже сами Гг. Жоберъ и Терно не знали настоящаго положенія дѣла: иначе они не стали бы вводить себя попустому въ издержки, которыя имъ выписанія ихъ козы едва-ли вознаградили, если не способствовала этому уже одна слава о Тибетскихъ козахъ у Терно, и потомъ продажа большей части ихъ съ молотка.

Дѣло въ томъ: Тибетскихъ козъ, правда, и мы здѣсь не видывали; но онѣ, какъ единогласно утверждаютъ приходящіе сюда Азіатцы, ни чѣмъ не отличаются отъ козъ здѣшнихъ,—чему вполне повѣрить должно, сравнивая пухъ тамошнихъ и здѣшнихъ козъ: нѣтъ ни малѣйшей разности. Здѣшнія же козы во всемъ почти подобны обыкновеннымъ Русскимъ, домашнимъ козамъ: все, что допустить можно, такъ это то, что здѣшнія козы составляютъ ни видъ, ни родъ, а развѣ небольшое отродіе, какъ Донская, Киргизская или горская лошадь суть отродіе общей породы конской. Рога у козъ здѣшнихъ имѣютъ обыкновенно нѣсколько меньшую кривизну и взаимно ихъ сближающій погибъ; переносъ болѣе впалое чѣмъ прямое, нижняя губа немного отвислая, шерсть немного гуще, длиннѣе обыкновенна-

го,—и вотъ отъ чего туловище можетъ казаться великимъ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что это та же обще-известная, дворовая коза, которая, въ здѣшней холодной полосѣ, проводя строгую зиму въ бурной степи на подножномъ корму, покрывается на зиму всемогуществомъ благодѣтельной матери природы,—тонкимъ, густымъ и теплымъ подшерсткомъ, известнымъ у насъ подъ именемъ *козьяго пуху*. Впрочемъ, всѣ примѣты, кромѣ длинной, густой шерсти и пуху, случайны, не существенны и иногда даже едва замѣтны. Но въ Малороссіи, особенно въ степныхъ мѣстахъ, козы даютъ небольшое количество мягкаго какъ лебяжій пухъ подшерстка, но не въ такомъ количествѣ, а можетъ быть и не того качества, какъ здѣшнія, хотя послѣднее еще и не рѣшено.

Изъ этого надобно вывести непосредственно такое заключеніе: вмѣсто того, чтобы отправлять отселѣ, со значительными издержками, козъ въ отдаленныя страны, полезнѣе было бы присылать сколько можно болѣе козъ, хотъ бы и Французскихъ подданныхъ, сюда: здѣсь слѣдующее поколѣніе ихъ уподобится уже во всемъ кореннымъ здѣшнимъ козамъ и одѣнется пухомъ, тогда какъ вывезенныя отселѣ козы теряютъ его вскорѣ сами,—а о потомкахъ ихъ и говорить нечего,—и, утративъ однажды пухъ свой, вполне уподобляются новымъ соотечественникамъ своимъ. Такъ верблюды, въ Киргизскихъ степяхъ, покрываются на зиму пухомъ, котораго напримѣръ на верблюдахъ Крымскихъ почти вовсе не бываетъ. Такъ Русской, Испанской или любого инаго отродія, баранъ, завезенный на здѣшнія степи, въ короткое время получаетъ курдюкъ, то есть, огромный наростъ сала и толстую, никуда негодную шерсть, подъ которою является также тонкой и густой подшерстокъ, который называть должно *овечьимъ пухомъ*; и тотъ же баранъ теряетъ опять то и другое, будучи вывезенъ на другую почву и подъ другое небо. Сказанное подтверждено здѣсь многолѣтнимъ опытомъ; но, когда угодно, могу привести и письменныя доказательства. Г. Нефедьевъ, въ «Свѣдѣніяхъ о Волжскихъ Калмыкахъ», говоритъ между прочимъ: «Одинъ изъ Астраханскихъ жителей, занимающійся скотоводствомъ, выписалъ-было сюда овецъ изъ внутреннихъ губерній, для

«того, чтобы имѣть отъ нихъ хорошую шерсть; но овцы «эти въ одно лѣто потеряли достоинство шерсти, и, что «удивительнѣе, сверхъ обыкновенныхъ хвостовъ, получили «курдюки.»

Дѣло, кажется, подтверждается и на Востокѣ. Этого рода козъ, подъ свойственной имъ полосой Тибета, держатъ во множествѣ; а въ сосѣднемъ Кашмирѣ, котораго мѣстоположеніе и почва вѣроятно не соответствуютъ извѣстнымъ условіямъ, козъ для пуху не разводятъ, хотя Кашмиръ, собственно есть родина и колыбель лучшихъ Восточныхъ шалей, и Кашмирцы даже особымъ откупомъ приобрѣли исключительное право покупки козьяго пуху у жителей Тибета. Впрочемъ, извѣстно и то, хотъ бы напримѣръ изъ путешествія Илѣкстона, что Кашемирцы пользуются козьимъ пухомъ не изъ одного Тибета, но также изъ такъ называемой не-зависимой Татаріи, попросту изъ Бухарскихъ владѣній, съ которыми граничитъ степь Кайсаковъ нашихъ. Тамъ, высокое гористое положеніе, а здѣсь открытыя, холодныя степи, имѣютъ одинаковое вліяніе на вещественное преобразованіе шерстопроизводныхъ органовъ животнаго.

Между-тѣмъ, излишне будетъ объяснить и обстоятельство относительно упоминаемаго господиномъ сочинителемъ вышеприведенной книжицы спора о породѣ вывезенныхъ Гг. Жоберъ и Терпѣ во Францію козъ.

Сочинитель говоритъ ясно, что Французы эти вывели козъ Тибетскихъ черезъ сѣверную Персію, Кавказъ и черезъ Россію. Въ номеръ 79 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, 1825, было сказано, что Жоберъ и Терпѣ получили козъ своихъ прямо изъ Персіи. Это опять дѣло другое, —но какъ сейчасъ увидимъ, не менѣе того несправедливо. Далѣе въ газетѣ этой говорится: Еще въ 1814 году привезъ Г. Шарль Боденъ нѣсколько Тибетскаго козьяго пуху, моремъ изъ Калькуты; сравнилъ его съ козьимъ пухомъ, получаемымъ во Франціи черезъ Россію, и нашелъ, что это было совершенно одно и то же. Козій пухъ, доставляемый за границу черезъ Россію, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ Французовъ, идетъ изъ сѣверной Персіи и Средней Азіи: основываясь на этихъ слухахъ, Г. Терпѣ, извѣстный фабрикантъ-художникъ, рѣшился выписать Персидскихъ козъ, и поручилъ

дѣло бывшему Французскому агенту въ Персіи, Г. Жоберу знавшему обычаи и языки Восточныхъ народовъ. Г. Жоберъ, прибыль въ Россію, на Кавказъ, весьма много обязанъ тогдашнему Начальнику того края, генералу Ермолову, за разныя пособія его, собралъ за Кавказомъ, какъ говоритъ газета, несмотря на большія затрудненія, до шести сотъ козъ, изъ которыхъ пять сотъ сорокъ благополучно достигли береговъ Волги. Въ 1829 году, козы эти прибыли на двухъ судахъ въ Тулонъ и Марсель, отколъ развезены въ разныя мѣста Франціи, гдѣ они удачно расплодились.

Здѣсь, прежде всего, замѣтить должно, что козій пухъ, идущій черезъ Россію за границу, вывозится не изъ Персіи, а собственно изъ Россіи, именно съ Оренбургской Линіи; а самая малая часть его также изъ Астраханской губерніи, отъ Киргизовъ Букеевскихъ и Волжскихъ Калмыковъ. Кроме того, говорятъ, *небольшое количество* его вычесывается и за Кавказомъ,—гдѣ именно, не знаю. На Линіи, и болѣе всего въ Уральскѣ и въ Оренбургѣ, можно вымѣнивать у Киргизовъ ежегодно до десяти тысячъ пудовъ не очищеннаго отъ шерсти пуха; въ этомъ видѣ товаръ идетъ на Нижегородскую ярмарку, оттолъ въ Ростовъ (Ярославскій), гдѣхъ-уъ отдѣляютъ, очищаютъ, посылаютъ въ Москву и продаютъ Французамъ,—а они везутъ его, сухимъ путемъ, черсзъ Лембергъ, во Францію.

Надобно знать еще и то, какимъ образомъ пухъ здѣсь собирается. Одѣвшаяся на зиму теплою и мягкою шубою коза, весною разоблачается: въ жаркое лѣто тулупъ не находка. Тогда дикари при-Линейные собираютъ отваливающуюся клочьями шерсть или сдираютъ ее руками, и несутъ на мѣновыя дворы. Иногда, и это водится особенно въ Уральскѣ, получаютъ они отъ купцовъ нашихъ задатки напередъ, и доставляютъ, по уговору, товаръ прямо къ нимъ. Впрочемъ, никто здѣсь козъ, собственно для пуху, не держитъ, а въ глубинѣ степи пухъ этотъ продается вмѣстѣ съ шерстью, безъ всякаго употребленія, если не понадобится Киргизкамъ свалать изъ нея кошму. Козы содержатся здѣсь только вмѣстѣ съ овцами, и служатъ имъ на каждомъ шагу жожаками: коза бойчѣе и смѣлѣе овцы, и идетъ, куда ее гонятъ; овцы же однѣ, нерѣдко, сбившісь въ кучу, становятся какъ вко-

панья, и нейдутъ съ мѣста. Пудъ такой шерсти даетъ до 25 фунтовъ пуху; за очистку платять до 50 рублей за пудъ; двѣ-третьи цѣлаго количества обыкновенно состоятъ изъ бѣлой шерсти, остальная треть изъ сѣрой или сивой. Бабы разбираютъ для очистки шерсть по домамъ, и легко очищаютъ по фунту на день. Съ 1812 года по 1824, въ двѣнадцать лѣтъ, цѣна на козій пухъ здѣсь поднялась—было съ 16 до 48 рублей за пудъ; очищенный пухъ въ Москвѣ платился уже отъ 170 до 220 рублей за пудъ, а тамъ, по причинѣ застоя въ торговлѣ, вдругъ понизилась цѣна почти до половины. Причина этому кажется еще вотъ какая: начали—было подмѣшивать козьяго пуху въ тонкорунную овечью шерсть, для красоты, но оказалось, что сукно, получая, правда, лучшій видъ и лоскъ, теряетъ въ прочности; поэтому, мало-по-малу потребленіе пуха опять уменьшилось. Въ послѣднія десять лѣтъ, цѣны опять немного поднялись, и нынче платять за пудъ суроваго, неочищенного пуху 35 рублей. Очищенного здѣсь въ продажѣ не бываетъ.

Еще одно обстоятельство для насъ непонятно: въ упомянутой газетной статейкѣ сказано, что двѣсти сорокъ козь, изъ числа добытыхъ Г. Жоберомъ за Кавказомъ, были *чистой* породы, а триста состояли изъ *помѣси*. Это что такое? Какая чистая порода, и какая помѣсь? Развѣ козы были не тамошнія, а привозныя? Все это трудно понять. И объ этой газетной статейкѣ, кажется лъзя молвить не грѣша, что сочинитель не былъ достаточно знакомъ съ предметомъ, —за что впрочемъ также пенять нельзя: никто, повидному, не зналъ настоящаго положенія дѣла. Мы расскажем по-своему.

Въ 1831 году прибылъ сюда, въ Оренбургъ, одинъ изъ коммисіонеровъ Г. Терпѣ, и слѣдовательно сотрудникъ Г. Жобера, и рассказывалъ нижеслѣдующее: Г. Терпѣ добылъ, съ чрезмѣрными издержками, изъ Кальпуты, настоящаго Тибетскаго козьяго пуху, а въ 1814 году, при занятіи союзными войсками Парижа, узналъ отъ Русскихъ офицеровъ, что тотъ же пухъ пмѣется и въ Россіи. Въ слѣдствіе этого, обратился онъ къ коммисіонеру своему въ Москву, и получилъ отъ него за сходящійшую, но все еще довольно высокую цѣну, нѣсколько козьяго пуху, подъ названіемъ Ти-

бетскаго. На слѣдующій годъ узналъ онъ, Г. Терно, отъ вступившихъ вторично въ Парижъ Русскихъ, что пухъ этотъ есть произведеніе юговосточной Россіи; но вѣрныхъ свѣдѣній получить не могъ, и рѣшился искать пути къ Тибетскимъ козамъ черезъ Кавказъ: погрѣшность простительная, если мы разсудимъ, какое понятіе Французы обыкновенно имѣютъ о нашемъ отечествѣ и о Географіи. И такъ, онъ отправилъ комисіонера своего, Г. Жобера, бывшаго съ Наполеономъ въ Египтъ, на Кавказъ. Г. Жоберъ благополучно достигъ Грузіи, нашелъ гостепріимство, ласковый пріемъ,—но козьяго пуху не нашелъ. Здѣсь онъ узналъ однако жъ, случайно, гдѣ его искать должно; отправился въ Сарепту, и купилъ тамъ у Калмыковъ, а болѣе у Букеевскихъ Киргизовъ, тысячу триста козъ; пригналъ ихъ поздною осенью въ Таганрогъ, не нашелъ тамъ судна, принужденъ былъ гнать ихъ далѣе по словамъ Г. Фрѣнила,—такъ, кажется, звали Оренбургскаго комисіонера Г. Терно,—въ Крымъ, и наконецъ, зимою, нагрузилъ и отправилъ, оставшихся отъ тысячи трехъ сотъ, шесть сотъ козъ во Францію. Около двухъ сотъ погибло еще моремъ; сотни четыре прибыли на-мѣсто.

Вотъ разсказъ Г. Фрѣнила! И такъ, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что вывезенныя Г. Терно козы, гораздо приличнѣе могли бы быть названы Русскими степными козами, или если угодно, Калмыцкими и Киргизскими, — но только во всякомъ случаѣ не Тибетскими, ни же Персидскими; равно какъ и звѣрь или животное Г. Фрейдберга, съ витушками на головѣ, ни къ селу, ни къ городу, названъ «козою Тибета.»

Слава о Французскихъ платкахъ, затмѣвающихъ красоту Восточныхъ, смолкла; козы распроданы въ разныя руки, и нѣтъ, кажется, ни какого сомнѣнія въ томъ, что опытъ Г. Терно, приносящій ему впрочемъ много чести, былъ удаченъ, относительно къ благополучной доставкѣ, не Тибетскихъ, а степныхъ Русскихъ козъ во Францію; но не удовлетворилъ надеждъ просвѣщеннаго промышленника вразсужденіи выгодъ торговыхъ: то есть, что козы наши, мало-по-малу, во всемъ уподобились козамъ Франціи, и утратили, подъ умѣренною полоскою, драгоцѣнный подшерстокъ свой.

Очевидецъ разсказывалъ намъ, что на Парижской выставкѣ были платки Г. Терно, и подлѣ нихъ стояла живая бѣлая коза, которую провозглашали Тибетскою, чесали тутъ же на выставкѣ, и показывали съ ловкостью, свойственною этому народу, вычесанные гребнемъ клочечки пуху. Вся продолѣлка эта доказывасть, что пуху въ козѣ осталось уже весьма не много, и что все дѣло вертѣлось тутъ только около того, чтобы удивить Французскій народъ Тибетскимъ пухомъ. Когда чесать козу гребнемъ, то каждая дастъ вамъ немного пуху; но это не можетъ составить предмета промышленности.

Въ самой вещи, бросимъ взглядъ на всю шубо- и шерсто-носную природу. Законъ одинъ: полуденные, четвероногіе обитатели земли нашей носятъ шерсть грубую, черствую, въ которой вы не найдете тонкой оси, и подѣ которую вовсе нѣтъ пуху; чѣмъ далѣе на сѣверѣ, тѣмъ длиннѣе, пушистѣе мѣха, мягче, гуще и богаче пухомъ. Тотъ же самый звѣрокъ бываетъ годенъ и негоденъ на прихотливое употребленіе наше, смотря потому, гдѣ онъ водится: бѣлка въ Германіи та же что бѣлка въ Россіи,—въ этомъ согласны всѣ естественныя испытатели,—но какое сравненіе, зимняя шубка той или другой! Можетъ-быть нѣкоторые изъ читателей помнятъ пару живыхъ соболей, которыхъ возили по Россіи, вмѣстѣ съ другими звѣрами: они даже и зимою не походили на соболей; рѣдкая шерсть покрывала звѣрка, а пуху почти вовсе подѣ ней не было; хозяинъ, указывая на нихъ, самъ обращалъ на это вниманіе зрителей, и объяснялъ дѣло весьма просто, тѣмъ, что они прогуливались уже нѣсколько лѣтъ по полуденной Европѣ, и что сидятъ и пынче всегда въ теплѣ. Неизлишне здѣсь замѣтить еще и относительную разность между климатами запада и востока: это почти тоже, что югъ и сѣверъ. Параллель Оренбурга пролегаетъ черезъ всю средину Пруссіи,—но великая разность въ климатахъ, тамъ и здѣсь!

И такъ, покончимъ и порѣшимъ дѣло вотъ чѣмъ: нѣтъ пользы, и нѣтъ нужды выписывать, плодить и разводить пуховыхъ козъ на мѣстахъ, гдѣ сама природа отказываетъ имъ въ этой драгоценной одеждѣ; онѣ переродятся всегда, и въ самое скорое время; одно только можно посовѣтовать

хозяевамъ, пытающимся извлечь отъ козъ пуху: должно помнить, что въ Тибетъ вода нерѣдко покрывается *въ июль мѣсяцъ* ледяною корою, почти на полдюйма толщины, и что въ Оренбургскихъ степяхъ всю зиму дуютъ жестокіе бураны, при 20 и 30 градусахъ морозу, — и слѣдовательно, должно держать козу во всю зиму не на конюшнѣ, и вообще не подъ кровлей, а на воздухѣ, на холодѣ и на вѣтру; выгонять ее круглый годъ; пасты, буде можно, не въ кустахъ, не въ лугахъ, а по сухимъ возвышенностямъ. Тогда она дастъ вѣроятно пуху нѣсколько болѣе обыкновеннаго. Это имѣетъ еще и ту выгоду, что козы, роняя весною шерсть и пухъ въ большихъ доскутахъ, не цѣпляются за кустарники и не теряютъ шерсти даромъ. Чѣмъ, при такихъ обстоятельствахъ, прилагаютъ менѣе искусственной заботы и попеченія объ этомъ животномъ, тѣмъ отношенія его будутъ ближе къ козамъ Тибета, степей Киргизскихъ и Астраханскихъ.

Но важнѣе и полезнѣе всего было бы обратить болѣе вниманія на торговлю этою статьею, — козьимъ пухомъ, — въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сама тороватая и своенравная природа его производитъ въ изобиліи. Доставка, въ сравненіи съ цѣною, богатаго издѣлія не можетъ быть значительною. Не нужно возить пухъ этотъ сухимъ путемъ, черезъ всю Европу: его можно доставлять, по Волгѣ, въ Питеръ, и грузить на суда. Должно сознаться, что Французы и Англичане извлекали бы болѣе нашего пользы, если бы у нихъ подлѣ боку росло и родилось то же что у насъ. Здѣсь, въ Оренбургѣ, торговля вообще идетъ какимъ-то чудными и непонятными путями, и трудно добиться правды и толку. На само обращаютъ довольно вниманія: это безъ большихъ хлопотъ даетъ обыкновенно, на худой конецъ, сто на сто; тутъ мнѣняютъ у Киргизовъ барановъ на табакъ да на муку, приправленную золицей, песочкомъ и известкою, — а кубовая краска и хлопчатая бумага, шелкъ и всѣ богатства Восточной Индіи, для насъ доселѣ недосыгаемы. Караваны возятъ къ намъ, правда, немного бумаги, но все же не могла она доселѣ вытѣснить или замѣнить Англійской. Болѣе всего возятъ кошмы, армяки, выбойку и готовые халаты, — толстые, простые халаты, въ которые одѣваются жители Оренбургской Линіи отъ Звѣриноголовской до самаго Гурьева,

на протяженіи почти двухъ тысячъ верстъ. Неужели и своихъ, домашнихъ, нельзя бы одѣть въ халаты своего издѣлія?

Впрочемъ еще слово: едва-ли когда выдѣлка драгоценныхъ платковъ или шалей, такихъ, какіе дѣлаются въ Кашмирѣ и какіе дѣлаются у Г-жи Колокольцовой, можетъ обратиться у насъ въ общую вѣтвь промышленности. Кажется, это несбыточно. Одинъ Кашмирецъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ проѣзжалъ черезъ Орскбургъ, отправляясь обратно изъ Петербурга домой, рассказывалъ здѣсь вотъ что: «Я, говорилъ онъ, работалъ дома двадцать лѣтъ драгоценныя шали, сидѣлъ день и ночь, утратилъ здоровье за работой, но часто бывалъ голоденъ; мы все тамъ работаемъ тысячныя шали почти за одинъ только хлѣбъ пашущій, — болѣе никто работнику не дастъ. Теперь, я побылъ нѣсколько лѣтъ въ столицѣ вашей, и благословляю судьбу свою: штопаньемъ и починкою старыхъ шалей составилъ я себѣ независимое состояніе, и ѣду домой. У насъ это вещь неслыханная: доколѣ работаешь, сытъ будешь, а болѣе ничего.»

Разберемъ слова Кашмирца. Вы знаете, что порядочная шаль работается по нѣскольку лѣтъ сряду; что за нею сидятъ три или четыре работника или работницы. Положите каждому малую плату, ту же что и доброму фабричнику, ткачу, — рублей сорокъ въ мѣсяцъ, включая туда и содержаніе, и все. Положите трехъ работниковъ на два только года, — и выходитъ, что шаль, не включая матеріаловъ, станетъ вамъ подъ 3,000 рублей. А спросите, такъ услышите еще, что, въ два или даже три года, хорошей шали нельзя сдѣлать; что работнику надобно заплатить больше; что пухъ, краски, машины — дороги. Судите жъ теперь, можно ли работать шали? Другое дѣло помѣщику нашему, который и безъ того кормитъ дворню шести колѣнъ съ предками и потомками: то есть, у кого работники не наемные. А иначе, кажется, шали наши наведутъ съ дешеваго на дорогое. Остается, или дѣлать только десяти-тысячныя шали, или замѣнить, по-Англійски, людей рычагами да колесами: тогда, если выдѣлка черезъ это не потерпитъ, тогда можетъ-быть пойдетъ дѣло на ладъ. Знаю, что бу-

дуть спорить со мною, скажутъ—не надо намъ рычаговъ, у насъ еще рукъ довольно; но я, въ отвѣтъ, подведу итогъ въ три, четыре тысячи рублей, и вы должны сознаться, что работа не окупается. *Докторъ Даль.*

=

ОПИСАНІЕ

ПРЕВОСХОДНО УСТРОЕННАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА СЪ ЗЕРНОВЫМЪ ТРЕХПОЛНЫМЪ ПОЛЕВОДСТВОМЪ ВЪ СЕЛѢ ЛАТЫШИНѢ.

Кому не извѣстно село Латышино, княгини Софін Сергѣевны Менщерской, въ Старицкомъ уѣздѣ и въ сосѣднихъ, Тверскомъ, Волоколамскомъ, Зубцовскомъ, по своимъ богатымъ и промышленнымъ крестьянамъ, по своей красивой крестьянской обстройкѣ, по великолѣпной двухъ-этажной церкви, видимой за нѣсколько десятковъ верстъ; по еженедѣльнымъ торгамъ, на которые привозятся во множествѣ разныя произведенія сельскихъ ремеслъ и вообще сельскаго хозяйства, по обширнымъ помѣщичьимъ садамъ, доставляющимъ отъ трехъ до четырехъ и болѣе тысячъ годового дохода; по тучнымъ огородамъ, нанимаемымъ отъ 300 до 400 рублей за десятину, по огромному винокуренному и сахарному заводамъ и сыродѣлю, доставляющему сыръ, лучший въ Россіи по добротѣ, неуступающій Швейцарскому? Кого изъ посѣщающихъ это помѣстье не обворожали любезныя качества, образованный умъ и гостепріимство его владѣльцевъ, не восхитили попеченія ихъ о своихъ подвластныхъ?

Но для любителя сельскаго хозяйства село Латышино замѣчательно еще своимъ отличнымъ устройствомъ. Смѣло можно сказать, что оно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ тѣхъ превосходныхъ Русскихъ помѣстій, гдѣ умъ, предусмотрительность и человѣколюбіе соединились для того, чтобы возстановить благосостояніе крестьянъ, обогатить ихъ, сдѣлать бѣдныя деревушки богатыми и красивыми посадами, облегчить и соразмѣрить трудъ, водворить во всемъ строгую отчетность и извлечь высокіе доходы, какіе только позволястъ обычное зерновое трехпольное по-

леводство. Достоинства и событія, рѣдко встрѣчающіяся вмѣстѣ! Иногда хозяйствуютъ умно, распоряжаются отчетно, получаютъ большіе доходы съ помѣстья, но истощаютъ его, жертвуютъ его будущностью, лишаютъ его внутренней цѣнности, или истребленіемъ основныхъ капиталовъ, — лѣсовъ и новн, или разореніемъ и обѣдненіемъ крестьянъ, разведеніемъ Англійскихъ садовъ, великолѣпными пенужными постройками, множествомъ поборовъ и подводъ. Тогда имѣніе почитаютъ мертвою машиною, простымъ орудіемъ доходовъ и удовольствія, а не цѣлю трудовъ умственныхъ и сердечныхъ услажденій. Бываетъ, что съ имѣнія возрастаютъ доходы, паружность усадьбы украшается, а угоды и достатки крестьянъ уменьшаются.

Въ селѣ Латышинѣ, напротивъ, все обдуманно, и производится только то, что содѣйствуетъ изобилію помѣщика и неразлучно съ благосостояніемъ крестьянъ; не пстворствуется лѣности и нерадѣнію, и не упускается изъ виду береженіе капиталовъ хозяйства движимыхъ и недвижимыхъ. Кто не удивится въ самомъ дѣлѣ, что въ господской усадьбѣ Латышинѣ при двухъ тысячахъ душахъ есть пространные плодовые сады, а нѣтъ Англійскаго сада съ дорогими затѣями? есть великолѣпный храмъ Божій, а нѣтъ пышныхъ барскихъ чертоговъ съ принадлежностями роскоши и тщеславія? Польза, умеренность и благоразуміе на каждомъ шагѣ берутъ верхъ надъ прихотью. Такія правила домоводства выше всякихъ похвалъ, и достойны только подражанія.

Помѣстье, какъ мы уже сказали, состоитъ изъ двухъ тысячъ душъ. Въ немъ находится шестынадцать тысячъ десятинъ земли въ одномъ мѣстѣ. Оно лежитъ по дорогѣ изъ Старицы въ Волоколамскъ, на границѣ обонхъ уѣздовъ. По обширности своей это — истинное княжество чужихъ земель. Кромѣ дворовыхъ, которыхъ считается до пяти сотъ душъ обоюго пола, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ впоследствии, — всего восемь сотъ крестьянскихъ тяголъ. За исключеніемъ должностныхъ, — старостъ, выборныхъ и уволенныхъ отъ работъ, ежедневно выходитъ на господскую работу, полагая брать на брата, триста пятьдесятъ человекъ мужскаго и столькоже женскаго пола, и, когда по-

требуется, съ такимъ же числомъ рабочихъ лошадей. Огромная масса силъ человеческихъ и животныхъ! Любопытно разсмотрѣть, какъ дѣйствуютъ и распоряжаются ею. Но прежде чѣмъ о настоящемъ, скажемъ о бывшемъ.

Въ старые годы, въ одномъ селѣ Латышининъ заведена была господская запашка. Тягловые крестьяне изъ всѣхъ деревень, которыхъ было болѣе десяти близкихъ и отдаленныхъ, собирались на барскую работу, полевою и домашнюю, только въ одну господскую усадьбу, въ селѣ. Отъ этого возникали безчисленные неудобства. Поля пахатныя и луга распростирались на необозримое пространство, и при всемъ томъ не находилось удобныхъ мѣстъ для хлѣбопашества по числу тяголъ; полевныя работы, — землешество, уборка сѣна, вывозка навоза, уборка и возка сноповъ въ господскія гумна при селѣ, замедлялись чрезвычайно, и составляли самый тягостный трудъ, смѣшанный и малоуспѣшный. Много времени пропадало въ проѣздахъ крестьянъ изъ деревень на работу въ село, и изъ села на отдаленныя поля и луга. Съ другой стороны хозяйственные постройки, — скотные дворы, саран, риги, размножались, расширялись, приходили въ упадокъ, и разваливались преждевременно отъ своей огромности, сжатія и тѣсноты въ усадьбѣ. Они не могли, несмотря на свою огромность, вмѣщать достаточно, и сберегать надлежащимъ образомъ, многочисленнаго скота и сельскихъ произведеній. Присмотръ за работами не могъ быть точенъ и вѣренъ по многолюдству и обширности ихъ сцены. Обширное хозяйство, собранное, сосредоточенное въ одно мѣсто, подавляло всякія усилія хозяина въ поддержаніи постройки и обезопасеніи отъ несчастныхъ случаевъ, пожара и падежа скотскаго; оно даже не могло продовольствовать рабочихъ крестьянскихъ лошадей, дать почлега и убѣжища отъ непогодъ самимъ крестьянамъ съ младенцами. Страдало все, — человекъ, животные, порядокъ; все длилось, разлагивалось, ветшало отъ огромности.

Правда, были строгія взысканія за упущеніе работъ господскихъ, но ни какого вниманія къ собственному крестьянскому хозяйству. Поселянинъ продавалъ изъ своего хлѣба, скота, что вздумалось, велъ свое хозяйство, какъ умѣ-

лось, дѣлился хоть бы за пустую ссору женскую. Нынѣшній помѣщикъ нашелъ, по вступленіи въ наслѣдство, что во всемъ имѣніи было только семь сотъ крестьянскихъ лошадей; крестьянскія поля опустѣлыя, худо обдѣланныя, бесплодныя; самихъ крестьянъ въ лачугахъ, въ жалкой бѣдности во всѣхъ отношеніяхъ, дерзкихъ, лѣнивыхъ дома, непріимчивыхъ на дурные помыслы, по незнанію и неимѣнію промысловъ полезныхъ.

Послѣдовали благотворныя преобразованія. Во-первыхъ, общее сельское хозяйство въ селѣ Латышинѣ раздѣлилось на шестнадцать усадебъ, оставшихся само между ними первенствующимъ по обширности и образцовому дѣлопроизводству и всему вообще порядку. Новыя усадьбы заняли мѣста, ближайшія къ деревнямъ, самыя выгодныя для полеводства. Напрасныя перѣзды крестьянъ прекратились. Время употреблено съ расчетомъ на господскія и собственныя крестьянскія работы. Бывало, если изломалась соха, колесо, то крестьянинъ изъ дальней деревни отпускался съ работы, не докончивъ ея: теперь онъ проходитъ нѣсколько десятковъ сажень до дому, и возвращается на работу съ исправленнымъ или перемѣненнымъ орудіемъ.

Въ прежніе, давніе годы, одинъ дѣятельный Латышинскій управитель, Грскъ Ч***, основывалъ главные способы урожая на распашкѣ нови, истребленіи лѣсовъ и стогнѣ крестьянъ на нѣсколько дней въ отдаленныя мѣста для подъемки и расчистки. Лѣса выводились немилосердно; оставалось очень мало строеваго лѣсу, и вовсе не было дровяныхъ заказниковъ; но хлѣбъ родился въ Латышинскомъ хозяйствѣ весьма изобильно. Теперь составилось двѣ тысячи десятинъ заказнику, образовались прелестныя рощи, изъ которыхъ уже извлекаютъ съ благоразумною бережливостью дрова, жерзди и другія потребности для хозяйства. Теперь распредѣленіе трудовъ усовершенствовалось; подъемки нови остановлены, потому что ихъ не стало; и хотя иныя мѣста отлежались и могли бы содѣйствовать изобилію жатвъ даровыми урожаями, но характеръ Латышинскаго хозяйства состоитъ въ истинномъ благоволеніи къ человѣчеству, пощады и облегченіи, даже на счетъ избытковъ господскихъ,—и это средство отринуто владѣльцами. Впрочемъ выгодный

и рассчитанный труд не обремененіе. Сельскій хозяинъ долженъ дѣйствовать всѣми средствами своего помѣстья съ благоразуміемъ и не пренебрегать избытками изъ мнимаго опасенія. Дѣйствительно, урожай хлѣба Латышскаго полеводства понизился противъ прежнихъ лѣтъ, сколько отъ неизбѣжныхъ послѣдствій и недостатковъ зерноваго полеводства, столько и отъ прскращенія подъежки пови, недостающей уже даровой подстилки на скотные дворы. Однако жъ въ этомъ случаѣ настоящее терпѣть для пользы въ будущемъ: основныя капиталы помѣстья сберегаются.

Наконецъ обращено неусынное и отеческое вниманіе на бытъ, жизнь и хозяйство самыхъ крестьянъ. Приведены въ извѣстность — и это дѣлается ежегодно — крестьянская постройка, число животныхъ, количество запашки и сѣнокосовъ. Малоземельнымъ деревнямъ прибавлено земли полевой и луговой. Въ каждой деревнѣ приставлены опекуны изъ порядочныхъ и совѣстныхъ поселянъ для надзора за немущими и обѣдѣвшими. Безъ позволенія опекуновъ и донесенія конторѣ никто не можетъ сбывать ни хлѣба, ни животныхъ. Поправившіеся, сдѣлавшіеся исправными, выходятъ изъ опски. Куплено въ разныя времена безлошаднымъ тягловымъ крестьянамъ до пяти сотъ лошадей на господскій счетъ. Это умилительное благодѣяніе извѣстно только въ Россіи: мужики обыкновенно говорятъ при такомъ случаѣ, съ разительною простотою: «Приставилъ ты, батюшка, намъ голову къ плечамъ,» — что, въ лучшемъ слогѣ, значитъ — врезалъ въ сердца неизгладимую къ себѣ благодарность и любовь. Строго взыскивается, чтобъ здоровые и снособные къ работѣ крестьяне не оставались, по окончаніи работъ земледѣльческихъ осенью, зимой и въ началѣ весны, дома въ бездѣйствіи, а ходили бъ во время роспусковъ на посторонніе промыслы. Возвращающіеся изъ промысловъ должны дать отчетъ опекунамъ, а тѣ доносить конторѣ о заработкахъ и ихъ употребленіи. Хлѣбъ сѣменный и яровый былъ и есть святынею, до которой поселянинъ ни на какія потребности не можетъ касаться. Деревенскіе общественные запасы ежегодно умножаются, и даже въ прошлый неурожайный годъ на крестьянъ вышло господскаго подсобнаго хлѣба, на все имѣніе, не болѣе трехъ

сотъ четвертей. Эти общія благодѣянія, эта предусмотрительность оживили деревни. Не слыхано, чтобъ изъ Латышинской отчины ходили по міру. Бѣдные стекаются, напротивъ, туда за подаеміемъ. Вотъ гдѣ истинно великое народное преимущество Русскаго сельскаго хозяйства! Оно состоитъ не только въ драгоценной возможности вести трудолюбивый классъ народа къ добру, къ успѣху, къ благосостоянію, быть отцемъ и наслаждаться признательностью честнаго, но и въ готовности огромнаго большинства нашихъ помѣщиковъ пользоваться этою возможностью. Сравненіе числа благотворительныхъ владѣльцевъ въ чужихъ земляхъ и въ Россіи дастъ нашему народу неоспоримое превосходство передъ иностранцами. Да не коснется рука мечтательнаго, безъусловнаго подражанія иностранному этому кореннаго въ Русскомъ хозяйствѣ, патріархальнаго быта! Онъ не препятствуетъ ни какимъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, а между-тѣмъ доставляетъ намъ средство къ раскрытію одной изъ благороднѣйшихъ чертъ народной нравственности. Иностранное хозяйство имѣетъ свои преимущества, наше имѣетъ свои: дѣло въ томъ, чтобъ умно соединить тѣ и другія, и, не разрушая своего хорошаго, усилить его всѣмъ хорошимъ соседнихъ земель, и создать по этой части истинно полезное для помѣщика и для крестьянина, истинно образованное и истинно Русское.

Сверхъ-того, въ Латышии открыты крестьянамъ домашніе промыслы. Возка дровъ на заводъ винокуренный и сахарный производится за деньги; возка поставнаго вина также; за работу на заводъ платятъ крестьянину 10 рублей въ мѣсяцъ; на отвозъ даже господскаго хлѣба въ городъ Торжокъ на продажу дается денежное вспоможеніе. Рѣшительно, Латышинскіе крестьяне уплачиваютъ казенныя подати изъ платы за работу на господина или домашнимъ промысломъ. Благоразумная, не только великодушная, мѣра домоводства!

Вотъ делопроизводство:

Работы разделяются на поголовныя и подальныя, или брать на брата. Къ поголовнымъ принадлежатъ пашня и посѣвъ, сѣнокосъ, жатъе и уборка хлѣба, вывозка навозу. Къ подальнымъ молотба, постройки и все прочее.

Во всѣхъ шестнадцати селѣхъ и семнадцати селѣ Латышинѣ находится пашни господской пятьсотъ пятьдесятъ десятинъ въ первомъ полѣ и въ двухъ другихъ по столько же, — десятинъ хозяйственныхъ въсорокъ сажень ширины и восьмидесятъ длины, а тягло задѣльныхъ семьсотъ. Слѣдовательно, достается крестьянину обрабатывать господской пашни съ небольшимъ три-четверти десятины на тягло: трудъ самый легкій и умеренный. Обыкновенно полагается, въ домовныхъ губерніяхъ, не тягостнымъ для крестьянина обрабатывать на господина по одной хозяйственной десятинѣ въ одномъ полѣ и въ двухъ другихъ по столько жъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ Латышина положено на тягло обрабатывать по одной десятинѣ съ четвертью въ полѣ и въ двухъ по столькожъ но зато тягла не процвѣтають. Въ южныхъ и степныхъ губерніяхъ тягло обрабатываетъ на господина по двѣ и по три десятины въ полѣ и въ двухъ по столько жъ. Нельзя имѣть достаточнаго понятія о трудахъ степныхъ крестьянъ, не видавъ своими глазами. Правда, въ тѣхъ краяхъ весна наступаетъ гораздо ранѣе, яровые посѣвы начинаются въ апрѣль, и гораздо продолжительнѣе осень.

Способъ Латышинскаго полеводства — обыкновенный зерновой, трехпольный. Рогатаго скота содержится до двухъ тысячъ головъ, большого и малаго, и до пятидесяти рабочихъ лошадей. Удобряется отъ трехъ сотъ пятидесяти до трехъ сотъ восьмидесяти десятинъ въ полѣ: слѣдственно, далеко за половину пара, — именно отъ ста до ста восьмидесяти болѣе: признакъ неоспоримый обильнаго удобренія. Считается хорошимъ удобреніемъ въ зерновомъ полеводствѣ, если удобряють половину пара. Но тутъ должно спросить, — какимъ количествомъ навоза удобряется десятина? Въ Латышинскомъ хозяйствѣ она обходится отъ ста двадцатипяти до ста тридцати возовъ на десятину въ двадцать пудовъ іюльскаго навоза, — слѣдовательно, малозрѣлаго: удобреніе — средствомъ хорошее, способное производить временно хорошія жатвы ржи, рѣже самъ-пять, весьма рѣдко самъ-шесть, а вообще самъ-третій и самъ-четверть. Скота всеобщее приходится на всякую удобряемую десятину по пяти головъ крупныхъ и мелкихъ: это, конечно, недостаточно, если вспомнимъ, что существуетъ винокуренный заводъ

въ шестьдесятъ тысячъ ведръ вина. Болѣе скота содержать, и при пособіи барды, не возможно, по недостатку корма. Сѣна съ естественныхъ луговъ накашивается до восьмидесяти тысячъ пудовъ, а въ 1854 году собрано не болѣе сорока тысячъ: ужасный недостатокъ, особливо при неурожая ярового хлѣба, отъ котораго соломы едва ли получено на половину. Въ нынѣшнюю зиму всякій сельскій хозяинъ задумывается чѣмъ прокормить скотъ, потому яровой соломой и купить не возможно.

Если давать на каждую скотину вокругъ по восьми фунтовъ сѣна въ сутки, то сорокъ тысячъ пудовъ достанетъ на двѣ тысячи головъ только на три мѣсяца съ третью. Въ урожайные на сѣно годы, когда собирается до восьмидесяти тысячъ пудовъ, достанетъ его почти на семь мѣсяцевъ или только въ-обрѣзъ. Запаснаго сѣна составитъ въ значительномъ количествѣ не можетъ. По-неволѣ должно выпускать скотъ въ концѣ апрѣля, а гнать на дворъ въ началѣ октябрю. Но не давая сѣна, нельзя производить сыродѣлія, которое доставляетъ хозяйству, за исключеніемъ платы мастерамъ Швейцарцамъ, почти четвертую часть дохода съ хозяйства.

Общее положеніе работъ:

1. На каждую десятину, вспахать землю, становится три сохи; заборонить, шесть боронъ, а при двоеніи четыре бороны. Высѣвается на десятину ржи и ячменя по двѣ четверти, а овса по четыре.

Такимъ образомъ пятьсотъ пятьдесятъ десятинъ семью стами тяголъ вспахиваются въ двое съ половиною сутокъ. Трудъ легкій и кроткій. Пашня двоятся подъ рожь и овесъ, а подъ жито (ячмень) троится. Обработка обыкновенная, но недостаточная ни для подлежащей рыхлости земли, и тѣмъ менѣе для истребленія сорныхъ травъ.

2. Всѣ луга сѣнокосные раздѣлены на хозяйственные десятины. На двѣ десятины, скосить траву, становится пять человекъ взрослыхъ. Гребется сѣно сгономъ, бабами. Самое умное распоряженіе. Авторъ этой статьи убѣдился въ его превосходствѣ, самъ ему подражая. Сгономъ косить только трата времени: половины не скосятъ того, что скашивается тѣми же косцами въ-раздѣлъ.

3. Недавно принять способ косить рожь, сваливая кошеную на стоячую, для скорѣйшей уборки: способ самый убыточный. Становятся на десятину три косца, и четыре бабы для вязанья въ снопы. Можно навѣрное сказать, что стѣмена полнаго посява ржи пропадаютъ, высыпаясь отъ сильнаго удара косою. Объ этомъ сказано будетъ послѣ. Для косьбы яроваго становятся на десятину три косца, и для уборки три бабы: жать рожь прежде ставили отъ десяти до двѣнадцати жней на десятину.

4. Скирды стѣнные и со всякимъ хлѣбомъ всегда становятся въ полѣ. Молотьба всегда оканчивается къ ноябрю или въ половинѣ ноября. Складка скирдъ превосходная: никогда не бываетъ ни какого залива. Бока скирды обкашиваются такъ, что скоту нѣтъ возможности вытеребить жатву: способъ весьма обдуманнѣй и предохранительный. Недавно потерпѣло величайшій убытокъ одно отлично хорошее хозяйство въ Зубцовскомъ уѣздѣ отъ пожара: загорѣлся стѣнной сарай; огонь достигъ до гумна, и весь хлѣбъ, ржаной и яровой, сложенный съ полей въ одно мѣсто, превратился въ пепель.

5. Скотъ продовольствуется слѣдующимъ образомъ: кромѣ барды съ випокуреннаго завода, дается на каждую крупную скотину восемь фунтовъ сѣна и три снопа молоченыхъ яровыхъ, а на малую шесть фунтовъ сѣна и два снопа. До сыродѣлія скотинки обязаны были выставять вокругъ съ каждой дойной коровы въ теченіе года по тридцати фунтовъ топленого масла. На девяносто штукъ скота полагается скотниковъ два и три женщины, дворовыхъ. Слѣдовательно, для хожденія за двумя тысячами скота употребляется до ста десяти скотниковъ и скотницъ взрослыхъ. Сосчитавъ ихъ семейства, также мастеровыхъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, мѣдниковъ, слесарей, кучеровъ, господскую прислугу съ ихъ семействами, не удивишься, что въ Латышинскомъ помѣстьѣ дворни до пяти сотъ душъ обоего пола, большихъ и малыхъ. Въ Россіи, въ каждомъ хозяйствѣ необходимо имѣть мастеровыхъ. Не женить ихъ то же, что поощрять развратъ. Въ чужихъ краяхъ, по многочисленному народонаселенію, всадѣ найдешь мастеровыхъ, въ городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ: всякая почи-

ка тотчасъ сдѣлается. У насъ, куда бѣжать за столяромъ, портнымъ и прочими? Вотъ существенная разница между нашимъ и иностраннымъ хозяйствами, поставленными даже по одинаковой системѣ, и вотъ происхожденіе въ Россіи огромной дворни. Сельскія ремесла у насъ необходимы въ каждомъ помѣстьѣ, а это дѣлаетъ хозяйство гораздо сложнѣйшимъ.

6. Расходъ на дворовыхъ слѣдующій: кромѣ грядъ въ огородахъ дается ежемѣсячно на мужа съ женою три пуда муки, харчевыхъ по 50 копѣекъ на человѣка въ мѣсяцъ, крупъ по полутера гарница, а по одному гарницу скотникамъ; на малыхъ дѣтей отъ семи лѣтъ по 30 фунтовъ муки, а до семи по 15 фунтовъ. Сверхъ того, сѣютъ ленъ по четверку на человѣка, а другіе получаютъ холстину на три рубахи. Оффиціанты, лакеи и мастеровые, кромѣ того, получаютъ одежду и жалованье, смотря по достоинству.

7. Молотьба производится ручная. На двѣсти сноповъ молотить становятся одинъ мужикъ и три женщины, съ лошадей для возки сноповъ изъ поля. На овины и риги (каменные) садится на первые до четырехъ сотъ сноповъ, на послѣднія до тысячъ.

8. Въ каждомъ сельцѣ есть птицеводство. Дано однажды навсѣгда три гусыни, отъ которыхъ должно доставлять ежегодно 9 молодыхъ, кромѣ племенныхъ; 5 утокъ, съ нихъ 15 молодыхъ; 3 индѣйки, съ нихъ 9 молодыхъ; 10 курицъ, съ каждой 30 яицъ и по 10 цыплятъ. На гусей и куръ, кромѣ огуменнаго корма, отпускается по два четверика овса, а на утокъ, индѣекъ, по два четверика жита, или ячменя на весну. Поборовъ съ крестьянъ ни какихъ не производится.

Несмотря на столь отличный, образцовый распорядокъ и устройство Латышинскаго хозяйства, урожай хлѣба въ два послѣдніе года, 1833 и 1834, были весьма неблагопріятные. Въ 1833 году рожь обошлась невступно самъ-третій, а овесъ самъ-другъ съ половиною; рожь въ 1834 году не много болѣе самъ-третій, а овесъ едва-ли придется самъ-другъ. Дохода получается съ имѣнія, съ винокуреннымъ заводомъ, отъ 100,000 до 120,000 рублей.

Соломы, для подстилки и умноженія удобренія, не покупается. Можно было бы счесть это за важную погрѣшность, если бѣ была возможность купить достаточное количество соломы на столь охромное хозяйство. А это вынуждаетъ по-необходимости имѣть особыя запашки пови или осушать болота, для пріобрѣтенія большаго количества соломы или сѣна, точно такъ, какъ сдѣлано сыномъ Латышинскаго помѣщика, княземъ В. И. Мещерскимъ, который совершилъ важное хозяйственное предпріятіе: пожертвовавъ нѣсколькими тысячами рублей, онъ осушилъ огромное болото, съ котораго получаетъ столько же сѣна, сколько въ Латышинскомъ хозяйствѣ, при такомъ же количествѣ винокуренія и при меньшей вдвое запашкѣ. Рожь у него обошлась самъ-шесть. Честь, хвала и деньги молодому, дѣятельному, разсудительному сельскому хозяину!

Исчислимъ доходъ, полученный отъ прекраснаго зерноваго полеводства Латышинскимъ хозяйствомъ въ 1833 году и сравнимъ его съ доходомъ одного имѣнія, гдѣ производится пятипольное плодоперемѣнное полеводство.

Въ Латышинскомъ хозяйствѣ, пятьсотъ пятьдесятъ десятинъ въ полѣ съ рожью и столько же съ яровымъ. Яровой пшеницы высѣвается немного: слѣдовательно урожай яроваго поля изобразимъ овсомъ. Высѣвается на десятину по двѣ четверти ржи, а овса по четыре четверти.

Рожь. Высѣяно на 550 десятинахъ 1,100 четвертей. Въ 1833 году уродилась, въ Латышинѣ, рожь невступно самъ-третій, положимъ самъ-третій: всего намолочено ржи 3,300 четвертей. За исключеніемъ сѣмянъ осталось ржи 2,200 четвертей. Продать можно было въ 1833 осенью и 1834 зимою и весною легко по 26 рублей за четверть. Всего уродилось ржи на 57,200 рублей.

Овесъ. На 550 десятинъ высѣяно овса 2,200 четвертей. Въ 1833 году уродился овесъ самъ-другъ съ половинаю. Всего намолочено овса 5,500 четвертей. За исключеніемъ сѣмянъ остается овса 3,300 четвертей. Овесъ можно было продать по 9 рублей за четверть. Всего уродилось овса на 29,760 рублей.

Итого, въ обоихъ поляхъ, зерновое полеводство доставило хлѣба на сумму 86,900 рублей.

Раздѣливъ мысленно поля пахатныя Латышинскаго хозяйства вмѣсто трехъ на пять полей, займемъ ихъ тѣми произрастеніями, которыя сѣются въ имѣніи Ф^{***}, гдѣ производится плодоперемѣнное полеводство.

Когда въ Латышинскомъ хозяйствѣ находится 550 десятинъ въ полѣ, то въ трехъ поляхъ будетъ десятинъ 1650. Раздѣливъ на 5, выйдетъ по 330 десятинъ въ каждомъ полѣ. Очевидно, что эти 330 десятинъ получили бы превосходное удобреніе, котораго достаетъ теперъ въ Латышинскомъ хозяйствѣ на 350, а иногда на 380 десятинъ. Слѣдовательно, подъ рожь цѣлое поле было бы хорошо удобрено; никогда не оставалось бы ни одной десятины безъ удобренія, — чего при зерновомъ полеводствѣ сдѣлать не возможно.

Въ имѣніи Ф^{***} сѣвооборотъ слѣдующій:

Поле первое. По навозу, вывезенному осенью, запаханному и заборнованному тогда же, высѣвается ранняя гречиха, по снятіи которой въ концѣ іюля, высѣвается рожь.

Поле второе. Рожь съ половиною поля трилистника (клевера) по озими.

Поле третье. Овощное и травяное. Подъ трилистникомъ полполя, подъ картофелемъ полполя. Въ этомъ же полѣ высѣвается ленъ, горохъ, но въ самомъ маломъ количествѣ.

Поле четвертое. Яровое. По картофелю ячень, по трилистнику овесъ.

Поле пятое. Поздняя гречиха.

Въ этомъ Ф^{***}скомъ плодоперемѣнномъ полеводствѣ высѣвается на десятину ржи по 1 четверти 6 мѣръ; овса по 4 $\frac{1}{2}$ четверти; ячменю по 2 четверти; гречихи по 1 $\frac{1}{2}$ четверти; картофелю по 7 четвериковъ. Урожай въ 1833 году былъ тамъ слѣдующій: рожь обошлась самъ-шесть, ячень самъ-пять; овесъ самъ-другъ съ половиною; картофель самъ-семь съ половиною; гречиха самъ-пять съ третью; трилистеннаго сѣна съ десятины получено въ одинъ покосъ 175 пудовъ.

И такъ, по высѣву и урожаю этого полеводства, въ Латышинскомъ хозяйствѣ должно было бы высѣяться хлѣба, овощи, травы, и быть снято слѣдующее:

Первое поле. Ранняя гречиха. Высыву было бы 495 четвертей, а урожаю 2,540 четвертей. За исключеніем сѣмянъ осталось бы гречихи 2045 четвертей. Въ имѣніи Ф*** сдѣлана круподерна. Греча продавалась крупною. Изъ четверти выходило крупы, исключая подсѣвъ гречихи, $3\frac{1}{2}$ четверика. И такъ вышло бы крупы почти 895 четверти. Продавалась крупа по 24 рубля за четверть, и слѣдовательно можно было бы продать ея на сумму 21,480 рублей.

Второе поле. Рожь. Высыву было бы $577\frac{1}{2}$ четвертей, а урожаю 3,465 четвертей. За исключеніемъ сѣмянъ осталось бы ржи $2,907\frac{1}{2}$ четвертей, — на сумму, по прежней цѣнѣ 26 рублей за четверть, всего 75,595 рублей.

Третье поле. а.) Овощь. Картофель занялъ бы 165 десятинъ. Высывалось бы до 1,155 четвертей, а родилось бы 8,662 четверти. Известно, что изъ четверти картофеля выгоняется два ведра вина: слѣдовательно, за исключеніемъ сѣмянъ, изъ 8,662 четвертей выкурплось бы вина 15,404 ведра. Отъ казны за ведро дается по-малой-мѣрѣ по 3 рубля 15 копѣекъ. Вышло бы картофельнаго вина на сумму 48,522 рубля. б.) *Подъ трилистникомъ* было бы 165 десятинъ. Сѣна получено было бы 28,875 пудовъ. Полагая дешевою цѣною по 25 копѣекъ за пудъ (а при сыродѣліи обошелся бы вътрое выгоднѣе), получено было бы за сѣно 7,218 рублей.

Четвертое поле. Дровос. а) Овесъ: на 165 десятинахъ, высѣвалось бы 742 четверти, а уродилось 1,855 четвертей. За исключеніемъ сѣмянъ осталось бы 1,113 четвертей, на сумму, полагая по 9 рублей 40,017 рублей. б) *Ячмень:* на 165 десятинъ высѣвалось бы 330 четвертей, а уродилось 1,650 четвертей. За исключеніемъ сѣмянъ осталось бы 1320 четвертей, по 16 рублей за четверть, на сумму 21,120 рублей.

Пятое поле. Поздняя гречиха доставила бы то же, что и ранняя, именно крупы на 21,480 рублей.

Всего отъ пяти-польнаго плодоперемѣннаго полеводства Латышинское хозяйство вмѣсто 86,960 получило бы 205,432 рубля, кромѣ сыродѣлія и винокуреннаго завода.

Благомыслящіе сельскіе хозяева легко разсудятъ, что взятый въ примѣръ урожай плодоперемѣннаго полеводства, вовсе не преувеличенъ. Въ лучшіе годы всѣ произведенія родятся лучше, но основываясь и на урожаѣ 1853 года

для всякаго очевидно, стоитъ ли трудиться, и есть ли изъ чего хлопотать, чтобы зерновое полеводство преобразовать въ плодоперемѣнное. Ей ей,—и мы клянемся на основаніи личнаго опыта, — это преобразованіе — трудъ легкій, малостоящій, совершающійся непременно въ три года. Мы сами готовы помогать всякому, совѣтомъ и руками, въ устройствѣ безубыточнаго перехода отъ зерноваго (трехпольнаго) къ плодоперемѣнному, лишь бы хозяинъ обсудилъ, какой сѣвооборотъ приличнѣе принять ему по свойству почвы и мѣстнымъ обстоятельствамъ!

Д. ШЕЛЕХОВЪ.

=

СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ВКУСНѢЙШАГО И ОТЛИЧНѢЙШАГО КОФЕ.

Каммергеръ бывшаго Французскаго двора, графъ С^{***}, рѣшительный любитель и отличный знатокъ кофе, посвятившій цѣлую жизнь свою изысканіямъ наилучшаго средства приготовить этотъ душистый напитокъ, сообщилъ наконецъ ко всеобщему свѣдѣнію плоды многолѣтнихъ и многотрудныхъ опытовъ, напечатавъ въ *Journal des Connaissances Usuelles* цѣлое, огромное разсужденіе о лучшемъ способѣ варить и пить кофе. Признаемся, намъ бы никогда не пришли въ голову всѣ описанныя имъ подробности: но, видно, дѣло мастера боится. Впрочемъ, должно благодарить графа за глубоко-мысленное его разсужденіе: безъ него, быть-можетъ, еще долго не представился бы намъ такой счастливый случай услужить нашимъ страстнымъ охотникамъ до кофе, а особливо страстнымъ охотницамъ, которыхъ, слава Богу, у насъ много, не считая кухарокъ. Должно съ горестью признаться, что наша кофеварная Литература чрезвычайно бѣдна, еще бѣднѣе сахароварной, которая уже имѣетъ свой журналъ: мы не знаемъ ни одного Русскаго творенія, въ которомъ бы изложена была хоть вкратцѣ теорія, умозрительная и опытная, приготовленія этого чернаго нектару. Что жъ изъ этого выходить? Петербургскія и Московскія кухарки только портятъ кофе! При столь общемъ употребленіи это-

го напитка, вкусѣйшій и здоровѣйшій способъ приготовить его — отнюдь не такая маловажная вещь, какъ кажется. Кофе и кофейникъ заслуживаютъ полное вниманіе просвѣщеннаго и наблюдательнаго вѣка!

По-настоящему, не имѣя основательныхъ практическихъ познаній во всѣхъ тонкостяхъ приготовленія кофе, никогда не владѣвъ кофейникомъ, мы бъ должны были, изъ одного опасенія упустить что-нибудь существенно важное въ этомъ искусствѣ, сообщить описаніе графа С*** цѣликомъ, какъ оно вышло изъ подъ плодовитаго пера его. Но, ужаснувшись огромнаго труда, а пуще, опасаясь утомить терпѣніе читателя, мы сообщаемъ только извлеченіе изъ этой ученой диссертациі, и дозволимъ себѣ даже умолчать похвалы, которыми сочинителю угодно было превознести произведеніе счастливой Аравіи: онъ и безъ того твердо запечатлѣны на органахъ вкуса каждаго читателя. Замѣтимъ только, что кофе дѣйствительно во многихъ случаяхъ очень полезенъ: онъ слегка возбуждаетъ дѣятельность мозга, освѣжаетъ мысли и способствуетъ пищеваренію.

Выборъ кофе. изъ употребительнѣйшихъ сортовъ кофе наиболѣе цѣнится Мокскій, потомъ Бурбонскій и Мартиникскій, и наконецъ, Гайтскій и Бразильскій. Но при выборѣ этого произведенія надобно смотрѣть не столько на мѣсторожденіе его, сколько на качество, то есть, чтобъ онъ былъ свѣжъ и неподмоченъ, что легко узнается по виду и запаху зеренъ. Лучшій Мокскій кофе, будучи подмоченъ, не стоитъ самага простаго Гайтскаго или Бразильскаго, доставленнаго безъ порчи.

Жареніе. Жарить кофе надобно какъ-можно ровнѣе и осторожнѣе, чтобъ ни одно зерно не пригорѣло: поэтому лучше его немного не дожарить, чѣмъ пережечь. Сочинитель совѣтуетъ употреблять для этого жаровню съ механизмомъ изъ зубчатыхъ колесъ, сообщающимъ ей довольно быстрое движеніе, независимо отъ движенія рукъ. Хорошо и въ пору поджаренный кофе теряетъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ своего вѣсу или, говоря другими словами; на столько же прибываетъ въ объемъ. Изжаривъ, должно его непременно тотчасъ же простудить, рассыпавъ на мраморной плитѣ, для того, чтобы холодъ, охвативъ зерна, скорѣе вогналъ въ нихъ

выступившее наружу пахучее масло. Такъ какъ это масло очень летуче и притомъ составляетъ главное достоинство напитка, то его должно по-возможности сохранять: вотъ причина, по которой надобно также кофе жарить незадолго до употребленія. Подмоченный кофе должно поджаривать больше.

Превращеніе въ порошокъ. Крупно ли, мелко ли смолоть кофе, это совершенно все равно, — вкусъ напитка отъ того ни сколько не измѣняется; только очевидно, что мелкій порошокъ спорѣе, но за то онъ не скоро отстанется. И такъ бережливому предоставляется молоть его мельче, а нетерпливому, крупнѣе. Восточные толкутъ кофе въ тончайшую муку.

Настаиваніе. Это самый спорный вопросъ, надъ которымъ бились уже не только хозяйки и гастрономы, но даже и ученые. Графъ С*** разрѣшаетъ его очень просто; главный результатъ всѣхъ его сужденій состоитъ въ томъ, что количество и качество кофейнаго настоя до тѣхъ поръ не совмѣстятся, пока прихоти не перестанутъ враждовать съ бережливостью. Принявъ за основаніе, что самый душистый и слѣдовательно лучшій напитокъ получается единственно изъ наиболѣе растворимыхъ и летучихъ, особливо при повышенной температурѣ, частицъ кофейнаго порошка, которыхъ въ немъ очень не много, графъ С*** выводитъ заключеніе, что вообще крѣпкій настой, добытый изъ небольшаго количества кофе, хорошъ быть не можетъ. Обыкновенный способъ приготовленія кофе посредствомъ кипяченія на огнѣ, по той же причинѣ онъ вовсе отвергаетъ какъ никуда годный, и хотя отдастъ передъ нимъ преимущество мѣшечному кофе, добытому посредствомъ горячей воды, однако жъ и этотъ способъ считаетъ неудовлетворительнымъ для утонченнаго вкуса лакомокъ. Въ замѣнъ этихъ способовъ онъ советуетъ настаивать кофе холодною водою, полагая, что она можетъ поглощать одни только самыя растворимыя и душистыя частицы кофе, которыя, сверхъ того, при обыкновенной температурѣ и улѣтѣть не могутъ, и потому необходимо останутся въ настоѣ. Для холоднаго настаиванія кофе сочинитель предлагаетъ два новые прибора собственнаго изобрѣтенія:

1. Мѣшечный кофейникъ съ крѣпкою и плотно навинчен-

пою на него крышкою, въ которую вставлена длинная въ нѣсколько футовъ вышиною трубка. *Употребленіе.* Положивъ въ мѣшечекъ потребное количество молотаго кофе и навинтивъ крышку, наполни трубку водою; черезъ нѣсколько времени получится въ нижней части кофейника превосходный кофейный настой, прожатый сквозь мѣшокъ силою давленія водяного столба въ нѣсколько футовъ вышиною.

2. Простая стеклянная трубка въ 6 футовъ длиною и отъ 8 до 12 дюймовъ толщиною. *Употребленіе.* Обвязавъ одинъ конецъ этой трубки частымъ полотномъ или батистомъ, всыпь въ нее сколько нужно мелко измолотаго кофе, утряхни его тамъ и, дополнивъ трубку водою, повѣсь ее надъ сосудомъ, въ который долженъ стекать настой.

Въ обоихъ случаяхъ, не пожалѣвъ кофе, можно получить столь крѣпкій настой, что ежели его разбавить наполовину кипяткомъ, то выдетъ еще очень и даже слишкомъ крѣпкій кофе, съ которымъ далеко не можетъ сравниться никакой, приготовленный иначе.

Такимъ же точно образомъ можно добывать родъ кофейной эссенціи для путешественниковъ, столь крѣпкой, что одна часть ея, разбавленная тремя частями кипятка, даетъ превосходный кофе. Хранить эту эссенцію совѣтуетъ графъ С*** въ закупоренныхъ и засмоленныхъ баночкахъ, въ которыхъ обыкновенно продается о-де-колонь.

Желающіе знать прочія, выпущенныя нами подробности, какъ то, сколько чашекъ молотаго кофе выходитъ изъ сыраго или жаренаго, сколько нужно наливать воды на известное количество кофе, во сколько градусовъ крѣпости выходитъ настой при известныхъ обстоятельствахъ, и т. д., даже сколько зеренъ считается въ фунтѣ кофе, могутъ читать объ нихъ въ подлинникъ. *Н. Филиповъ.*

=

СОСТАВЪ АРГЕНТИНА, ИЛИ НОВАГО СЕРЕБРА, НАЗЫВАЕМАГО ТАКЖЕ КИТАЙСКИМЪ.

Лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ появились въ Европѣ разныя издѣлія изъ совершенно новаго металличе-

скаго сплава, очень похожаго на серебро, а еще болѣе на известный сплавъ Китайскаго происхожденія, Пакъ-фонъ, которому давно уже Европейцы завидовали, но тщетно старались подражать. Европейскій сплавъ открытъ въ Германіи Г. Фрикомъ, и называется аргентиномъ, или новымъ серебромъ, Neusilber: онъ состоитъ изъ мѣди, никкеля и цинка. Изъ него дѣлаются ложки, разная домашняя посуда, подсвѣчники и другія вещи, не только видомъ, но даже и прочностью немного уступающія настоящимъ серебрянымъ, по-крайней-мѣрѣ когда сплавъ сдѣланъ надлежащимъ образомъ. Въ послѣднее время появились и здѣсь въ Петербургѣ красивые самовары, ложки и другія вещи изъ аргентина, но металлъ ихъ уступаетъ видностью тому, который дѣлають за границею, особенно въ Берлинѣ. Поэтому мы опишемъ настоящій составъ его. Замѣтимъ только, что, по свидѣтельству Гуфеланда, хорошо составленный аргентинъ лучше другихъ металловъ для сосудовъ, въ которые вливаются горячіе напитки или яствы: онъ распускается въ водѣ даже менѣе обыкновеннаго серебра и не сообщаетъ ей ни какого вкуса. Для составленія этого сплава надобно предварительно очистить хорошенько такъ называемый купферъ-никкель, содержащій, какъ извѣстно, кромѣ никкеля, немного кобальта, мѣдь, желѣзо и въ особенности значительное количество мышьяку, отъ котораго его непременно должно освободить. Хотя употребляемый въ Германіи способъ очищенія никкеля и содержится еще въ тайнѣ, однако жъ, очень вѣроятно, что онъ очищается отъ мышьяку посредствомъ продолжительнаго накаливанія и плавленія, нѣсколько разъ повторяемыхъ. Изъ Германіи получается очищенный никкель въ двухъ видахъ, — въ зернахъ и въ большихъ, черпчатыхъ, губчатыхъ массахъ, не имѣющихъ вовсе металлическаго блеска. Оба эти вида выдаются за совершенно очищенный отъ мышьяку никкель, однако жъ они содержатъ еще небольшое количество этого металла, и потому не худо было бы озаботиться отысканіемъ вѣрнѣшаго средства къ совершенному его отдѣленію. Аргентинъ составляется въ разныхъ пропорціяхъ; но чѣмъ онъ больше содержитъ никкеля, тѣмъ бываетъ тверже и похожѣе на серебро. Въ Англіи готовятъ его изъ 1 ча-

сти никкеля, $2\frac{3}{4}$ мѣди и $\frac{3}{4}$ цинка, или изъ 1 же части никкеля, 2 мѣди и $\frac{1}{2}$ цинка. Хотя обрабатываніе послѣдняго сплава труднѣе по причинѣ большой его твердости; но, какъ онъ менѣе чернѣетъ и ржавѣетъ, то и предпочитается прочимъ. Должно еще замѣтить, что аргентинъ бываетъ тѣмъ лучше, чѣмъ чище металлы, входящіе въ составъ его; увѣряютъ также, будто-бы малѣйшая примѣсь свинцу къ цинку много вредитъ ковкости самаго сплава.

Очистивъ и превративъ въ порошокъ металлы, входящіе въ составъ аргентина, должно никкель смѣшать въ надлежащей пропорціи съ цинкомъ, всыпать смѣсь въ плавильный горшокъ и сверху положить потребное количество мѣди; потомъ, закрывъ хорошенько тигель и утвердивъ на выдолбленномъ кирпичномъ кружкѣ, поставить въ горнъ, и, обсыпавъ со всѣхъ сторонъ угольями, накаливать. Такъ какъ въ губчатомъ никкелѣ всегда содержатся еще нѣкоторыя постороннія части, способныя стекловаться, то лишь только металлъ расплавится, на поверхности его образуется жидкая накалина, которую должно тщательно отдѣлить, а расплавленную массу хорошенько размѣшать желѣзною палочкою, чтобы сплавокъ сдѣлался какъ-можно однороднѣе. Потомъ вылить его въ желѣзныя отполированные внутри формы, толщиною въ палецъ. Чтобы полученные такимъ образомъ слитки аргентина удобнѣе было ковать и вытягивать въ листы, ихъ дѣлаютъ около девяти линій толщиною, дюйма въ четыре шириною и до девяти дюймовъ длиною. Такіе слитки вѣсятъ около шести фунтовъ. Если сплавокъ сдѣланъ удачно, то изломъ его долженъ быть плотенъ и мелкозернистъ, безъ всякихъ раковинъ: иначе, въ работѣ окажутся въ немъ трещины и множество плѣнокъ. При ковкѣ и вытягиваніи аргентина надобно его нѣсколько разъ накаливать, особливо сначала, чтобы холодною ковкою не сдѣлать его слишкомъ твердымъ и хрупкимъ.

Во Франціи Г. Богардтъ измѣнилъ нѣсколько способъ добыванія аргентина. Онъ беретъ на 52 части мѣди 11 частей никкеля въ зернахъ, плавить оба металла въ закрытомъ тиглѣ, и тщательно размѣшавъ этотъ двойной спла-

вокъ желѣзною мѣшалкою, чтобы сдѣлать смѣсь какъ-можно однороднѣе, выливаетъ въ воду, и такимъ образомъ получаетъ его въ видѣ зеренъ. Потомъ, высушивъ эти зерна, кладетъ ихъ снова въ тигель и, накаливъ до красна, прибавляетъ къ нимъ 8 частей цинка; покрываетъ все смѣсью изъ толченаго стекла съ небольшимъ количествомъ виннаго камня; усиливаетъ жаръ, и когда смѣсь совершенно расплавится, снимаетъ съ нее жидкую окалку, а самый сплавокъ выливаетъ въ формы. Полученный этимъ способомъ аргентинъ очень похожъ на серебро, и имѣетъ большую ковкость и тягучесть, такъ, что его можно тянуть въ самую тонкую проволоку.

Аргентинныя вещи полируются сначала пемзою, потомъ мелкимъ углемъ, и наконецъ стальнымъ гладиломъ съ подливкою мыльной воды или пива; когда же гладило начнетъ тускнеть, то его снова полируютъ, крѣпко патирая замшею, посыпанною оловяннымъ окисломъ. Углубленія, въ которыхъ нельзя полировать пемзою, шлифуютъ растворомъ серебра или олова, разбавленнымъ водою.

Для спайки аргентина обыкновенно употребляется сплавокъ его съ оловомъ или, лучше, съ серебромъ: причемъ надобно обращать все вниманіе на степень жара, который долженъ быть очень умеренный. *Н. Филиповъ.*

=

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ГАСИТЬ ЗАГОРѢВШУЮСЯ ВЪ ТРУБѢ САЖУ.

Лишь только замѣчено будетъ, что сажа въ трубѣ загорѣлась, надобно тотчасъ покрыть трубу мокрою рогожею, войлокомъ или сукномъ, сколько возможно плотнѣе; а въ печь, отъ которой произошла вспышка, бросить нѣсколько горстей толченой сѣры, и ту же минуту закрыть дверцы или заслонку и сверху завѣсить ихъ мокрою тряпкою. Вслѣдъ за этимъ огонь какъ въ печкѣ, такъ и въ трубѣ погаснетъ, ибо отъ горѣнія сѣры немедленно образуется большое количество газа сѣрноватой кислоты, которымъ наполнится вся печь и труба; а какъ этотъ газъ вовсе не

поддерживаетъ горѣнія тѣль, то пожаръ и прекращается. Если по какимъ-либо причинамъ нельзя было бы закрыть трубу, какъ сказано выше, то и въ такомъ даже случаѣ съра, брошенная въ печь, потушить огонь въ трубѣ, только не такъ скоро, и притомъ ее надобно употребить гораздо болѣе, нежели при покрытой трубѣ. Должно замѣтить, что послѣ, когда сажа въ трубѣ такимъ образомъ погашена, отнюдь не должно открывать печь прежде, чѣмъ она совершенно остынетъ и весь удушливый газъ выйдетъ изъ нее въ трубу: иначе этотъ газъ можетъ, распространясь по комнатамъ, причинить большой вредъ живущимъ въ нихъ. *Н. Ф.*

=

ВАНИЛЬНЫЙ СЫРОПЪ.

Возьми лучшей ванили 2 унцій; сахару рафинаду въ мелкомъ порошокѣ 17 унцій и чистой воды 9 унцій. Изрѣзавъ ваниль какъ можно мельче, положи въ мраморную или стеклянную ступку и стирай, съ небольшимъ количествомъ безцвѣтной фруктовой водки, сахару и воды до тѣхъ поръ, пока получится совершенно однородное тѣсто. Истерѣвъ, положи смѣсь въ стеклянный шаръ вмѣстѣ съ остальнымъ сахаромъ и показаннымъ количествомъ воды, выпустивъ туда же одинъ яичный бѣлокъ; потомъ, обвязавъ горлышко шара пергаментомъ и проколовъ въ немъ булавкою маленькое отверстіе, поставь шаръ въ сосудъ съ водою и кипяти ее въ продолженіе 18—20 часовъ, или положи шаръ дней на 12 на солнце или въ испарительную печь (не протыкая пергаamenta), и время отъ времени взбалтывай находящуюся въ немъ жидкость. По прошествіи этого времени сахаръ распустится, и получится однородная, душистая жидкость, которую храни для употребленія въ хорошо закупоренныхъ склянкахъ, обернувъ ихъ черною бумагою. Этотъ сыропъ употребляется для подслащиванія и сообщенія запаха битымъ сливкамъ, мороженому и ликерамъ. *Н. Ф.*

=

Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго боя. Санктпетербургъ, 1834. Двѣ части.

Мы всегда съ удовольствіемъ читаемъ Русскія Записки, даже и въ такомъ случаѣ, когда автору угодно скрыть свое имя, хотя свидѣтельство, безъ имени свидѣтеля, терлетъ всю свою важность, — а Записки суть показанія наочныхъ свидѣтелей, которыя отбираетъ Исторія, для рѣшенія дѣла въ свое время. Какъ показанія, онѣ даже не подлежатъ суду современной исторической критики, потому что приговоръ ея былъ бы преждевременный, пока еще не отобраны всѣ показанія, допросы очевидцевъ не кончены, слѣдствіе не заключено, и извѣты не представлены въ полной ихъ совокупности на сличеніе ихъ между собою. До того времени, — а это время еще далеко, — разобрать основательность частныхъ показаній, значилобъ спорить, а не судить. Записки должны быть принимаемы современниками описываемаго событія только какъ матеріалъ для употребленія ихъ потомствомъ, и, по принятіи, вносятся въ общій архивъ Исторіи. До внесенія въ архивъ, позволяется современникамъ прочесть ихъ изъ любопытства, и оно одно въ правѣ дать объ нихъ предварительное мнѣніе. Передъ судомъ любопытства, Записки нашего безыменнаго автора конечно не проиграютъ дѣла: онѣ любопытны. За всѣмъ тѣмъ, современная историческая критика можетъ быть очень полезна ихъ содержанію, если не разборомъ, по-крайней мѣрѣ добрымъ совѣтомъ, который она даже обязана дать тѣмъ, отъ кого отбираетъ показанія для Исторіи. Она можетъ сказать нашимъ сочинителямъ Записокъ, что они вообще пишутъ ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Нашъ безыменный авторъ тоже по большей части ограничивается стратегическими дѣйствіями. Нельзя не пожалѣть о томъ, что книга его такъ скудна тѣми подробностями, которыя

собственно составляютъ существо и цѣну частныхъ Записокъ. Общія тактическія обзрѣнія, при новѣйшемъ устройствѣ военно-ученой части, сохраняются гораздо вѣрнѣе въ планахъ и официальныхъ донесеніяхъ, нежели въ памяти какого бы то ни было очевидца, тогда какъ бездна частныхъ, мелочныхъ случаевъ, характеризующихъ событія, лица, народъ и эпоху, должны умереть вмѣстѣ съ ихъ свидѣтелями. Движенія войскъ, соблюденіе или нарушеніе стратегическихъ правилъ и число убитыхъ, мы узнаемъ изъ актовъ и ученыхъ военныхъ твореній; въ этомъ отношеніи вы не скажете намъ ничего новаго: давайте намъ мелочи, — всѣ мелочи, какія только вы видѣли или слышали. Мелочь есть первое, настоящее началовеликаго въ Исторіи. Всѣ перевороты начались съ какого-нибудь пустаго слова, малозначущаго поступка или особенной черты характера и нравовъ лицъ, замѣшанныхъ въ происшествіе, и самый переворотъ есть только послѣдняя, окончательная форма различныхъ превращеній одной извѣстной мелочи, вокругъ которой постепенно лѣпились другія, увеличивая объемъ ея собою подобно катящемуся снѣговому шару, доколѣ она не вырослаогромнымъ, изумительнымъ событіемъ. Цѣль Записокъ — обнаружить пружины и обстоятельства именно этого рода. Не стыдитесь описывать мелочи: вселенная состоитъ изъ атомовъ.

Записки, лежащія передъ нами, начинаются Тарутинскимъ сраженіемъ; но въ концѣ первой части сочинитель приложилъ краткій обзоръ начального періода отечественной войны, — что придаетъ начертанной имъ картинѣ видъ нѣкоторой цѣлости. Изложеніе его, несмотря на извѣстныя несправности языка и слога, всегда ясно и понятно даже и для непосвященныхъ въ таинства военной науки. Бывъ, какъ самъ онъ говоритъ, участникомъ описываемыхъ имъ проис-

шествій, онъ передаетъ многіе любопытные случаи съ большою живостью и естественностью; онъ обнаруживаетъ самостоятельность въ сужденіяхъ, несмотря на короткое знакомство съ иностранными источниками, и, какъ бы то ни было, старается быть безпристрастнымъ, — а больше этого никто не въ правѣ ожидать отъ автора спрятавшагося за занавѣсомъ безыменности, отрекающагося отъ всехъ притязаній на строгую точность и пишущаго о дѣйствіяхъ армій безъ плановъ, безъ ландкартъ, безъ всякихъ пріуготовительныхъ матерьяловъ, по собственному его признанію — на память. Тутъ-то и былъ случай писать не о движеніяхъ массъ, а о движеніяхъ лицъ, о важныхъ мелочахъ!

Отступленіе Французовъ отъ Малоярославца къ Смоленску, и потомъ бѣгство ихъ къ предѣламъ имперіи внушило сочинителю Записокъ много прекрасныхъ страницъ. Въ то время, какъ адмиралъ Чичаговъ ждалъ непріятельской арміи на Нижней Березинѣ, куда вниманіе его обращено было демонстраціями Наполеона, Французы поспѣшно изготовлялись къ переправѣ выше Борисова у деревни Студянки. За неимѣніемъ понтоновъ, рѣшили они строить мосты на козлахъ, и бревна разломанныхъ крестьянскихъ избъ употреблены были въ дѣло. Разсказъ автора изобилуетъ въ этомъ мѣстѣ многими живописными подробностями, въ родѣ тѣхъ, какими и должна отличаться повѣсть очевидца.

«Вечеромъ прибылъ въ Студянку самъ Наполеонъ, и остановился на квартирѣ маршала Удино, въ крестьянской избѣ. Всѣ ожидали со стороны Русскихъ сильнаго сопротивленія, ибо въ эту ночь видно было на правомъ берегу, на холмѣ, множество огней, показывающихъ, что тутъ стоитъ сильный корпусъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь стоялъ генералъ Чаплицъ со всею дивизіею. Этотъ генералъ, давно уже примѣчая скопленіе непріятельскихъ войскъ у Студянки и необыкновенное

движеніе на лѣвомъ берегу, немедленно послалъ о томъ увѣдомить Чичагова, написавъ ему наскоро карандашемъ, что нѣтъ ни какого сомнѣнія, что непріятель непремѣнно намѣренъ переправиться въ этомъ мѣстѣ, и строитъ уже мосты; но Чичаговъ, обманутый демонстраціями непріятеля ниже Борисова, подвинулъ всю свою армію внизъ Березины, и находился тогда за тридцать верстъ, въ мѣстечкѣ Хабацевичахъ, ожидая тамъ Наполеона.

«Утверждаютъ, что онъ предпринялъ ложное это движеніе по полученіи депешей отъ князя Кутузова, который писалъ къ нему пзъ Копысп, что, по доставленнымъ ему извѣстіямъ, Наполеонъ повернулъ къ Нижней Березинѣ, и намѣренъ тамъ переправиться, а потомъ чрезъ Игумень итти къ Минску.

«Чичаговъ, получивъ донесеніе Чаплица, вмѣсто того, чтобы по-крайней-мѣрѣ самому прибыть на его позицію противу Студянки, и собственными глазами удостовѣриться въ истинѣ, остался въ несчастномъ своемъ заблужденіи, утверждая, что движеніе къ Студянкѣ не что иное, какъ демонстрація непріятеля, чтобы отвлечь его вниманіе; и, не смотря на убѣжденія своихъ генераловъ, послалъ Чаплицу непремѣнное повелѣніе-со всею дивизіею немедленно итти къ Борисовскому мостовому укрѣпленію, оставя для наблюденія однихъ казаковъ.

«Въ слѣдствіе такого повелѣнія, Чаплицъ принужденъ былъ въ ту же ночь покинуть свою позицію; но оставилъ въ ней одинъ егерскій и одинъ гусарскій полкъ, оба неполные, съ шестью или осью орудіями, что весьма было недостаточно для сопротивленія непріятельской переправѣ.

«Четырнадцатаго числа, рано поутру, Французы выстроили до сорока орудій на возвышеніи при деревнѣ Студянкѣ, и открыли сильный огонь по противоположному берегу; Русская артиллерія отвѣчала на него весьма слабо, и командующій ею офицеръ, видя, что нѣкоторые его орудія сбиты уже съ лафетовъ, чтобы сохранить остальные, отступилъ въ лѣсъ. Егери и гусары, претерпѣвъ большой уронъ, принуждены были слѣдовать за артиллеріею. Между-тѣмъ Французская легкая кавалерія пустилась въ плавь, а за нею

два роты отборныхъ вольтижеровъ переправились на правый берегъ, на двухъ плотахъ, и отогнали казаковъ.

«Наполеонъ, смотрѣвшій на переправу съ высоты, при деревнѣ Студянкѣ, весьма былъ удивленъ, что Русскіе почти не дѣлаютъ ни какого сопротивленія, и вскорѣ, къ великой своей радости, удостовѣрился, что Чичаговъ обмануть живыми его движеніями въ Борисовъ и ниже этого города. Онъ тотчасъ велѣлъ прекратить огонь своей артиллеріи, чтобы сильнымъ громомъ не возбудить вниманія Чичагова, и лишь только посланныя имъ войска утвердились на противномъ берегу, его саперы начали ставить въ воду козлы. На томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка глубже, утверждены были на якоряхъ два оставшіяся понтонныя судна, принадлежащія Двинской арміи; вся остальная часть моста построена была на козлахъ.

«При этомъ случаѣ непріятельскіе саперы дѣйствовали отлично, и пріобрѣтенная ими слава будетъ столь же незабвенна, какъ и переправа Березинская. Въ сильный морозъ, не имѣя крѣпкихъ напитковъ, необходимыхъ въ такомъ случаѣ, они неустрашимо погружались въ воду по грудь для утвержденія козловъ, и, ободряемые присутствіемъ Наполеона, презирали смерть, для спасенія войска. Мюратъ, Удино, и генералы Жомини, Эбле и Лористонъ, примѣромъ своимъ поощряли рабочихъ. Когда первый мостъ былъ окончанъ, весь корпусъ маршала Удино съ артиллеріею перешелъ на правый берегъ, и, привѣтствуя Наполеона восклицаніями — Да здравствуетъ императоръ!, въ глазахъ его съ жаромъ устремился на Русскихъ. Но Французы встрѣтили достойныхъ себя противниковъ. Два Русскихъ полка, одинъ егерскій, другой гусарскій, съ нѣсколькими орудіями, устояли противу первыхъ атакъ Удино, и съ такою твердостью защищали въ лѣсу Зембинскую дорогу, что дали время Чаплицу воротиться, и при наступленіи ночи притти къ нимъ на подкрѣпленіе.

«На другой день, 15 числа, непріятель съ великимъ трудомъ навелъ еще одинъ мостъ; но онъ два раза обрушивался, и переправа на время остановилась. — Наполеонъ терпѣніе: ему казалось, что работы производятся слишкомъ медленно. Въ этотъ день одна слабая дивизія генерала Чаплица, подкрѣпленная авангардомъ Фонъ-дербъ-Палена, сража-

лась противъ всего корпуса Удино, храбро защищая Зембинскую дорогу; но къ вечеру превосходныя и ежеминутно возрастающія силы непріятеля, который имѣлъ уже до половины своей арміи на правомъ берегу, принудили наконецъ Чаплица отступить къ Стахову.

«Между-тѣмъ Чичаговъ, получившій 14 числа вторичное донесеніе Чаплица о переправѣ Французовъ, и съ другой стороны извѣщенный генераломъ Оруркомъ, посланнымъ изъ деревни Ухолоды на лѣвый берегъ для обозрѣнія внизъ по Березинѣ, что тамъ ни гдѣ не видно было непріятеля, увидѣлъ наконецъ свое заблужденіе, и, конечно, могъ бы еще поправить свою ошибку: 15 ноября онъ возвратился вверхъ Березины. Но, прибывъ къ мостовому укрѣпленію, онъ остановился, вмѣсто того, чтобъ пройти еще двѣнадцать верстъ и ударить на переправившуюся часть непріятельской арміи,—что составило бы съ небольшимъ тридцать верстъ перехода отъ мѣстечка Хабацевичъ. И такъ, во весь этотъ день онъ остался въ бездѣйствіи, бывъ снова обманутъ демонстраціею непріятеля въ Борисовѣ. Удино, овладѣвъ Зембинскою дорогою, послалъ туда кавалерійскій отрядъ, который выгналъ изъ мѣстечка казаковъ. Виленская дорога, единственный путь къ спасенію непріятеля, была для него открыта.

«Но въ то время, какъ на правомъ берегу Березины Чичаговъ оставался въ бездѣйствіи, и одинъ его авангардъ, подъ начальствомъ Чаплица и Палена, сражался противъ половины Французской арміи, совершенная побѣда вѣнчала наше оружіе на лѣвомъ берегу: графъ Витгенштейнъ сильно тѣснилъ маршала Виктора на походъ его къ Студянкѣ. Этотъ корпусъ прикрывалъ отступление и переправу непріятельской арміи. Дивизія генерала Партуно, составлявшая аріергардъ, оставалась еще въ Борисовѣ. Кажется, что Наполеонъ, оставивъ эти войска, долѣе хотѣлъ продержатъ Чичагова противъ этого города. Наконецъ Партуно выступилъ также по направленію къ Студянкѣ; но, подходя къ деревнѣ Старый Борисовъ, встрѣтилъ обозы и отступающія толпы отсталыхъ. Здѣсь онъ узналъ, что онъ отрѣзанъ Витгенштейномъ, котораго выстрѣлы слышны были уже въ близкомъ разстояніи. Тогда Партуно хотѣлъ-было воротиться въ Бори-

совъ, но съ другой стороны узналъ онъ, что Платовъ и Ермоловъ вошли уже въ городъ и находятся въ тылу. Окруженію со всѣхъ сторонъ, ему не оставалось другаго средства, какъ пробиться силою оружія сквозь полки Витгенштейна; но жаркія нападенія этого генерала привели въ разстройство, а потомъ разстѣяли его колонны. Онъ снова ихъ собралъ, и съ упорствомъ продолжалъ сраженіе; наконецъ, совершенно разбитый, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, бросившись съ нѣсколькими баталіонами по Веселовской дорогѣ, пролегающей по самому берегу, но и тутъ встрѣтилъ Русскихъ. Наконецъ, вся непріятельская дивизія и полки кавалеріи положили оружіе. Самъ дивизіонный генералъ Партуно и бригадные Делетръ, Камюзъ, Бламонъ и Беліаръ со всѣми штабъ и оберъ-офицерами, со всѣми знаменами и артиллеріею и съ 8,000 человекъ рядовыхъ въ самомъ лучшемъ устройствѣ, сдались военнопленными.

«Потеря, понесенная маршаломъ Викторомъ, тѣмъ болѣе важна была для непріятеля, что войска этого корпуса, менѣе потерпѣвшія въ походѣ, составляли лучшую часть Французской арміи. Послѣ этого успѣха, намъ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ только совокупными, одновременными нападеніями тѣснить непріятеля на обоихъ берегахъ.

«Поутру, 16 числа, корпусъ Платова и отрядъ Ермолова перешли въ Борисовъ на правый берегъ по понтонамъ, и, построясь въ колонны на высотѣ при деревнѣ Стаховъ, составили резервъ Дунайской арміи, и поступили подъ начальство Чичагова, который наконецъ рѣшился дѣйствовать. Графъ Витгенштейнъ, съ своей стороны, оставивъ въ Старомъ Борисовѣ корпусъ генерала Штенгеля, двинулся къ Студянкѣ, атаковалъ непріятеля, овладѣлъ высотой при деревнѣ, и, поставивъ на ней до шестидесяти орудій, приготовился къ рѣшительному нападенію на корпусъ Виктора, стѣсненный между Студянкою и мостами. Непріятель, починивъ мосты ночью, на 16 число продолжалъ переправу. Поутру Польскій легіонъ Вислы, подъ начальствомъ генерала Клапареда, соединился съ Неемъ, который послѣ Удино (последній былъ раненъ) командовалъ всѣми войсками въ Стаховскомъ лѣсу. Позади Нея, на открытой полянкѣ, противъ того мѣста, гдѣ дорога круто поворачиваетъ въ Вильну, выстроилась гвар-

дія въ колонны къ атакѣ, подъ предводительствомъ самого Наполеона, Лефебра и маршала Мортъе, герцога Тревизкаго. Всѣ эти войска должны были дѣйствовать противъ Чичагова и заслонить Виленскую дорогу, по которой, по переправѣ артиллеріи, должны были проходить корпусы Даву и Евгенія, составлявшіе уже одну шумную бѣгущую толпу, которая не въ состояніи была сражаться. Одна дивизія Польскихъ войскъ (Жирана) обратно перешла на лѣвый берегъ для подкрѣпленія маршала Виктора, что произвело еще болѣе замѣшательства на мосту.

«Кровопролитный бой закипѣлъ въ одно время на обоихъ берегахъ. Съ самаго утра поднялась мятель съ сѣвернымъ вѣтромъ; сильная вьюга засыпала намъ глаза инеемъ и снѣгомъ; въ нѣсколькихъ шагахъ ничего нельзя было примѣтить; видѣніе было одинъ блескъ выстрѣловъ. Громъ пушекъ повторялся въ лѣсу, гдѣ высокія сосны, разбитыя ядрами, съ трескомъ валились на землю. Ней, съ кирасирами Думерка, ударилъ прямо по дорогѣ и захватилъ 700 нашихъ стрѣлковъ. Чаплицъ, съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка, опрокинулъ его кирасиръ, и сраженіе продолжалось съ перемѣннымъ успѣхомъ. Но ужаснѣйшее зрѣлище открылось на мостахъ Березинскихъ и на лѣвомъ берегу. Тамъ стѣсненныя колонны Виктора, подверженныя убійственному огню, нашей артиллеріи, громившей съ Студянской высоты, храбро отражали нападеніе Витгенштейна, которому также много вредили непріятельскія батареи праваго берега. Эти батареи, состоявшія изъ гвардейской артиллеріи, были управляемы самимъ Наполеономъ. Онъ сошелъ съ лошади, и самъ нѣсколько разъ наводилъ пушки. Нѣсколько разъ наша пѣхота опрокидывала Французовъ къ самымъ мостамъ, но пораженная слѣва продольными выстрѣлами ихъ артиллеріи, поставленной на правомъ берѣгу, отбиваема была назадъ: тогда непріятельская кавалерія, подъ начальствомъ генерала Фурнье, бросилась на нее съ отчаяніемъ. Но наша артиллерія не переставала громить по мостамъ и по густымъ, стѣсненнымъ колоннамъ непріятельскимъ. Здѣсь ни одинъ выстрѣлъ не былъ пущенъ даромъ; каждое ядро поражало людей, лошадей, срывало пушку или опрокидывало повозку. Одинъ мостъ, поврежденный

ядрами, съ шумомъ обрушился подъ тяжестію войскъ и артиллеріи: въ одно мгновеніе люди, лошади, пушки, фургоны поглощены были рѣкою. Тогда все, что оставалось на лѣвомъ берегу, въ отчаяніи бросилось на остальной мостъ. Здѣсь пѣхота, кавалерія и артиллерія, все было перемѣшано: исчезло всякое повиновеніе, каждый торопился добраться до противоположнаго берега, прикладами сбивали одинъ другаго въ воду, и сильный открывалъ себѣ дорогу по грудамъ тѣлъ. Здѣсь множество раненыхъ раздавлено подъ колесами артиллеріи; зарядные ящики, взорванные гранатами, съ трескомъ летѣли на воздухъ; артиллерійскія лошади, съ опрокинутыми передками, и выючныя, вырвавшіяся изъ рукъ, ржали, бѣгали назадъ и впередъ, и, не находя нигдѣ прохода, спирались грудами непроницаемыми; другія, столкнутыя съ моста, сжатые льдинами, неслись по теченію рѣки.

«Потерявъ надежду пробиться по мосту сквозь ужасную тѣсноту, многіе непріятельскіе солдаты и офицеры начали было переходить по огромнымъ льдинамъ, которыя сперлись между мостами, но они всѣ погибли. Въ это время на лѣвомъ берегу между Студянкою и мостами, все мѣсто, на пространствѣ квадратной полуверсты, было уставлено обозами, пушками, покрыто убитыми, ранеными, умирающими. Въ этой толпѣ видны были и женщины, слѣдовавшія за арміею изъ Москвы; страшный ихъ вопль и отчаяніе придавало еще болѣе ужаса зрѣлищу.

«До наступленія ночи ядра безпрестанно сыпались съ одного берега на другой. Когда начало смеркаться, непріятельскій аріергардъ сталъ отступать по мосту. Здѣсь войска Виктора должны были очищать себѣ дорогу, сдѣлавъ родъ траншеи изъ мертвыхъ тѣлъ и лошадей, кучами наваленныхъ по краямъ моста.

«Такъ кончилась кровопролитнѣйшая битва 16 ноября. Невозможно исчислить ужасной потери непріятеля. Лучшія его войска, корпусы Виктора, Удино и легіонъ Вислы, почти истреблены. Французы потеряли многихъ своихъ генераловъ; въ числѣ тяжело раненыхъ были маршалъ Удино и генералы Легранъ и Заіончекъ: послѣднему ядромъ оторвало ногу. Надобно признаться, что Французы сражались

съ отчаянною неустрашимостью; особенно Польской легіонъ Вислы, подъ начальствомъ Клапареда и Хлопицкаго, явилъ чудеса храбрости.

«Съ приближеніемъ ночи, Французы отступили къ Занивкамъ, небольшой деревушкѣ, находящейся въ лѣсу на самомъ поворотѣ проселочной дороги, ведущей чрезъ Зембинъ въ Вильну, по Ганнскимъ болотамъ, гдѣ на пространствѣ двухъ верстъ построена деревянная гать. По сторонамъ дороги простираются обширные непроходимые лѣса, растущіе по кочкамъ и болотамъ. Наполеонъ остановился почевать въ этой деревушкѣ, около которой расположилась его гвардія карсемъ. Мы поединулись впередъ по лѣсу, и также остановились исподалеку отъ передовыхъ огней непріятельскихъ, и обѣ арміи почевали въ виду одна другой».

Отъ этой страшной картины истребленія и ужасовъ войны, совокупленныхъ на самомъ тѣсномъ пространствѣ, поспѣшимъ къ страднымъ подвигамъ челоуѣколюбія, которыми знаменовался каждый шагъ великодушнаго побѣдителя. Прибытіе Императора Александра въ Вильну, вскорѣ по изгнаніи оттуда враговъ, было вѣстникомъ избавленія для множества несчастныхъ страдальцевъ:

«Тринадцать тысячъ раненыхъ и больныхъ непріятелей собраны были въ огромныхъ монастыряхъ Базиліановъ, Бернардиновъ, Доминиканъ, Кармелитовъ и монаховъ Св. Казимира; мирныя эти обитатели превращены были въ госпитали или, лучше сказать, въ обширныя кладбища. Здѣсь въ темныхъ коридорахъ, на крыльцахъ, на дворахъ, навалены были костры умершихъ и умирающихъ; заразительный воздухъ разсѣвалъ губительныя сѣмена язвы. Съ прибытіемъ Александра все перемѣнилось; не устранила его смрадная эта могила: мы видѣли его нѣсколько разъ среди несчастныхъ жертвъ войны; онъ присутствовалъ при перевязкѣ ранъ, при раздачѣ пищи; утѣшалъ ихъ, говоря имъ объ ихъ отечествѣ, подавая имъ надежду возвратиться на родину, по возможности, многихъ перемѣстивъ въ дома и госпитали,

и опредѣлили для надзора за ними генерала графа Сентъ-При, который имѣлъ объ нихъ попеченіе наравнѣ съ нашими больными. Съ того времени исчезло мрачное предубѣжденіе этихъ храбрыхъ и несчастныхъ воиновъ о мнимой неминуемой смерти. Многіе одолжены своимъ спасеніемъ Александру. Шумъ побѣдъ, слава завоеваній проходятъ; но память добродѣтелей, украшающихъ челоуѣчество, отличающихъ христіанина и философа, безсмертна.»

Окончивъ описаніе войны 1812 года, авторъ, вслѣдъ за множествомъ другихъ писателей, старается «опровергнуть неосновательныя рѣчи, выдуманныя завистию и врагами нашего оружія, — что холодъ былъ причиною нашихъ успѣховъ.» Пора бы, кажется, считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ. Если мы и допустимъ холодъ въ вѣрныя свои союзники, то все онъ не отговорка для нашихъ противниковъ или по-крайней-мѣрѣ для славнаго ихъ предводителя. Русскій морозъ могъ бы служить оправданіемъ неудачному нашествію въ такомъ лишь случаѣ, когда бъ былъ для нихъ тайною, но мы никогда не скрывали того отъ непріятеля, что у насъ очень холодно: не только морозъ нашъ былъ извѣстенъ всему свѣту въ настоящей его трескучести, но и съ явнымъ ея преувеличеніемъ. Кому изъ насъ не случалось смѣяться передъ видами Петербурга и Москвы, въ которыхъ иностранный художникъ пресеріозно изображалъ ѣзду на собакахъ и оленяхъ за обыкновенную нашу упряжь? Мы даже видѣли Французскую учебную книгу, въ которой, для бѣльшаго назиданія учащихся, Русская повозка представлена съ доброй печью назади!

Гораздо важнѣйшимъ кажется намъ изслѣдованіе автора о мнимомъ нравственномъ превосходствѣ Французовъ, такъ рѣшительно утверждаемомъ за ними даже наименѣе пристрастными ихъ писателями. Конечно, доводы сочинителя Записокъ не обратятъ на путь истинный этого хвастливаго племени,

но если они подкрѣпляютъ чувство народной гордости въ нашихъ молодыхъ читателейъ, если они пособяють распространенію истины, то нельзя не отдать имъ должной справедливости.

Вторая часть Записокъ посвящена первой половинѣ похода 1813 года, съ которымъ еще такъ недавно ознакомило насъ другое сочиненіе, и несмотря на то она читается съ большимъ удовольствіемъ. Подробности Люценскаго сраженія со всѣми его переходами и колебаніями представлены весьма живо, ясно и удовлетворительно; но все это общія, давно извѣстныя, всѣми видѣнныя вещи. Пишите то, что вы одни видѣли! Не менѣе удачно описаніе Кульмскаго боя, которымъ, къ сожалѣнію, авторъ оканчиваетъ свою любопытную книгу, даже не обѣщая продолженія.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. *Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ, сочиненіе Н. К. (Писана весною 1834 года). Санктпетербургъ, 1835.*

Роксолана, драма въ пяти актахъ въ стихахъ, сочиненіе Н. К. (Писана лѣтомъ 1834 года). Санктпетербургъ, 1835.

Воображеніе Г-на Н. К. работаетъ неутомимо: весною прошлаго года оно еще блуждало въ кровавомъ мракѣ Междуцарствія, возсоздавало колоссальную фигуру Ляпунова, лице весьма замѣчательное въ началѣ XVII столѣтія, а лѣтомъ было уже въ Константинополь, ласкало жирныя подбородки одалисокъ, и курило трубку съ великимъ евнухомъ сераля, отдавъ визитъ великому муфтію и великому визирю. Это путешествіе по двумъ мірамъ, совершенно отдѣльнымъ, совершенно разнообразнымъ, выполнено воображеніемъ Г-на Н. К. въ нѣсколько мѣсяцевъ, и плоды этого путешествія передъ нами, — въ красивой оберткѣ, — на красивой бумагѣ, — очень красивыми буквами.

Одинъ изъ этихъ плодовъ, и самый милый, — восточная драма. Не знаемъ, нужно ли непременно, для сочиненія восточной драмы, имѣть ясное понятіе о Востокѣ, объ его нравахъ, обычаяхъ, законодательствѣ, вѣрѣ, исторіи, или не нужно; но если нужно, такъ до этого достигается только тремя путями. Первое средство узнать Востокъ — путешествовать по немъ довольно долго: путешествіе доставляетъ болѣе или менѣе точный обзоръ наружныхъ формъ его, — что уже очень важно. Второе средство — читать его книги на собственныхъ его языкахъ: тогда проникнете вы во внутренность его понятій, логики, духа, страстей, характера и образа дѣйствованія, хотя и не можете ясно представить себѣ его наружности. Третье, послѣднее и лучшее средство — путешествовать и читать его книги: тутъ вы видите и личную и изнанковую его сторону, Востокъ вещественный и Востокъ нравственный. Чтеніе «Роксоланы» заставляетъ насъ думать, что ея авторъ не употреблялъ ни одного изъ этихъ трехъ единственныхъ способовъ познанія страны, людей и нравовъ, изъ которыхъ хотѣлъ онъ построить драму. Какой путь избралъ онъ къ тому, чтобы познакомиться съ своимъ предметомъ, мы этого не знаемъ; но должно признаться, что избранный имъ путь завелъ его совершенно въ противную сторону. Почти нѣтъ сомнѣній, что поэту, предпринимающему восточную драму, надобно хотѣть нѣсколько быть оріенталистомъ, — оріенталистомъ посредствомъ путешествій или оріенталистомъ посредствомъ изученія восточной литературы, — чтобы въ нашемъ вѣкѣ, ученомъ и стремящемся къ подлинности въ поэзіи, создать и выполнить что-нибудь похожее на дѣло. Оттого никто въ Европѣ, кромѣ сочинителей оперъ и водевилей, и не пускается нынче въ подобныя предпріятія, какъ въ часть поэзіи самую

трудную, многосложную и опасную, гдѣ каждое слово должно быть эрудиція, каждое обстоятельство—изысканіе. Писатель, который, никогда не видавъ Востока и не будучи знакомъ съ его литературой, выводитъ на сцену восточныя лица и нравы, добровольно поставяетъ себя въ такое же положеніе, въ какомъ бы находился тотъ, кто бы изъ Русскихъ избралъ для своей комедіи или трагедіи мѣстомъ дѣйствія Парижъ, и вздумалъ представить дѣйствующихъ и говорящихъ тамъ Французовъ, тогда какъ самъ не зналъ бы ни Парижа, ни Французскаго языка, не обращался бѣ съ Французами и не читалъ бы ни одной Французской книги: очевидно, что въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи его повѣсти, была бы нсвѣрность, ошибка или несообразность. Сравненіе это еще весьма выгодно, потому что Парижъ сколько-нибудь похожъ на Истербургъ, и Русскіе сами не очень далско отстали отъ Французовъ въ нравахъ, образѣ жизни и понятіяхъ, тогда какъ Петербургъ и Константинополь, Турки и Европейцы — огромныя, непримиримыя противоположности. Что жъ въ такомъ случаѣ остается дѣлать тому, кто непременно хочетъ написать восточную драму, не приготовившись къ ней твердо и основательно? По мнѣнію нашему, всего лучше писать се такъ, какъ Вольтеръ писалъ Альзиру и Могомета, то есть, взять однѣ только восточныя имена для своихъ героевъ, а самихъ героевъ заставить говорить чисто Европейскимъ языкомъ и дѣйствовать по-нашему, не заботясь о восточности. Переменяя только имена лицъ, драма будетъ то Турецкою, то Китайскою, то Англійскою, то Индѣйскою, то Французскою, будетъ безъ всякой народности, но по-крайней-мѣрѣ вы тогда знаете, что это просто фантазія, въ которой не должно искать ничего истиннаго, ничего естественнаго, и будете судить объ ней по тому же правилу. Но когда писатель станетъ под-

мѣшпвать въ свои стихи иноязычныя слова и обороты, — Турецкіе, или по-крайней-мѣрѣ не наши; придавать лицамъ страшныя для насъ пріемы, пзмѣнять принятія названія вещей, дѣлать выноски, объяснять свои выраженія, то есть, учить читателя; когда онъ подымается на эрудицію, обнаруживаетъ притязаніе на подлинность поэзіи, на вѣрность рисунка и колорита картины, — тутъ ужъ совсѣмъ другое дѣло! Тутъ вы видите притязаніе на что-то несшуточное, и въ правѣ потребовать отчета въ исполненіи. Какъ скоро авторъ берется насъ учить, представлять виды, изображающіе подлинную натуру, мы можемъ попросить его, чтобы онъ училъ насъ дѣльно и не вводилъ видами своими въ заблужденія.

Должно сожалѣть, что авторъ «Роксоланы» избралъ этотъ послѣдній способъ писать восточную драму: то, что онъ выдастъ въ ней за настоящее Турецкое, не имѣетъ ни тѣни сходства съ Турецкимъ, ни съ мусульманскимъ, ни съ восточнымъ. Востокъ, Турки, ихъ вѣра, ихъ исторія, понятія, обычаи, нравы, законы, этикетъ, — все опрокинуто въ ней вверхъ-дномъ, все изломано, изувѣчено самымъ немилосерднымъ образомъ, который доходитъ иногда до степени высочайшей комки. Это каррикатура, не картина, Турокъ. Мы не станемъ даже разсматривать этой части «Роксоланы», потому что намъ бы пришлось только переходить отъ упрека къ упреку, и число ихъ далеко превзошло бы число стиховъ драмы. Сколько ошибокъ и промаховъ можно иногда сдѣлать въ одномъ словѣ, стараясь быть ученѣе обыкновенныхъ поэтовъ, доказательствомъ тому послужить, для примѣра, первая строка книги и первое къ ней примѣчаніе.

Первая строка: «Солиманъ II, султанъ Истамболскій.» Первое примѣчаніе: «Истамболъ — названіе Ца-

ряграда, происшедшее отъ Греческихъ словъ *исъ тинъ полинь*, что означаетъ *въ городъ*, или *въ городъ*: Турки, не зная Греческаго языка, приняли это за самое названіе Константинополя.» 1. Что за лице — султанъ Истамболскій? Къ какой исторіи или націи принадлежитъ этотъ потѣшный титулъ? Турки его не знаютъ; Европейцы то же. Это все равно, какъ если бъ вы, говоря о государяхъ Французскомъ или Англійскомъ, сказали — король Парижскій или король Лондонскій. Зачѣмъ не назвать просто, какъ принято называть его, — султаномъ Турецкимъ? Но авторъ, съ первой строки, хотѣлъ повидимому придать словамъ своимъ цвѣтъ сильно восточный: въ такомъ случаѣ слѣдовало сказать не — султанъ Истамболскій — а султанъ *Оттоманскій*, правильнѣе *падишахъ Оттоманскій*, или еще правильнѣе *падишахъ Османскій*, потому что только братья и сыновья царствующаго государя называются въ Турціи *султанами*, а самъ онъ — *падишахъ*. 2. Если авторъ имѣлъ въ предметѣ означить тѣмъ Солимана, царствовавшаго въ Константинополѣ, для различія его отъ Турецкихъ султановъ, которыхъ столицы были по другимъ городамъ, то надобно было назвать его не Солиманомъ II, а Солиманомъ I: такъ дѣйствительно зовутъ его въ Исторіи, когда Оттоманскими «императорами» считаютъ однихъ Константинопольскихъ султановъ. 3. Принимая слово султанъ въ значеніи царствующаго лица и ставя *султана Истамболскаго* въ противоположности *султану Амасійскому*, авторъ сдѣлалъ еще важнѣйшую погрѣшность: Амасійскаго султана быть не можетъ, потому что Мустафа не царствовалъ въ Амасіи, но былъ только правителемъ, генералъ-губернаторомъ. 4. Не Турки называли Константинополь Истамболомъ, отъ незнанія Греческаго языка, но сами Греки: слово *Стамболъ* было уже извѣстно въ XII вѣкѣ, гораздо прежде появленія тамъ

Турокъ; оно употреблялось и во время Крестовыхъ походовъ, и встрѣчается даже у Вильгельма Тирскаго (Guillaume de Tyr). Не одно это собственное имя замѣнили Греки подобнымъ составомъ предлога и члена со словомъ: названіе острова *Ко* превратилось въ ихъ устахъ въ *Станго*, то есть, *исъ тая Ко*, и Аѳины именовались *Сатина*, то есть, *исъ Атина*. *Истамболъ* у Турокъ, то же что у Грековъ *Стамболи*, то есть, собственно та часть Царяграда, въ которой лежитъ *Сераль*, безъ предмѣстій *Эйюба*, *Галаты*, *Перы*, *Топханы*, *Скутарн* и *Фанара*, а весь Константинополь съ предмѣстьями и по-Турецки называется Константинополь, *Костантиниѳе*. Всѣ Русскіе знаютъ слово *Стамбулъ*: но авторъ пожелалъ блеснуть другимъ, ученымъ словомъ, сказать *Истамболъ* вмѣсто общеизвѣстнаго *Стамбулъ*, — и купилъ это удовольствіе кучею всякаго рода ошибокъ! Стоило ли для этого подвергаться такой опасности?

Упомянуть ли о томъ, какъ Турки нашего автора клянутся *концами свѣта*, *очами пророка*, *яркой синевой неба*, — какъ они благодарятъ пророка, просятъ прощенія у пророка, ругаютъ пророка, почитаютъ умъ за гниль *тростникъ пророка*, и называютъ себя *поклонниками пророка*, — и еще *Великаго Пророка*, забывъ, что ни въ ихъ языкѣ, ни въ ихъ вѣрѣ, нѣтъ такого выраженія, что такъ изъясняются только водевильные мусульмане, и что пророка должно имъ чествовать по-настоящему Магометомъ-Избраннымъ, Последнимъ пророкомъ, Государемъ посланниковъ, Украшеніемъ обоихъ міровъ, и т. д.? На счетъ своего *Аллы*, то есть, *Аллаха*, и *Алкорана*, который позволяютъ себѣ даже называть *ужаснымъ* и, что всего хуже, «книгою пророка», они произносятъ такіа святотатственные рѣчи, что поистинѣ страшно ихъ слушать. Мы готовы биться объ закладъ, что *Солиманъ Г-на Н. К.* никогда не видалъ мусульманъ! Онъ говоритъ о семи

именахъ *Аллы*, тогда какъ у *Аллы*, круглымъ счетомъ, наличныхъ именъ девяносто девять; онъ толкуетъ о *законахъ улемовъ* и *законахъ пророка*, то есть, одинъ Великій Пророкъ вѣсть объ чемъ; онъ приказываетъ своему двору кричать — «Великъ пророкъ, великъ его намѣстникъ!», и всѣ, даже не улыбнувшись, кричатъ *тихо* — «Великъ пророкъ, великъ его намѣстникъ!»; онъ насчиталъ *сто калифатовъ*, хотя калифатъ — одинъ и нераздѣльный, одинъ для цѣлой вселенной; великій муфтіи входитъ къ нему въ гаремъ, чиновники и рабы глядятъ ему въ глаза, султаны вмѣсто четырехъ имѣютъ по семи женъ, султанши ѣздятъ верхомъ на верблюдахъ, — словомъ на каждомъ шагу происходитъ у нихъ такой содомъ, такая ересь, такой подлинно Турецкій безпорядокъ, что если бъ все это было правда хоть вполовину, «Истамболская» имперія развалилась бы еще до окончанія драмы.

Что, если бъ мы еще сказали, что Салиманъ Г-на Н. К. добродушно почитаетъ Карла V, Германскаго императора, за единственнаго и законнаго наследника Магомета и за духовнаго главу всѣхъ мусульманъ? Это показалось бы невѣроятнымъ всякому, кто только имѣетъ первоначальныя свѣдѣнія въ исторіи Востока. А онъ дѣйствительно его почитаетъ! Онъ называетъ Карла калифомъ, его имперію *калифатомъ*, — *Германскимъ* калифатомъ! Что бы ему вспомнить, что отецъ его, Селимъ I, купилъ *калифатъ*, то есть, «званіе законнаго наследника и намѣстника пророка на землѣ», у Мохаммеда XII, послѣдняго калифа династіи Аббасидовъ Египетскихъ, исключительно для себя и для своихъ потомковъ? Добро бы еще имперію Карла V величалъ онъ калифатомъ; но онъ что-то толкуетъ и объ Алжирскомъ калифатѣ, пожалованномъ славному пирату Барбароссѣ? Барбаросса калифъ!!... Да онъ еще и султанъ. И замѣтьте, что Турки, которые ни слова не знаютъ по-Италіянски, называютъ

его въ драмѣ не иначе какъ Barba-rossa, — а Барбароссу-то звали они по-своему Хайръ-эддиномъ! Послѣ этого, и самъ авторъ, мы увѣрены, откажется отъ всей восточной части своей «Роксоланы.» Его драма имѣетъ разныя достоинства, но не съ этой стороны. Мы отнюдь не уклонимся отъ истины, когда скажемъ, что восточность «Роксоланы» и восточность извѣстнаго водевиля Скриба, «Медвѣдь и Паша», обѣ одинаковой доброты, и что послѣдняя даже замысловатѣе.

Отъ восточной части перейдемъ къ исторической. Въ этомъ отношеніи мы всегда предоставляемъ обширное поле воображенію драматическаго поэта, и если полагаемъ предѣлы вольностямъ, то не ближе тѣхъ точекъ, съ которыхъ начинается уже полное низверженіе главнаго факта, превращеніе бѣлаго въ черное и вопіющая небывальщина. Украшать историческое событіе вымысломъ, но украшать въ его же духѣ, вещь очень позволительная.

Прежде всего должно опредѣлить съ точностью эпоху, въ которую происходитъ дѣйствіе. Это не трудно. Солиманъ, въ началѣ драмы, угрожаетъ Германскому императору десятымъ походомъ и готовится къ третьей войнѣ съ Персіею, которую онъ обѣщаетъ покорить еще до рамазана: слѣдственно это было въ 1553 году. Солиманъ въ мѣсяцъ рамазанъ того года (960 гиджры) дѣйствительно двинулся къ Персидской границѣ. Въ томъ же году онъ и казнилъ сына своего Мустафу, и такъ какъ драма оканчивается погибелію Мустафы, то все ея дѣйствіе заключено въ предѣлахъ одного 1553 года. Селиману было тогда отъ роду шестьдесятъ три года; сыновьямъ его, Мустафѣ тридцать два, Селиму почти тридцать лѣтъ, Баязету двадцать восемь. Матери Мустафы, которую авторъ называетъ Хризулою, было бы тогда лѣтъ подъ пятьдесятъ, Роксоланъ по-крайней-мѣрѣ столько же: положимъ сорокъ пять, — это не составляетъ ни какой

разницы, потому что на Востокъ женщины и въ тридцать лѣтъ уже покрыты морщинами, уже совершенныя старухи. Дѣло въ томъ, что, въ ту минуту, когда авторъ подымаетъ завѣсъ, объ эти красавицы были дряхлыя Турецкія бабы, въ полномъ значеніи слова.

О Роксоланѣ столько написано басней, повѣстей, оперъ, что напрасно было бы повторять принятые объ ней повѣрія, тѣмъ болѣе, что и нашъ авторъ ихъ повторяетъ. Роксолана, собственно *Rexhane*, была большая интригантка: посредствомъ своего ума и увлечательнаго красноречія она очень долго сохраняла вліяніе надъ поступками Салимана, который уважалъ ее, даже переставъ любить. Нетъ сомнѣнія, что Салиманъ, по воспоминаніямъ прежней страсти къ своей устарѣвшей фавориткѣ, любилъ сына ея, Селима, болѣе прочихъ дѣтей, и старался доставить ему престолъ; но Роксолана не имѣла участія въ катастрофѣ, которою исполнились общія ея и султана желанія. Дѣло происходило слишкомъ далеко отъ нея, и причины его были независимы отъ ея воли. До того времени, Оттоманскіе государи имѣли обыкновеніе назначать сыновей своихъ правителями разныхъ провинцій. Старшіе сыновья Салимана, Мурадъ, Абдаллахъ и Мехеммедъ, умерли въ прежніе годы: въ живыхъ оставались только Мустафа, Селимъ, Баязетъ и Джигангиръ. Мустафа правилъ Амасіей, Баязетъ Коніей, Джигангиръ Алеппомъ, Селимъ жилъ большею частію при отцѣ, въ Константинополѣ. Мустафа и Джигангиръ, ревнуя къ предпочтенію, которос отецъ оказывалъ Селиму, давно и неоднократно составляли заговоры на престолъ и жизнь родителя. Пронски ихъ были очень хорошо извѣстны Салиману, но онъ не хотѣлъ того обнаруживать, и во второй Персидскій походъ, въ 1547 году, на пути черезъ Малую Азію, позволилъ имъ явиться, допустилъ ихъ къ своей рукѣ и отправилъ съ честію. Мустафа однако жъ,

человѣкъ злобнаго и коварнаго нрава, не оставлялъ своихъ козней. Въ 1552 году отецъ получилъ изъ Азіи донесеніе объ его замыслахъ, и приказалъ тѣсно стеречь его во дворцѣ, въ Амасіи. Мустафа навѣрное бы остался въ этомъ заключеніи до кончины родителя и по его смерти вступилъ на престолъ, если бы неожиданный случай не призвалъ Солимана въ Малую Азію. Шахъ Персидскій, Исмаиль-Ссѣи, вдругъ вторгнулся въ Турецкіе предѣлы, взявъ нѣсколько крѣпостей и разбилъ паголову Солиманова полководца въ той сторонѣ. Султанъ тотчасъ отправилъ туда войско подъ начальствомъ верховнаго визиря Мехеммедъ-Паши, котораго авторъ драмы называетъ *Рустеномъ*, и въ рамазанъ того же года самъ соединился съ нимъ неподалеку отъ Амасіи. Но здѣсь ожидала его чаша семейныхъ огорченій: онъ получилъ несомнѣнные доказательства измѣны своего сына и тому, что внезапное вторженіе Персіянъ было слѣдствіемъ согласія Мустафы съ врагами отечества. Солиманъ приказалъ задушить его въ томъ же дворцѣ, гдѣ онъ былъ запертъ (авторъ драмы умерщвляетъ его, для большего эффекта, книжалами, въ Константинополь). Почти въ то же время скончался въ другомъ мѣстѣ братъ и сообщникъ его, Джигангиръ, какъ полагаютъ, отъ яда. Со смертію Мустафы, Селимъ былъ старшій сынъ въ родѣ и законный наследникъ престола. Вотъ самая простая и самая достовѣрная перечень всего событія.

Поэтъ, приписывая, по обыкновенію, смерть Мустафы непосредственной интригѣ Роксоланы, долженъ былъ выдумать для этого полную перенетію: онъ, конечно, властенъ былъ предположить все, что угодно, лишь бы предположенія, — поводы дѣйствій и пружины повѣсти, — соответствовали лицамъ и мѣсту. Къ сожалѣнію, почти всѣ его пружины ложны, а приводимые имъ

поводы происшествій такъ невѣроятны, ознаменованы такимъ чисто-комическимъ ничтожествомъ, что скорѣе годились бы въ оперу-буффу, нежели въ ученую драму, написанную прекрасными стихами съ выносками. Замолчимъ о внутреннемъ достоинствѣ хитростей, приписанныхъ Роксоланѣ: но возможно ли допустить, помня, что есть на свѣтѣ Исторія и что она сколько-нибудь извѣстна слушателямъ драмы, — возможно ли допустить, чтобы Мустафа пріѣзжалъ въ Константинополь хвастать передъ отцемъ и передъ ними, что онъ побѣдитель Персіанъ, что «угасъ расколъ Персидскій, шахъ принялъ *Турецкія книги и имамовъ(?)*, самъ шахъ сдѣлался данникомъ Солimana, — и вотъ вамъ хартія, подписи, клятвы», — тогда какъ всѣ мы, знаемъ, — да кто жъ изъ слушателей не знаетъ исторіи Солimana II? — что, въ то самое время, Турецкія войска разбиты впрахъ, что Солиманъ бѣжитъ самъ со всѣми своими силами на отраженіе торжествующаго врага, и что онъ, хвастунъ Мустафа, сидитъ запертый въ Амасіи? Авторъ не взвѣсилъ всей исторической важности словъ — Персидскій расколъ угасъ, шахъ подчинился суннитскому ученію, — или какъ драма говоритъ забавно, «принялъ наши книги и нашихъ имамовъ»: да это былъбы одинъ изъ величайшихъ преворотовъ во всемірной Исторіи! Еслибъ это случилось до 1553 года, большая половина Европы была бы сегодня Турціею. Къ счастью, этого никогда не бывало, ни до 1553 года, ни послѣ. Австрія и Германія спасены единственно неудачами Солimana противъ Персіанъ и продолжительною войною, которая послѣдовала за вторженіемъ ихъ въ Турецкую имперію. Воображеніе измѣнило здѣсь поэту столько же, сколько въ другихъ мѣстахъ Восточная начитанность. Мы увѣрены, что можно было придумать что-нибудь посообразнѣе, для того, чтобы сдѣлать Мустафу интереснымъ.

На остальное мы охотно набрасываемъ покровъ молчанія.

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, читатели наши безсомнѣнія не ожидаютъ отъ насъ ни какой похвалы новой драмѣ Г-на Н. К., и были бы крайне удивлены, когда бъ мы имъ признались не-шутя, что она занимательна. Да, — она занимательна. Несмотря на ложный цвѣтъ мѣстности, нарушеніе всѣхъ вѣроятностей, искаженіе историческихъ характеровъ, безпрестанные всякаго рода промахи, драма Г-на Н. К. *занимательна*. Этотъ эпитетъ въ точности выражаетъ ея достоинство. Стоитъ только окупуть голову въ Лету, забыть то, что вы знаете о предметѣ, повѣрить на-минуту, что все это должно быть списано съ природы, все могло такъ быть въ Турціи, — и вы невольно будете увлечены интересомъ повѣсти, странно-сти примете за красоты, и разчувствуетесь тамъ, гдѣ, до этой необходимой операціи, вы бы непременно смѣялись. Авторъ можетъ превосходно оправдаться отъ всѣхъ нашихъ замѣчаній, сказавъ, что онъ писалъ свою поэму для тѣхъ, которые не имѣютъ ни какого понятія о Востокѣ и мусульманахъ.

Забудемъ же Востокъ, и станемъ разсматривать драму Г-на Н. К. только съ тѣхъ сторонъ, которыя доступны огромному большинству публики, не вдающейся въ бусурманство, то есть, разсматривать относительно къ созданію повѣсти, обрисовкѣ характеровъ и драматическому искусству. Каждый признаетъ, что Критика не можетъ дѣйствовать снисходительнѣе и благороднѣе, какъ ставя взятое подъ разборъ сочиненіе въ самомъ выгодномъ для него оборонительномъ положеніи. Передаемъ поэму другимъ глазамъ. Чтобы не разрушать очарованія судей при чтеніи приводимыхъ отрывковъ, не будемъ даже ничего въ нихъ почеркивать, хоть бы что и пашлось враждебнаго восточности.

Въ разборахъ твореній вымысла мы не любимъ упрекать сочинителей въ недостаткахъ и не привыкли подмѣчать погрѣшности, выкупаемыя другими достоинствами. Первымъ и прекрасѣйшимъ преимуществомъ критика мы почитаемъ данную ему возможность открывать красоты и передавать ихъ уваженію современниковъ. И такъ какъ рѣчь зашла о красотахъ, то кстати дать сперва читателямъ понятіе о красотахъ одалиски Роксоланы, которая такъ полюбилась султану Селиману. Роксолана, въ самомъ дѣлѣ очень мила, какъ то видно изъ словъ хора невольницъ :

«На востокъ солнце блещетъ ;
На закатъ мѣсяцъ спитъ ;
Въ снѣгѣ звѣзда трепещетъ ;
Море золотомъ горитъ.

Но предъ яркими очами
Чернокудрой красоты ,
Солнце съ ясными лучами
Ты темнѣе темноты.

Предъ жемчужной бѣлизною
Нѣжно-пламенныхъ ланитъ ,
За серебряннѣй фатою
Мѣсяцъ, какъ мертвецъ, глядитъ.

Подними покровъ небрежной
Въ пору утренняго сна, —
Что, предъ грудью бѣлоснѣжной,
Сребропѣнная волна?!

Поцѣлусмъ сонъ лѣнивый
Отжени отъ красоты , —
И заблещетъ взоръ стыдливый
Ярче утренней звѣзды.... .»

Эти стихи прекрасны. Не удивительно, что пристолькихъ прелестяхъ одалиска очаровала Истамболскаго султана. Здѣсь конечно есть маленькій анахронизмъ: Роксолана была такъ хороша за двадцать пять лѣтъ до эпохи, въ которую невольницы запѣли ей

хоромъ; но въ отношеніи къ дамамъ такіе анахронизмы не считаются. Роксолана еще одалиска, раба: ей мало быть любимой; она хочетъ сдѣлаться султаншей. Какимъ образомъ она можетъ быть одалискою, то есть, горничною, будучи матерію двухъ узаконенныхъ сыновей отъ султана, того мы никакъ не постигаемъ, а что она не раба, въ томъ никто и сомнѣваться не станетъ, прочитавши «Гражданское Право Мусульманъ», Охсона: съ той минуты какъ невольница родила сына или дочь отъ своего господина, она, говорятъ, уже свободна, на правѣ «вольноотпущенницы по завѣщанію.» Да и съ чего Роксоланъ пришло въ голову быть султаншею? Вѣдь она, слава Аллаху, уже тридцать лѣтъ полная султанша, именно съ той поры, какъ подарила султана первымъ ребенкомъ! За такой подарокъ каждая невольница пользовалась, по праву, этимъ титуломъ и всѣми сопряженными съ нимъ преимуществами. Но Роксолана не хочетъ и знать объ этомъ, и рѣшилась непременно сдѣлаться сызнова султаншею. Для этого она поднялась на хитрость, — вздумала строить мечеть: Солиманъ позволяетъ ей строить мечеть. По справкѣ оказывается, что одалиска, раба, не можетъ строить мечети, и что въ этомъ виноваты Великій Пророкъ и его Алкоранъ. Впрочемъ, въ Турціи на все есть крючекъ. Роксолана построи мечеть, потому что Солиманъ дастъ ей свободу. Тутъ новая исторія: Роксолана не можетъ оставаться въ гаремѣ; она свободна и не должна жить съ невольницами, —

Такъ пророкъ велить!

Этотъ пророкъ большой капризникъ! Ну, кажется, что бы ему за дѣло, гдѣ бы ни жила «свободная жена», la femme émancipée! Онъ явно мѣшается не въ свое дѣло, и, по его милости, Солиманъ при-

нужденъ отпустить изъ гарема Роксолану. Султану досадно, но дѣлать нечего :

Законъ всемогущъ !

Роксолана «сгубить душу свою», если останется жить въ домѣ отца своихъ дѣтей, получивъ свободу!..... Мы, признаться, спрашивали Великаго Пророка, правда ли это, что онъ написалъ такой смѣшной законъ: онъ отрекся, — говоритъ, что это суцная клевета на него; онъ клянется всѣми концами свѣта, что ничего подобнаго не писалъ въ Алкоранѣ, который, впрочемъ какъ онъ увѣряетъ, писанъ не имъ, а Аллахомъ. Великій Пророкъ ручается честнымъ словомъ, что пребываніе освобожденной Роксоланы подъ кровлею отца ея дѣтей ни сколько не лишитъ ее магометанскаго рая, и только удивлялся тому, зачѣмъ мудрый Солиманъ, для удержапія свободной жены въ своемъ домѣ, не далъ ей какой-нибудь должности въ гаремѣ, напримѣръ надзирательницы за своимъ платьемъ, начальницы женскихъ рукодѣлій или казначейши? Но законъ всемогущъ, хотя и не извѣстно, откуда онъ взялся и гдѣ существуетъ.

Мы ужъ сказали, что въ Турціи на все есть крючекъ. Муфти подвелъ законы, и нашелъ вѣрное средство оставить Роксолану въ домѣ Солимана: отпустить одну изъ прежнихъ султаншей, добрую, но устарѣвшую Хризулу, и вступить въ бракъ съ Роксоланой, хотя это и противно обычаямъ султанскаго гарема, — то есть, хотя это искони такъ водится въ гаремѣ. Странно, что Солиманъ самъ, — а надобно знать, что этотъ Солиманъ былъ большой законникъ и называется въ Исторіи «Солиманомъ Законодателемъ», — не зналъ этого закона и не догадался столь простаго и удобнаго средства! Хризула отпущена, Роксолана на ея мѣстѣ; цѣль послѣдней достигнута, — она произведена въ султанши; но и этого ей

мало: ей надобно удержать мѣсто за собою и престолъ Истамболскій за дѣтьми.

У Хризулы сынъ — Мустафа, наслѣдникъ Солимана. Ему Истамболъ, ему гаремъ, ему сладость власти, упоеніе богатства. Если онъ наслѣдуетъ отцу, дѣтямъ Роксоланы — веревка, незавидное наслѣдство. Но Роксолана хитра; она съумѣетъ погубить Мустафу, какъ погубила мать его.

Хризула, отверженная и изгнанная изъ гарема, ѣдетъ на корабль къ сыну въ Амасію. Этотъ корабль какимъ-то образомъ увидѣли изъ Амасіи, хотя Амасія шестьдесятъ верстъ отъ моря и отдѣлена отъ него горами. Едва корабль показался, какъ Хризула уже въ Амасіи, и разсказываетъ свое несчастіе. Добрый сынъ рѣшается вымолить у отца, у суроваго, несправедливаго Солимана, прощеніе матери. Мустафа ѣдетъ къ отцу, въ Константинополь. Жизнь его въ опасности, но для спасенія матери онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Добрый Мустафа! Зачѣмъ же Исторія называетъ его злобнымъ и коварнымъ?

Между-тѣмъ и Роксолана не дремлетъ: она привлекаетъ на свою сторону великаго визиря, обѣщая ему дочь свою, Каяну. Пока Мустафа ѣдетъ къ отцу, а Роксолана съ визиремъ улаживаютъ свадьбу, сыновья ея, Баязетъ и Селимъ, «пьянствуютъ» на сценѣ. Они могли бы дѣлать это въ актерской, безъ большой потери для зрителей, но теперь такая мода въ драмахъ. *Ivres-morts!* говоритъ «Лукреція Борджія.»

Третій актъ начинается на дворѣ сераля. Тутъ является новое лице, самое важное, самое замѣчательное, самое дѣятельное. Это немного поздно, но лучше поздно чѣмъ никогда. Ибрагимъ, кызларъ-ага, и Юсуфъ, черный евнухъ, разговариваютъ у самыхъ воротъ гарема. Они разговариваютъ такими прекрасными стихами, что мы выпишемъ разговоръ ихъ съ удовольствіемъ:

«ЮСУФЪ. Ты спишь, Ага? ИБР. Не сплю, а на яву
 Сны радостныя вижу. Наши львы
 Подобно мнѣ, съ отверзтыми очами,
 Проводятъ почи, сторожа добычу.
 Садись, Юсуфъ! Мнѣ легче съ человѣкомъ
 Переносить зной желчи раскаленной.
 Душа не сносить больше горькой тайны,
 А изъ груди въ сосудъ души не выльешь!

ЮСУФЪ. Объ чемъ же, Ибрагимъ, тоска такая?
 Въ блистательной темницѣ Солимана
 Отвыкли мы отъ радости и горя...

ИБР. Отъ радости? Давно ль ты помнишь радость?
 Отъ раннихъ лѣтъ тиранство челоуѣка
 Насъ выключило изъ числа людей.
 Глупцы, зачѣмъ не вырвете вы сердца
 Для безопасности невольницъ вашихъ
 И вашей жизни?... ЮСУФЪ. Ты весьма печаленъ.

ИБРАГИМЪ. Печаленъ?.. нѣтъ, я бѣшенъ. Ты забылъ
 Горящій воздухъ Нубин дальной
 И грудь зеркальную святаго Нила....
 Ты безъ отечества, Юсуфъ! Ты помнишь
 Привѣтный взоръ отца, нль поцѣлуй
 Любимой матери... Нѣтъ, ты не помнишь;
 Ты безъ родителей, Юсуфъ! А я.....
 Въ пятнадцать лѣтъ я обнялъ жизнь съ любовью.
 Съ надеждой счастья, съ жаждой славныхъ дѣлъ;
 Меня любилъ отецъ, любила мать;
 Довольно ли, чтобъ чувствовать несчастья?
 А ихъ не мало въ памяти моей....
 Я помню, какъ вскли къ Султану мать!
 Какъ мой отецъ великій, Алъ-Гокаръ,
 Двухъ евнуховъ разсѣкъ крылатой саблей.
 Юсуфъ, я помню, очень много помню;
 Я радъ, что помню; я могу забыть,
 Но не забуду. Сердце у меня
 Заковано злобою и мстью!
 Хорошъ сундукъ — и прежде разобьютъ
 Его булатную оковку; прежде
 Мой глупый черепъ обратится въ прахъ

Для гадинъ и червей гнилой могилы,
Чѣмъ это сердце мщенье позабудеть!

ЮСУФЪ. Жизнь дорога, почтенный Ибрагимъ!

ИБРАГИМЪ. Жизнь! Развѣ мы живемъ? За нашу жизнь
Благодарить мы только смертью можемъ.
Жизнь дорога? Жизнь пса — псу дорога!
Жизнь чловѣка — чловѣку; такъ-ли?
Но разбѣняй ихъ жизни, — и твоя
Подышесвьсть до разбитой сткланки!

ЮСУФЪ. Но что же Солиманъ такого сдѣлалъ?

ИБРАГИМЪ. Не хочешь-ли ты быть кизляръ-агой,
Узнать, донести и принести снурокъ,
Послать нѣмага..... Погоди, Юсуфъ!
Я скоро самъ мос оставлю мѣсто,
И на снурокъ не нужно лишнихъ денегъ.

ЮСУФЪ. Обидно, Ибрагимъ! ИБРАГИМЪ. Юсуфъ, обидна
Слѣпой фазанъ. Онъ бьсть свою жену,
Когда ему придетъ охота драться.
Прости, Юсуфъ! Уже пятнадцать лѣтъ
Съ тобой мы дружны; ссориться не время.
Но помни, что вопросъ о горькой тайнѣ
Мнѣ кажется насмѣшкой Солимана
Надъ воплемъ матери моей..... Юсуфъ!
Ахъ, какъ она рыдала!!.. Алъ-Гокаръ
Изъ Нубіи пошелъ походомъ въ море
И бѣлую невольницу досталъ,
И полюбилъ ее, и полюбила
Его невольница: пятнадцать лѣтъ,
Война ли, миръ, въ Египтѣ-ли, въ Сеннартѣ,
Вездѣ вдвоемъ..... Приходитъ Солиманъ;
Въ Каирѣ нѣтъ ему сопротивленья.
Одинъ отецъ не положилъ меча.
Не для Египта глупаго сражаясь,
Онъ поражалъ Осмаповъ—для себя;
Онъ обнажалъ ихъ трупы, ихъ развѣзды
Захватывалъ..... Единый Алъ-Гокаръ
Надъ силой Солимана посмѣвался!

(съ радостнымъ хохотомъ)

То былъ отецъ мой! Только мутный Нилъ

Усердно Алъ-Гокару помогалъ;
 Какъ вѣрный мулъ, онъ трупы разносилъ
 По нивамъ безконечнаго Египта!
 И бѣшенный смирился Солиманъ
 Предъ Алъ-Гокаромъ! Солиманъ всемогущий
 Предъ Алъ-Гокаромъ!! (*съ тѣмъ же смѣхомъ*)
 То отецъ мой былъ!

Мужъ Эдвы, матери моей!!... А Эдва,
 Что вечеръ то въ челнокъ, и къ Алъ-Гокару
 Со мной плыветъ; сама весломъ послушнымъ
 Искусно управляетъ. Онъ—обниметъ
 Ее, меня; въ челнокъ добычу дня
 Проворно сложить,—и прости до завтра!
 Смирился Солиманъ коварнымъ сердцемъ,
 И говоритъ:—«Прощаю Алъ-Гокара!
 «Пускай придетъ; клянуся Алъ-Кораномъ,
 «Онъ будетъ не вредимъ!»—Святая клятва!
 Повѣрилъ Алъ-Гокаръ, пришелъ въ Каиръ
 Со мной и Эдвой: грозный Солиманъ,
 Коварнымъ сердцемъ въ злобѣ утопая,
 Задумалъ мстить, и отомстилъ ужасно.
 Схватили Эдву, отвели къ Султану,
 Она съ нимъ раздѣлила ложе, утромъ
 Я былъ уже безъ матери, Юсуфъ!

Нилъ поглотилъ мѣшокъ съ несчастной Эдвой!

ЮСУФЪ (*вскочивъ*). Что жъ Алъ-Гокаръ?

ИБРАГИМЪ. Что Алъ-Гокаръ? Молчалъ,

Какъ я теперь молчу, но въ день джирида,
 Когда Султанъ смотрѣлъ на игры спаговъ,
 Онъ въ ихъ толпу вмѣшался не замѣтно
 И, улучшивъ удобное мгновенье,
 На Солимана бросился.... Увы!

Рядъ грозныхъ копій встрѣтилъ Алъ-Гокара;
 Онъ палъ, и я остался безъ отца!

ЮСУФЪ. Ужасно, Ибрагимъ! **ИБРАГИМЪ**. Еще не все!

Ужасный Солиманъ мстилъ мертвецу!
 Сынъ Алъ-Гокара, другъ твой, Ибрагимъ,
 Захваченъ непреклонными рабами,
 Сталъ рабъ..... Юсуфъ, ты это понимаешь!

(продолжительное молчаніе.)

Что, другъ Юсуфъ, не весель мой разсказъ?
 Дай срокъ! Я повторю предъ Солиманомъ
 Страдальческую повѣсть Алъ-Гокара;
 Я жизни у него не отниму;
 Пускай живетъ; ярмо другихъ несчастій
 Я наложу на плечи Солимана!
 Еще не горе смерть; иную жизнь
 Отдать не за одну, а за три смерти....
 Такую жизнь ему приготавлию....
 Въ гаремъ шорохъ. Обойди, Юсуфъ!
 Прислушайся, не спятъ ли наши стражи,
 Не бодрствуютъ ли жены Солимана?
 Сходи, Юсуфъ! ЮС. Ты чутокъ, Ибрагимъ.
 Что до меня, я ничего не слышу.

ИБР. О, я привыкъ. Ужъ слишкомъ будетъ годъ,
 Какъ я, что ночь, безъ сна на этомъ мѣстѣ
 Блаженства домъ собою затворяю.
 Я тѣломъ здѣсь, а слухомъ напряженнымъ
 Перехожу рядъ комнатъ безконечный
 И слышу шопотъ дальней одалиски,
 Что просить у раба ночной прохлады;
 Я различаю ропотъ волнъ Босфора
 Отъ соннаго жужжанья мухи; знаю,
 Которая раба томится жаждой,
 Которая въ бессонницѣ ревнуетъ.
 Повѣрь, я слышу, какъ огонь горитъ
 И слухомъ чувствую восходъ денницы.
 Чу!.... Ничего! То море, или вѣтеръ,
 Какой-нибудь звѣздою пробужденный,
 Опять на нѣжномъ миртѣ засыпасть.
 Ты обойди однако же гаремъ!
 Теперь я и себѣ не доверяю. — (Юсуфъ уходитъ).
 Ночь, не бѣги! Мнѣ сладокъ воздухъ твой;
 Твой мракъ и на лицѣ моемъ и въ сердцѣ;
 Но у тебя такая пропасть звѣздъ,
 А у меня—одна звѣзда; какъ уголь,
 Красна; безъ блеска, но съ лицомъ палящимъ!
 Звѣзда кровавой мести, далеко ли

До пристани? когда попутный вѣтръ
 Дыханьемъ ядовитымъ (?) вздуетъ парусъ?
 Другіе жить хотятъ, я умереть;
 Я смерть ношу съ собою въ талисманъ,
 Блаженства гроба вижу, осязаю,
 Но не могу обнять моей могилы,
 А ангеламъ Пророка рассказать
 И добрыхъ и худыхъ моихъ дѣяній
 Простую повѣсть—Эдва, Аль-Гокаръ.
 Тяжелыя неспосной жизни цѣпи
 Вы приковали къ міру Ибрагима, —
 И онъ живетъ для мести! (*вынимаетъ талисманъ*)

Другъ прекрасный,
 Безчувственно лежитъ въ твоихъ объятьяхъ
 Перлъ дорогой убійственной отравы!
 (*выпускаетъ на руку кусочки яду.*)

Вотъ онъ зерно забвенія и счастья!
 Одно мгновенье—кончены страданья!
 Къ устамъ, въ уста,—и этотъ гнусный гадъ,
 Колючками и иглами обросшій,
 Что жизнью глупый ѹмъ зоветъ,—задушенъ,
 Избитъ, растерзанъ, выброшенъ изъ трупъ!!
 И это смерть, и этого бояться!!...
 Зерно моей надежды, будетъ время
 И ты осуществишь мои желанья.
 На грудь, на грудь, спокойнѣй дышетъ сердце,
 Когда я знаю, что при мнѣ мой ангелъ...

(*прячетъ талисманъ*)
 Шумъ! Изъ серала! Ночь еще темна!
 Юсуфъ теперь далеко. Гдѣ кинжалы,
 Стальные, неподкупные друзья.
 Непостижимо! Идутъ!... Нѣтъ!..... Одинъ
 Идетъ! Сюда?! Что вижу? Это Рустенъ!...»

Рустенъ, великій визирь, пришелъ за совѣтомъ къ кызларъ-агъ Ибрагиму: онъ женится на Каянъ, но не любитъ Роксоланы, потому что ему когда-то покровительствовалъ Мустафа, сынъ Хризулы. Кызларъ-ага Ибрагимъ совѣтуетъ великому визирю за-

быть благодарность и дѣйствовать въ пользу любимой султанши. Солиманъ, передъ которымъ успѣли уже оклеветать сына, вдругъ получаетъ извѣстіе объ его прибытіи. Свиданіе отца съ сыномъ доставило автору одну изъ лучшихъ сценъ:

«СОЛН. Войди, войди!... На судъ!.. На грозный судъ!.....

Мятежный рабъ, сюда, предъ наши очи!...

МУСТАФА (*упавъ ницъ*) Отецъ...

СОЛИМАНЪ. Молчи! Нѣтъ у тебя отца!

Отецъ твой умеръ; Солиманъ живетъ,

Живстъ на казни невольникамъ мятежнымъ!

ИБРАГИМЪ (*тихо Султану*). Не время ли?

СОЛИМАНЪ. Нѣтъ, Ибрагимъ, позволь

Натѣшиться его предсмертнымъ часомъ!

Другимъ пашамъ—спурокъ, и я спокоемъ;

Я не могу презрѣнной крови видѣть;

Но въ немъ кровь Солимана, кровь Хризулы;

Чистѣйшій огонь Великаго Пророка

И смрадная вода блотной ямы....

Съ пріѣздомъ поздравляю, Мустафа!

Встань Падн-Шахъ! Тебѣ ль лежать во прахъ?

Вотъ дверь къ престолу, вотъ къ Дивану дверь,

Вотъ дверь въ гаремъ! На гордомъ кораблѣ

Ты думалъ ли, что есть другія двери

Въ рай Магомета? Янычаръ-Ага

Пошелъ туда съ мѣшкомъ въ пятнадцать тысячъ,

Что ты ему прислалъ! На небесахъ

Дешевле жить, чѣмъ въ этомъ глупомъ свѣтѣ:

Персидскимъ златомъ и Персидскимъ миромъ

Тамъ Смирнской вишней ягоды не купишь!

Ты мой, ты мой! На всѣхъ дворахъ Сераля

Ни одного не встрѣтишь Янычара!

Я сяду, отдохну! А ты помучься;

Подумай, если хочешь, о Хризулѣ,

О Персіи и о Персидскомъ мирѣ!

Помучься, другъ! Я мучился довольно. (*сидя*)

Смотри! Рабы!.. Обнажены кинжалы!

Смотри, твой другъ съ кинжалами; смотри,

Кизляръ-Ага съ кинжалами!.... (со смѣхомъ)

Ты страшень?

Ты волкъ, а мы охотники.... Молчишь?...

Коверъ ему подайте для молитвы;

Онъ съ нами говорить не хочетъ! Тише!

Священный часъ! Мы замолчимъ на время...

МУСТАФА (спокойно)

Ангелъ смерти, кончень путь!

Жизнь моя тебѣ извѣстна;

Не тревожь меня въ могилѣ!

Слава дѣлъ моихъ шумить.

Заглуши ея, мой ангелъ,

Чистой славой Солимана!

Отъ Востока до Заката,

По лицу земли широкой,

Бунчуками Солимана

Ограичь его Державу!

Ангелъ смерти, предъ Пророкомъ

Разскажи мои грѣхи!

Я забылъ, но ты припомнишь:

Въ чемъ, въ теченьи краткой жизни,

Я завѣтъ его нарушилъ.

Съ чистой совѣстью и сердцемъ,

Я безтрепетно иду

Отъ того принять кончину,

Отъ кого я принялъ жизнь.

Султанъ, твой сынъ невиненъ...

ИБРАГИМЪ (тихо Султану) Не пора ли?

(Солиманъ, безмолвный, недвижными очами задумчиво глядитъ на Мустафу)

МУСТАФА. Прощенья не прошу. Одинъ преступникъ

Прощенья просить. Не прошу пощады!

Султанъ! Отцемъ тебя не называю,

Ты запретилъ, отъ Мустафы отрекся:

За что? Не знаю. Тотъ еще невиненъ,

Кто своего не знаетъ преступленья.

Но можетъ-быть невольнo я нарушилъ

Желанія твои. Суди меня!

Позволь мнѣ оправдаться, если хочешь;

Когда не хочешь,—я въ твоихъ рукахъ.
 Но не спѣши еще ненужной казнью;
 Еще успѣешь... Я одинъ пришелъ,
 И даже мой корабль назадъ отправилъ,
 Чтобъ клеветѣ не дать напрасной пищи.
 Я здѣсь одинъ; не сыномъ Солимана,
 А какъ Османскій вождь, какъ твой паша!
 Отдавъ тебѣ отчетъ въ дѣлахъ Востока,
 Изъ рукъ твоихъ я самъ возьму шурокъ!
 Я безъ оружія. Вели повѣрить
 Мои слова.

(Солиманъ, молча, какъ-бы невольно, даетъ знакъ рукою. Капы ага обыскиваетъ Мустафу).

Теперь ты безопасенъ!

Какъ древній Солиманъ, какъ побѣдитель
 Могучей Венгрии, Морейской черни,
 Великодушнаго Родоса,—слушай!»

Тутъ Мустафа начинаетъ говорить о своихъ торжествахъ надъ Персіянами, но мы не можемъ повторять его словъ, которымъ и отецъ его конечно бы не повѣрилъ, если бъ зналъ исторію своего царствованія. Но здѣсь онъ повѣрилъ, спросивъ только—«Повѣрить ли?», и они примирились. Это примиреніе однако жъ было не продолжительно: на улицахъ, народъ провозглашалъ Мустафу султаномъ, и гибель Мустафы опять рѣшена. Онъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству,—видѣться съ Роксоланой и увѣрить ее, что онъ готовъ охранять ее, ея дѣтей и ихъ права на престолъ. Свиданіе назначено въ саду. Мустафа приходитъ въ садъ.

«РОКС. Кто здѣсь?.. МУСТАФА. Что мнѣ дѣлать?

Опасно вѣрить имя незнакомкѣ....

Но, безъ сомнѣнія, мой вѣрный Рустенъ,
 Въ согласіи съ могучимъ Ибрагимомъ —

Предупредилъ другую встрѣчу... РОК. Кто здѣсь?

МУСТАФА. Когда ты Роксолана, мать Селима

И Баязета,—я тебѣ скажу,

Кто я.... РОК. (*привставъ*) Сынъ Солимана, Мустафа!

Ты угадалъ и я тебя узнала...
 Я слышала, —ты громко упрекаешь
 Меня за мать свою. Мы помиримся.
 Садись! Скажи зачѣмъ хотѣлъ ты видѣть
 Ту женщину, которую Султанъ
 И отъ пророка и отъ бога прячетъ?...

(Луна проглядываетъ)

МУСТАФА (*сидя*). Я слышалъ, Роксолана, ты меня
 Не любишь, и тревожнаго Султана
 Смущаешь подозрѣніемъ напраснымъ
 Противъ меня; я слышалъ, ты желаешь
 Кровавыми путями довести
 Къ дѣтоубійству гордаго Султана.....
 И все изъ страха, будто Мустафа
 Твоихъ дѣтей приговорилъ къ убійству....

(Луна болѣе и болѣе освобождается отъ облаковъ).

РОКСОЛАНА. Другъ, не вини такъ скоро Роксолану.

О, юный сынъ сѣдаго Солимана,
 Ты молодъ; любишь мать свою Хризулу;
 Такъ ты враговъ ея любить не можешь!.....
 А я ей врагъ, непримиримый врагъ!
 Она мнѣ не проститъ своей обиды,
 А я себя обидѣть не позволю....
 Родитель твой неостороженъ, храбръ;
 Нѣтъ человѣка съ постояннымъ счастьемъ;
 Онъ умеръ,—ты Калифъ, твоя Хризула
 Валидѣ-Султанша... Чѣмъ-же буду я,
 Чѣмъ дѣти—все богатство Роксоланы?
 Меня, какъ раковину безъ жемчужинъ,
 Въ Эски-Серай запрячетъ твой ага;
 А сыновей задушатъ, или утопятъ!...

МУСТАФА. Не знаешь ты меня, не удивляюсь!

Не быстро ходятъ добрыя дѣла;
 А я искалъ такъ суетно по свѣту
 Прославиться сердечной добротой.
 Я не глуръ, не мягкосердый франкъ,
 Но и не звѣрь искатель свѣжей крови;
 Я жизнь люблю: такъ могъ ли я подумать,
 Что для другихъ она не столь любезна?!

Но ты мнѣ не повѣришь Роксолана!

РОКСОЛАНА (*вперивъ на него глаза, задумчиво*)

Тебѣ не вѣрить?... Богу твоему

Я меньше вѣрю; на очахъ твоихъ

Я доброту читаю съ умилениемъ.....

(*Какъ-бы невольно приподымаясь съ жаромъ*)

О, если бѣ можно предугадать судьбу;

Повѣрить неиспытанному счастью;

Остановиться на гнилой доскѣ,

И не итти впередъ на дикій островъ,

Гдѣ можетъ-быть палачъ насъ ожидаетъ!...

МУС. Что это значить? РОК. (*нѣжно*). Добрый Мустафа....

Я не стара еще; въ кипучемъ сердцѣ

Я слышу пустоту и жажду новой

Какой-то упоительной отрады....

Но ты не будешь столь великодушень.

МУС. Объ чемъ ты говоришь?... РОК. Мы, какъ враги,

Сошлись вести переговоры о мирѣ....

Зачѣмъ такъ поздно! Можетъ-быть теперь

Мы оба въ чистомъ счастья обитали бѣ,

Ты смотришь небомъ, дышишь добротой;

А я о безопасности дѣтей

Мятежнымъ сердцемъ бурно трепѣтала....

МУСТАФА. Клянусь тебѣ..... РОК. (*нѣжно и нѣжно*)

Теперь не нужны клятвы;

Вѣдь ты мнѣ также сынъ по Солиману:

Дай руку, другъ? Ты видишь, я дрожу;

Я радуюсь моей судьбѣ грядущей;

Увѣрена, что Мустафа оцѣнитъ,

Когда не красоту, то правъ и сердце...

Теперь вдвойнѣ Хризулу ненавижу.

Завистливо глаза мои глядятъ

На перлъ безцѣнный... Онъ не мой! Хризулы!..

Быть матерью твоей—ей слишкомъ мало;

Она своей враждою ядовитой

Насъ раздѣлила на другомъ пути..... (*Страстно*)

Другъ! болте ни слова о союзѣ,

О миръ нашъ болѣе ни слова!

Я не хочу ни клятвъ, ни увѣреній;

Я предаюсь тебѣ простой рабой!
Оставь меня по смерти Солимана,
Невольницей, что бѣ поливать цвѣты,
Помосты мыть въ Кіоскахъ, иль Султаншамъ
Носить шербетъ..... Но только близъ тебя!

(Закрывъ глаза плачетъ)

МУСТАФА. О Роксолана, лилія Пророка!

На этомъ сердцѣ много было ранъ,
Но рѣчь твоя прошла по нихъ цѣлбно.
И эти раны обратились въ перлы....
«Краса,—писалъ одинъ поэтъ Персидскій,—
«Не сносить крови, безобразной влаги;
«Краса всегда къ прекрасному стремится»—

РОКСОЛАНА. (*грустно*) Краса моя увяла. Солиманъ,
Какъ солнце на закатѣ, не согрѣетъ,
Не оживитъ цвѣтка, что жаждетъ утра;
А женщина—цвѣтокъ неоднодневный,
И съ каждымъ утромъ можетъ оживиться.
Другъ, ты любилъ когда нибудь?..... МУСТ. Любилъ.

РОКС. Что, это чувство сладостно, роскошно?

Вѣдь я не испытала, я не знаю,
Такъ не дивись вопросу моему.....

МУСТАФА. Несчастная! Съ такою красотой!

РОКСОЛАНА. Что наша красота? Хозяйство мужа...

Мы птицы Индіи далекой; въ клѣткѣ
Насъ приучаютъ уважать неволю;
Велятъ любить,—мы любимъ; не велятъ,—
Мы жизнь, какъ нитку медленно прядемъ,
Не ожидая лучшей перемѣны.
Нѣтъ, и для насъ въ блаженствѣ и восторгахъ
Должны быть части! Гордый человекъ
Ихъ отнялъ для себя..... Но сердце помнитъ
Объ лучшихъ наслажденіяхъ и отрадѣ.
Вотъ, близъ тебя оно сильнѣй трепещетъ!
На скатъ лѣтъ, когда на жизнь мою
Уже глядитъ задумчивая осень,
Въ душѣ моей очнулся дивный призракъ
Святаго неиспытаннаго чувства.....

МУСТАФА. Такъ, правду говорилъ почтенный Рустенъ:

Не можетъ быть, чтобъ въ перлѣ жемъ и дѣвѣ
Чувствительность не обитала.... РОКСОЛ. Нѣтъ!

Я женщина съ поверхностнымъ умомъ,
Съ безмѣрнымъ сердцемъ для любви и страсти;
Но Солиманъ не могъ насытить чувства.
Я никогда Султана не любила.....

Прости мнѣ откровенность! Сердцу больно;
Оно одно притворетвовать не можетъ...

(Съ выраженіемъ высочайшей страсти)

Ахъ! Мустафа, не смѣйся надо мной,

Что я врага такъ скоро полюбила!

Что сыну ненавистной мнѣ Хризулы

Такъ простодушно сердце обнажила....

Не презирай сердечнаго движенія!

Вѣдь женщина—цвѣтокъ: Султанъ и нищій

Его отнесетъ въ свою теплицу могутъ;

А онъ всегда румяную головку

Ведетъ за солнцемъ; вянеть и молчитъ;

А солнце на него и не посмотритъ....

Дай руку, Мустафа! Ты слышишь: слово

Внутри меня; оно неизъяснимо,

И только сердце можетъ догадаться

Объ томъ, что думаетъ другое сердце.

Ты слышишь шорохъ, стража садъ обходить.

Пойдемъ въ кіоскъ; скорѣе, ради неба,

Ты можешь погубить себя..... Пойдемъ!....»

Но они не укрылись въ кіоскъ отъ Солимана, котораго привелъ великій визирь на мѣсто свиданія. Кинжалы рабовъ султана въ груди Мустафы; бѣдная жертва серальскихъ интригъ лежитъ безъ жизни у ногъ раздраженного отца. У султана есть другіе дѣти, есть Селимъ, есть Баязетъ: имъ отдастъ онъ Истамболъ.

Но тутъ является Ибрагимъ и объявляетъ, что, —

«У Солимана

Нѣтъ болѣе дѣтей!.... СОЛИ. А черный дьяволъ!
ИБРАГИМЪ. А бѣлый звѣрь! Ты утопилъ ли жажду

Невинной, чистой кровью Мустафы?

СОЛИМАНЪ. Подайте цѣпи! для него кончину

Выдумывать я соберу диванъ....

ИБРАГИМЪ. Напрасно, Солиманъ! Въ груди широкой,

Я слышу, разгарается отравя;

Она ужъ здѣсь; я обнялъ смерть мою

Какъ мать послѣ долгаго прощанья....

Вотъ въ этотъ часъ я истинно живу!

Твой вѣрный Рустенъ, муфти, Роксолана,

Смотри, съ какимъ невыразимымъ страхомъ

Ждутъ, что скажу я. Слушай, Солиманъ.

Твой сынъ невиненъ!

СОЛИМАНЪ. (съ ужасомъ) Что! Мой сынъ невиненъ?

ИБРАГИМЪ. Невиненъ, да! По волѣ Роксоланы,

Подкупленъ муфти, Рустенъ обольщенъ,

Уговорили Мустафу итти

Въ гаремъ, чтобъ объясниться съ Роксоланой,

Увѣрить въ безопасности дѣтей,

Дать клятву, что по смерти Солимана,

Селимъ и Баязетъ и Роксолана

Не будутъ преданы на судъ Хризулы.

Я подкупилъ рабовъ отъ Роксоланы,

Чтобъ прокричали Мустафу Султаномъ.

Мы дружно шли на гибель Мустафы,

Твоимъ умомъ искусно управляли.

Ты обнажалъ свой ножъ по нашей волѣ.....

СОЛИМАНЪ. Окончишь ли?! ИБР. Пстой; еще не все!

Ты помнишь-ли Каиръ и Алъ-Гокара?

Какъ степь великъ, могущъ какъ вѣтръ пустыни,

Онъ палъ невинно отъ руки твоей!

Ты помнишь клятву?! Сгонъ прекрасной Эдвы!

Ты помнишь, какъ широкій Нилъ стоналъ,

Когда мѣшокъ съ несчастной Эдвой обнялъ!

Ты помнишь ли ребенка Ибрагима?.....

Вотъ онъ..... Смотри: вотъ онъ съ ужасной мекъ!

Ты у меня родителей похитилъ,

А я тебя лишилъ твоихъ дѣтей.....

СОЛИМАНЪ. Песъ смрадный! ИБР. (падая на колѣни)

Ахъ, еще одно мгновенье!

Отрава разливается..... О, если бъ ,
 Успѣлъ я все сказать.... Да, Солиманъ!
 Ты безъ дѣтсй! Селимъ и Баязетъ
 Весь Истамболъ противъ тебя воздвигли!
 Я нанялъ между Янычаръ надежныхъ
 По десяти убійцъ..... Ты слышишь крики?
 Еще одно мгновеньс,—ихъ не станеть!..

(шатаясь приподымается)

Великій Аль-Гокаръ, младая Эдва ,
 Я васъ отмстилъ! Торжественно отмстилъ!
 Что Солиманъ, красна моя отплата!
 Ты смерть имъ подарилъ, холодный извергъ , —
 Я жизнь тебѣ дарю! Живи! живи!
 Но безъ дѣтей, какъ кипарисъ надгробный,
 И ядовитый вѣтеръ огорченій
 Медлительно источить Солимана.....
 Желаю долголѣтія..... Прости!.... (умираетъ)

РОКСОЛАНА. (бросаясь то къ визирю, то къ муфти)

Что онъ сказалъ? Гдѣ дѣти Роксоланы? —

СОЛИМАНЪ. (схвативъ ее за руку)

Стой! Я незнаю, что начать. Рабы!

Сюда съ пожарами.....

РОКСОЛАНА (вырываясь). Гдѣ Селимъ? Пустите!

Гдѣ Баязетъ? СОЛ. Въ крови лежатъ ихъ трупы,
 Какъ эта жертва хитрости твоей!

РОКС. Спасай ихъ, Рустень! СОЛ. Рустена въ оковы!

РОКС. Спасай ихъ, муфти..... СОЛ. На мечеть Ахмета!

На правый минаретъ, на копіе!.....

(Рустена и муфти уводятъ)

РАБЪ (входитъ). Весь Истамболъ въ тревогѣ. Янычары

Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ на Атмейданъ

Селимъ съ одними; Баязетъ съ другими!

РОКС. Они еще живутъ?! СОЛ. Пускай ихъ рѣжутъ!

Они не нужны мнѣ. РОКС. Калифъ Востока!

Послѣднія Султановъ древнихъ вѣтви!

СОЛИМАНЪ. Змѣя! Я проклинаю ихъ! Довольно!

Бѣгите и скажите Янычарамъ :

Кто принесетъ мнѣ головы Селима

И Баязета, тотъ получитьъ все,
 Чего ни пожелаетъ..... РОКС. Тигръ несытый!
 Я разорву тебя.... СОЛ. Молчи, геенна!
 Я распилю тебя нилой живую,
 Кровь выпущу иголками, и ядомъ
 Велю тереть безчисленныя язвы....

РОКСОЛАНА. Безчеловѣчный! (*падаетъ безъ чувствъ*).

(Молчаніе)

СОЛ. Все кругомъ молчить!

Все это трупы Мустафы..... О горе!

Сынъ! горькій плодъ блаженства моего!

Моей судьбы алмазное кольцо!

Я самъ его съ цѣпи безумно сорвалъ...

(упавъ на трупъ сына)

Дай руку, другъ! Союзъ нашъ будетъ крѣпокъ!

Безъ слезъ я затоплю слезами міръ....

Земля застонетъ! Другъ, ты улыбнулся?

Ты просыпаешься?

(Заря занимается. За сценой слышны голоса муэззиновъ)

«Великъ Алла!»

«Великъ Алла! Нѣтъ бога, кромѣ бога,

«А Магометъ пророкъ его....»

СОЛИМАНЪ. Ты слышишь?

Къ молитвѣ призываютъ муэззины,

Смотри, заря... Мой сынъ! Пора вставать,

Пора идти въ мечеть, молиться богу....

РОКСОЛАНА (*выходя изъ безпамятства*) Гдѣ я?

СОЛИМАНЪ. Онъ спитъ безмолвенъ, недвижимъ!

РОКСОЛАНА. (*вставъ*) Гдѣ мой Селимъ, гдѣ Баязетъ?...

СОЛН. (*вставъ и схвативъ ее за руку*) Ни съ мѣста!....

Ахъ, память!!.. Онъ убитъ! Вотъ Роксолана!

Капы-ага! Подай огня...

ВТОРОЙ РАБЪ (*входитъ*). Калифъ,

На площади дерутся!

СОЛН. (*схвативъ факелъ и таща за руку Роксолану*)

Все зажгу,—

И въ это пламя брошу Роксолану.»

Таковъ ходъ «Роксоланы». Въ приведенныхъ нами отрывкахъ multa nitent, — блещитъ многое, — очень

многое. Во всѣхъ этихъ смятеніяхъ, бунтахъ, конечно нѣтъ ничего историческаго, такъ же какъ въ образъ, которымъ погибаетъ Мустафа; но мы отнюдь не ставимъ ихъ въ упрекъ поэту. Это невѣрные вымыслы, вещи довольно въ духъ Турецкаго правительства, и ни сколько не похожи на непростительно погрѣшеніе Исторіи въ странномъ рапортѣ Мустафы отцу о погашеніи Шіитскаго раскола, принятій Персіянами другой вѣры и обращеніи Шаха Исмаила въ данники Салимана, — непростительное тѣмъ болѣе, что оно даже не было нужно для интереса драмы, и что всякое другое оправданіе такъ же удобно могло примирить отца съ сыномъ на нѣсколько минутъ и безъ пользы. Но занимательность повѣсти поддерживается часто прелестными стихами и сценами, искусно введенными, къ которымъ, безъ-сомнѣнія, принадлежала бъ и та, гдѣ слабый, презрѣнный рабъ уничтожаетъ всемогущаго, всецѣльнаго султана, если бъ она была возможна въ Турціи, и когда бъ ея идея могла еще быть новою послѣ Виктора Гюгò.

Авторъ хотѣлъ повидимому показать въ этой драмѣ всю силу страстей, все могущество твердой воли и непреклонной рѣшимости. Въ такомъ случаѣ, онъ едва-ли не напрасно перенесъ дѣйствіе на Востокъ. Тамъ легче, нежели гдѣ-нибудь, могутъ случаться подобныя исторіи; тамъ онѣ обыкновенны, и потому не требуютъ большаго напряженія ни страстей, ни твердости, ни воли. Что бысдѣлалъ Ибрагимъ въ Европѣ? Пусть объ этомъ подумаетъ поэтъ, и онъ самъ сознается, что выборъ мѣста дѣйствія въ Турціи, кромѣ другихъ своихъ неудобствъ, сильно воспрепятствовалъ достиженію предположенной имъ цѣли. Мы укажемъ на небольшую повѣсть, «Песчинку», въ которой эта идея развита и полнѣе и богаче.

Около страсти мщенія, сосредоточенной въ лицѣ новаго Бюгъ-Жаргаля, скопца Ибрагима, толпятся

тысяча другихъ страстей. Драма кишить ими: это настоящій самоваръ страстей. Солиманъ, Роксолана, Мустафа, Рустенъ, Селимъ, Баязеть, Хризула — не люди, а отвлеченныя олицетворенія страстей: имъ надобно было бы придать форму человѣческую. Посмотрите пристально на Солимана: будто онъ человѣкъ! Онъ вѣшаетъ безъ нужды, и иногда даже на мечетяхъ, сажаетъ въ мѣшки и бросаетъ въ море безъ причины. Неужели авторъ полагаетъ, что въ Турціи и казнятъ и убиваютъ безъ всякой надобности? Въ Солиманѣ Г-на Н. К., надутомъ театральномъ хвастунѣ, безтолковомъ мучителѣ, лицѣ грубомъ и бранчивомъ, никто не узнаетъ Солимана историческаго, — того остроумнаго, образованнаго, мудраго, строгаго но справедливаго Солимана, котораго современники признавали однимъ изъ величайшихъ монарховъ своего вѣка, и котораго потомство почитаетъ за генія. Конечно онъ иногда былъ жестокъ въ своей справедливости, но здѣсь страсть къ крови увеличена въ немъ до невѣроятности. Для него, убить человека то же, что выпить стаканъ воды, — хотя и стакана воды нельзя выпить безъ законныхъ къ тому побужденій.

Въ драмахъ Г-на Н. К. обыкновенно нѣтъ любви: онъ не любитъ этой пружины. Въ «Роксоланѣ» однако же онъ принесъ дань роскошной страсти. Любовь показывается на минуту, на одну секунду: это яркая вспышка, которая могла произвести великолѣпный драматическій пожаръ. Роксолана утопала въ наслажденіяхъ, но не знала любви; только при свиданіи съ Мустафой, она начинаетъ знакомиться съ этимъ новымъ, прелестнымъ для нея чувствомъ. Она сбиралась быть второю Федрою, — но къ чему привелъ ее поэтъ? Къ такому поступку, котораго мы даже не смѣемъ назвать настоящимъ его пменемъ. Въ сценѣ свиданія, авторъ только успѣлъ немного облагоро-

дить, нравственно возвысить Роксолану, — и тутъ же умышленно унижаетъ, порочить, срамить свое созданіе, безъ всякой необходимости для общаго хода повѣсти.

Избави насъ Богъ быть строгими критиками: строгость ни къ чему не ведетъ въ Литературѣ, но потворство бываетъ часто гробомъ для таланта, который требуетъ еще развитія, обработки и повидимому ощущаетъ большой недостатокъ въ силѣ соображенія и искусствѣ дать своей мысли форму правильную и благоустроенную. Журналъ, въ которомъ мы пишемъ, былъ первымъ воспріемникомъ поэтической извѣстности Г-на Н. К., и поэтому имѣетъ нѣсколько права не скрывать отъ него истины, когда новые литературные подвиги молодого поэта не оправдываютъ тѣхъ выпреннихъ надеждъ, какія тотъ самый журналъ подалъ объ немъ отечественной публикѣ.

Еще одно замѣчаніе, хотя намъ очень непріятно упрекать. «Роксолана» наполнена длиннотами: онѣ растягиваютъ и охлаждаютъ общее движеніе дѣйствія. Въ первомъ актѣ, полководцы, на цѣлыхъ восьми страницахъ разговариваютъ о войнѣ, объ опустошеніи Сициліи, о мирѣ съ «псомъ Францискимъ», о Стригоніи, объ Альбѣ. Къ чему эти рассказы? Въ началѣ втораго акта толки о Персіи и посѣщеніе моельщиковъ, принадлежать также къ тѣмъ большимъ пятнамъ скуки, которыя такъ часто появляются на страницахъ Г-на Н. К. и кажутся ему разнообразіемъ. Драма выиграетъ много жизненной силы, если отсѣчь эти мертвые вѣтви. Нѣкоторыя изъ подобныхъ отступленій и вставокъ даже довольно неприличны: вспомните сцену карлъ и сцену въ саду, когда пьяный Селимъ не узнаетъ матери, принимая ее за....!... Тутъ ужъ слишкомъ много цинизма. Мы не Греки и не Римляне, и никогда не бросимъ вѣнка поэту, который выведетъ передъ насъ такого *Турку*, какъ Селимъ, и поставитъ его

въ такое положеніе! Какъ мы то же и не Италіянцы, то насъ не стоитъ подчинять и concetti, особенно такими, какіе встрѣчаются въ «Роксоланъ». Покойникъ Барбаросса,—потому что Барбаросса, который столько отличается въ этой драмѣ, умеръ въ 1546, за семь лѣтъ до эпохи, въ которую авторъ заставляетъ его дѣйствовать,—покойникъ Барбаросса говоритъ Солиману о своихъ морскихъ побѣдахъ, а султанъ отвѣчаетъ покойнику:

«Благодарю за воду, Барбаросса,
Но я желаю бы крови.....»

Въ другомъ мѣстѣ рѣченный султанъ изъясняетъ:

*Не отвѣтай, ага,
«А голова твоя въ отвѣтъ будетъ.»*

На слѣдующей страницѣ онъ опять даритъ слушателей фразою, которой позавидывалъ бы и Расиновъ Ахиллесъ:

«Я вижу пожирающее пламя
И медленно горю и не сгорю!!»

Что за языкъ! И это говоритъ старецъ, властелинъ, Солиманъ! Турки сказали бѣ ему на это, что онъ «ѣсть грязь». Самъ авторъ, кажется, остоленъ, слыша подобныя слова изъ устъ умнаго Солимана, и оттого поставилъ подлѣ нихъ два восклицательные знака—!!

Мы слышали, по поводу «Роксоланы», мнѣнія, которыя утверждали, что Восточные предметы не способны къ Европейской драмѣ. Онъ отчасти справедливы; но мы думаемъ, что талантъ, великій и сильный, вспомоществуемый основательнымъ познаніемъ Востока, въ состояніи побѣдить всѣ трудности и открыть въ немъ большія, совсѣмъ новыя драматическія средства. Величайшая трудность состоитъ въ томъ, что у мусульманъ мужчины и женщины никогда не сходятся вмѣстѣ.

Мы должны сказать что-нибудь о «Князѣ Михайлѣ

Васильевичъ Скопинъ-Шуйскомъ.» Здѣсь одинъ только характеръ, одно лице, — Ляпуновъ, который оставляетъ сцену въ самый тотъ моментъ, когда начинается историческая жизнь его. Всѣ лучшіе стихи и всѣ длинныя монологи достались на долю Ляпунова, съ явною обидою для хозяина драмы, князя Михаила Васильевича. Измѣнники зовутъ Ляпунова на разбой.

«БОЛОТНИКОВЪ. Опять задумался, Прокопъ Петровичъ!

Смотри, светло! Пора намъ въ путь-дорогу.
Вонъ сквозь деревъ проглядываютъ кровли
Богатаго села; ударимъ дружно,
Боярскій домъ поднимаемъ на коньѣ,
Разбудимъ красныхъ дѣвушекъ пожаромъ;
Поищемъ въ сундукахъ сребра и злата;
Кто съ нами, тотъ живетъ, а кто не съ нами,
Тотъ умеръ; похоронимъ по колодцамъ,
Иль въ рѣчкѣ, если рѣчка есть..... Пойдемъ,
Потышимся... ЛЯП. Я весь дрожу отъ злости,
Рука за мечъ хватается..... Разбойникъ,
Ты вѣруешь ли въ Бога, окаянный?!
На то ли ты поставленъ воеводой,
Чтобъ мать свою терзать, какъ волкъ волчину,
Да и у волка въ этомъ будетъ совѣсть!
А у тебя... Прости, мой край родимый!
Я не причастенъ бѣшенству злодѣевъ!
Я мечъ несу за правду и за Церковь,
За честь твою, святая мать моя!
И да изсохнеть эта длань, да очи
Слѣпотствуютъ до одинокой смерти,
Когда коснусь чужаго достоянья,
Или смущу спокойство мирныхъ братій!

БОЛОТН. Эхъ братъ, Прокопъ, съ тобой намъ не поладить!
Ты все несешь какую-то любовь;
Все проповѣдь поповскую читаешь.
Ты знать ведешь не лютую войну,
А бранную потѣху: потѣшайся!
Посмотримъ, какъ сведешь концы: а мы
Попржежнему займемся нашимъ дѣломъ;

Погрѣмся у сельскихъ пепелищъ
Красавицей, рублемъ, виномъ иль пивомъ....

ЛЯПУНОВЪ. Неужели послалъ тебя Димитрій
За этимъ на святую Русь?!.. БОЛОТ. Димитрій?
Да что мнѣ онъ? отецъ иль мать.... ЛЯП. О Боже!

Такъ ты не за него сражался.... БОЛОТН. Нѣтъ!

ЛЯП. И не за Церковь? БОЛ. Нѣтъ. ЛЯП. Такъ за кого же?

БОЛОТНИКОВЪ. Самъ за себя! Я мщу твоей Руси
Да, Русскіе! меня нечистымъ Туркамъ
Вы продали... Мужикъ, какъ-будто пехристь;
И выкупа бояринъ пожалѣлъ,
И обо мнѣ не справился бояринъ.
«Пусть пропадаетъ; у меня ихъ много,»
Сказалъ князь Телятевскій, — и аминь!
А я, невольникъ подлыхъ бусурмановъ,
Въ одеждѣ смрадной, на работѣ смрадной,
Гнилъ, какъ болотный червь въ прудѣ изсохшемъ,—
А Русь меня спасти не приходила.
Кто сжалился падъ участью Ивана,
Кто выкупилъ меня изъ злой неволи?
Не Русскіе, а Фряжскіе купцы.
Не на Руси я сталъ умнѣй и лучше,
Не на Руси я началъ понимать
Что значить пламень брани и пировъ
И сладость молодецкой добычи!
И я пришелъ на Русь искать пировъ
И брани и добычи молодецкой:
Давай ихъ Русь, не то ножемъ я вырву....

ЛЯПУНОВЪ. Не вырвешь, окаянный! Самъ Димитрій
Велитъ сковать злодѣя своего;
Ты царству вреденъ, вреденъ и ему...

БОЛОТНИКОВЪ. Какъ-бы не такъ? Димитрія мы знаемъ,
Вѣдь онъ изъ нашихъ... ЛЯП. Объяснись, Иванъ!

БОЛОТН. Ты знаешь-ли, что въ Польшѣ значить *нашъ*?—
Жидъ, пехристь. ЛЯП. Ну! БОЛ. Ну, твой Димитрій—
пехристь!

ЛЯПУНОВЪ (*выхвативъ мечъ*).

Вотъ мечъ, Иванъ! Ты шутишь, или нѣтъ?

БОЛОТН. Нѣтъ, не шучу; а ты простякъ, и вправду

Подумалъ, что возсталъ Святый Димитрій?
 Эхъ, братъ, Прокопъ, ты хоть и умный малый,
 А расчитать того не могъ, что если
 Кого убьютъ, такъ тотъ ужъ не воскреснетъ!
 Нѣтъ, твой Димитрій хуже насъ съ тобой:
 Ты дворянинъ, я хоть мужикъ, да Русскій;
 А твой Димитрій — просто жидъ. Я самъ
 Съ нимъ жилъ въ Венеціи; я самъ
 Съ нимъ за одно червонцы промышлялъ;
 Было намъ жудко; мы бѣжали вмѣстѣ
 И вмѣстѣ къ вамъ пожаловали въ гости.
 И что тебѣ, Димитрій или нѣтъ?

Ведь деньги тѣ же, та же власть и прибыль.....

ЛЯПУНОВЪ. Молчи, молчи! Свершилось. Я измѣнникъ!!

СУНБУЛОВЪ. Прокопъ Петровичъ, что съ тобою сталося?

БОЛОТЪ. Съ ума сошелъ! **ЛЯПЪ.** Да я ума лишился!

О, если бѣ мнѣ и памяти лишиться!

Ахъ, какъ я жилъ, какъ я печистъ и грѣшенъ!

А совѣсть, бѣдная, она ужасна!

Русь успокоилась на Царскомъ ложѣ,

Затихла буря, солнце просіяло,

И, какъ младенецъ въ колыбели, тихо

Заснула Русь отдохновеньемъ сладкимъ,

И Царь Царей пріветный взоръ послалъ

На землю Имъ любимую, и снова

На всей Руси—Господня благодать!...

Я, окаянный грѣшникъ, грѣшной думой,

Отъ дьявола наставленный, задумалъ, —

И на родной землѣ война родная!

Я братій свелъ и братій погубилъ!

Невинныхъ я повергъ подъ анаѣму,

И новобрачныхъ овдовѣть заставилъ!

Намъ патріархъ писалъ о самозванцѣ,

И мать Царица плакалась народу,

И самъ Димитрій изъ земнаго праха

Пришелъ въ Москву, истлѣнный и прекрасный,

Свидѣтельствовать правду чудесамъ,

А я, какъ-будто бы не христіанинъ,

Воздвигся за жиду!! И православныхъ

Повель врагу Христову поклониться,
 За нехрестя страдать и умереть!!
 Зачѣмъ меня не упредила совѣсть,
 Зачѣмъ болѣзнь меня не одолѣла?!

Я измѣнилъ, простите, христіане,
 Простите грѣшнику прощеньемъ братскимъ:
 Господь и вамъ долги отпуститъ ваши!

(ставъ на колѣни)

Богохранимая, святая Русь!
 Умилосердись надъ несчастнымъ сыномъ,
 Забудь, что я существовалъ на свѣтѣ,
 Прости мнѣ, Русь! прости Святая Матерь,
 Во прахѣ предъ тобой великій грѣшникъ!
 О Царство Русское, вотъ твой измѣшникъ!
 О люди Русскіе, я васъ смутилъ,
 Я васъ облилъ грѣхомъ смертельнымъ..... Стыдно!
 Я не могу глядѣть вамъ прямо въ очи!

РЯЗАНЦЫ (*толпой окружая Ляпунова*)

Прокопъ Петровичъ!—Ахъ, Прокопъ Петровичъ,
 Мы также грѣшны. — Также измѣнили....
 Мы избрали тебя, Прокопъ Петровичъ,
 Рязанскимъ воеводой. — Мы тебя
 Поставили въ отвѣтственность. — Прости насъ,
 Прости насъ, батюшка, Прокопъ Петровичъ!...

ЛЯПУНОВЪ. Сюда! Ко мнѣ! Падите на колѣни!

Со мной просите милости Господней,
 Вы все невинные меня!... Молитесь!
 Быть-можетъ Богъ смягчится. Ахъ, быть-можетъ,
 Онъ и меня помилуетъ за васъ!

РЯЗАНЦЫ. Прости, намъ Господи, Царю нашъ, Боже!

ЛЯПУНОВЪ. А я не смѣю призывать Тебя!

Смутивъ твою любимую державу,
 Обливъ отечество родною кровью,
 Молиться, грѣшный, не могу. Да будетъ
 Твоя святая воля!... **СУНБУЛ.** Чго, Иванъ,
 И на твоей щекѣ слеза повисла!

БОЛОТНИКОВЪ. (*отирая слезу*)

Вотъ выдумалъ. (*про себя*) Проклятая слеза!
 Охъ, это память о счастлиномъ дѣтствѣ,

И я былъ Русскимъ; сердцу тяжело.
Теперь не то: и вправду я разбойникъ;
Нельзя назадъ. (*грозою*) Проклятая слеза!

РЖЕВСКИЙ. Болотниковъ, лови твою слезу!

Она дороже камней самоцвѣтовъ.

То исповѣдь невольная твоя!

ЛЯПУНОВЪ. (*подходя къ Ржевскому*)

Иванъ, прости меня! Я такъ обидѣлъ,

Такъ оскорбилъ честнаго человѣка!

Будь Русскимъ такъ, какъ должно Русскимъ быть:

Какъ плѣнникъ, гордъ и добръ, когда свободенъ.

РЖЕВСКИЙ. Я гордъ и добръ во всякомъ состояннѣ.

Я не измѣнникъ. ЛЯП. Не напоминай

И не кори. Ахъ, ты еще въ веревкахъ,

Ты плѣнникомъ измѣнниковъ нечистыхъ?

(съ поспѣшностію распуская веревки)

Скорѣй, скорѣй! Пусть этотъ страшный видъ,

Не представляетъ грозной укоризны.

Скорѣй! скорѣй! И Богъ не разорвалъ

Позорныхъ узъ. О Ржевскій, ты свободенъ!

Кровь на рукъ? Позволь поцѣловать

Святую рану доблести и чести....

БОЛОТНИКОВЪ. Врагъ побори Проксена Ляпунова!

Слова его ножами сердце рѣжутъ....

ЛЯПУНОВЪ. Теперь иди, и объяви народу

Что я несу земное покаянье.

Иванъ, замолви за меня словечко!

Толпа тебѣ повѣритъ. Расскажи ей,

Какъ я люблю народъ нашъ православный,

И матушку Москву и Русь родную.

Ты раскажи, какъ я съ тобой прощался,

Какъ твердо шелъ на плаху умереть,

Какъ умеръ..... Пусть помянутъ Ляпунова

Въ молитвахъ безъ укора и презрѣнья!

РЖЕВСКИЙ. Ты сомнѣвался ли когда нибудь

Въ Господней милости, Прокопъ Петровичъ?

ЛЯПУНОВЪ. Нѣтъ, никогда! РЖЕВ. Не упадай же духомъ

И въ Царской милости не сомнѣвайся.

ЛЯПУНОВЪ. О, Ржевскій, нѣтъ! Я не простой измѣнникъ!

Царь можетъ пожалѣть моихъ Рязанцевъ,
Царь долженъ ихъ помиловать, но я —
Ужасный памятникъ его державства!
И если только плахой обойдется

Я обвиню и плаху, словно милость.

РЖЕВСКИЙ. Безъ милости, Царь быть царемъ не можетъ.

ЛЯПУНОВЪ. О добрый другъ, я не хочу надежды:

Не утѣшай меня напрасно, Ржевскій!

Наставь, повѣдай лучше, что мнѣ дѣлать.

РЖЕВСКИЙ. Скорѣй нести повинную къ Царю!

ЛЯПУНОВЪ. (*послѣ минутнаго молчанія*)

Василій, для спокойствія отчизны

Смиреніе мое границъ не знаетъ.

Несу и эту жертву пользѣ общей! (*снимая кафтанъ*)

Долой кафтанъ! Обрызганъ братней кровью,

Ты, какъ ярмо, на плечахъ Ляпунова.....

(*снимая мечъ и держа его въ рукахъ*)

Прости, мой мечъ! мой удалой товарищъ!

Ты и въ грѣхъ былъ другомъ безкорыстнымъ,

Ты, какъ жена, со мной былъ неразлученъ,

Какъ рабъ, участвовалъ въ моихъ злодѣйствахъ.

Но Богъ велѣлъ, — разорваны всѣ узы,

Мы никогда не свидимся. Прости!

Прости мой братъ! Очисться, если можешь,

И стань за Русь и за святую Церковь!

Но не въ моихъ рукахъ! Прости, мой милый,

Сердечный другъ! (*цѣлуетъ и бросаетъ его.*)

(*Снимая шлемъ*) Прости, мой шлемъ тяжелый!

Ты подавлялъ движенія разсудка,

Я расстаюсь съ тобой безъ сожалѣнья. (*Снимая обувь*)

И шагъ и босъ!..... Меня увидятъ люди,

И съ памятью преступной примирятся!

(*взявъ веревку*)

И вотъ на что мѣняю воеводство,

И гордый санъ, и власть, и серебро!

Никѣмъ исповѣданный, самъ собою,

Иду на плаху, будто-бы на пиръ!

(*надѣвъ на шею веревку*)

Теперь на смерть! Простите, христіане!

Молитесь обо мнѣ въ молитвахъ вашихъ,
И злому не поминайте!... РЯЗАНЦЫ. Всѣ съ тобой
Повинную несемъ, Прокопъ Петровичъ!
Пусть Царь казнитъ за наши преступленья,
Небесное искупимъ за земное!

БОЛОТНИКОВЪ. Прокопъ Петровичъ, погоди маленько!

ЛЯП. Прощай, разбойникъ! БОЛ. Нѣтъ, Прокопъ Петровичъ,
И я иду! Заняло больно сердце,
Охъ, эта Русь досадная!... Какъ долго
Я не хотѣлъ быть Русскимъ! Не въ терпѣжъ!
Кто въ силахъ разлюбить родную мать?
Нѣтъ, Ляпуновъ, равна измѣна наша:
Такъ на одной и той же ляжемъ плахъ!

ЛЯПУН. Скорѣй на смерть! Мечъ съ насъ измѣну сниметъ
И наши трупы Русь, какъ мать, обниметъ!!»

Въ этой сценѣ много эффекта и хорошихъ стиховъ. Какъ мы не созданы строгими критиками, то не укажемъ даже на анахронизмы, накопленные въ четырнадцатомъ выходѣ втораго акта, гдѣ авторъ подражаетъ неподражаемому Грибоедову. («Неподражаемый» значитъ — тотъ которому и подражать не должно.) Грибоедову удалась выходка противъ иностраннаго платья: онъ выкупилъ ея неумѣстность огромною суммою остротъ и ѣдкости. Послѣдователямъ его ученія противъ мнимаго Французскаго платья, которое собственно есть платье коренное Германское, а пынце платью всей образованной Европы, должно замѣтить только то, что наша старинная мужская одежда, обыкновенно называемая «Русскимъ платьемъ», заимствована предками нашими отъ Татаръ Золотой Орды. Кафтаны, ферязи, азямы, платье не-Русское, такъ же какъ фракъ, сюртукъ и шинель. Но фракъ гораздо болѣе Русскій, нежели кафтанъ: ежели мы потомки Руссовъ, Скандинавовъ и Германцевъ, — то фракъ, происходя въ прямой линіи отъ Германской и Норманской куртки, имѣетъ неоспоримое право быть и нашимъ народнымъ платьемъ. Немножко архео-

логи не мѣшаетъ и при разсужденіи о портномъ дѣлѣ, и самый ложный патріотизмъ, по мнѣнію нашему, тотъ, который цѣпляется за полы фрака, тѣмъ болѣе, что онъ происходитъ, какъ намъ кажется, единственно отъ излишней склонности къ восточной пѣгѣ, къ *кейфу*. Нѣтъ сомнѣнія, что гораздо удобнѣе пѣжиться въ Монгольскомъ кафтанѣ, чѣмъ въ Европейскомъ фракѣ, въ жилетѣ, манишкѣ, панталонахъ и съ галстукомъ на шеѣ. Что касается до «дѣвы», то какъ скоро съ ней встрѣтимся, и если она хороша собою, мы непременно подѣлуемъ у ней ручку *по-Пьемцки*, — несмотря на четырнадцатый выходъ втораго акта.

На театрѣ пятый актъ чрезвычайно хорошъ. Сцена раскаянія Екатерины Шуйской выжимаетъ сладкія слезы изъ множества прелестныхъ глазъ, которыхъ бы вѣрно не имѣли удовольствія видѣть ни поэтъ ни мы, если бѣ Ляпуновъ былъ директоромъ театровъ, — и это доказываетъ, что въ нынѣшней нашей образованности есть случаи, гдѣ фаты и покрывала были бы совсѣмъ неумѣстны. Родственное сходство этой сцены съ знаменитою сценою Франца Моора въ Шиллеровыхъ «Разбойникахъ», ни мало не повредило ея занимательности. Екатерина Шуйская, по зависти, по честолюбію, «пзвела» Скопина, и мучится раскаяніемъ:

«ЕКАТ. (одна) Вотъ адъ! Онъ здѣсь! Не за предѣломъ гроба,
 Онъ въ сердцѣ глубоко! Здѣсь адскій пламень,
 Которымъ угрожаетъ намъ Писанье!!
 Здѣсь тма кромѣшная!... О чаша, чаша!
 Не ты ль моя могила? Въ полумракѣ,
 Какъ памятникъ надгробный, ты стоишь!
 Увы, безсиленъ голосъ покаянья!
 Злодѣйство насъ отъ Неба отдаляетъ;
 Невинность думаетъ о страшномъ адѣ,
 Но съ состраданіемъ къ чужимъ мученьямъ;
 А грѣшница объ Небѣ помышляетъ,

Но безъ надежды, безъ успокоенья!
 И смерть ея торжественно страшна!
 Душа ея въ огонь облечена,
 И, сожигая тѣло, улетаетъ,
 Чтобы самой горѣть неисцѣлимо
 До страшнаго, послѣдняго Суда!

(Шумъ извнѣ усиливается)

Ахъ, какъ шумять! О няня, гдѣ ты, няня!
 Ты мышкаешь умышленно, старуха;
 Ты догадалась о моемъ грѣхѣ,
 И тайнѣ проклѣла Екатерину!...

(Входятъ Анастасія и дѣвушки съ пальцами и огнями).

Нѣтъ, вотъ она! Сюда, сюда скорѣе
 Бѣгите дѣвушки! Какъ всѣ печальны,
 Какъ блѣдны! Нѣтъ, то не живые люди....

АНАСТАСЬЯ. Не правда ли, мы скоро собрались?

ЕКАТ. Да, скоро... АНА. Гдѣ прикажешь помѣститься?

ЕКАТ. Ахъ, это вы, подруженьки?..... Садитесь!

Меня томить безсонница, хвораю;

Одной мнѣ скучно, вмѣстѣ веселѣе.

Присядемъ, красныя, шитьемъ займемся;

Авось повеселѣю.... АНАСТ. Мы потѣшимъ

Тебя голубушку. Ну, что? Садитесь!

Уставили на барыню глаза

И смотреть, какъ шальныя.... ЕКАТ. Смотрять,
 смотреть!

Подай мнѣ душегрѣю, Анастасья!

Озябла!..... АНАСТАСЬЯ. Слава Богу, ночь тепла!

ЕКАТЕРИНА. Да есть другой морозъ. Садитесь! Няня,
 Садись и ты.

(Дѣвушки выдвигаютъ скамьи на середину; становятся пальцы; садятся. Екатерина, безъ дѣла, въ серединѣ. Дѣвушки начинаютъ шить, поглядывая на Екатерину)

АНАСТ. Я рада почь сидѣть,

Не жмуря глазъ; да только ты засни!

ЕКАТ. Нѣтъ, няня, рано! АНАСТ. Что ты, мать моя!

Да этакъ ты и съ роду не ложилась!

Ужъ скоро запоетъ пѣтухъ. ЕКАТ. Стѣснитесь!

Поближе, дѣвушки! Не опасайтесь!

Все кончсн! Я не страшна ужъ болѣ! (*плачетъ*)
 АНАСТАСЬЯ. Да этакъ ты здоровіе измучишь!

Не плачь, мое дитя! Объ чемъ кручина?

ЕКАТЕРИНА. Ахъ, Анастасья, поцѣлуй меня,
 Какъ ты меня когда-то цѣловала!
 Быть-можетъ я о многомъ позабуду,
 О чемъ невольно помню..... О подруги,
 Воображайте, что меня здѣсь нѣтъ,
 И ясныхъ глазъ ко мнѣ не обращайтесь!

(закрывъ глаза, погружается въ раздумье)

АНАСТАСЬЯ. Запойте пѣсню, красныя! Быть-можетъ
 Ее уходить сонъ подъ вашу пѣсню.

ДѢВУШКИ. А что запѣть?..... Ты пачинай! — Не ладно
 На сердцѣ у меня — Ты пачинай,
 Авось и мы подтянемъ. АНАСТАСЬЯ. Начинайте!

ДѢВУШКИ. (*поютъ*) Не соловушко на вѣткѣ качается,
 И не жаворонокъ въ синеви чернѣется,
 Нѣтъ, то дятель стучитъ по дуслу порожнему,
 Созываетъ звѣря хищнаго на чужое гнѣздышко.

АНАСТАСЬЯ. (*тихо дѣвушкамъ*)
 Смотрите, призадумалась. Потише!
 Авось ее сонъ сладкій одолеетъ.....

ДѢВУШКИ. (*продолжая пѣть*)
 Ой ты дятель, дятель, и злой и завистливый!
 Самъ ты безъ гнѣздышка по бѣлу свѣту маешься:
 Такъ тебѣ чужое очи колетъ гнѣздышко... —

ЕКАТЕРИНА. Довольно! О довольно! Въ простотѣ
 Природы явственнѣе наша злоба.
 Міръ полонъ зла. Не много добрыхъ зерснъ;
 И тѣ плодотворить умѣютъ землю,
 А сердце женское для нихъ бесплодно!
 Молчать! Въ устахъ ни слово не шелохнеть!
 Онѣ хотятъ мое подслушать сердце
 И подсмотрѣть, что дѣлается въ немъ.
 Невинныя! боюсь на васъ взглянуть.
 Мнѣ стыдно будетъ встрѣтить ваши взоры....
 Подруженьки, веселую запойте!

ДѢВУШКА. Да что жъ она смотрѣть на насъ не хочетъ!

АНАСТАСЬЯ. Не ваше дѣло! Шейте, привѣчайте,
А на княгиню печего зѣвать.

ДѢВУШКИ. (*поютъ*) Какъ у нашего у ближняго сосѣда
Дѣвушка-звѣздочка проживала, —
У него жена подруженька, молодешенька,
Словно солнце ясное, красовалася;
И любилъ ее сосѣдъ, и миловалъ
Ненаглядную, какъ куколку;
И застѣла дѣвѣ на сердце
Дума тайная, дума черная:
Дай и мнѣ хозяйкой сдѣлаться,
Извести хозяйку прежнюю.....

ЕКАТЕРИНА. (*вскочивъ*)

Молчите! Кто васъ пѣснѣ научилъ?

(На улицѣ подымается большой шумъ. Дѣвушки встаютъ)

Ахъ, няня, погляди, что это значить!

Такой порой, такой ужасный шумъ!

АНАСТАСЬЯ. (*протирая глаза*)

Я было придремнула, мать моя!

Постой, я сбѣгаю и разузнаю. (*уходитъ*)

(Шумъ болѣе и болѣе усиливается. Екатерина, хватая дѣвушекъ за руки, произноситъ):

ЕКАТЕРИНА. Тѣснѣй! Дружнѣй! Кругомъ меня; кругомъ!

Сестрицы, ближе, ближе, ближе, ближе!

Ударьте пѣснь, чтобъ ничего не слышать!..

ГОЛОСА *за сценой*. Давайте намъ убійцу Михаила!

Давайте чародѣйку Катерину!!

ЕКАТЕРИНА. Опъ не смолчалъ! Онъ все открылъ пароду!

О, заглушите пѣснѣю громовой,

Веселой, свадебной пль погребальной!!

Мнѣ все одно..... Подруженьки, кричите!

ДѢВУШКИ. (*протяжно поютъ*) ЕКАТЕРИНА. (*сжавъ руки и поднявъ очи къ небу*)

Во заглохшемъ полѣ, подъ Царю мой, Боже, милостивый
Боже!

плакучей ивою, Будь милосердъ и къ грѣш-
ницѣ несчастной;

Безъ могилы гробъ стоялъ, Спаси меня отъ ярости на-
родной;

Не выдай на съѣденье псамъ
гробъ стоялъ незапер- голоднымъ.

	Минуетъ буря, — въ мона-
	стырь пойду!
тый;	Отдамъ мои богатства въ
	пользу нищихъ;
	Во всѣхъ соборахъ отслу-
	жу молебенъ;
Мертвеца въ немъ не было,	Жизнь поведу затворницей;
	не постъ,
	А тяжкій голодъ, жажду, на-
	ложу
тотъ мертвецъ погуливалъ	На тѣло грѣшное Екатерины;
	Сама себя ужасно истязая,
	Но только казнъ земную от-
	ложи!
По полю заглохшему, подъ	Дай мнѣ покаяться, по-край-
	ней-мѣрь,
	И бѣшенству народному не
плакучей ивою.....	не выдай!!...»

Удачный выборъ музыки изъ народныхъ мотивовъ много содѣйствуетъ при представленіи успѣху этой сцены, которая едва-ли не лучшая во всей драмѣ. Въ концѣ, Ляпуновъ приходитъ къ Екатеринѣ, и заставляетъ ее выпить ядъ. У Шиллера, Карлъ Мооръ является передъ Францомъ какъ ангелъ казни; но Карлъ знаетъ Франца, — онъ былъ связанъ съ братомъ цѣлымъ рядомъ бѣдствій, — а Ляпуновъ никогда не видывалъ Екатерины, и не имѣетъ ни какого права мстить ей: его мщеніе — простое убійство, въ которомъ уже нѣтъ Шиллеровскаго драматическаго интереса. Ляпуновъ, въ пятomъ актѣ, принадлежитъ къ числу людей, которые въ Италіи называются *Bravi*.

Лордъ Байронъ всегда говаривалъ, что драма, писанная для сцены, не должна имѣть болѣе полторы тысячи стиховъ.

МАРТЪ, 1835.

НОВЫЯ КНИГИ.

=

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ. *СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-8., стр. 79.*

Уже вторыя стихотворенія попадаютъ намъ подъ этимъ таинственнымъ заглавіемъ. Судя по ихъ эпиграфу, они должны принадлежать тому же автору, котораго одно «Собраніе Стихотвореній» съ удовольствіемъ отмѣтили мы въ пятой книжкѣ Б. для Ч. Новое собраніе заключаетъ въ себѣ четырнадцать пьесъ, не длинныхъ и премилыхъ. Всѣ онѣ исполнены трогательныхъ семейныхъ воспоминаній, дышатъ чувствомъ и нѣжною тоскою. Многія изъ нихъ прелестны. Для удовольствія нашихъ читателей, — потому что и новое собраніе, кажется, не предназначено къ продажѣ, — мы желали бъ выписать здѣсь большую часть этихъ стихотвореній, но должны ограничиться двумя или тремя кратчайшими. Къ числу кратчайшихъ принадлежитъ одно подъ заглавіемъ «Сиротка».

«Сиротка, поздною порою,
Чего здѣсь ищешь ты?
Ужъ солнце скрылось за горой:
Иди домой,
До темноты.

Сиротка, голову склоня,
Мнѣ молвила въ отвѣтъ:
«Привычна мрачность для меня!
Средь бѣлы дня
Мнѣ темень свѣтъ.

Какъ разъяренною грозой,
Какъ мракомъ тучь,
Задержнутъ, будто пленой,
Моей тоской,
Мнѣ солнца лучь.

И дома мнѣ отрады нѣтъ:
 Такъ пусто тамъ!
 Увы, такъ пусть мнѣ цѣлый свѣтъ!
 И слезки не найду въ отвѣтъ —
 Моимъ слезамъ.»

— Зачѣмъ отрады не ищешь ты
 Средь дня твоимъ бѣдамъ?
 Полна природа красоты,
 И солнце свѣтитъ съ высоты,
 Какъ радость, намъ. —

«Нѣтъ, тягостенъ мнѣ солнца свѣтъ,
 И радость дня;
 Убить тоской мой жизни цвѣтъ.
 Но имъ, какъ-будто дѣла нѣтъ
 Ужъ до меня.

А ночь, какъ жизнь моя, мрачна:
 Мнѣ сродно съ ней;
 Какъ сердцу свѣтитъ старина,
 Звѣздами свѣтитъ такъ она
 Тоскѣ моей.

Луна сводъ неба серебрить
 Сквозь темныхъ тучъ:
 Не солнцемъ пламеннымъ горить, —
 Но какъ надежда говорить
 Ея мнѣ лучъ.»

«Плавающая вѣтка» выражаетъ также мысль тонкую и
 пѣлнительную:

«Что ты, вѣтка бѣдная,
 Ты куда плывешь?
 Берегись, — сердитое
 Море, — пропадешь!

Ужъ тебѣ не справиться
 Съ бурною волной,
 Какъ сироткѣ горькому
 Съ хитростью людской.

Одолѣетъ лютая,
 Какъ ты ни трудись;
 Далеко умчить тебя, —
 Вѣтка, берегись!

«Для чего беречься мнѣ?»

Вѣтки быль отвѣтъ.

«Я уже изсохшая,

Во мнѣ жизни нѣтъ.

Отъ роднаго дерева

Вѣтеръ оторвалъ:

Пусть теперь несеть меня,

Куда хочеть, валь.

Я и не противлюся:

Мнѣ чего искать?

Ужъ съ роднымъ мнѣ деревомъ —

Не сроснись опять!»

Мы рѣшились продолжать выпски. Вотъ еще нѣсколь-
ко строкъ изъ «Рыбака»:

«Волна шумитъ, волна бушуетъ,

И съ пѣною о берегъ бьетъ;

На берегу сидитъ, тоскуетъ

Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

Грозой челнокъ его разбило.

Напрасны были всѣ труды;

Погибъ, но бѣлое вѣтрило

Еще мелькаетъ изъ воды:

То погрузится, то всплываетъ,

Какъ-бы прощаясь съ рыбакомъ!....

Такъ пламень жизни догораетъ,

Съ весной, въ страдалецъ молодомъ.

—О мой челнокъ, прости! пропало

Съ тобою то, что льстило мнѣ.

Съ какой отвагой я, бывало,

Съ тобой носился по волнѣ!

Какъ ты летѣлъ рулю послушный,

Какъ быстро волны разсѣкалъ!

Съ какою рѣзвостью воздушной

Твой выпелъ подъ небомъ игралъ!

Мы навсегда съ тобой разстались.

Съ весны, бывало, до зпмы,

Веселой пѣсней оглашались

Моей прибрежные холмы.

И я умолкъ. Прости, надеждѣ

И пѣснямъ я, — прости, сказалъ.

А море то же какъ и прежде!
Передо мной призывный валъ. —

Волна шумить, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

—Завестъ могу челнокъ я новой,
Вѣтрило новое достать,
И вопреки судьбъ суровой
Пуститься по морю опять;
Но будетъ ужъ не то вѣтрило,
Не тотъ челнокъ, и съ ними мнѣ
Не будетъ ужъ, какъ прежде было,
Отрадно плавать по волнѣ. —

О, если въ юности мятежной
Измѣнять счастье и любовь,
Ужъ никогда къ нимъ вѣрой прежней
Не озарится сердце вновь!
Быть-можетъ счастье пожалѣетъ,
Опять отдастъ, что отнято,
И новая любовь повѣстъ,—
Но будетъ все уже не то!... »

«Гробъ младенца» и «Розы» наперерывъ просятъ въ гости къ нашимъ читателямъ. Обращеніе поэта къ матери, плачущей надъ гробомъ малютки, убраннаго цвѣтами, глубоко проникаетъ въ душу. Мы предпочтемъ «Розы», потому что онѣ не столь грустны.

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы,
Въ моемъ саду, какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я лелеялъ младость
Монхъ цвѣтовъ заветныхъ, дорогихъ;
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ міръ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная какъ ангелъ красоты:
Вѣнка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ заветные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цветы еще казались
 На радостномъ челѣ краснѣе, свѣжѣй :
 Какъ хорошо, какъ мило соплетались
 Съ душистою волной каштановыхъ кудрей !

И за одно онѣ цвѣли съ дѣвицей.
 Среди подругъ, средѣ плясокъ и пировъ,
 Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей,
 Вокругъ ея вились и радость и любовь.

Въ ея очахъ веселье, жизни пламень ;
 Ей счастье долгое сулило, казалось, рокъ.
 И гдѣ жъ она?.... Въ погостѣ бѣлый камень,
 На камнѣ — розъ монхъ завянувшій вѣнокъ.»

«Вечеръ» одна изъ лучшихъ пьесъ и не слишкомъ длинна, но уже само мѣсто не позволяетъ намъ грабительство-вать далѣе въ безымянномъ собраніи. Заклучимъ выпискою нѣсколькихъ прелестныхъ стиховъ изъ статьи — *Una fra tante*:

«Есть много звѣздъ на небѣ ясномъ,
 И любо намъ смотрѣть на прелесть ихъ,
 Но въ хороводѣ ихъ прекрасномъ,
 Одна звѣзда свѣтлѣе всѣхъ другихъ, —
 И къ той звѣздѣ нашъ взоръ всегда стремится,
 И первую ее всегда находятъ онѣ:
 Къ другимъ уже онѣ послѣ обратятся,
 Но къ ней опять невольно притягивень.
 Есть и въ душѣ, есть много думъ прекрасныхъ, —
 О, много думъ! — заветныхъ и родныхъ, —
 И горькихъ думъ, — и думъ веселыхъ, ясныхъ, —
 Но дума есть одна заветнѣе другихъ:
 И съ думой той живемъ мы неразлучно,
 И въ часъ унынія, и въ утѣшенія часъ;
 Съ ней радость веселѣй, не такъ и горе скучно,
 И въ думѣ той вселенная для насъ!»

Только послѣдніе стихи пьесы объясняютъ, что это за дума, которая заветнѣе и лучше всѣхъ другихъ думъ у автора. Это — «жизни и радостей подруга молодая».

Борисъ Годуновъ. *Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ*. М. Лобанова. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-8., стр. 110.

Разговоръ дѣйствующихъ лицъ веденъ въ этомъ трагическомъ произведеніи съ необыкновеннымъ искусствомъ.

МАРІЯ.

Государь, какъ долго
Ты насъ лишалъ присутствія твоего.

КСЕНІЯ.

Родитель милый, ты мой утѣшитель!
Безвѣстная тоска мнѣ въ грудь запала;
Съ твоимъ приходомъ легче стало сердцу.
Но.... не привнесъ ты радости обычной,
Не веселья ты. О, что жъ тебя тревожитъ?

ГОДУНОВЪ.

(молчитъ).

КСЕНІЯ.

Не отвѣчаешь ты на голосъ мой!
Какое жъ бѣдствіе?... Какое жъ горе?

ГОДУНОВЪ.

(молчитъ).

КСЕНІЯ.

О если бъ я могла тебя споконть,
И радость возвратить!

ГОДУНОВЪ. (говоритъ).

Не возвратимъ пской,

И радость мнѣ невозвратима.

МЫ.

(молчимъ).

Лагарпъ сказалъ-бы — Voilà un dialogue bien courré! Мы
уже никогда не возвратимся къ этому сочиненію.

Маякъ, трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Е.
Гувальда. Переводъ Александра Носкова. Москва, въ тип.
Семена, 1835, въ-8., стр. 99.

До выхода «Маяка», у насъ было плохихъ трагедій 119,
со включеніемъ и той, которой мы никакъ не назовемъ по за-
главію. Теперь ихъ ровно 120. «Маякъ», какъ созданіе,
плаксивъ, сантименталенъ, невѣроятенъ. «Маякъ», какъ пе-
реводъ.... Г. Александръ Носковъ прекрасно сдѣлалъ, что
такъ перевелъ его: какова трагедія, таковъ и переводъ.
Плохія трагедіи должно всегда переводить какъ-можно хуже:
это — коренное правило искусства хорошихъ переводовъ.
Мы не приведемъ ничего изъ «Маяка», — потому что не-
льзя жъ приводить такихъ стиховъ, какъ напримѣръ слѣ-
дующіе!

«Тише, псь! не разбудите!
 Тише море ты волнуйся,
 Тише добрый вѣтеръ дуй!
 Видите ль? она со мною,
 Но еще не пробудилась;
 Своимъ глубокимъ, крѣпкимъ спать.
 Спн, мой другъ! она устала;
 Да и рано ей вставать!
 Странно! кажется, давно ужъ
 Какъ ее я не видалъ...
 Какъ блѣдна ты, другъ мой милый!
 Да и волосы густые
 Будто смочены слезами!
 Что съ тобою приключилось?
 Или только сновидѣнье
 Твой нарушило покой?
 Чтобъ ни видѣла теперь ты,
 Но ужъ вѣрно не худое;
 Какъ младенецъ ты чиста
 Непорочною душою.
 Развѣ пѣсню ей не спѣть ли?
 Нѣтъ, пойду, нарву цвѣтовъ,
 И ея украсу ложе,
 Чтобъ пріятнѣй ей спалось.
 Добрый вѣтеръ будь при ней,
 Стереги мою Матильду!»

СТИХОТВОРЕНІЯ Михаила Меркли. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-8., стр. 108.

Г. Михаилъ Меркли, судя по этимъ стихотвореніямъ, долженъ быть самый несчастливый человекъ въ мірѣ. Онъ несчастливъ въ любви, несчастливъ въ пріятеляхъ, несчастливъ въ стихахъ, — во всемъ несчастливъ. Сперва Г. Михаилъ Меркли плачетъ, — плачетъ горькими слезами.... Потомъ ругается:

«Тѣснится глупая толпа,
 Шумятъ безсмысленные люди!
 Какъ камень холодны ихъ груди,
 Въ ихъ сердцахъ мракъ и пустота!»

Онъ такъ бранитъ всѣхъ людей, которые имѣютъ еще идеалы. Г. Михаилъ Меркли совершенно разочарованъ на счетъ людей.

1. Арфа златострунная, или Пѣсенникъ, заключающій въ себѣ пѣсни престопаходныя, баллады историческія, казацкія, разбойничьи, старинныя, свадебныя, хороходныя, новѣйшіе романы и пѣсни. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 120 и VII.

2. Избранный пѣсенникъ, содержащій въ себѣ собраніе отборныхъ употребительныхъ всякаго рода пѣсенъ. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-16., стр. 122 и V.

Какая смѣсь авторовъ, временъ и родовъ поэзіи! Тутъ Пушкинъ, тамъ Языковъ, здѣсь Мерзляковъ, а возмъ ннхъ вирши, — и такія вирши, что ихъ не вдругъ напишетъ самый злой пѣта. Текстъ обезображенъ перемѣнами и вставками. Но все это идетъ, «сходитъ», покупается, продается, — припѣваючи. Эти пѣсенники—одна изъ тысячи одной бѣдъ нашей Словесности! И только тѣмъ споснѣ другихъ нашихъ литературныхъ бѣдъ, что, купивъ себѣ такую бѣду, ее можно пропѣть всю съ начала до конца.

Насъкы Украинскы Казкы, Запорозця Иська Матырынкы. Москва, въ тип. Университетской, року 1835, въ-16., стр. XX и 47.

Длинная Малороссійская поэма, — съ предлиннымъ Малороссійскимъ предисловіемъ!

На все е, певно, Божя воля!

Миргородъ. Повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Н. Гоголя. СП.-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 224 — 215.

Вотъ это совсѣмъ другое дѣло! Тутъ нѣтъ ни Всеобщей Исторіи, ни Изящныхъ Художествъ, — есть только сказки, и Г. Н. Гоголь, у котораго мы уже въ прошломъ мѣсяцѣ замѣтили особенное дарованіе рассказывать шуточныя исторіи, является повѣствователемъ занимательнымъ, умнымъ, оригинальнымъ. Малороссійская повѣсть—настоящая его сфера. Эти два тома читаются легко и приятно.

Въ «Миргородѣ» четыре повѣсти. Лучшая изъ нихъ — Та-
«расъ Бульба». Въ ней очень живо нарисована картина Запо-
рожской Сѣчи и Казацкаго удалства. Изображеніе материн-
ской любви замѣчательно по вѣрности и простотѣ красокъ:

«При видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ Бульбѣ вдругъ
вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать
на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упря-
мая воля.

«Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему сыну,
котораго называлъ Товкачемъ, потому, что тотъ дѣйствительно похожъ
былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ рав-
нодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, разищая (?) своею саблей,
какъ-будто-бы мѣсилъ тѣсто, (или) какъ кулачный боецъ, прочищающій
себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобъ оставаться ему въ
хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ
этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія тѣмъ,
которымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшени-
цею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ Чортомъ.

—Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что
Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постели. Мы
будемъ спать на дворѣ.

«Ночь еще только-что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано.
Онъ развалился на ковръ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что
ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ
укрыться теплѣе, когда былъ дома. Онъ скорѣ захрапѣлъ, и за нимъ
послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его (?) углахъ,
храпѣло и запыло: прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе
всѣхъ напился для пріѣзда паничей. Одна бѣдная мать не спала. Она
приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ.
Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно осклоченныя куд-
ри, и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми
чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе, и не могла наглядѣться.
Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣла
ихъ, — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! «Сыны мои,
милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ! хоть бы недѣлку мнѣ по-
глядѣть на васъ!» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣ-
нившихъ ея когда то прекрасное лице. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка,
какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовію,
только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже
суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для
бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два три дня, и потомъ нѣсколь-
ко лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда

они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побой; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ соборнѣхъ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нее, берутъ для того, чтобы (ей) не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ, можетъ-быть при первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежать брошенные тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, и за каждый кусочикъ которыхъ, за каждую каплю крови, она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начинать уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ! Можетъ-быть онъ задумалъ отъ того такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.

«Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ, и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхнія листья вербъ начали лепетать и мало-по-малу лепечущая струя спустилась понижъ до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена, и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ-можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ. Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

—Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ Стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣте, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великой лежитъ!

«Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между-тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ, и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Барсуки вдругъ преобразились: на нихъ явились вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные съ серебряными подковами, шаровары шириною въ Черное Море, съ тысячею складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинныя ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные Турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля бря-

кала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшіе, казались, похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ то ярче отбѣливали бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараными шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

—Ну, сыны, все готово! нѣчего мѣшкать! произнесъ наконецъ Бульба. Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ пристѣсть.

«Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

—Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! сказалъ Бульба. Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь *рыцарскую*, чтобы стояли всегда за Вѣру Христову, а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ.—

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. — Пусть хранятъ васъ.... Божья Матерь!.... не забываютъ, сынки, мать вашу.....—Далѣе она не могла продолжать.

—Ну пойдемъ, дѣти! сказалъ Бульба. — У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати пудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ. Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она припнулась къ сѣдлу его, и съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она со всею легкостью дикой козы, несообразною ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь, и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною безчувственною горячіюстію. Ее опять увели.»

Такія же страницы, въ которыхъ проглядываетъ неподдѣльное чувство, встрѣчаются и во второй повѣсти, «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Во второй части, ихъ нѣтъ. Тамъ авторъ помѣстилъ старую свою повѣсть, «О томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанную въ Новоселѣ, и еще другую, «Вій», взятую изъ народнаго преданія. О первой изъ нихъ мы всегда были того мнѣнія, что она очень грязна. Въ «Вій» нѣтъ ни конца, ни начала, ни пидея, — нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ страшныхъ, невѣроятныхъ сценъ. Тотъ, кто списы-

васть народное преданіе для повѣсти, долженъ еще придать ему смыслъ: тогда только оно сдѣлается произведеніемъ изящнымъ. Вѣроятно, что у Малороссіянъ, Вій есть какой-нибудь мифъ, по значеніе этого мифа не разгадано въ повѣсти.

Три повѣсти. *Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-12., стр. 318.*

Мы прочитали эти 318 страницъ, — но, право, ничего изъ нихъ не помнимъ! Помнится, что онѣ печатаны довольно мелкимъ шрифтомъ..... Перейдемъ къ Наталіи.

НАТАЛІЯ. *Сочиненіе госпожи ***. Изданіе Сальванди. Перевелъ съ Французскаго Александръ Шубяковъ. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 396.*

«Наталію» долго приписывали самому Сальванди. Но необыкновенная легкость слога, непрерывный анализъ самыхъ скрытныхъ женскихъ ощущеній, чувствительность особеннаго рода и чисто женская, — все показываетъ, что этотъ романъ вылился изъ подъ пера женщины, несчастной въ любви, еще несчастнѣйшей въ супружествѣ. Сочинительница не скрывается съ тѣмъ, что она женщина: она изобличаетъ полъ свой почти на каждой страницѣ милою, розовою, непринужденною болтливостью, къ которой мужчины не способны, несмотря на то, что между мужчинами есть много настоящихъ бабъ. Даже и тогда, когда дѣло идетъ о какой-нибудь рѣшительной минутѣ для Наталіи, сочинительница не забываетъ описать ея прическу, платье, шарфъ и перчатки. Мужчина, въ рѣшительную минуту, все это бы измѣлъ, перепортилъ, сорвалъ бы съ Наталіи и кинулъ въ сторону. Если Сальванди и поправлялъ романъ, то въ этомъ отношеніи ужъ вѣрно онъ ничего не поправилъ.

Въ прошломъ году, читали мы въ Петербургскихъ журналахъ отрывки изъ «Наталіи», переведенные дамою, и читали съ удовольствіемъ, потому что переводъ былъ такъ же легко и мило написанъ, какъ и подлинникъ. Г. Шубяковъ не подражалъ ея любезному примѣру: онъ счелъ любезнѣйшимъ привести «Наталію» приказнымъ слогомъ, а посему, въ таковомъ его переводѣ, сія «Наталія» кажется со всѣмъ

не похожею на *оное* прелестное созданіе, и въ слѣдствіе сего можетъ надѣяться на успѣхъ только между понытчиками.

1. Повѣсти для дѣтей отъ пяти до десяти лѣтъ. *Сочиненіе Г-жи Генневиль. Переводъ съ Французскаго. Съ картинками. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-16., стр. 102.*

2. СБОРАНІЕ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ ПОВѢСТЕЙ. *Сочиненіе Беркеня, Кампе, Гизо и Г-жи Зонтагъ. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Пономарева, 1835 въ-16., стр. 29.*

Сочиненія двухъ извѣстныхъ писателей и двухъ извѣстныхъ писательницъ умѣщены на двадцати девяти страницахъ въ шестнадцатую долю листа! Это сдѣлано съ большимъ умѣніемъ. Для краткости, почти вездѣ выпущенъ смыслъ.

КАДЕТСКІЕ БИВУАКИ. *Театральное представленіе, въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Б. Федорова. СП.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи. 1835, въ-16. стр. 49.*

СТРАСТЬ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ. *Комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе Скриба. Перевелъ съ Французскаго Василій Горскій. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-8, стр. 85.*

Скрибъ ловко пользуется всеми Парижскими обстоятельствами, литературными, политическими, общественными; всѣ сплетни выводитъ на сцену, всѣ глупости перелагаетъ, въ куплеты, и водевили его живутъ славно, не долго, — не долѣ сплетней и глупостей, служившихъ имъ основаніемъ и источникомъ, — но живутъ. Страсть провинціальнаго дворянства къ почестямъ и мѣстамъ при прежнемъ Французскомъ правительствѣ подала ему идею написать маленькую комедію съ куплетами, въ которой притязанія тогдашнихъ роялистовъ выставлены въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ. Парижане поняли шутку, смѣялись вмѣстѣ съ водевилемъ надъ страстью ихъ къ должностямъ, и, съ перемѣною обстоятельствъ, забыли объ нихъ, о шуткѣ и о водевилѣ. Но Г. Горскій не

забылъ ничего этого: онъ переводитъ теперь оставленный обстоятельствомъ водевиль Скриба. Въ этомъ его власть! Переводъ не хорошъ, а куплеты — увь.

1. Тетрадь Русской Грамматики для Рускихъ, составленная по порученію начальства и напечатанная по Высочайшему соизволенію. СП-бургъ, 1835, въ-8., стр. 174.

2. Краткая Руская Грамматика съ уроками для практическихъ упражненій, изданная А. Ивановымъ. СП-бургъ, въ тип. Бенкена и Лышкина, 1834 въ-8., стр. 105.

3. Уроки для практическихъ упражненій въ Русской Грамматикѣ. СП-бургъ, въ тип. Бенкена и Лышкина, 1834, въ-8., стр. 42.

При первой изъ этихъ книгъ напечатано нѣсколько страницъ похвалъ отъ разныхъ ученыхъ и педагоговъ. Если бы случилась невозможность достать Грамматики Греча, то мы бы стали учить по второй.

Г. Половцевъ утверждаетъ, что въ словахъ бытіе, знакомые, родина, — по два ударенія!

Русско-Французскій Словарь, въ которомъ Русскія слова расположены по происхожденію; или Этимологическій Лексиконъ Русскаго языка, удостоенный Императорскою Академіею Наукъ полной преміи Демидова. Составленный Филиппомъ Рейфомъ, сочинителемъ «Русской Грамматики для иностранцевъ» и переводчикомъ «Пространной Русской Грамматики Н. И. Греча.» Томъ первый. А — О. СП-бургъ, 1835, въ тип. Греча, въ-8., стр. XVI, LIX и 648.

Г. Рейфъ даритъ нашъ отечественный языкъ самымъ пужнымъ и самымъ полезнымъ пособіемъ. При составленіи его требовалось столько постоянного труда, столько терпѣнія, столько мелочныхъ справокъ и соображеній, что на произведеніе Г. Рейфа можно смотрѣть какъ на вещь удивительную.

По одному первому тому нельзя еще судить о общемъ достоинствѣ «Этимологическаго Лексикона», ни говорить

объ его полнотѣ. Но изъ перваго тома уже видно, что Г. Рейфъ долго занимался предметомъ; что ему известны труды его предшественниковъ, Русскихъ этимологовъ; что онъ перебралъ много книгъ, выписывалъ и занималъ изъ нихъ все, что казалось ему пужнымъ для лексикона. Какъ компилляція, книга его превосходна; но едва-ли подвинетъ она Русскую этимологию впередъ: мы опасаемся даже, чтобы она не запутала ея еще хуже. Самая слабая сторона этого огромнаго и мучительнаго труда—сближеніе Русскихъ словъ съ иностранными. Языкъ Славянскій безъ всякаго сомнѣнія одинъ изъ коренныхъ, туземныхъ языковъ Европы: Русскій только одна изъ формъ этого языка. Чтобы отыскать источники Славянскихъ и Русскихъ словъ, авторъ призывалъ въ помощь всѣ языки, —и такіе даже, которые не имѣютъ ни малѣйшей этимологической связи съ Европейскими, напримѣръ Турецкій, Еврейскій и Арабскій. Въ эту погрѣшность впадаютъ всѣ корнесловы, которые ищутъ сходныхъ звуковъ по словарямъ, не изучивъ напередъ большаго числа языковъ западныхъ и восточныхъ и не проникнувшись ихъ духомъ. Правда, что всѣ языки составились изъ смѣси множества древнѣйшихъ языковъ, принадлежащихъ разнороднымъ поколѣніямъ, которыя вошли въ составъ нынѣшнихъ народовъ; но само собою разумѣется, что въ этой смѣси должны находиться только слова изъ языковъ тѣхъ племенъ, которыя когда-нибудь были въ соприкосновенности между собою, и которыхъ поколѣнія могли переходить изъ одного народа въ другой. Поэтому, историческія вѣроятности должны быть первымъ основаніемъ всякаго этимологическаго производства. Ни какія историческія данныя не заставляютъ насъ думать, чтобы первобытныя Европейскія племена были когда-нибудь въ связи, войнѣ или сообщеніи, съ первобытными Патагонцами: слѣдственно, если какое-нибудь слово составлено изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ въ языкахъ Европейскихъ и въ языкахъ Американскихъ Индѣйцевъ, это простой случай, а не признакъ родства или тождественности. Можно ли предположить, чтобы Арабскія поколѣнія древняго міра нѣкогда проникали въ самый центръ древней Европы и сливались съ первобытнымъ ея населеніемъ? Конечно, нельзя. И такъ, по одному этому соображенію, не зная да-

же того, сколько духъ Арабскихъ, или Семитическихъ, языковъ противенъ духу Европейскихъ, осторожный этимологъ исключить языки Арабскаго корня, Еврейскій, Арабскій, Сирійскій, Халдейскій и Финикійскій, изъ числа источниковъ всякаго Европейскаго языка. Этимологъ прежде всего долженъ предложить себѣ вопросъ — какія были коренныя племена средней и южной Европы, и какія Азіятскія покровія могли присоединиться къ нимъ при образованіи повѣйшихъ народовъ? Коренныя племена были — Греко-Латинское, Германское, Славянское и Гальское. Слѣдственно, и коренныя Европейскіе языки должны быть смѣсь, густая, плотная, химическая, словъ Греко-Латинскихъ, Германскихъ, Славянскихъ и Гальскихъ. Которому изъ языковъ четырехъ племенъ первоначально принадлежало такое-то слово, этого рѣшить невозможно: довольно того, что оно находится въ трехъ или во всѣхъ четырехъ этихъ языкахъ, — и слѣдовательно оно коренное Европейское слово, оно слово общаго Европейскаго языка, Греко-Латинско-Славяно-Германскаго, обогащеннаго еще значительною примѣсью языка Гальскаго, который, по своимъ особеннымъ формамъ, не весь вошелъ въ это однородное лексикографическое семейство. Основаніе (*fond*) каждаго новѣйшаго собственно Европейскаго языка состоитъ, поэтому, изъ словъ общихъ, равномерно принадлежащихъ всѣмъ тремъ племенамъ, всѣмъ тремъ первоначальнымъ языкамъ, Греко-Латинскому, Германскому и Славянскому, и въ известной степени четвертому, Гальскому. Всѣ слова этого основанія должны находиться, въ первобытномъ смыслѣ или подъ разными видоизмѣненіями, въ нарѣчіяхъ языковъ по-крайней-мѣрѣ этихъ трехъ первыхъ племенъ, если не всѣхъ четырехъ. Такъ, слово *око* сохранило первобытный смыслъ и почти одинаковую форму во всѣхъ нарѣчіяхъ Греко-Латинскихъ, Германскихъ и Славянскихъ; такъ слово *пусть*, *pes*, *pus*, *podos* (пога), въ Германскихъ языкахъ удерживаетъ еще общій первобытный смыслъ, *fuss*, *foot*, *футъ*, а въ Славянскихъ означаетъ уже другой предметъ, *путь*, дорогу, связанный логически съ первобытнымъ смысломъ слова.

Послѣ общаго основанія (*fond*) четырехъ Европейскихъ языковъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на большіе приливы къ

нимъ языковъ иноплеменныхъ, древнѣе и позднѣйшіе. Приливы древнѣе относятся равномѣрно къ цѣлой массѣ четырехъ языковъ; приливы позднѣйшіе только къ языкамъ родившимся отъ этихъ четырехъ. Съ кѣмъ общее Европейское племя было въ тѣсномъ соприкосновеніи въ первое время образованія народовъ? Съ поколѣніями Перскаго колѣна. Греки граничили съ ними въ Азіи, и разныя Перскія поколѣнія переходили въ Европу, жили на западномъ берегу Чернаго моря, постоянно втекали большими массами въ туземное Европейское племя. Перскими поколѣніями называемъ мы народы, говорившіе языками старымъ Перскимъ, Парѣскимъ, Пеглійскимъ, Курдскимъ, Иранскимъ, и прочая, къ которымъ принадлежитъ и Санскритскій, отброшенный временемъ далеко на востокъ. Оттого находите вы такое множество словъ и формъ Перскихъ въ языкахъ Греко-Латинскомъ, Германскомъ и Славянскомъ, несмотря на существенную разность духа Перскихъ языковъ съ духомъ Европейскихъ. И доказательство тому, что это только приливъ, а не слѣдствіе общаго корня, имѣете вы въ примѣчательномъ обстоятельствѣ, что Перскія формы и наименованія, и сохранились довольно чисто, въ одномъ Греческомъ языкѣ, какъ соотвѣстномъ; что не однѣ и тѣ же Перскія формы и слова встрѣчаются во всѣхъ трехъ Европейскихъ языкахъ, а разныя; что такая-то форма или такой-то рядъ словъ Перскихъ есть въ одномъ изъ трехъ языковъ, а въ другихъ двухъ его нѣтъ, или есть въ двухъ, а нѣтъ въ третьемъ; что наконецъ эти слова и формы принадлежатъ не къ одному какому языку Перскаго корня, но къ разнымъ: однѣ изъ нихъ находятся въ Санскритскомъ, другія въ Пеглійскомъ, третія наконецъ въ Курдскомъ и новѣйшемъ Персидскомъ. Что жъ это доказываетъ? Очевидно то, что языки Перскаго корня вливались въ главные Европейскіе разновременно, съ разныхъ сторонъ, изъ различныхъ источниковъ и не одинаково въ каждый языкъ. Слѣдственно, разбирая этимологически какой-нибудь Европейскій языкъ, на примѣръ Славянскій, должно сперва смотрѣть, нѣтъ ли даннаго Перскаго слова въ языкахъ Греко-Латинскихъ, Германскихъ и Гальскихъ, не пришло оно въ Славянскій черезъ одинъ изъ этихъ языковъ, и потомъ уже, когда ока-

жется, что его въ нихъ нѣтъ, что оно пришло къ нему прямо и сохранило въ немъ свою Персскую форму, обращаться къ Персидскому и Санскритскому.

Послѣ этихъ двухъ фазъ коренныхъ языковъ, наступаетъ третья, — образованіе одного изъ языковъ производныхъ, на примѣръ Русскаго изъ Словянскаго. Вы берете Русскій языкъ. Прежде всего должны вы разыскать, въ какихъ мѣстахъ онъ образовался, какіе получилъ позднѣйшіе приливы на собственную свою долю, и откуда. Здѣсь уже руководствуетъ васъ Исторія. Русскій языкъ образовался среди и на развалинахъ языковъ Финскихъ: слѣдственно въ немъ таятся болѣе или менѣе значительный приливъ финизма, и въ произношеніи и словахъ. Финскіе языки чрезвычайно разнообразны, но связаны между собою, такъ же какъ Европейскіе, общимъ духомъ, формамъ и основаніемъ: къ породѣ этихъ языковъ принадлежатъ не только тѣ, которые обыкновенно называются ихъ именемъ, Чухонскій, Лапландскій, Вепгерскій, Самоѣдскій, Вогульскій и такъ далѣе, но и самый Турецкій, даже Монгольскій и Маньджурскій. Это все одна, разродившаяся семья: ее можно назвать семьею «сѣверныхъ языковъ», и она распространилась по сѣверу отъ океана до океана, подобно тому какъ семья «южныхъ языковъ», Греко-Латинскаго, Германскаго, Славянскаго и Гальскаго, заняла подъ нею низшую полосу отъ Малой Азіи до Британскихъ Острововъ. Финскіе языки вливались очень давно въ Европейскіе съ сѣвера, подобно тому какъ Персскіе съ востока, хотя и не такъ сильно: вы находите слѣды ихъ не только въ Германскомъ, Славянскомъ, но и въ Греческомъ; однако жъ самый значительный приливъ ихъ извергся позже на Русскій языкъ, въ которомъ можно насчитать до тысячи словъ этого корня, кромѣ общаго дѣйствія на раствореніе слоговъ гласными. На примѣръ *дорога*, синонимъ слова *путь*, и слѣдственно слово позднѣйшаго прилива, потому что *путь* есть коренное слово Европейскихъ языковъ, — это слово *дорога*, какъ большая часть словъ оканчивающихся на *га*, происходитъ изъ языковъ Финскихъ; оно одинаково вошло изъ нихъ въ Греческій, какъ въ Русскій и Польскій; оно существуетъ даже въ Маньджурскомъ (*доро*,

безъ окончанія *га*), который ужъ навѣрное не заимствовалъ его изъ Греческаго. Напримѣръ, *лапти*, которыя Г. Рейфъ производитъ отъ *лапа*, хотя у человека нѣтъ лапъ и обувь эта падѣвается на ноги, а не на лапы, то есть, руки: они и по-Маньджурски *лаптѣ*; напримѣръ *Волга*, которая, говорятъ, произтекаетъ отъ *влиги*: а *волга* въ разныхъ Финскихъ нарѣчійхъ значить *святой*, и *Волга* *рѣка* выходитъ — «святая рѣка», и т. д. Сколько соображеній нужно при этимологическомъ разборѣ языка! Сходство звуковъ тутъ недостаточно. Сходство звуковъ ведетъ только къ такимъ ошибкамъ, въ какія впалъ нашъ авторъ, усматривая напримѣръ тождественность начала мѣжду вѣрою и Турецкою податью, — между словами Европейскимъ *впра*, то есть, правда, Оттоманскимъ *вирѣ*, дань, дача, подать, и Персидскимъ *баверъ*, которое даже и буквами на нихъ не похоже, не говоря уже объ его происхожденіи вѣра просто — слово Гоѣское и Англо-Саксонское *воеге*, *вѣре*, обѣтъ, союзъ, проявляющееся въ Нѣмецкомъ подъ формою *wahr*, въ Латинскомъ подъ формою *verè*, *verus*. Мы могли бѣ привести тысячу такихъ примѣровъ изъ лексикона, который разсматриваемъ.

Послѣ этого перваго прилива, Русскій языкъ испыталъ еще два другіе изъ родственныхъ ему языковъ. Онъ получилъ сперва огромную массу словъ, формъ и значеній, изъ языка Церковно-Славянскаго, образованнаго подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ; потомъ такую же массу изъ Польскаго.

Сверхъ приливовъ, должно еще отличить примѣси. Въ Русскій языкъ вошли во-первыхъ ряды словъ Нормандскихъ, вторыхъ, словъ Греческихъ съ извѣстнымъ числомъ Еврейскихъ, произносимыхъ по-Гречески. Назовемъ первую изъ этихъ примѣсей Нормандскою, вторую Византійскою. Третью примѣсь можно наименовать Татарскою: она ввела въ нашъ языкъ ряды словъ Турецкихъ, Монгольскихъ, Персидскихъ и Арабскихъ, произносимыхъ по-Татарски. Четвертая примѣсь, западная, начинается со временъ преобразованій, предпринятыхъ Петромъ Великимъ, и включаетъ въ себѣ ряды словъ Голландскихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ, Французскихъ и Италіянскихъ. Наконецъ послѣдняя примѣсь состоитъ изъ новыхъ значеній, сообщенныхъ старымъ Русскимъ словамъ, или изъ Рус-

скихъ словъ, вновь образованныхъ, подъ вліяніемъ литературъ Латинской, Французской и Нѣмецкой, и эту примѣсь можно отличить именемъ — литературной: *напримѣръ изящный, кислородъ, замечитость* и тысячи подобныхъ.

Ловить наудачу изъ всѣхъ возможныхъ языковъ слова болѣе или менѣе сходствующія звуками съ словами даннаго языка не значить еще разбирать этотъ языкъ этимологически. Правда, что по-сю-пору всѣ такъ дѣлали, но надобно жъ когда-нибудь оставить колею, старую и ложную, и начать дѣлать правильно, систематически, основывая изысканія свои на разсудительной теоріи образованія языковъ. Г. Рейфъ, къ сожалѣнію, не предписалъ себѣ ни какой системы, и занимался простою ловлею словъ. Сближеніе словъ Русскаго языка съ болѣе или менѣе похожими на нихъ словами разныхъ иностранныхъ языковъ долженствовало стоить ему неимовернаго труда, и между-тѣмъ этотъ трудъ не представляетъ ни какой пользы, потому что три-четверти этихъ сближеній существенно ложны, ошибочны, обманчивы. Такъ *напримѣръ* слова Татарской примѣси *армякъ* онъ производитъ отъ Арменіи, *бирючь* отъ *братъ*, и прочая; слова литературной примѣси *банникъ* (артилерійскій) отъ *бани*, *губный* (уголовный), выраженіе взятое изъ Германской юриспруденціи, *huba*, отъ *губить*, и прочая; слово Польскаго прилива *уваженіе* отъ *ваги* (вѣсъ), и прочая. Конечно, въ Польскомъ языкѣ *уваженіе* происходитъ отъ *вага*, но въ Русскомъ оно происходитъ отъ него не можетъ, потому что Русскій языкъ принялъ изъ Польскаго слово *вага* совсѣмъ въ другомъ значеніи; да притомъ и самое слово *вѣсъ* не что иное, какъ особенная форма слова *вага*, *wage*, *voese*. *Гибнуть*, слово принадлежащее къ основанію (*fond*) Европейскихъ языковъ, происходитъ у него отъ ново-Персидскаго *гумъ*, утраченный, несостоящей налице, и отъ Арабскаго *айбъ*, порокъ, а *гибель* отъ *гибнуть*, тогда какъ *гибель* есть настоящій корень глагола *гибнуть* и чистое Германское слово *übel*, безъ всякой связи съ Персидскимъ *гумъ* и съ Арабскимъ *айбъ*. *Бавить*, *fab*, *fabulari*, поставлено подъ корнемъ *быть*. *Пчела*, *вчела*, *печела*, *арех*, *рех*, *ресchia*, *рессія*, *рессиола*, *арікула*, *аріцелла*, выведена отъ глагола *бучать*, какъ бы *бчела*, *бчило*, *бугало*.

Мы не можемъ слѣдовать повсюду за словопроизводствомъ автора: корни его во многихъ случаяхъ неустойчивы и перемѣшаны одни съ другими, а почти все его сближенія съ Восточными словами такъ же произвольны, какъ напримеръ слѣдующее: при словѣ *князь*, вы находите Татарское *ханъ*, Германское *koenig* и Англійское *knight*, — какъ будто *ханъ* имѣетъ что-нибудь общаго со словомъ *koenig* или *koenig* со словомъ *knight*!

Мы предложимъ соображенію автора мысли наши о системѣ, которой надлежало бы слѣдовать при этимологическомъ разборѣ Русскаго языка.

I. Нужно напередъ опредѣлить тѣ ряды корней, которые составляютъ основаніе (*fond*) Русскаго языка, какъ одного изъ Славянскихъ, и общи языкамъ Славянскому, Германскому, Греческо-Латинскому, и отчасти Гальскому. Многіе слова Перскаго и древне-Финскаго приливовъ перешли въ Славянскій языкъ черезъ языки Греко-Латинскій и Германскій: слѣдственно и эти слова должны быть присоединены къ основанію. Изъ развитія корней этого отдѣленія возникаютъ главные и самыя богатые семейства словъ: это собственный языкъ. Здѣсь заключается вся его плодородная сила. Корни всехъ слѣдующихъ отдѣленій даютъ мало производныхъ словъ, или не даютъ ни какихъ.

II. Опредѣлить потомъ рѣченія Перскаго и древне-Финскаго приливовъ, вошедшія въ составъ Славянскаго языка отдѣльно, и не находящіяся ни въ Германскомъ, ни въ Греко-Латинскомъ.

III. Опредѣлить отдѣльно корни и слова трехъ позднѣйшихъ приливовъ, относящихся лично къ Рускому языку: а) ново-Финскаго, б) Церковно-Славянскаго и в) Польскаго.

IV. Опредѣлить еще ряды словъ, принадлежащихъ примѣсамъ: а) Нордманской; б) Византійской; в) Татарской, съ раздѣленіемъ ея на порядки словъ Монгольскій, Китайскій, Турецкій, Персидскій и Арабскій; д) западной, и е) литературной.

V. Каждую изъ этихъ одинадцати составныхъ частей языка, какъ-то, основаніе, два древніе прилива, три новѣйшіе, и пять примѣсей, съ раздѣленіемъ каждой на порядки словъ по языкамъ, изъ которыхъ они перешли въ Русскій, означить особыми

знаками; вездѣ отмѣчать, къ какому отдѣленію и порядку принадлежитъ корень или слово, — чѣмъ опредѣляются, такъ сказать, лѣта его возраста, — и при стыскиваніи его въ иностранныхъ источникахъ строго держаться предѣловъ отдѣленій, не блуждая наудачу внѣ положенныхъ заранѣе чертъ словопроизводства и не охотясь въ Индіи, Аравіи, Персіи около Байкала за словомъ, которое можно поймать въ Европѣ.

Такимъ только образомъ этимологія можетъ озарить новымъ свѣтомъ внутреннее зданіе языка и сдѣлать его яснымъ для каждаго. Дѣйствовать иначе — значитъ лишь увелечивать хаосъ. Мы очень хорошо знаемъ, что для выполненія этого плана потребны необъятныя лингвистическія познанія, надобно создать критическую исторію каждаго слова, изслѣдовать его походы во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, употребить на то цѣлую жизнь человѣческую: поэтому мы и не упрекаемъ автора, что онъ предписалъ его себѣ и не старался привести въ дѣйствіе. Мы говоримъ только, что весьма желательно, чтобы Русскій языкъ былъ разобранъ такимъ образомъ, и что всякій другой трудъ этимологическій, не основанный на этихъ началахъ, бесполезенъ для языка, — ежели только не вреденъ.

До-сихъ-поръ, не знаю почему, разсматривали мы «Лексиконъ» Г. Рейфа какъ книгу Русскую и назначенную для Русскихъ. Только теперь мы примѣчаемъ, что она совсѣмъ не Русская. Авторъ объясняетъ корни и производныя слова по-Французски: слѣдственно онъ предназначаетъ трудъ свой иностранцамъ, изучающимъ Русскій языкъ. Въ этомъ отношеніи, «Лексиконъ» Г. Рейфа вполне соответствуетъ своей цѣли, — даже превосходитъ ее, потому что, для иностранцевъ, сближенія Русскихъ корней съ Восточными словами были совершенно излишни, и составляютъ истинную роскошь корнесловія. Какая надобность Французу узнавать изъ Русскаго словаря, что *амулетъ* происходитъ отъ Арабскаго *хамаль* (авторъ хотѣлъ сказать *хамуле*), когда онъ видитъ, что это слово сдѣлано прямо изъ Французскаго *amulette*? Вѣдь не Русскіе взяли его отъ Аравитянъ, а Франгузы? Но иностранецъ, желающій основательно изучить наше слово, не можетъ найти для себя сочиненія, которое бы такъ широко раскрывало передъ нимъ родослов-

ную Русскихъ рѣченій и такъ глубоко вводило его въ нѣдра языка. Этотъ этимологическій словарь, какъ учебное пособіе для иностранцевъ, заслуживаетъ величайшую похвалу, и того, что не могло бѣ быть одобрено въ словарѣ для Русскихъ, почти не должно почитать погрѣшностью въ книгѣ, имѣющей цѣлю знакомить иноземца съ слововидѣніемъ чуждаго для нихъ языка и выкупающей частные недостатки огромною массою пользы въ цѣломъ.

Если бѣ это была Русская книга, мы бы еще пожаловались автору на отсутствіе въ этимологическомъ лексиконѣ множества нашихъ архаизмовъ, или обветшалыхъ рѣченій, живущихъ въ нашихъ лѣтописяхъ, преданіяхъ и пословицахъ. Такъ напримѣръ—подъ корнемъ *висѣть* мы не находимъ слова *виски*, названія одного изъ орудій пытки, оставшагося въ пословицѣ — «За виски, да и въ тиски»; подъ статьею *вынчать* нѣтъ глагола *привычать*, то есть, водить дѣтей, прижитыхъ до брака, около палоя, чтобъ сдѣлать ихъ законными, и прочая. Но Г. Рейфъ не разбираетъ языка исторически: онъ беретъ его въ настоящемъ его положеніи, и притомъ тѣ, кто будетъ учиться Русскому языку по его словарю, вѣроятно не станутъ читать нашихъ лѣтописей, ни углублять ся въ смыслъ нашихъ старинныхъ пословицъ. Намъ остается только отдать полную справедливость трудолюбію, терпѣнію и похвальнымъ усиліямъ автора, и советовать иностранцамъ, изучающимъ нашъ языкъ, прибѣгнуть къ его книгѣ, какъ лучшему и досель единственному у насъ пособію къ приблизительному познанію теоріи развитія Русскихъ рѣченій отъ своихъ началъ, или корней.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЦАРЯ ОЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА и *Исторія перваго Стрѣлецкаго бунта. Сп.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. VII и 122 — 162.*

Покойный В. Н. Берхъ собиралъ матеріалы прилежно и тщательно, и вносилъ ихъ въ свои сочиненія вѣрно, безъ прибавокъ: въ этомъ главное достоинство всѣхъ его литературныхъ трудовъ. Конечно, онъ не смотрѣлъ на матеріалы глазомъ критика: онъ не сличалъ и не разбиралъ ихъ, не отдѣлялъ важныхъ событій отъ мелкихъ происшествій, переносилъ въ книгу всѣ отысканныя имъ свѣдѣ-

нія, и въ историческихъ его сочиненіяхъ не должно искать общей идеи, ни другой послѣдовательности кромѣ летописной, хронологической. Но, при настоящемъ положеніи нашей Исторіи, можно почесть уже большою услугою и такія приношенія на ея пользу: они пригодятся со временемъ прагматическому историку.

Въ книгѣ, которая теперь передъ нами, лучше всего написана исторія перваго стрелецкаго бунта: тутъ матеріалы полны, вѣрны, изложеніе ясно и завлекательно, эпоха хорошо понята и духъ ея удачно схваченъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о царствованіи Царя Θεодора Алексѣевича: изложеніе показалось намъ сбивчивымъ, событія описанными безъ критическаго взгляда, и важныя извѣстія часто затемняются подробностями, ни мало не служащими къ объясненію духа эпохи и хода происшествій. Это — просто собраніе нѣсколькихъ разрозненныхъ фактовъ, которое не можетъ дать яснаго понятія о томъ, что сдѣлано въ шестилѣтнее правленіе Царя Θεодора.

Несмотря на несовершенство этого труда, мы не можемъ не принести данн должнаго почтенія памяти В. Н. Берха: Русская историческая литература потеряла въ немъ трудолюбиваго, совѣстливаго и, какъ бы то ни было, полезнаго изыскателя.

Записки Буріена, и прочая. Переводъ покойнаго де-Шамплетта. Части шестая и седьмая.

C. C. SALUSTII CATILINARIA et JUGURTHINA BELLA.
Москва, въ тип. Семена, 1835 въ-12., стр. 166.

Этимъ новымъ и очень красивымъ изданіемъ мы повидимому обязаны Г. Ширяеву. Оно состоитъ изъ одного текста, безъ примѣчаній.

О началѣ, успѣхахъ, особенныхъ предметахъ и важности Политической Экономіи, сочиненіе И. Р. Мак-Коллоха, профессора Лондонскаго Университета. Перевелъ съ Англійскаго Д. Гиппиусъ. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-8., стр. 121.

Полный курсъ Политической Экономіи Мекъ-Коллока переводится. Желая дать объ немъ предварительное понятіе, переводчикъ издалъ рѣчь Г. Мекъ-Коллока, служащую введеніемъ. Тщательный переводъ этой рѣчи предвѣщаетъ публикѣ весьма хорошій переводъ самаго курса, который всѣми занимающимися у насъ Политическою Экономіею будетъ принятъ съ благодарностью, особенно если Г. Гиппиусъ объяснитъ теорію автора нужными примѣчаніями относительно къ Россіи.

Записки Ученаго Комитета главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества. *Часть XI. Сп.-бургъ, 1834, въ тип. Морской, въ 8., стр. 362.*

Сочиненіе это, предназначенное для морскихъ офицеровъ, состоитъ изъ статей, относящихся къ технической части мореплаванія, Астрономіи и Физикъ, и изъ краткихъ біографій примѣчательнѣйшихъ лицъ по флоту. Нѣкоторые физическіе и астрономическіе вопросы, разсматриваемые въ этомъ XI томѣ «Записокъ Ученаго Комитета главнаго морскаго штаба», были уже предметомъ разсужденій въ нашемъ журналѣ, въ теченіе минувшаго года. Въ числѣ другихъ любопытныхъ свѣдѣній замѣчательно извѣстіе о пароходѣ, пробованномъ еще въ 1545 году. Обстоятельство не подлежитъ сомнѣнію, потому что его описаніе до-сихъ-поръ сохранилось въ журналахъ Каталонскаго архива и въ журналѣ Испанскаго военнаго управленія, за 1543 годъ.

«Въ 1543 году капитанъ Бласко де Гарай, представилъ императору Карлу V, изобрѣтенную имъ Гараемъ машину, посредствомъ которой безъ парусовъ и веселъ можно приводить въ движеніе большія суда. Этому изобрѣтенію многіе не вѣрили, и старались препятствовать произведенію опытовъ; но по повелѣнію императора Карла V сдѣланъ опытъ въ Барселонѣ 17 іюля 1553 года. Изобрѣтатель не издалъ описанія машины, однако зрители видѣли, что она дѣйствовала посредствомъ кипѣнія великаго количества воды; что паръ отъ кипящей воды приводилъ въ движеніе колеса служація вмѣсто веселъ. Опытъ произведенъ надъ судномъ Тройцею въ 200 тоновъ, подъ начальствомъ капитана Скарса, въ присутствіи императора и сына его, бывшаго потомъ короля Испанскаго Филиппа II; въ свидѣльн. призваны Генрихъ Толедскій, губернаторъ Кардовы, вице-канцлеръ Галла, казначей Ро-

ваго и многіе знатные люди Кастиліянцы и Каталонцы. Императоръ, его сынъ, и всѣ зрители были весьма довольны машиною; но казначей Роваго сказалъ, что она доставляетъ судну не болѣе двухъ миль хода въ три часа, и что котель подвергаетъ ее непрестанной опасности отъ разрыва. Другіе свидѣтели утверждали напротивъ, что ходъ судна былъ весьма спокойный и по одной мили въ часъ.

«Послѣ этого опыта капитанъ Гарай вытаскилъ машину на берегъ, все, что было сдѣлано изъ металла, взялъ себѣ, а всѣ деревянныя части оставилъ въ арсеналѣ Барселонскомъ.»

Мы можемъ еще прибавить что въ Испаніи, въ Эскуріальской Библіотекѣ, хранятся двѣ старинныя Арабскія рукописи, въ которыхъ упоминается, что порохъ, полученный отъ Индійцевъ, былъ употребленъ Аравитянами при осадѣ Мекки въ 601 году нашей эры. Следственно Европейцы не выдумали пороху!

Записки изданы великолѣпно, съ превосходными рисунками.

1. Таблицы Логариѳмовъ *Вестфалля*. Изданныя съ пополненіемъ другихъ таблицъ *Гидрографическимъ Депо главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества*. СП.-бургъ, въ тип. Морской, 1834, въ-4, стр. XIX и 123.

2. Морской мѣсяцесловъ на 1835 годъ. *Изданный при Гидрографическомъ Депо главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества*. СП.-бургъ, въ тип. Морской, 1835 въ-8, стр. 440.

Астрономическій взглядъ, посвященный дѣтямъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-4., стр. 56.

«Взглядъ, посвященный дѣтямъ», представляетъ намъ довольно хорошо парисованныя изображенія земнаго шара и небесной системы. При помощи учителя, онъ можетъ быть употребленъ съ несомнѣнною пользою.

Свѣтъ для составленія географическихъ картъ всѣхъ пяти частей свѣта и Европейскихъ государствъ, изданныя А. Ломачевскимъ. СП.-бургъ, въ лит. Геммелънъ, 1835.

Географіи учились мы нѣкогда паизустъ, долго, скучно, большею частію безуспѣшно. Несносная метода отбивала

учениковъ отъ науки, что принудило обратиться къ другому способу и заставить преемниковъ нашихъ на училищныхъ скамьяхъ упражняться въ рисованіи географическихъ картъ. При этой новой методѣ, учащійся легко удерживаетъ въ памяти форму и подробное раздѣленіе земель и государствъ, точки ихъ соприкосновенія, теченіе рѣкъ и положеніе городовъ.

При всемъ превосходствѣ новой методы передъ старою, нельзя не сознаться, что она требуетъ довольно значительнаго времени для приготовленія ученикомъ градусной сѣти. Экономія времени, въ воспитаніи — важное дѣло: надо спѣшить жить на свѣтъ. Г. Ломачевскій, чувствуя исполнѣ эту аксіому, рѣшился облегчить географическіе труды недосужнаго юношества изданіемъ для него сѣтей, которыя предлагаются совсемъ готовыя, такъ, что ученику стѣитъ только взять листъ и рисовать на немъ карту. За это облегченіе ученики благодарятъ Г. Ломачевского, потому что теперь гораздо скорѣе пойдутъ кататься на конькахъ.

Сѣти изданы очень исправно. Но если ужъ облегчать, такъ слѣдовало ихъ принаровить къ какому-нибудь извѣстному атласу, чтобы ученикъ не затруднился даже въ размѣрахъ при означеніи разстояній между географическими предметами. Это было бы еще удобнѣе.

QUELQUES MOTS SUR LES ENTERREMENS PRÉMATURÉS, *et sur les précautions à prendre sur-le-champ relativement aux noyés et aux asphyxiés, par le docteur L. C. Simon, conseiller d'état, etc. St-Petersbourg, chez Kray, 1835, 8 vo., pp. 24.*

Докторъ Симонъ, который издалъ въ прошломъ году одну очень полезную брошюру (Б. для Ч., книжка III, Лит. Лѣтопись), напечаталъ нынче другую, тоже на Французскомъ языкѣ и о весьма важномъ предметѣ, — преждевременныхъ погребеніяхъ, утопленникахъ и обмершихъ. Замѣчанія и спасительные совѣты Г. Симона потеряли бы половину своей пользы, если бы мы не успѣли передать ихъ, нашимъ многочисленнымъ читателямъ, на отечественномъ языкѣ.

Говоря о смертныхъ домахъ въ Германіи (Б. д. Ч., книжка VI,

Смѣсь), мы уже имѣли случай коснуться предмета новаго сочиненія Г. Симона. Примѣры наружной смерти и утайки жизни тѣлами, уже совершенно охладѣлыми, такъ часты, что ни какія предосторожности не излишни для того, чтобы не зарыть въ землю еще живаго человѣка. Не далѣе какъ въ прошломъ мѣсяцѣ газеты сообщали случай одного ребенка во Франціи, котораго сочли за умершаго и вынесли по вечеру въ церковь: на другой день нашли его сидящимъ въ гробу, и онъ игралъ цвѣтами, которыми нѣжная мать украсила его посмертный домикъ!

«Слѣдующіе признаки, говоритъ докторъ Симонъ, почитаются обыкновенно доказательствомъ смерти: прекращеніе біеній жилъ и сердца, прекращеніе дыханія, совершенная недвижность, охлажденіе, окоченѣніе или еще вялость во всемъ тѣлѣ, отвислость нижней губы, невозможность кровопусканія и совершенная мутность глазъ.

«Всѣ эти признаки могутъ существовать, а возвращеніе къ физической жизни все-таки будетъ возможно.

«Только признаки начинающагося гніенія доказываютъ невозможность такого возврата. Они заключаются въ особенномъ смертномъ запахѣ, въ томъ, что начинается лупиться кожа, и наконецъ въ томъ, что на животѣ показываются зеленоватыя пятна.

«Всѣ тѣла, погребаемая безъ этихъ трехъ признаковъ, подвергаются ужасной опасности быть схороненными заживо.

«Есть случаи, и даже болѣзни, которые приводятъ человѣка въ такое состояніе, что его считаютъ мертвымъ, хотя онъ дѣйствительно живъ. Къ этому разряду принадлежатъ нѣкоторыя нервныя болѣзни, раны въ голову, апоплексія, удушье, обмороки женщинъ подверженныхъ истерикѣ, которые бываютъ иногда очень продолжительны, разнаго рода обмиранія, кровотеченія, слабость, и прочая.

«Сколько было примѣровъ, что люди, которыхъ въ припадкѣ этихъ болѣзней почитали мертвыми, приводились въ чувство и жили потомъ очень долго. Я самъ видѣлъ за семнадцать лѣтъ подобный случай съ двухлѣтнимъ ребенкомъ, который живъ и здоровъ по-сую-пору. Много спорили о томъ, можетъ ли ожить погребенное тѣло: къ несчастію, Опытъ доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ, что это очень возможно. И почему жъ бы не возродиться физической жизни въ самомъ гробѣ? Совершенное спокойствіе и тишина; отсутствіе всего, что сильно раздражаетъ и что могло бы погасить послѣднюю слабую искру жизни; даже испаренія земли, ровная температура могилы,—все это именно такія обстоятельства, которыя способны сильно содѣйствовать къ превращенію въ пламя слабой искры бытія. Малое количество воздуха остающагося въ гробѣ, конечно не дозволить этому воскресенію быть

продолжительнымъ, но отнюдь не сильно помѣшастъ ему. Не страшно ли подумать, что воскресшій можетъ пробыть хоть нѣсколько минутъ въ этомъ мучительномъ положеніи?

«Для упрежденія подобныхъ ужасовъ должно брать какія-нибудь мѣры. Древніе народы чрезвычайно объ этомъ заботились. Египтяне бальзамировали покойниковъ и такимъ образомъ могли удостовѣряться въ ихъ смерти. Римляне отсѣкали имъ палецъ передъ сожженіемъ. Другіе народы долго мыли и терли ихъ благовоніями. Но какъ у насъ только моютъ мертвыхъ, то нѣтъ ничего мудренаго, что ихъ хоронятъ иногда съ остаткомъ жизни. Никогда не слѣдовало бы погребать до появленія трехъ признаковъ гніенія, о которыхъ мы упоминали выше и которые должны быть засвидѣтельствованы врачомъ. Но какъ можетъ случиться, что болѣзнь, отъ которой больного полагаютъ умершимъ, прилипчива, и что по этому опасно держать тѣло въ домѣ долгое время, особенно у бѣдныхъ юдѣй, живущихъ тѣсно, то надлежало бы имѣть въ каждой части города хоть небольшой домъ, куда по-крайней-мѣрѣ немущіе могли бы переносить своихъ покойниковъ, которыхъ выпускали бы для погребенія не прежде какъ по засвидѣтельствованіи смерти ихъ тѣмъ, на кого будетъ возложена эта обязанность.

«Лучшее средство къ возбужденію слабой искры жизни состоитъ въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, которыми мнимоумершій долженъ быть окруженъ въ этомъ домѣ. Необходимо, чтобъ тутъ же жилъ надежный человѣкъ, и чтобъ каждому покойнику вложили въ руки тонкую веревочку, привязанную другимъ концемъ къ колокольчику, который долженъ висѣть въ комнатѣ караульнаго: тогда при малѣйшемъ движеніи покойника, тотчасъ можно будетъ подать ему нужную помощь.

«Первый въ Европѣ смертный домъ давно уже учрежденъ въ Веймарѣ; Франкфуртскій-на-Майнѣ устроенъ позже, но онъ обширнѣе и вполне соответствуетъ предположенной цѣли.»

Исторію и понятіе объ устройствѣ смертныхъ домовъ читатели наши найдутъ въ шестой книжкѣ Б. для Ч. Авторъ приводитъ нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ мнимой смерти изъ Гуфеландова сочиненія о летаргическихъ снахъ.

Одинъ молодой человѣкъ влюбился въ дочь богатаго Парижскаго гражданина и былъ любимъ взаимно. Отецъ этой дѣвушки заставилъ ее выйти за другаго. Вскорѣ послѣ свадьбы молодая сдѣлалась больна, и умерла. Ее похоронили черезъ сутки послѣ смерти. Прежшій другъ не могъ вытерпѣть, чтобъ не взглянуть на нее въ послѣдній разъ: онъ подкупилъ могильщика, и тотъ согласился от-

рыть ее въ ту же ночь. Молодой человекъ грозить ему смертію, если онъ не будетъ молчать; схватываетъ тѣло, уноситъ его въ ближній домъ, кладетъ къ огню, третъ теплыми салфетками и старается всѣми средствами возвратить къ жизни свою любезную. Черезъ нѣсколько часовъ онъ увидѣлъ, къ неизъяснимому счастью, легкіе признаки оживленія: она стала вздыхать, и наконецъ пришла въ себя совершенно. Какъ скоро она оправилась, любовники, соединенные смертію, уѣхали въ Англію, и только черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшились возвратиться. Въ пріѣзжей не хотѣли узнать мнимой покойницы, но новый мужъ нашелъ способъ доказать, что это дѣйствительно та, которую похоронили, и требовалъ возврата ея приданого. Завелась тяжба самая удивительная. Первый мужъ утверждалъ, что она еще принадлежитъ ему по праву, а второй опирался на томъ, что она умерла для перваго брака, и что, если бъ не его старанія и труда, никакъ бы не возвратилась къ жизни. Однако жъ судьи склонялись повидимому въ пользу перваго мужа, что заставило супруговъ снова отправиться въ Англію, не дождавъ рѣшенія тяжбы. Бумаги по этому замѣчательному дѣлу существуютъ еще въ журналахъ судебныхъ мѣстъ.

Леди Россель, жена Англійскаго полковника, была также оживлена любовію и заботливостію своего мужа. Онъ не хотѣлъ разстаться съ ея тѣломъ, пока оно не станетъ гнить. Семь дней лежала она въ смертномъ усыпленіи, и наконецъ ожила, когда колоколъ ближней церкви возвѣщалъ уже ея похороны.

Еще удивительнѣйшій примѣръ летаргическаго сна представляетъ смерть жены одного Тюбингенскаго профессора. Эта женщина, страдавшая истерікой, была въ шестомъ мѣсяцѣ своей берменности, и такъ сильно чего-то испугалась, что съ нею сдѣлались страшныя судороги и черезъ четыре часа она умерла. Два знаменитые врача, Гг. Ламаріусъ и Маухардъ, вмѣстѣ съ тремя другими докторами, полагали смерть ея несомнѣнною. Движеніе вовсе прекратилось; не было ни малѣйшаго признака біенія жилъ, ни дыханія: все, что ни дѣлали для приведенія ея въ чувство, осталось тщетнымъ.

Послѣ пятичасовыхъ напрасныхъ усилій, врачи хотѣли уже оставить больную, рѣшительно объявивъ ее умершею, когда одному изъ нихъ пришла мысль снять у ней съ ногъ нарывный пластырь, приложенный наканунѣ, и наблюдать въ то самое время черты ея лица. Разрѣзывая кожу на одномъ пальцѣ, замѣтили легкое движеніе на устахъ, и рѣшились снова употребить все извѣстные способы для приведенія больной въ чувство. Испытывали горячее желѣзо, острыя орудія, и вскорѣ не осталось на тѣлѣ ея живаго мѣста отъ обжогъ и ранъ; но ничто не дѣйствовало, — она была мертва совершенно. Однако жъ все не рѣшались хоронить ее по причинѣ замѣченнаго движенія, и шесть сутокъ оставалась она въ этомъ смертномъ состояніи, но наконецъ отворила глаза и ожила безъ всякаго сознанія о томъ, что происходило во время сна ея. Поѣвъ немного, она родила мертвого ребенка, и вскорѣ совершенно выздоровѣла.

Авторъ говоритъ потомъ объ утопленникахъ и обмершихъ, и для оживленія ихъ предлагаетъ слѣдующія правила:

1. Не должно пускать кровь утопшему, когда члены его окоченѣли отъ холода, а лица блѣдно и синегато. Если онъ красенъ, легкое кровоупусканіе можетъ иногда оказать пользу. 2. Никогда не должно качать или трясти утопленника: это вѣрное средство къ уничтоженію послѣдняго остатка жизни. 3. Извѣстно, что для оживленія утопленниковъ и обмершихъ вдвуютъ имъ обыкновенно воздухъ въ легкія, и дѣлаютъ это ртомъ изо всей силы. Въмѣсто испорченнаго воздуха, которымъ мы дышимъ, гораздо лучше вдвовать чистый посредствомъ мѣха, но слегка и осторожно, чтобы сильнымъ его дѣйствіемъ не перервать легкіихъ и вмѣсто оживленія не причинить смерти: каждый младенецъ, рожденный обмершимъ, непременно погибнетъ отъ неосторожнаго вдвунія, а отъ легкаго вѣроятно оживетъ.

Съ нѣкотораго времени весьма успѣшно употребляютъ слабое пожиманіе боковъ и брюшныхъ полостей, вытѣсняющее испорченный воздухъ, который могъ остаться въ легкомъ. Послѣ сжатія, бока и брюшныя полости по собственной упругости приходятъ въ прежнее положеніе, при-

чемъ грудь расширяется и вдыхаетъ воздухъ, а это весьма полезно для утопленниковъ, обмершихъ и мнимо-мертворожденныхъ.

Если позволяютъ обстоятельства, утопленникамъ и обмершимъ хорошо давать нѣсколько капель чаю или теплаго вина и обертывать ихъ въ грѣтую фланель.

Уставъ и особыя положенія *Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ*. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-8., стр. 35.

Учрежденіе Высочайше утвержденнаго Общества для освѣщенія Санктпетербурга газомъ. *СП.-бургъ*, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-4, стр. 15.

Наконецъ Петербургъ будетъ освѣщенъ газомъ! Обществу предоставлено право теперь же освѣтить газомъ ту часть города, которая находится по правую сторону Фонтанки, между Невскимъ и Вознесенскимъ проспектами. Газометры устроятся внѣ города, для безопасности. Ежели Петербургскимъ жителямъ придется по праву этотъ способъ освѣщенія, общество распространить его и на прочія части столицы. На предпріятіе собранъ уже капиталъ въ полтора миліона рублей.

Продолженіе къ книгѣ — Полный Кухмистеръ и Кандитеръ, или *Русскій Гастрономъ*, собранный и составленный изъ собственныхъ опытовъ и наблюдений издателемъ *Русскаго опытнаго повара и прибавленія къ оному*, Герасимомъ Степановымъ. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-12. стр. 86.

Это дополненіе къ «Полному Кухмистру, или Русскому Гастроному» было необходимо, и если бъ Г. Степановъ не поспѣшилъ его изданіемъ, семейства тѣхъ, кто уже объѣдается блюдами, стряпанными по первой книгѣ почтеннаго автора, нашлись бы въ вслѣдствіе затрудненій. Какимъ-то дивнымъ случаемъ Г. Степановъ забылъ сказать тамъ, вслѣдъ за своимъ званымъ обѣдомъ, о похоронномъ обѣдѣ!

Этотъ пропускъ пополненъ имъ теперь особою брошюрою. Глава о похоронахъ составляетъ естественное и полезное дополненіе къ блюдамъ его «Русскаго Гастронома», и весьма кстати помѣщена непосредственно за его свадебнымъ обѣдомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—Мы получили прискорбное извѣстіе, что А. Марлинскій былъ долгое время боленъ, и что здоровье его еще не возстановилось. Одно это обстоятельство досель лишаетъ нашихъ читателей удовольствія наслаждаться въ Б. для Ч. трудами этого блистательнаго писателя. Мы надѣемся однако жъ скоро получить отъ него нѣсколько статей.

—«Дѣтскій Журналъ», который предприняли издавать въ Петербургѣ Гг. книгопродавцы Бслизаръ и Дюфуръ, существуетъ уже слишкомъ два года. Зная и всю пользу и необходимость у насъ подобнаго изданія, мы всегда принимали большое участіе въ успѣхахъ «Дѣтскаго Журнала» и съ искреннемъ сожалѣніемъ увидѣли въ началѣ нынѣшняго года, что онъ колеблется и грозитъ прекращеніемъ. Несмотря на всѣ старанія издателей поддержать его, примѣнить къ потребностямъ Русскаго юношества, и усовершенствовать, коренной недостатокъ въ первоначальномъ устройствѣ редакціи всегда препятствовалъ полному его развитію и процвѣтанію, и долженъ былъ наконецъ остановить его выходъ. Теперь мы узнаемъ съ величайшимъ удовольствіемъ, что счастливая перемѣна издателей сохранила для Русской малолѣтней публики это важное пособіе къ его воспитанію, и что оно поступаетъ въ распоряженіе одного изъ отличнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, А. Н. Очкина, котораго перо отличается двумя большими преимуществами, — прекраснымъ слогаемъ и примѣрною исправностью. Г. Очкинъ приобрѣлъ собственностью «Дѣтскій Журналъ», основанный Гг. Беллизаромъ и Дюфуромъ, и употребить все свое дарованіе къ тому, чтобъ сдѣлать его занимательнымъ, разнообразнымъ, приспособленнымъ къ цѣли и вполне полезнымъ. Мы съѣшимъ препоручить это предпріятіе вниманію всѣхъ

родителей, которые желаютъ доставить пріятное и образованное занятіе своему потомству. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княжна Марія Михайловна, Которой журналъ этотъ посвященъ, благоволила принять его подъ Свое покровительство. Чрезвычайно умѣренная цѣна дѣлаетъ его доступнымъ всѣмъ сословіямъ. Мы видѣли уже двѣ книжки, изданныя Г. Очкинымъ: онѣ наполнены прекрасными статьями.

— Въ Англіи, книгопродавцы часто издають собранія лучшихъ романовъ, своихъ и иностранныхъ, подъ названіемъ *Standart novels and romances*. Собранія эти имѣютъ то преимущество, что доставляютъ читателямъ выборъ отличныхъ и новыхъ твореній за весьма дешевую цѣну: подписавшійся на одно такое собраніе обезпеченъ на цѣлый годъ въ томъ, что ему не продадутъ глупой книги въ-три-дорога, не заставятъ его читать скучнаго романа и ежемѣсячно снабдятъ достаточною пропорціею пріятнаго чтенія. Во Франціи также издавались собранія романовъ, подъ именемъ *Bibliothèques de romans*. Г. книгопродавецъ Ротганъ, въ Петербургѣ, объявилъ недавно подобное собраніе по-Русски, — «Библіотека Романовъ и Историческихъ Записокъ, оригинальныхъ и переводныхъ, на 1835 годъ. «Библіотека» Г. Ротгана будетъ состоять изъ двадцати четырехъ до тридцати толстыхъ томовъ, и подписная цѣна сорокъ рублей: это очень не дорого. Въ первыхъ томахъ будутъ заключаться — «Браво» Купера, — «Евгенія Грандѣ» Бальзака, — «Елена» миссъ Эджвортъ, — «Томасъ Морусъ» Г-на де Краонъ (де Кранъ?), — «Записки доктора», Гаррисоновы, и прочая. Этотъ выборъ кажется намъ удачнымъ, и вообще предпріятіе Г. Ротгана заслуживаетъ поощренія со стороны любителей и любительницъ романовъ и записокъ.

— Въ послѣднихъ числахъ прошлаго мѣсяца вышла новая трагедія Барона Розена — «Петръ Басмановъ». Мы только успѣли взглянуть на нее при заключеніи этой книжки журнала.

КОРОЛЕВСКОЕ АЗИАТСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ЛОНДОНѢ.

Новѣйшія извѣстія о Бирманахъ. Капитанъ Ло сообщаетъ новыя и любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ Бирмановъ, населяющихъ область, которая присоединена въ послѣднюю войну къ владѣніямъ Англійской Остъ-Индской Компаніи.

Жители этой области чрезвычайно любятъ богатые и пышныя платья, и въ этомъ отношеніи отнюдь не похожи на Гиндусовъ и Сіамцевъ, для которыхъ всякая верхняя одежда лишнее бремя. Они охотники до галаптерейныхъ вещей, но издѣлія ихъ въ этомъ родѣ уступаютъ даже всѣмъ восточнымъ. Женщины пользуются большою личною свободою, и не заковываютъ себя въ такія тяжелыя ожерелья, запястья и налодыжники, какъ Индѣйскія дамы: любимая одежда ихъ — шелковая, но тонкія бумажныя ткани и кисеи также въ большомъ употребленіи. Онѣ никогда не моютъ своихъ шелковыхъ платьевъ, и носятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они распадутся въ лепестки. Низшія сословія носятъ Керійское сукно, которое рѣдко бываетъ болѣе футовъ въ ширину. Въ дождливое время мужчины ходятъ въ огромныхъ шляпахъ: нѣкоторые изъ нихъ до четырехъ съ половиною футовъ въ поперечникъ; впрочемъ онѣ очень легки и требуютъ особенной ловкости въ сильный вѣтеръ. Высшіе чиновники носятъ золоченыя или лакированныя кожаныя шапки. Всѣ сословія ходятъ въ туфляхъ, и скидаютъ ихъ у порога каждаго порядочнаго дома.

Теннасеримскіе Бирманцы татуируютъ тѣло подобно Бирманамъ Авскимъ и Лаоскимъ, а Сіамцы считаютъ это варварствомъ, вѣроятно потому, что таковъ народный обычай ихъ старинныхъ и закоренѣлыхъ непріятелей. Татуировка руки почитается признакомъ вступленія въ зрѣлый возрастъ: операція довольно болѣзненна, и дѣлается черезъ накалываніе узоровъ золотой иглою; красивыми веществами для этого служатъ киповаръ и сажа, накопченная жженіемъ кукутупнаго масла подъ старымъ горшкомъ, въ который жрецъ собираетъ себѣ ежедневное пропитаніе. Когда напечатлѣваются чары, «дѣлающія человека неуязвимымъ», дѣло происходитъ въ кумирнищѣ.

Низшія сословія, хотя подъ жесточайшимъ притѣсненіемъ, однако жъ храбры, гостепріимны и искренны въ обхожденіи. Здѣсь нѣтъ той притворной скромности, которая отличаетъ менѣе добродѣтельныхъ Индустанокъ. Бирманскія дѣти вообще почтительны и привязаны къ своимъ родителямъ. Они странно здороваются: вмѣсто цѣлованія, касаются носомъ къ щекѣ и привѣтствуютъ васъ сильнымъ понюхомъ. Капитанъ Ло полагаетъ, что это удивительное обыкновеніе, находимое между всеми Индо-Китайскими народами, — Малайцами, Китайцами и островитянами Индѣйскаго Архипелага, памѣкаетъ на отдаленную связь племенъ, кажушихся теперь весьма различными. Это слишкомъ учено. Мы предложимъ другое, простѣйшее толкованіе. Въ цѣломъ животномъ царствѣ, между животными склонными къ обществу, замѣчается странный инстинктъ привѣтствія черезъ особеннаго рода прикосновеніе, котораго два главные вида, — поцѣлуй и обнюхиваніе. Обезьяны рѣшительно цѣлуются, какъ люди; многія птицы тоже. Сабаки и нѣкоторые другіе четвероногіе и пернатые изъясляютъ дружескія чувства носомъ, то есть, *отвѣдываютъ* милой особы обоняніемъ, какъ цѣлующіеся *отвѣдываютъ* другъ друга вкусомъ, устами. Слѣдственно ни поцѣлуй ни понюхъ не суть человѣческія учрежденія или произвольныя выдумки: они слѣдствіе неодолимаго животнаго инстинкта. Въ различныхъ поколѣніяхъ человѣка этотъ инстинктъ съ самаго начала проявился различнымъ образомъ, — въ однихъ онъ проложилъ себѣ путь черезъ носъ, въ другихъ черезъ уста, — и слѣдственно въ обнюхиваніи, составляющемъ племенную черту жителей той части свѣта, нѣтъ ничего удивительнаго, ни архсологическаго.

Браки Бирмановъ не что иное, какъ гражданскіе договоры, и обряды ихъ весьма просты: при этомъ случаѣ, какъ и при всякой важной сдѣлкѣ, дается пиръ. Разводы дозволяются безъ всякаго затрудненія.

Бирманцы и Пегуанцы обыкновенно сожигаютъ усопшихъ, но тѣла всѣхъ умирающихъ до пятнадцатилѣтняго возраста, предаются погребенію. Если женщина умретъ въ родахъ, трупъ ея сожигаютъ на берегу рѣки: оттого, когда живыя ссорятся онѣ, часто кричатъ другъ другу — «Чтобъ тебѣ сгорѣть на берегу рѣки!» Тѣло великаго жреца, умер

наго въ Мартабанѣ, вскорѣ по взятіи его въ плѣнъ, сожжено было съ необычайной торжественностью: отъ гроба протянули на значительное разстояніе проволоку и пустили по ней ракету, которая зажгла костеръ. При совершеніи этого обряда употреблено было столько простаго и горнаго масла, что мшистая земля горѣла еще съ недѣлю послѣ.

Шахматы, шашки и особеннаго рода мячъ, составляютъ главные забавы этого народа. Мячъ дѣлается изъ ивы, и пивыряется людьми, которые стоятъ въ кругу отъ шести до семи аршинъ въ поперечникѣ. Борьба и кулачный бой являются на всѣхъ большихъ праздникахъ, но съ такими ограниченіями во времени, что бойцы рѣдко успѣваютъ пострадать. Бирманцы такъ же пристрастны къ закладамъ, какъ Китайцы. Они спускаютъ пѣтуховъ, вооруженныхъ искусственными носами, и, — что вѣроятно удивитъ читателей, — держать еще рыбъ для драки. Эта воинственная рыба принадлежитъ къ породѣ, называемой Сіамцами *плекетъ*; она мелка и водится только въ прѣсной водѣ: ее держатъ въ кувшинахъ, каждую рыбку особо, и когда договорятся объ условіяхъ, то противныя стороны пускаютъ въ водоемъ по бойцу, и рыбы дерутся съ величайшимъ ожесточеніемъ. Хозяева рыбъ и зрители этихъ сраженій держатъ большіе заклады. Иногда спускаютъ на драку буйволовъ, выводивъ ихъ попарно, въ кругу, образуемомъ толпою. Ими управляютъ люди, сидя на нихъ верхомъ, и ловко соскакивая, когда рога животнаго угрожаютъ опаснымъ нападеніемъ съ боку. Рѣдкій буйволъ продолжаетъ бой послѣ втораго или третьяго круга: обыкновенно прорывается онъ сквозь толпу зрителей, и тутъ многимъ отъ него достается.

Въ одинъ изъ своихъ праздниковъ Бирманцы прыщутъ водою на прохожихъ, и женщины особенно любятъ эту забаву, которую капитанъ Ло называетъ «холоднымъ путемъ сообщеній съ избранными счастливыми.»

Бирманскіе властители охотники до выказной пышности: право носить зонтики составляетъ общеизвѣстное отличіе должностнаго чловѣка. Бѣлые шелковые зонтики употребляетъ только король, и въ торжественномъ шествіи обы-

кновенно имѣть ихъ до семи: одинъ изъ нихъ гораздо болѣе прочихъ и называется «государственный сими-ярусный зонтикъ». Другая принадлежность царской пышности — огромный барабанъ: запрещено употреблять кому бы то ни было, кромѣ его, барабаны этого размѣра, подъ опасеніемъ ответственности, какъ за государственную измѣну. Барабаны подобно зонтикамъ строго соразмѣрены съ степенями званій, не говоря уже о множествѣ другихъ наружныхъ отличій.

Капитанъ Ло издастъ вскорѣ подробное описаніе государствъ Бирманскаго и Сіамскаго.

НОВОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ. Нѣмецкій журналъ Morgenblatt сообщаетъ объ этомъ фспоменѣ замѣчанія одного Англійскаго пастора, которыхъ мы не должны пропустить. Г. Фишеръ, жившій нѣсколько лѣтъ въ глубокомъ сѣверѣ, гдѣ это прекрасное явленіе такъ обыкновенно, выводитъ изъ сравненія своихъ тщательныхъ наблюденій съ описаніями многихъ мореплавателей и путешественниковъ, что сѣверное сіяніе является преимущественно на краю замерзающаго моря или вообще тамъ, гдѣ испаренія большихъ водныхъ массъ быстро замерзаютъ. При подобныхъ обстоятельствахъ замѣчается оно тотчасъ, и тогда освѣщаетъ верхніе края темныхъ облаковъ, образовавшихся всдою и испареніемъ: и этотъ особенный видъ сѣвернаго сіянія очень хорошо извѣстенъ посѣтителямъ сѣверныхъ морей. Г. Фишеръ, основываясь на этомъ, думаетъ, что сѣверное сіяніе точно явленіе электрическое. Быстрымъ сгущеніемъ паровъ въ моментъ замерзанія нарушается электрическое равновѣсіе ближайшихъ воздушныхъ массъ, и сѣверное сіяніе есть не что иное какъ процессъ, которымъ восстанавливается это равновѣсіе. Въ умѣренныхъ климатахъ не случается такого явленія потому, что тамъ нѣтъ внезапнаго замерзанія водныхъ испареній въ огромныхъ массахъ: природа восстанавливаетъ здѣсь электрическое равновѣсіе посредствомъ грома и молніи. И такъ сѣверное сіяніе по справедливости можно было бы назвать замѣною грозы для большихъ сѣверныхъ широтъ, гдѣ ся вовсе не бываетъ.

НЕВЕСНОЕ ЯВЛЕНИЕ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ. Г. Серебrenиковъ сообщаетъ намъ описаніе любопытнаго, хотя не рѣдкаго, луннаго сіянія, видѣннаго въ Ярославлѣ. Всю ночь съ 1 на 2 января, при ясной погодѣ и морозѣ въ 16 градусовъ, луна свѣтила очень ярко. Утромъ, въ исходѣ шестаго, когда она склонялась къ западу, показались отъ нея во всѣ четыре стороны довольно длинныя, свѣтложелтые столбы: они образовали совершенно правильный крестъ, котораго луна занимала середину; ширина этихъ свѣтлѣистыхъ столбовъ была равна ея діаметру. Нижний столбъ спускался къ горизонту раструбомъ, а верхній и боковые, одинаковой съ нимъ длины, оканчивались въ воздухѣ. Крестъ обведенъ былъ большимъ радужнымъ кругомъ, рисовавшимся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ оконечностей столбовъ. Сверху и снизу черта этого круга была тонка, но по бокамъ она представляла двѣ очень широкія радуги, вдвое шире противъ видимой площади луны, и края ихъ, обращенные къ свѣтилу, были яркаго краснаго цвѣта; далѣе слѣдовали полосы фіолетовая, голубая, зеленая, свѣтлозеленая, и наконецъ бѣлая, какъ полированное серебрѣ. Образуя собою кругъ, радуги эти постепенно суживались къ верхней и къ нижней точкамъ его обода, у видимаго горизонта и у зенита, гдѣ соединяла ихъ тонкая, но довольно замѣтная, бѣлая дуга, такъ что крестъ былъ въ серединѣ разноцвѣтнаго колеса, усѣченнаго горизонтомъ. Въ точкѣ соединенія столбовъ, луна сіяла изжелта бѣлымъ свѣтомъ, но такъ ярко, что безъ труда можно было читать самую мелкую печать. Вообще все это явленіе было прекрасно и величественно. Въ половинѣ седмаго, столбы и кругъ начали блѣднѣть и исчезать, и минутъ пять кромѣ луны ничего не было видно. Послѣ они опять явились на прежнемъ мѣстѣ, и пропали совершенно въ осьмомъ часу, когда ужъ разсвѣтало.

ТЕМПЕРАТУРА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ЖИВОТНОЙ РАСТИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Мы привыкли полагать необходимымъ условіемъ органическаго быта болѣе или менѣе умѣренную теплоту, но на термометръ природы «тепло» и «холодъ» написаны для жизни въ такомъ разстояніи другъ отъ друга,

что ужасають воображеніе. Тридцать пять градусовъ тепла и тридцать пять градусовъ мороза,—вотъ двѣ крайности, за которыя мы перейти не можемъ. Посмотримъ теперь, какъ далеко простирается терпѣливость тѣла другихъ органическихъ существъ относительно къ теплу и холоду.

Въ Африкѣ, особенно близъ Египетскихъ пирамидъ, зной такъ несносенъ и песокъ такъ сильно раскаляется, что по-видимому нѣтъ возможности существовать на немъ ни растенію, ни животному; однако жъ Гасельквистъ нашелъ здѣсь и то и другое, именно, ожинную растороншу, мелкую породу ящерицъ и бездну мурашколовокъ. Шейхцеръ и Палласъ наблюдали растенія и животныхъ въ сѣрныхъ источникахъ. Форскаль въ Аравіи, Барро на мысѣ Доброй Надежды и Гукръ въ Исландіи, находили разныя породы нитчанокъ и лучицъ, растущія въ кипящихъ ключахъ. Замѣчательнѣйшее извѣстіе о растительности при весьма высокой температурѣ находимъ у Стантона, въ описаніи Маркартнеева посольства въ Китай. Сочинитель говоритъ, что на островѣ Амстердамъ видѣли они ключъ, котораго иль былъ горячѣе кипятка, и однако жъ производилъ родъ марханціи. *Turbo thermalis*, улитка, родомъ изъ Адриатическаго Моря, встрѣчается въ теплыхъ ключахъ Абано при сто-двадцати градусной температурѣ. Когда теперь вспомнимъ, что многія животныя никогда не оставляютъ полюсовъ, и хорошо переносятъ холодъ въ 60 градусовъ, то найдемъ, что органическая жизнь растянута и распределена на огромномъ масштабѣ теплоты, котораго одинъ конецъ погруженъ въ вѣчный морозъ, а другой высокое кипѣніе.

НОВѢЙШІЯ МУМИИ, ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ И ДЕРЕВЯННЫЯ.

Шестаго марта прошлаго года профессоръ Франкина бальзамировалъ мертвое тѣло въ Палермскомъ анатомическомъ театрѣ. Четырнадцатаго маія, слѣдственно слишкомъ черезъ два мѣсяца, новую мумію разсматривали въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Черты усопшаго ни сколько не перемѣнились; тѣло было совершенно гибко и сохраняло обыкновенный смертный цвѣтъ, не издавая не малѣйшаго зловонія. Внутренности, которыхъ, по способу Франкины не нужно выпимать, также хорошо сохранились, особенно легкія, пайденныя въ совершенной свѣжести. Кажется, что

Г. профессоръ намѣренъ тантъ испытанныя имъ средства. Славный Ларре, главный хирургъ Французской арміи, употреблялъ для этого ртутный сублиматъ, недавно приложенный Кайномъ (Куан) къ предохраненію отъ порчи строеваго лѣса. Тѣло опускалось въ растворъ сублимата, поддерживаемый на одинаковой степени крѣпости мѣшечками съ тѣмъ же сублиматомъ. «Я самъ видѣлъ, говоритъ докторъ Нюренбергеръ, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, что тѣло, набальзамированное такимъ образомъ послѣ Эйлаускаго сраженія, провезено было черезъ Бранденбургію въ совершенной сохранности; но внутренности и глаза были вынуты.» Стало-быть, профессоръ Франкина открылъ иной способъ. Но изъ всего этого важнѣйшее дѣло—бальзамированіе древнихъ труповъ помощію ртутнаго сублимата: ежели посредствомъ этого вѣщества можно предохранить строевыя бревна отъ гніенія, то открытіе Г. Каена было бы огромнымъ благодѣяніемъ для нашихъ климатовъ.

НОВОГОЛЛАНДСКІЯ ДИКІЯ СОБАКИ. Динги, или туземныя собаки, пишетъ одинъ Англійскій путешественникъ изъ Ново-Южнаго Вельса, настоящіе волки этого края. Онѣ живутъ въ ущеліяхъ скалъ и бываютъ такъ велики и сильны, что причиняютъ въ стадахъ поселенцевъ страшныя опустошенія. Эти животныя очень умны и живущи. Часто ходятъ на нихъ съ цѣлыми стадами Европейскихъ собакъ: при одномъ изъ этихъ случаевъ охотники напали на динго съ палками, и думали, что заколотили его до смерти; но, отошедъ немного, они увидѣли, къ крайнему своему удивленію, что динго всталъ на ноги, отряхнулся, и убѣжалъ въ чащу лѣса. Другаго динго, котораго также считали убитымъ, принесли домой, и хотѣли снять съ него шкуру. При началѣ этой операціи, къ которой приступили съ головы, искривилась морда животнаго. Охотникъ приписалъ это раздражительности мышцъ, и удалился на минуту поточить ножикъ, но когда хотѣлъ онъ снова приступить къ дѣлу, то увидѣлъ, что динго сидитъ на заднихъ лапахъ: онъ принужденъ былъ добить полубодраннаго звѣря. Динги, какъ и всѣ дикія собаки, не умѣютъ лаять, а только воютъ и визжать. Лай—способность пріобрѣтенная,—собачья риторика, — признакъ образованно-

сти: это какъ-бы усиліе говорить, къ которому вызываетъ собакъ обхожденіе съ человѣкомъ и желаніе подражать ему.

ПРЕИМУЩЕСТВА СЛѢПОТЫ ПЕРЕДЪ ГЛУХОТОЮ. Г. Гольманъ, о которомъ мы говорили въ осьмой книжкѣ Б. для Ч., издалъ второй томъ своего «Путешествія вокругъ свѣта». Мы приведемъ изъ этого тома два любопытнѣйшія мѣста, — объ умственныхъ способностяхъ одной породы обезьянъ и о нынѣшнемъ состояніи Мадагаскара, но прежде обратимся къ обстоятельству, лично до него касающемуся. Известно, что Г. Гольманъ слѣпъ. Въ окрестностяхъ города Мыса-Доброй-Надежды, Cape Town, онъ долженъ былъ ночевать у одного мызника.

«Двое его сыновей отъ первой жены, одинъ восемнадцати, другой шестнадцати лѣтъ, были оба совершенно глухи и нѣмы, но занимались земледѣліемъ наравнѣ со всеми другими. Я спросилъ отца ихъ, что почитаетъ онъ злѣйшимъ несчастіемъ, — потерю зрѣнія или лишеніе органовъ слуха и рѣчи: онъ отвѣчалъ съ явной увѣренностью — Конечно слѣпоту! Я и самъ былъ точно такого мнѣнія, пока не утратилъ глазъ своихъ. Но еслибъ теперь предоставили мнѣ выборъ бѣдствія, я взялъ бы себѣ то, которымъ угодно было посѣтить меня Провидѣнію. Мнѣ кажется, что я могъ бы оправдать мысль свою слѣдующими доводами: Я все еще наслаждаюсь обществомъ, и способенъ участвовать въ каждомъ обыкновенномъ занятіи жизни, кромѣ чтенія и одинокой прогулки въ незнакомомъ мѣстѣ, такъ же легко и съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и до постигшаго меня несчастія. Могутъ подумать, что я очень много теряю, не будучи въ состояніи наблюдать лица тѣхъ, съ кѣмъ говорю; но это для меня отнюдъ не такъ важно, какъ полагаютъ, потому что звукъ голоса, выраженіе и моя собственная голова пополняютъ недостатокъ. Величайшее вознагражденіе, какое получаемъ мы за наши бѣдствія, состоитъ во всеобщемъ участіи, а люди особенно оказываютъ его къ слѣпымъ, воображая, что они всѣхъ несчастнѣе: слѣпцы примѣчаютъ это, и я увѣренъ, что вотъ основаніе того радушія и той постоянной веселости въ бесѣдѣ, которою они особенно отличаются. Совсѣмъ другое дѣло — глухіе, не пото-

му, чтобъ свѣтъ пренебрегалъ ихъ съ умысломъ, но потому, что съ ними трудно объясняться, не сосредоточивая общаго вниманія, а этого одного достаточно для удержанія многихъ. Но кромѣ того самая необходимость чрезмѣрно возвышать голосъ бываетъ физически отяготительна, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должно прибѣгать къ особенному роду объясненія, рѣдкій обладаетъ этимъ искусствомъ въ такой степени, чтобъ употреблять его съ надлежащей быстротою. Оттого глухихъ избѣгаютъ поневолѣ, а они привыкаютъ смотрѣть на общество съ завистью: веселые кажутся имъ насмѣшниками, угрюмые порицателями, и всѣ безъ исключенія какъ-бы чуждыми. Легкое размышленіе могло бы убѣдить ихъ, что одинъ человѣкъ никогда не останавливаетъ надолго вниманія цѣлой толпы или цѣлаго круга; но напрасно вести переговоры съ чувствами, до такой степени укоренившимися отъ обстоятельствъ, и разсуждать съ позрѣніемъ, порожденнымъ общою невнимательностью. Такимъ образомъ слишкомъ часто глухіе предоставляются своему мрачному раздумью правъ: духъ портится, пріемы становятся грубы наотрѣзъ, и очень не мудро, если ожесточается въ нихъ и самосердце.»

УМСТВЕННЫЯ СПОСОБНОСТИ ОБЕЗЬЯНЪ. 1. Павіаны. Г. Гольманъ сообщаетъ любопытныя, почти исчерпывающія вещи объ умѣ павіановъ.

Должно замѣтить, что эти обезьяны рѣдко встрѣчаются менѣе чѣмъ сотнею разомъ. Онѣ переходятъ съ мѣста на мѣсто въ порядкѣ, подобномъ военному, то есть, съ соблюденіемъ повидимому нѣизмѣнныхъ правилъ подчиненности. Когда онѣ разбрѣдутся за пищу, у нихъ всегда стоятъ часовые, и, только завидя человѣка, кричатъ весьма явственно—*Егу!* Это невольно напоминаетъ Свифтовыхъ *Yahoo* каждому, кто читалъ Гулливеровы путешествія.

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Г. Гольманъ, что у этихъ тварей есть законы, которыми управляется ихъ общество, и по которымъ наказываются у нихъ преступленія. Мнѣніе это подтверждается случаемъ, которому одинъ мой знакомый и жена его были сами очевидцами. За нѣсколько мѣсяцевъ до того происшествія, о которомъ я буду говорить, этотъ

господинъ просилъ одного садовника достать ему самага большаго павіана; но такъ какъ трудно было поймать такого гиганта, то желаніе его оставалось неисполненнымъ. Разъ, ѣдутъ они съ женою верхомъ къ тому самому садовнику, какъ вдругъ съ одного холма раздались пронзительные крики, и они увидѣли двѣ стаи павіановъ, выстроенныя въ порядкѣ и саженьяхъ въ тридцати одна отъ другой. Между ними, посерединѣ, стояло одно изъ самыхъ крупныхъ животныхъ этой породы и, какъ осужденный, ожидало своей казни: съ каждой стороны выходило чередою по одному павіану, которые, поколотивъ преступника, уступали мѣсто другимъ, слѣдовавшимъ въ томъ же порядкѣ. Побой всякой разъ извлекали у виновнаго отвратительные вопли, но казнь все продолжалась съ неизмѣнной важностью, такъ, что мои знакомые должны были уѣхать не дождавшись конца, и протолковали всю дорогу, чѣмъ за преступленіе могла совершить бѣдная обезьяна. Вскорѣ оказалось весьма правдоподобнымъ, что вина ея состояла въ оплошномъ исправленіи караула. Садовникъ вышелъ на встрѣчу съ вѣстію, что онъ досталъ наконецъ павіана, но не могъ успѣть въ томъ иначе, какъ застрѣливъ его.»

Знакомый Г. Гольмана остался въ полной увѣренности, что зрѣлище казни было въ непосредственной связи съ подвигомъ садовника. Этотъ же знакомый сказывалъ автору, что у него была самка павіана, или павіаниха, которая очень любила играть съ дѣтьми, но была чрезвычайно шаловлива и при первой возможности била фарфоръ, стекла и все, что ей ни попадалось.

«Однажды проказы ея грозили самымъ трагическимъ заключеніемъ и привели въ величайшій ужасъ весь домъ. Вотъ какъ было дѣло: по случаю починокъ на кровлѣ, къ самому ея верху приставлена была длинная лѣстница, и по ней-то вздумалось госпожѣ павіанъ предпринять прогулку, но не одной, а самъ-другъ. Выждавъ удобный случай съ той удивительной смышленостью, которая такъ близка къ уму, и которая дѣлаетъ этихъ тварей такой печальной сатирою на человѣчество, она воспользовалась отсутствіемъ кормилицы, подкралась къ колыбели, гдѣ спалъ девяти-мѣсячный ребенокъ, взяла его брѣжно на руки и улепетнула на вершину

кровли: тутъ только кто-то увидѣлъ ее со двора и поднялъ тревогу. Боясь испугать обезьяну, чтобъ она не бросила ребенка, никто не зналъ, что начать; напослѣдокъ черный невольникъ рѣшился на опасное предпріятіе, и пошелъ за нею. Чувства родителей предоставляемъ воображенію каждаго. Кто отецъ и кто мать, тѣ могутъ составить себѣ понятіе, съ какимъ трепетнымъ, болзненнымъ вниманіемъ слѣдили они каждое движеніе вѣрнаго слуги. Къ счастью, и можно сказать, къ удивленію, павіанна не тронулась съ мѣста, и преспокойно передала дитя на руки его избавителя. Повидимому, она для того унесла ребенка, чтобъ имѣть удовольствіе покормить его на-просторѣ: по-крайнѣй-мѣрѣ она набила себѣ корму полную пасть, и старалась потомъ напихать его въ ротъ ребенку, такъ, что, если бъ этого скоро не увидѣли, она задушила бы маленькаго страдальца изъ одной нѣжности. Проказницу тогда же отдали одному Англичанину, который и увезъ ее съ собою.»

2. Орангъ-утанги. Послучая этого описанія смыслености и чувствительности павіановъ, мы приведемъ изъ другихъ источниковъ нѣсколько новѣйшихъ наблюденій надъ умомъ орангъ - утанговъ. Докторъ Абель, бывшій спутникомъ одного орангъ-утанга на Англійскомъ военномъ кораблѣ отъ Борнео до Лондона, описалъ въ журналахъ любопытные нравы своего долгорукаго пріятеля.

«По прибытіи нашемъ въ Яву, говоритъ докторъ, орангъ-утанга пустили на берегъ и дали ему совершенную свободу до послѣднихъ двухъ дней передъ помѣщеніемъ его на корабль Цезарь. Пока обезьяна была на свободѣ, она ни разу не пыталась убѣжать, считая себя лицомъ, принадлежащимъ къ экипажу и насъ своими товарищами; но пришла въ бѣшенство, когда ее посадили въ большую бамбуковую клѣтку, сдѣланную нарочно для ея перевоза. Какъ скоро она замѣтила свою неволю, тотчасъ ухватила лапами за клѣточные стойки, трясла ихъ изо всей мочи, и старалась изломать; но увидѣвъ, что не можетъ одолѣть ихъ разомъ, начала пытаться каждую по очереди, выбрала одну потоньше, успѣла ее переломить, и ушла. Скоро ее опять поймали, и привязали на цѣпи къ канату: она умѣла отвязать цѣпь и явилась на палубѣ, таща ее за собою; по

какъ цѣпь мѣшала ей ходить , то обезьяна обмотала ее два раза около себя и конецъ закинула себѣ черезъ плечо. Замѣтивъ потомъ, что онъ не держится на плечѣ, она взяла его въ ротъ.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ овладѣть бѣглецомъ, его пустили гулять по кораблю на свободѣ: скоро сдружился онъ съ матросами и превзошелъ ихъ въ проворствѣ. Они часто гонялись за нимъ по снастямъ, и въ этихъ играхъ доставляли ему бездну случаевъ выказывать свою ловкость. Обыкновенно онъ ускользалъ отъ тѣхъ, кто гнался за нимъ, потому что бѣгалъ гораздо скорѣе; но увидѣвъ, что его настигаютъ, онъ хватался за веревку и избѣгалъ преслѣдованій, качаясь на ней очень быстро. Иногда нарочно трясли снасти, но онъ всегда удерживался силою своихъ мышцъ. Въ веселый часъ, онъ останавливался на минуту подъ самыми руками своихъ преслѣдователей, и потрепавъ одного изъ нихъ, пускался опять со всѣхъ ногъ.

«Пока мы были въ Явѣ, онъ жилъ на берегу, на огромномъ тамариндѣ, росшемъ неподалеку отъ моря. Вечеромъ онъ дѣлалъ себѣ постель на этомъ деревѣ, сплетая его вѣтви и покрывая ихъ листьями. Днемъ онъ лежалъ на груди съ высунутой головою, чтобъ видѣть все, что дѣлалось внизу. Какъ скоро замѣчалъ кого-нибудь съ плодами, онъ тотчасъ слѣзалъ съ дерева для полученія своей доли. Онъ всегда отпраивался къ себѣ на дерево при захожденіи солнца, а покушавъ плотно, и ранѣе; вставалъ съ зарею, и шелъ прямо къ тѣмъ, которые его обыкновенно кармили.

«На кораблѣ, пока былъ на глазахъ у экипажа, онъ по-видимому немного зашпмался маленькими обезьянами другихъ породъ, бывшими тоже на палубѣ, и однажды явно попытался бросить въ море клѣтку, въ которой ихъ было цѣлая трп, за то, что имъ дали чего-то, а ему нѣтъ. Но хотя онъ мало имѣлъ съ ними сношеній, однако жъ былъ къ нимъ не такъ равнодушенъ, какъ казался. Разъ онъ сталъ играть съ обезьянкой между парусовъ и канатовъ: лежа на парусѣ: онъпреважно смотрѣлъ на ея прыжки, между-тѣмъ какъ она скакала у него надъ головою; наконецъ схватилъ ее за хвостъ и хотѣлъ завернуть въ парусъ, какъ дитя въ пеленку; но обезьянкѣ не понравился этотъ

плѣтъ, — она безпрестанно у него вырывалась, и снова начинала свою пляску. Однако жъ онъ обходился съ ними не такъ, какъ съ равными, и не позволялъ имъ надъ собой шутить: съ людьми другое дѣло, — онъ считалъ ихъ почти орангъ-утангами, по-крайней-мѣрѣ существами, столь же благородными какъ онъ самъ. При всемъ томъ обезьянки очень любили его сообщество, и являлись къ нему всякой разъ, какъ ихъ выпускали. Впрочемъ дружба ихъ не усилилась отъ времени: она была точно такова же въ первый день, какъ и подъ конецъ путешествія.

«Орангъ-утангъ былъ вообще очень кротокъ, но когда его дразнили, выходилъ изъ себя отъ гнѣва, — раздвѣлялъ ротъ, оскаливалъ зубы и кусалъ всѣ вещи, которыя были поближе. Раза два или три мы думали, что онъ хочетъ убить себя съ отчаянія. Когда ему отказывали въ апельсинѣ, онъ выпускалъ пронзительные крики, и яростно бросался въ снасти; но послѣ приходилъ опять, и снова старался его выпросить. Если ему и тутъ отказывали, онъ катался по палубѣ какъ разсерженный ребенокъ, и наполнялъ воздухъ криками; потомъ вдругъ вскакивалъ, и прятался на другомъ концѣ судна. Въ первый разъ, когда это случилось, онъ чуть не бросился въ море отъ огорченія.

«Это животное не дѣлаетъ такихъ ужимокъ какъ другія обезьяны, и не имѣетъ, подобно имъ, склонности къ безпрестаннымъ продѣлкамъ. Нашъ орангъ-утангъ былъ обыкновенно смиренъ, степененъ и даже задумчивъ. Когда онъ бывалъ въ первый разъ съ незнакомыми, то озирался беспокойно и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ пригорюнившись; если жъ они ему слишкомъ падоѣдали своей пытливостью, онъ укрывался въ первое убѣжище, какое ему попадалось. Кротость его оказывалась въ терпѣиин, съ которымъ обыкновенно сносилъ онъ обиды: только слишкомъ жестокія оскорбленія могли его озлобить; онъ всегда избѣгалъ тѣхъ, кто его мучилъ, и напротивъ былъ чрезвычайно привязанъ къ тѣмъ, кто былъ съ нимъ хорошъ, садился возлѣ нихъ и придвигался какъ-можно ближе, иногда съ нѣжностью прикладывалъ руку ихъ къ своимъ губамъ. Рулевой, котораго онъ особенно любилъ за то, что тотъ уступалъ ему половину своей порціи, выучилъ его ѣсть лож-

кою. Любопытно было видѣть, съ какой смѣшной важно-стью пилъ онъ кофе. Званіе безпристрастнаго историка налагаетъ на меня обязанность сказать въ осужденіе моему герою, что, несмотря на чувства признательности къ рулевому, онъ часто воровалъ у него водку.

«Послѣ рулевого, я всѣхъ больше пользовался его дружбою: онъ слѣдовалъ за мною въ уединенныя мѣста корабля, куда я уходилъ читать. Удоставившись впередъ, что въ карманахъ у меня нѣтъ ничего съѣстнаго, онъ растягивался у моихъ ногъ, смыкалъ глаза, и временемъ растворялъ ихъ, чтобъ посмотрѣть, что я дѣлаю.

«Въ Явѣ, первымъ его удовольствіемъ было прыгать по деревьямъ съ сука на сукъ и взбираться на кровли домовъ, а на кораблѣ вѣшаться руками за канаты и играть съ дѣтьми. Онъ затрогивалъ дѣтей, когда они проходили мимо его, и потомъ убѣгалъ отъ нихъ прыжками, но отъ времени до времени нарочно имъ поддавался. Тутъ дѣйствовалъ онъ и руками, и ногами, и зубами. По пріемамъ его въ этихъ шуточныхъ борьбахъ, можно полагать, что, при настоящей дракѣ, онъ старается прежде повалить своего противника, потомъ удерживаетъ его руками и ногами, и наконецъ впускаетъ въ него зубы. Во время плаванія онъ обыкновенно спалъ на парусѣ большой мачты, и часто его встегивалъ на себя вмѣсто одѣяла. Оправляя свою постель, онъ тщательно старался устранить все, что могло сдѣлать поверхность ея неровною. Иногда, чтобъ подразнить его, я ложился на нее прежде его, и онъ гналъ меня, сильно потрясая парусъ; но если было довольно мѣста для двухъ, то покорялся необходимости и тихонько ложился подлѣ меня. Если всѣ паруса были подняты, онъ старался промыслить себѣ другое одѣяло, воровалъ бѣлье, повѣшенное матросами для просушки и таскалъ даже одѣяла съ коекъ.

«На высотѣ мыса Доброй Надежды онъ сильно терпѣлъ отъ холода, особенно утромъ, сходя съ мачтъ. Бѣднякъ, привыкнувъ къ знойной температурѣ Восточнаго Архипелага, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, прибѣгалъ къ своимъ друзьямъ, бросался въ ихъ объятія, и крѣпко сжималъ ихъ руками,

чтобы согрѣться около нихъ. Если кто хотѣлъ у него вырваться, онъ выпускалъ жалобные вопли.

«Въ Явѣ, обыкновенною его пищею были плоды, особенно мангостаны, которые онъ любилъ до чрезвычайности. Онъ былъ также большой охотникъ до яицъ, которые жадно высасывалъ и часто ходилъ въ курятникъ добывать самъ. На корабль онъ не имѣлъ однообразной пищи, и тѣлъ все, особенно сырую говядину: онъ очень любилъ хлѣбъ, однако жъ предпочиталъ плоды, если только могъ достать ихъ. Въ Явѣ пилъ онъ только воду, но на кораблѣ питье его было такъ же разнообразно, какъ и пища. Онъ охотнѣе пилъ чай и кофе, но не брезгалъ и виномъ: однажды онъ явно обнаружилъ склонность къ крѣпкимъ напиткамъ, укравъ у капитана бутылку рому. Въ Лондонѣ онъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ напиткамъ пиво и молоко.

«Въ попыткахъ его удовлетворять своему обжорству, имѣли мы случай замѣтить всю его природную смышленность. Онъ сердился, если ему не давали тотчасъ, чего онъ хотѣлъ, и преслѣдовалъ насъ съ одного конца судна на другой, чтобъ получить желаемое. Я рѣдко выходилъ на палубу безъ какихъ-нибудь лакомствъ или плодовъ въ карманахъ, и нарочно старался укрывать ихъ отъ его бдительнаго взора: иногда я взбирался на вершину гротъ-мачты, но онъ всегда меня останавливалъ или предупреждалъ. Онъ крѣпко прижималъ меня къ мачтѣ обѣими ногами и одной рукою, а другою обиралъ мои карманы. Часто всбѣгалъ онъ очень высоко, и потомъ вдругъ спускался на меня по веревкѣ. Если, угадывая его намѣреніе я хотѣлъ сойти внизъ, онъ бросался за мною и ловилъ меня въ вантахъ. Иногда я привязывалъ на веревку апельсинъ и спускалъ къ нему съ гротъ-мачты, и, только-что онъ хотѣлъ его схватить, я отдергивалъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, схватить его прямо онъ перемѣнялъ планъ нападенія: притворялся, будто уже не думаетъ о моемъ апельсинѣ, медленно всходилъ по снастямъ, но потомъ вдругъ бросался на веревку, поддерживавшую его лакомство: если я успѣвалъ предупредить его движеніе и во-время отергивалъ апельсинъ, онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи, визжалъ, кидался на меня

и жалъ до тѣхъ поръ, пока волею или неволей я уступалъ ему предметъ его желаній.

«Два раза случилось мнѣ видѣть его въ большемъ испугѣ. Однажды, у Острова Вознесенія, принесли на корабль восемь черепахъ: онъ такъ ихъ перепугался, что тотчасъ умчалъ на снасти выше обыкновеннаго и оттуда разсматривалъ черепахъ, оставленныхъ на палубѣ: длинныя его губы оттянулись и образовали родъ собачьей морды, и необыкновенный стонъ, подобный хрюканью свиньи и карканью вороны, вырывался у него изъ груди. Черезъ нѣсколько времени онъ рѣшился спуститься, но все еще боязливо поглядывалъ на черепахъ, и держался отъ нихъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Вторичную тревогу причинилъ ему видъ купавшихся въ морѣ: онъ видно испугался ихъ паготы».

Вотъ другой недавній примѣръ образованнаго орангъ-утанга, который былъ изъ породы *simias satyres*. Онъ былъ воспитанъ у Г. Форстера, въ Батавіи. Г. Бланшаръ, начальникъ судна Октавія, завтракалъ въ этомъ домѣ съ хозяиномъ, когда услышалъ, что дверь сзади отворилась, и почувствовалъ, что кто-то треплетъ его по плечу. Онъ очень удивился, увидѣвъ за собою черное и косматое двуногое, которое обходилось съ нимъ такъ безолично. Джорджъ, — имя косматого гостя, — сѣлъ по приглашенію своего господина за столъ, откушалъ съ ними весьма чинно, а послѣ кофе его выслали. Г. Бланшаръ взялся отвезти его въ Бостонъ. На кораблѣ орангъ-утангъ содержалъ свою каюту въ чистотѣ и порядкѣ. Каждый день выкидывалъ онъ остатки своей пищи; часто мылъ полы, и для этого самъ ходилъ за водою и за тряпками: онъ и его платье отличались тою же опрятностью; онъ умывалъ себѣ лице и руки совершенно какъ человѣкъ, и обнаруживалъ рѣшительную склонность къ щегольству. При всей кротости и послушаніи онъ очень любилъ играть и шалить. Но иногда, вопреки обыкновенному его смиренію, позволялъ онъ себѣ дерзости, заставлявшія капитана употреблять строгія мѣры. Послѣ наказанія, онъ обыкновенно ложился въ постель, и кричалъ какъ дитя, которое проситъ прощенія. Недранный рисъ, иногда мѣшаемый съ патокою, составлялъ обыкновенную его пищу: онъ впрочемъ ѣлъ все, что ему давали, но осо-

бенно любилъ кофе, чай и плоды. Онъ постоянно украшалъ своимъ присутствіемъ обѣды капитана, и при этомъ обыкновенно выпивалъ нѣсколько рюмокъ вина. Къ общему сожалѣнію всѣхъ его друзей, онъ умеръ на второй день по прибытіи своемъ въ Бостонъ.

5. *Послѣдняя война между Англіею и обезьянами.* Наконецъ должны мы сообщить нѣсколько извѣстій о послѣдней войнѣ между Англіею и оранго-утангами. Въ лѣсахъ, окружающихъ городъ Мысль-Доброй-Надежды, живетъ цѣлый народъ этихъ косматыхъ философовъ. Дружба между нимъ и правительствомъ Мыса продолжалась постоянно до 1822 года, когда послѣдовалъ разрывъ, принудившій Англичанъ рѣшиться на военные мѣры. Обезьяны начали посѣщать Англійскія казармы, лежащія за городомъ, и, пользуясь отсутствіемъ солдатъ, уходившихъ по утрамъ на ученіе, красть у нихъ бѣлье и одѣяла. Несмотря на всѣ предосторожности, воровства продолжались съ удивительною ловкостью. Орангу-танги мало-по-малу дошли до такой дерзости, что стали расхаживать стадомъ около казармъ. Особенно замѣтенъ былъ между ними одинъ старшій орангъ-утангъ съ сѣдою головою и необычайной величины, котораго солдаты прозвали дядя *Морфи*: онъ, казалось, командовалъ цѣлымъ отрядомъ, былъ чрезвычайно остороженъ и проворенъ, и они подозрѣвали, что онъ долженъ быть главный воръ своего народа. Они стерегли его, и дѣйствительно поймали, когда онъ, проникнувъ окномъ во второй этажъ казармы, тащилъ одѣяло съ кровати одного изъ товарища. Чтобъ дать ему и его друзьямъ уразумѣть противозаконность такого поступка, они вывели его въ поле, и, въ виду орангъ-утанговъ, блуждавшихъ по опушкѣ лѣса, безпощадно отодрали его палками. Спустя нѣсколько дней, обезьяны, мстя за обиду своего предводителя, вторглись въ-расплохъ цѣлымъ стадомъ въ казармы, и, пока солдаты схватились за тесаки и ружья, онѣ ограбили ихъ кровати и унесли множество вещей, съ которыми умчали въ поле. Тутъ начался шумъ и визгъ: орангъ-утанги, какъ-бы виздѣвку надъ Англичанами, завертывались въ одѣяла, рвали ихъ по частямъ, повязывали себѣ ими шеи или накидывали ихъ на плеча подобно женскимъ платкамъ, и такъ расхаживали въ полѣ, чванясь всячески трофеями своей побѣды. Дядя Мурфи надѣлъ на себѣ красный сер-

жантскій мундиръ, который удалось ему похитить, и подходилъ въ немъ шаговъ на тысячу къ казармамъ. Видя невозможность оборониться обыкновенными мѣрами, губернаторъ Мыса объявилъ формальную войну обезьянамъ: поручикъ съ отрядомъ тридцати человекъ пѣхоты посланы были въ лѣсъ противъ нихъ. Они убили нѣсколько косматыхъ враговъ, и, преслѣдуя другихъ, приведены были къ большой пещерѣ, гдѣ находилась крѣпость и главная квартира непріятеля. Входъ въ пещеру былъ заваленъ колодами и вѣтвями, сквозь которыя посыпался на нихъ градъ камней. Предстояло брать пещеру штурмомъ, но какъ командиръ не былъ увѣренъ въ успѣхъ и опасался неизгладимаго срама для Англійскаго оружія, если бъ войско Его Королевскаго Величества было разбито обезьянами, то онъ предпочелъ отступить въ городъ. Съ тѣхъ поръ приказано стрѣлять по орангъ-утангамъ, которые появляются близъ казармы.

МАДАГАСКАРСКІЕ ОЧЕРКИ. Усилія полудикаго великаго человека водворить просвѣщеніе въ своемъ отечествѣ долго обращали вниманіе на Мадагаскаръ; но со смерти Радамы, который скончался, не совершивъ начатаго предпріятія, этотъ обширный и плодоносный островъ мало былъ посѣщаемъ путешественниками. Читатели конечно любопытны знать положеніе, въ какомъ теперь находится посланная туда Европейцами образованность. Англійскій военный корабль *Jaseur*, на которомъ находился и Г. Гольманъ, посѣтилъ въ 1828 году Портъ - Дюфенъ, лежащій въ части острова, управляемой особымъ королемъ. На другой день по прибытіи ихъ туда, явились на корабль два Мадекасскіе адъютанта съ письмомъ отъ короля къ капитану, писанномъ по-Англійски. Эта граммата стоитъ бытъ перепечатанною. Замѣтимъ, что Мадагаскарскіе *малые*, о которыхъ въ ней упоминается, суть молодые туземцы, которыхъ каждый корабль Капской эскадры имѣетъ, по предписанію адмиралтейства, въ числѣ сверхкомплетныхъ служителей, для обученія ихъ морской службѣ и Англійской образованности.

«Капитану Англійскаго военнаго корабля — здравствуй, «вашъ другъ, и всѣ офицеры, и Мадагаскарскіе малые, и по-

«сылаемъ бычка, пару гусей и двѣнадцать куръ, и лицъ, «и банановъ, да извольте взять съ собою двухъ Мадагаскарскихъ малыхъ для перевода, когда поѣдешь къ намъ на берегъ, и музыку, потому что мы давно не слыхали музыки.

«Романанулуна»

Мундиры этихъ адъютантовъ могутъ дать нѣкоторое понятіе о пышности Мадагаскарскаго двора.

«На одномъ былъ голубой камзолъ, бѣлые шаравары, бѣлые чулки и голубая шапка съ краснымъ козырькомъ и съ бантомъ на маковкѣ. На другомъ свѣтлооливковый камзолъ, шаравары, чулки и испарные башмаки, которые, подобно многимъ супругамъ, хоть и были вмѣстѣ, однако жъ глядѣли врознь. Одинъ былъ слишкомъ великъ, другой слишкомъ малъ, — и какъ адъютантъ угоразживался ходить въ нихъ, право, непостижимо! Однако жъ онъ дѣйствительно ходилъ: проводивъ насъ на берегъ, онъ доплелся до дворца благополучно, то есть, не потерялъ ни одного. Но кажется, что этотъ подвигъ совершился не безъ боли и затрудненія, и адъютантъ былъ очень радъ облегчить свои ноги: по-крайней-мѣрѣ на возвратномъ пути къ лодкѣ, куда онъ изъ вѣжливости провожалъ насъ, мы замѣтили, что башмаки свои оставилъ онъ дома, и шелъ въ однихъ бѣлыхъ чулкахъ, которые были у него спущены и обнажали черноту его ногъ, торчавшихъ какъ головки изъ короткихъ бѣлыхъ шараваровъ. За каждымъ изъ адъютантовъ слуга несъ шпагу: одна была съ мѣдною рукоятью, другая съ перламутровой, и обѣ въ мѣдныхъ ножнахъ. Двое служителей завернулись въ бѣлыя платья, какъ въ плащи, но на лодочникахъ не было ничего, кромѣ повязокъ по поясу.»

Король Рамананулуна-человѣкъ лѣтъ тридцати пяти теперь, очень дюжій, темноволосый и смуглолицый. Одежда его состояла изъ алаго камзола, почти пеношеннаго, съ парюю очень хорошихъ золотыхъ эполетъ, изъ бѣлой рубашки и бѣлыхъ шароваръ, голубаго жилета, чернаго галстука и сапоговъ съ разрѣзомъ посерединѣ. Но, кажется, ему было неловко въ этомъ парадномъ одѣяніи, которое очевидно сшито было не по немъ. Онъ осыпалъ капитана увѣреніями въ благорасположеніи своемъ къ Англичанамъ, и объявилъ,

что употребляетъ всѣ возможныя усилія прекратить торгъ невольниками въ своихъ владѣнiяхъ: въ доказательство онъ рассказывалъ, что недавно еще истреблено имъ Французское судно, производившее эту торговлю, и освобождены съ него тридцать четыре человѣка купленныхъ уже островитянъ. Онъ пользуется въ этой части острова неограниченною властію, объявивъ себя независимымъ отъ королевскаго дома, царствующаго въ Тананаривѣ, столицѣ покойнаго Радамы. Военная его сила простирается до тысячи человѣкъ. Туземцы очень нуждаются въ платьѣ, особенно въ мундирахъ, треугольныхъ шляпахъ, и сверхъ того въ мылѣ, котораго они всего больше добивались, и которое, кажется, всего для нихъ необходимѣе, потому что весьма многіе страдаютъ кожными болѣзнями, происходящими преимущественно отъ неопрятности. Всѣ они жевали табакъ, и такіе до него охотники, что когда подчивали ихъ изъ табакерки, они брали щепотъ и клали прямо въ ротъ. Можно себѣ представить, какова страсть знатнѣйшихъ между ними къ треугольнымъ шляпамъ, когда они предлагали одному Англійскому офицеру двадцать взрослыхъ быковъ и пять телятъ за ту, которую на немъ видѣли. Слѣдственно, образованность подвигается.

«Въ одеждѣ обоихъ половъ еще нѣтъ ни какого различія: почти всѣ носятъ однѣ только подвязи по поясищѣ, и если есть какая-нибудь разница въ причeskѣ, то и ограничивается тѣмъ, что женщины плетутъ косы мельче нежели мужчины. У солдатъ есть, кажется, форменная прическа: затылки и маковки острижены очень плотно, а напередѣ оставленъ большой хохолъ, расчесываемый съ большимъ стараніемъ. Что касается до невинности, то и въ этомъ не болѣе различія между полами; по-крайней-мѣрѣ до вступленія въ бракъ и мужчины, и женщины почитаются совершенно свободными.»

«Отсюда корабль Jaseur отправился въ Бембатонскій Заливъ, гдѣ живетъ губернаторъ королевы Мадагаскара, вступившей на престолъ послѣ кончины Радамы. Здѣсь и народъ и всѣ учрежденія значительно опередили Портъ-Дофенскихъ въ образованности. Вообще островъ Мадагаскаръ плодоносенъ даже въ самыхъ возвышенныхъ частяхъ сво-

ихъ; но по лѣности жителей худо обрабатывается: главное дѣлають здѣсь однѣ женщины. Внутреннія области, особенно Ова, наилучше воздѣланы, и поэтому обильнѣе продовольствіемъ. Столица Танариво--верстъ на четыреста отъ морскаго берега, и лежитъ на вершинѣ хребта горъ, простирающагося почти отъ сѣвера къ югу посрединѣ острова.

«Порядокъ наследованія Овайскаго престола опредѣленъ закономъ, подобнымъ Малайскому: сыновья царствующаго короля исключены въ пользу его племянниковъ по женскому колѣну, то есть, старшій сынъ старшей королевской сестры всегда законный наследникъ. Обыкновеннѣе это происходитъ, кажется, отъ господствующаго здѣсь разврата, который подвергаетъ подозрѣнію честь самой королевы и налагаетъ кляймо незаконности даже на царское потомство. Здѣсь думаютъ, что наследственная чистота крови вѣрнѣе сохраняется въ женской нежмѣ въ мужской линіи, потому что король непременно долженъ быть настоящимъ сыномъ своей матери, а дочери ея настоящими его сестрами: если онъ съ нимъ и разныхъ отцевъ, то все-таки онъ царской крови по матери.

«Женское цѣломудріе не почитается въ Овѣ за добродѣтель, и королевскій домъ пользуется правомъ неограниченнаго слагостюбія. Королева по смерти мужа беретъ себѣ другаго, третьяго, и перемѣняетъ ихъ такъ часто, какъ ей вздумается, если только они не изъ царствующаго дома. Этотъ обычай держится еще въ Овѣ, несмотря на многія улучшенія, введенныя съ недавняго времени Англичанами.

«Законъ дозволяетъ королю имѣть двѣнадцать женъ, и, въ случаѣ некомплекта, этикетъ требуетъ полагать, что онъ всѣ налице. Изъ числа ихъ, семь или восемь выбраны имъ самимъ: остальные достаются ему послѣ предмѣстника, и только считаются его женами. Эти титулярныя супруги бывають иногда очень стары и дряхлы.

«Сверхъ-того, король можетъ имѣть столько любимицъ, сколько хочетъ; но ихъ содержать взаперти, и дѣти ихъ никогда не признаются законными. Богатые заводятъ отъ трехъ до шести женъ, смотря по состоянію и знатности. Случается, что сынъ одного брата женится на двухъ, трехъ

дочеряхъ другаго. Низшія ессловія также имѣють по столько женъ, сколько могутъ еодержать.»

Радама, о которомъ уже говорили мы во второй книжкѣ Б. для Ч. (Путешествія Тейеремена и Беннета), былъ просвѣщеннѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ государей острова. Онъ бросилъ многіе предразсудки своихъ подданныхъ, ревностно желалъ учиться, весьма быстро постигалъ, въ чемъ главное, и всегда былъ готовъ къ рѣшительному выполнению того, что могло принести пользу его отечеству. Передъ другомъ своимъ, Англичаниномъ Гасти, отлагалъ онъ иногда королевское достоинство, оплакивалъ заблужденія варварства, и изъявлялъ самое пламенное желаніе къ ихъ искорененію; однако жъ всегда бралъ мѣры съ осторожностью, чтобъ не оскорбить чувствъ своихъ подданныхъ. При всемъ томъ, онъ не могъ совершенно оеоводиться отъ прежнихъ привычекъ. Онъ много спалъ, жадно ѣлъ, и забавлялся криками женщинъ и екачками мужчинъ, которые плясали подъ звукъ бубенъ, ударяемыхъ рукою и сопровождаемыхъ брячаньемъ раковинъ.

Такъ трудно разстаться съ варварствомъ и съ закоренными привычками ранней жизни. За все любили его подданные, кромѣ уничтоженія торгоа невольниками: и что мудренаго, если этотъ шагъ казался величайшимъ неразуміемъ даже его министрамъ и совѣтникамъ. Они, какъ самъ онъ говорилъ, смотрѣли на одинъ барышн, тогда какъ онъ жаждалъ славы. Удивительное вліяніе Г. Гасти перемогло весь государственный совѣтъ, несмотря на то, что договоръ о невольникахъ не слишкомъ былъ выгоденъ для Радамы: назначенное ему ежегодное вознагражденіе, кажется, отнюдь не покрывало происшедшей оттого убыли въ доходахъ.

«Онъ обыкновенно принималъ совѣтниковъ каждое утро въ семь часовъ, и совѣщанія ихъ продолжалась отъ полудна до двухъ часовъ, такъ, что вѣроятно они были чрезвычайно сдиодушны въ рѣшеніяхъ, или одна воля его была закономъ. У Г. Гасти есть одно замѣчаніе, которое заставляетъ думать, что приговоры ихъ были часто очень строгі. «Бѣда тому, говоритъ онъ, кто не можетъ заплатить пенн, положенной за сдѣланное имъ преступленіе.»

«Въ Тананариво, самому мелочному дѣлу есть назначенное время, опредѣляемое мнѣніемъ королевскихъ совѣтниковъ. Однажды, съ разрѣшенія его величества, Г. Гастин послалъ въ королевскіе анбары просить рису. Радама велѣлъ извинить себя передъ нимъ въ невозможности удовлетворить требованію его до слѣдующаго утра, «потому что нынче тяжелый день для отпуска съѣстныхъ припасовъ.» Если бъ этотъ необыкновенный человекъ прожилъ нѣсколько лѣтъ долѣе, природная его склонность къ усовершенію безъ сомнѣнія принесла бы самые полезные плоды. Онъ не терялъ ни одного случая къ приумноженію своихъ познаній и примѣненію своего образа мыслей къ Европейскому, и со временемъ конечно рѣшился бъ сбросить цѣпи народныхъ предразсудковъ и отмѣнить многие нелѣпыя обычаи. Овайскій народъ не имѣетъ понятія о религіи; отъ этого суевѣрія его исполнены варварства, и, кажется, только свѣтъ Евангелія, распространяемый примѣромъ любимаго государя, силенъ вывести этихъ островитянъ изъ мрака, которымъ окружены они со всѣхъ сторонъ.»

Радама, какъ извѣстно, умеръ въ 1828 году, около того времени, какъ корабль *Jaseur* былъ въ Портъ-Дофенъ. Ему наследовала любимая жена его Ранаволана, бывшая также въ числѣ женъ его отца. Государственный доходъ Мадагаскара состоитъ изъ десятины со всѣхъ произведеній земли, не исключая и самомалѣйшихъ. Въ столицѣ есть что-то похожее на торговлю, но народъ вообще погруженъ еще въ самое грубое варварство.

«Низшія сословія всѣ въ грязи и едва только не наги. Хижины ихъ представляютъ картину самой крайней бѣдности, особенно внутри королевства: здѣсь они лучше обрабатываютъ землю, но неопрятность ихъ еще поразительнѣе. Это такіа флегматическія созданія, которыя равнодушно смотрятъ на всякое бѣдствіе и знаютъ одну только главную потребность, — ѣду. Они никогда не доходятъ до бѣшенства и не стараются тотчасъ отмстить за обиду, но долго помнить каждую бездѣлицу, и какъ-будто съ злобнымъ удовольствіемъ слушаютъ рассказы о несчастіяхъ, даже если потерпѣвшіе ихъ вовсе имъ не извѣстны. Ка-

жестя, въ нихъ болѣе господствуетъ страхъ, нежели привязанность, особенно къ властителямъ. Истребленіе хижинъ и всего имущества переносятъ они съ каменнымъ спокойствіемъ, и если сгорить, у нихъ жилище, они принимаютъ за постройку новаго съ такимъ же равнодушіемъ, какъ за обѣдъ. Они кротки и развязны въ пріемахъ, почтительны къ выснимъ, и безпечно предаются веселью, не смотря ни на какія жизненные тревоги. Въ поступкахъ и рѣшеніяхъ неодолимо они медленны, и тщетно всякое усиліе вдохнуть въ нихъ сколько-нибудь жару: они внимаютъ съ неистощимымъ терпѣніемъ всемъ вашимъ доказательствамъ, и потомъ насмѣшливо улыбнутся или просто отойдутъ съ безмолвнымъ равнодушіемъ.

«Овайцы, убивъ быка, ѣдятъ всѣ части его безъ исключенія и предпочитаютъ тѣ, которыя покрыты толстой кожей. Они варятъ сарацинское ишено немытое, и оставляютъ часть его въ горшкѣ, который держатъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока она сгорить: на это льютъ они воду и, потомъ пьютъ ее горячую въ видѣ напитка. Листья служатъ имъ вмѣсто блюдъ, тарелокъ и ложекъ. Они ѣдятъ съ большой алчностью, и пустой желудокъ—единое душевное несчастье Мадагаскарцевъ, которые однако жъ отличаются крѣпкимъ и здоровымъ тѣломъ. Между противоположною нравственностью половъ они не полагаютъ ни какого различія: мужчины и женщины спятъ у нихъ вмѣстѣ безъ всякаго неудобства. Женщины ихъ вообще сильнѣе мужчинъ, и самыя красивыя принадлежатъ исключительно богатымъ, потому что, не имѣя ни какихъ понятій о религіи и нравственности, они не заботятся о женскомъ цѣломудріи, и смазливыя дочери бываютъ для самихъ родителей предметомъ прибыльныхъ спекуляцій. Чувственность—главная черта ихъ характера, и между-тѣмъ страсти любви и ревности имъ вовсе неизвѣстны. Женскій полъ находится въ совершенномъ рабствѣ, и обреченъ самымъ тяжкимъ работамъ.»

Краснорѣчіе этихъ островитянъ дивнымъ образомъ неудобопонятно для иностранца, потому что голосъ ихъ никогда не измѣняетъ тона ни въ хладнокровномъ разсказѣ, ни въ одушевленіи страстью. Земская собственность разграничена

небольшими кольями, вбитыми въ землю, съ пучкомъ соломы на верхнемъ концѣ. Кладбище семейства находится подлѣ его дома. Болѣзнь господина—случай весьма опасный для служителей, по причинѣ господствующихъ суевѣрій о порчѣ колдовствомъ и принятаго способа производить слѣдствіе помощію ядовитыхъ напитковъ. Читатели наши припомнятъ здѣсь статью седьмой книжки Б. для Ч., «Македасское средство открывать истину»: варварское это обыкновеніе состоитъ въ томъ, что обвиненный, съѣвъ довольно большое количество варенаго рису, глотаетъ не жуя три кусочка птичьей кожи; тогда даютъ ему выпить *тангинъ*, истертую въ порошокъ косточку ядовитаго плода того же имени, который въ маломъ приѣмѣ дѣйствуетъ какъ рвотное, но въ большомъ причиняетъ смерть; наконецъ заставляютъ его пить горячую рисовую воду, и тутъ наступаетъ рвота: если всѣ три кусочка кожи извергнуты, онъ оправданъ; въ противномъ случаѣ вина его доказана.

«Однажды заболѣла сестра Радамы, и возмѣли подозрѣніе, что она испорчена которой-нибудь изъ ея прислужницъ. Четыре дѣвушки были тотчасъ отведены въ тюрьму: потомъ заставили ихъ выпить *тангинъ*, но только одна изъ нихъ оправдала себя, извергнувъ всѣ три кусочка птичьей кожи. Радама, вѣрный наслѣдственному суевѣрію своего народа, опредѣлилъ смертную казнь тремъ остальнымъ, несмотря на предстательство его матери, которая очень любила одну изъ нихъ, собственную ея служанку. Несчастныхъ жертвъ поставили на утѣсь, и, обрѣзавъ имъ сперва пальцы, потомъ руки, ноги, носы и уши, столкнули въ пропасть. Молодымъ дикарямъ позволено было забавляться, швыряя въ нихъ камнями. Сыновья и племянники короля смотрѣли на эту потѣху, и никто изъ присутствующихъ не обнаружилъ признака человѣческихъ чувствованій, хотя одна изъ дѣвушекъ была прекрасная собою. Оправданная прислужница получила щедрое награжденіе.»

ПОТОМКИ МАКЕДОНИЯ ВЪ ИНДІИ. Поручикъ Берисъ, въ путешествіи изъ Индіи въ Бухару, говоря объ известномъ племени *Сягъ-пушей*, или Черно-платяныхъ, упоминаетъ, что они признаютъ себя потомками древнихъ

Македонягъ, приведенныхъ въ Индію Александромъ Великимъ. Въ Бомбейскомъ журналѣ, издаваемомъ Королевскимъ Азіатскимъ Обществомъ, напечатаны теперь объ нихъ подробности, собранныя однимъ муфтіемъ, который путешествовалъ недавно въ этомъ краѣ. Туземцы, которыхъ называетъ онъ «обладателями красоты и прелестей», не могли надивиться его лошади: животное это врядъ ли извѣстно въ странѣ Сіагъ-пушей. Они одѣваются въ козлиныя кожи и распускаютъ волосы по плечамъ; пьютъ вино, какъ воду, и никогда не садятся наземь, а только на стулья. Что касается до ихъ вѣры, то они обожаютъ «Великое божество» подъ видомъ кумировъ, каменныхъ или деревянныхъ, которыхъ называютъ *Берунъ* или *Мага дивъ*. Мы сдѣлаемъ здѣсь одно-любопытное сближеніе. Азіатское начало древнихъ языческихъ вѣръ, господствовавшихъ въ Европѣ, не подлежитъ сомнѣнію: поэтому, не должно казаться страннымъ, если въ словѣ *берунъ* мы узнаемъ имя главнаго бога Славянъ, *Перунъ*; но читателямъ нашимъ едва-ли извѣстно, что наше слово *дивъ*, *диво*, собственно означаетъ тѣхъ зловредныхъ геніевъ страшнаго вида и огромной величины, обитающихъ въ пустыняхъ, о которыхъ читали они въ Тысячѣ Одной Ночи. «Геній» есть названіе этихъ духовъ, взятое изъ языковъ Арабскаго колѣна, въ которыхъ оно произносится *гениъ*, *дженнъ* и *джиннъ*; «дивъ» — названіе Персское, общее всѣмъ языкамъ Персидскаго корня, къ которому принадлежитъ и языкъ Санскритскій, и которыхъ часть влилась изъ Азіи въ Европейскіе языки. *Theos*, *deus*, *divus*, *дивъ*, и наше Русское *диво* суть одно и то же слово, и первоначально означало духа, огромнаго и страшнаго, живущаго въ пустыхъ мѣстахъ. «*Мага дивъ*» Сіагъ-пушей, поэтому, не что иное, какъ «Великое диво», то есть, великій геній. Сіагъ-пуши въ ушахъ носятъ по желѣзному кольцу, и спурокъ, украшенный раковинами вокругъ шеи. Они никогда не вступаютъ въ бракъ съ родными подобно Гиндусамъ, и свадебные обряды ихъ очень странны. Они приносятъ женъ своихъ безъ покрывалъ на плечахъ, пляшутъ, бѣгаютъ и скачутъ по улицамъ, сопровождаемые толпами мужчинъ и женщинъ, которые бьютъ въ барабаны, играютъ на флейтахъ и ужасно шумятъ. У нихъ есть общественный домъ, куда они посылаютъ бе-

ременныхъ женщинъ пересѣдъ родами, и держать ихъ тамъ сорокъ дней. Ни одинъ мужчина не можетъ не только взойти въ комнату, но и пройти мимо этого дома. Кажется, этотъ обычай есть и у нѣкоторыхъ Жидовъ. Погребеніе Сіагъ-Пушей происходитъ съ великимъ торжествомъ. Тѣло провожаютъ обыкновенно молодые люди съ пѣніемъ, скачками, пляскою и барабаннымъ боемъ; другіе несутъ его на плечахъ въ большомъ ящикѣ, какъ у магометанъ, поднимаютъ на вершину высокой горы, и ставятъ на солнцѣ; тутъ приносятъ въ жертву корову, даютъ пиръ провожаемымъ, и потомъ возвращаются домой безъ всякаго плача. Черезъ шестьдесятъ дней, когда тѣло испортится и расклянется птицами, женщины изъ семьи покойника идутъ всѣ вмѣстѣ на гору, подбираютъ кости, и, обмывъ ихъ въ ручьѣ, приносятъ домой, садятся вокругъ нихъ и плачутъ нѣсколько времени; послѣ чего входятъ мужчины и уносятъ ихъ къ большой пещерѣ, вырытой подъ землею бросаютъ въ нее, и, обращаясь къ костямъ, произносятъ—«Вотъ для васъ небо!» Журналъ Азіятскаго Общества полагаетъ, что, судя по оружію Сіагъ-пушай, дѣйствительно память Македонскаго войска еще сохраняется въ этомъ поколѣніи. Они сражаются копьями и хорошо стрѣляютъ изъ лука; на поляхъ посятъ мечи, и щиты за спиною. Они бьются съ чрезвычайной жестокостію, скрипя зубами и рыкая какъ львы. Побѣдители украшаются, вмѣсто лавровъ, вѣнками изъ листьевъ шелковичника. Но должно замѣтить, что у племенъ той части Азіи страсть производить себя отъ народовъ классической древности: Афганцы не сомнѣваются въ томъ, что они потомки Евреевъ; Сіагъ-пуши хотятъ быть Македонцами.

ДРЕВНІЙ СИДОНЪ. Въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. упомянули мы о «Пантикѣ», историческомъ романѣ Г. Вильяма Говитта, но историческомъ не понашему: авторъ бросился за четыре тысячи лѣтъ назадъ, въ Финикію,—эту Англію прежняго міра, — и старается возсоздать Тиръ, Сидонъ, все, что только есть готическаго и мрачнаго въ самой классической древности. Онъ описываетъ эти города съ такою подробностію, какъ-будто они были Тула или Эдицбургъ. Не

угодно ли взглянуть на блестящую картину нѣкогда богатаго и шумнаго Сидона, пынѣвшей бѣдной Сайды, — картину, которая не уступитъ ни одному изъ тысячи изображеній столицъ новѣйшихъ.

«Городъ поднимался къ востоку уступъ на уступъ, покрывая обширное пространство отлогихъ холмовъ; и чѣмъ выше росъ онъ, тѣмъ огромнѣе и великолѣпнѣе представлялись его чертоги, сады и капища. Внизу, густая и безконечная громада домовъ обшчала населеніе, многочисленное какъ саранча въ пустынѣ. Длинные ряды базаровъ и лавокъ тянулись изъ улицы въ улицу; въ нихъ красовались издѣлія и драгоценности всѣхъ народовъ, а надъ ними безчисленное множество ремесленниковъ, — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, занимались каждый своимъ дѣломъ. Тамъ леталъ челнокъ, здѣсь стучалъ молотъ; слышатся визгъ пилы, скрипъ колесъ, звонъ колокола. На кровляхъ сидѣли женщины подъ легкими полотняными павѣсами, и, вышивая въ пальцахъ золотомъ, дѣйствовали блестящими иголками съ неимоверной быстротою. Печи и кузнечные горны обливали своимъ жаркимъ дыханіемъ путешественниковъ, когда они проходили мимо. Тѣсныя улицы кишѣли самымъ разнороднымъ людомъ, и гулъ отъ говора и шаркотни сандаліями не умолкалъ ни на минуту.

«Когда мы приближались къ пабережной, огромные погребя и амбары пожирали и извергали тяжелыя кипы и бочки, подъемлемыя людьми исполинской силы и роста въ сравненіи съ прочими: самая пабережная поразила насъ тѣмъ удивленіемъ. Вдали на западъ разстилалось могучее море, и пѣнистыя волны колыхались въ солнечномъ сіяніи какъ-бы только для того, чтобы нести сюда богатства со всего міра. Они видѣли стаи входящихъ и выходящихъ кораблей; безчисленное множество мелкихъ судовъ швыряло между ними, авдоль высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ пристани тянулись будто соединенные флоты всѣхъ народовъ. Безконечный лѣсъ мачтъ простирался докуда было видно, и суда разныхъ родовъ и величинъ стояли передъ глазами: у нѣкоторыхъ носовая часть украшена была съ дикою пышностью грубыми изображеніями боговъ или священныхъ животныхъ, а бока и корма испещрены краснымъ, голубымъ и чер-

нымъ, съ золотыми узорами. Нѣкоторыя, съ распущенными по вѣтру флагами, воздымали ряды всесль какъ крылья и, одѣтыя Египетскими коврами, будто красивыя птицы, хотѣли летѣть на небо; другія тяжелыя, грузныя и черныя, уподоблялись рабамъ океана, обреченнымъ влачиться отъ берега къ берегу съ тяжкими ношами. Здѣсь видѣли мы, какъ высаживались на берегъ наемныя войска изъ черныхъ Эѳіоповъ, которымъ Сидонцы поручаютъ защиту города, и тѣхъ уродливыхъ Нубійскихъ пигмеевъ, которые на стѣнахъ его исправляютъ должность стрѣлковъ. Тамъ важно сидѣли купцы и корабельщики, надзираая съ довольнымъ видомъ за работами людей своихъ; дѣлѣе, дюжіе, черные, лоснящіеся Африканцы, въ бѣлыхъ передникахъ и съ серьгами въ ушахъ неподвижно грѣлись на солнцѣ, и какъ-будто не могли насытиться взрастившими ихъ лучами. Безпрестанно раздавались клики. Мы съ большимъ трудомъ проходили между грудами товаровъ, — и чего тутъ не было? Кедровыя ящики, всѣ опутанные веревками, съ драгоценными шелками Востока, сосуды съ винами, грузы туземной пшеницы, отправляемой въ чужіе края; мирра, сабуръ, вяза корицы и другихъ драгоценныхъ пряностей Индіи; золото, мѣдь и дерево разнаго рода для искусныхъ туземныхъ художниковъ; лошади, рогатый скотъ и блѣющія овцы; обезьяны и павлины, райскія и другія птицы, слоновья кость въ большихъ ворохахъ и чудесныя издѣлія Сидонцевъ и Тирянъ; ножи и мечи, оружія и латы, безчисленное множество домашней утвари и бездѣлушекъ, которыхъ жаждетъ роскошь и прихотливое удовольствіе. Все это попадалось намъ на каждомъ шагу, и сверхъ-того тутъ было такое сборище людей, какого мы нѣкогда не видывали. Каждый народъ имѣетъ здѣсь своихъ представителей: Арамейцы, Мессопотамцы, Сиріане и Ассирійцы, Эдамиты, Филистимляне, Египтяне, племена Таршиша и жители острововъ Хиттимскихъ. Это сбродъ безконечно разнообразныхъ одеждъ, лицъ и пріемовъ, — всѣ покроя и всѣ цвѣта подсолнечной. Одни — черные какъ смоль, съ свѣтлыми, блгающими глазами; другіе — желтые; наконецъ жители запада, которые гораздо бѣлѣе и притомъ такъ благородны видомъ, что оба

странника не могли смотрѣть на нихъ безъ удивленія.» Таковъ, полагаетъ Г. Говиттъ, былъ Сидонъ.

ТОРГОВЛЯ МОКСКИМЪ КОФЕЕМЪ. Мока теперь главный рынокъ почти всего восточнаго берега Аравіи, и Американцы производятъ тамъ самую прибыльную торговлю. Когда Г. Веггорпъ, у котораго мы заимствуемъ эти извѣстія, былъ въ Мокъ, тамъ грузились три Американскіе корабли кофе, камедями и кожею. Корабли эти назначены были въ Марсель, Ливорно и Генуу, всѣ три въ Средиземное Море; изъ Америки пришли они съ балластомъ, доллерами и порохомъ, который доставляетъ здѣсь наиболѣе прибыли. Со времени отплыва ихъ оттуда до тѣхъ поръ, пока привезутъ они Мокскій грузъ свой въ Европу, эти суда пройдутъ окъ о пятидесяти тысячъ верстъ, употребивъ на то тринадцать мѣсяцевъ; но если удастся Англичанамъ устроить пароходство въ Черномъ Морѣ и согласить нашу Египетскаго на свободный пропускъ товаровъ черезъ его владѣнія, тогда они будутъ дѣлать тотъ же самый оборотъ въ три недѣли. С этой надеждою можно поздравить всѣхъ истинныхъ любителей Мокскаго кофе, и кажется, что она ихъ не обманетъ.

ИСТОРІЯ СИТЦЕВЪ И КИСЕЙ. Всѣ женщины, замужнія дѣвицы и вдовы, должны общими силами защищать отъ нападений Виговъ и поддерживать на министерствѣ пынѣшнягъ перваго мниистра въ Англіи, сирѣ Роберта Пила, изъ благодарности къ его отцу, истинному благодѣтелю прскраснаго пола. Чтобы растолковать имъ поводы этого долга, мы должны кинуться въ хлопчатую бумагу.

Исторія этой фабрикаціи въ Англіи не имѣетъ себѣ подобія въ лѣтописяхъ міра. Въ началѣ царствованія предпослѣдняго короля, Георга III, она занимала только сорокъ тысячъ человекъ, и цѣна ежегодныхъ издѣлій простиралась до пятнадцати милліоновъ рублей; теперь она занимаетъ не менѣе полутора милліона душъ, и цѣна издѣлій превосходитъ въ годъ семьсотъ семьдесятъ пять милліоновъ. Трудно составить себѣ понятіе о объемѣ такой фабрикаціи, но слѣдующія вычисленія быть-можетъ пособятъ объяснить всю ея обширность. Ичислиено, что если бъ всю бумажную пряжу,

въ годъ выдѣлываемую въ Англіи, обратить въ одну нить, этою нитью можно было бы обмотать шаръ земной дѣсти три тысячи семьсотъ семьдесятъ пять разъ: ея достало бы на пятьдесятъ одинъ разъ отъ земли до солнца и на восемьъ половиною разъ около всей земной орбиты. Ситцы и кисси, вывозимыя въ теченіе года за границу, опоясали бь одиннадцать разъ окружность земли по экватору; они составляютъ половину всего вывоза Великобританіи, занимаютъ одиннадцатую часть всего ея населенія, и снабжаютъ почти всѣ народы въ мірѣ какою-нибудь частію ихъ одежды. Доходъ купцевъ и фабрикантовъ отъ одной этой вѣтви промышленности равняется двумъ третямъ всѣхъ государственныхъ доходовъ.

Индіа была повидимому древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ бумажной фабрикаціи, которая перешла потомъ въ Персію и Египетъ. Въ Америкѣ, гдѣ Колумбъ нашелъ туземцевъ одѣтыми въ бумажныя ткани, эта отрасль промышленности была втроятно доморощеннымъ изобрѣтеніемъ. Во времена Грековъ и Римлянъ, Индѣйскіе ситцы и кисси мало привозились въ Европу, между-тѣмъ какъ употребленіе шелка быстро распространилось. Послѣ того Арабы пересадили въ Испанію и хлопчатникъ, и искусство употреблять его въ дѣло: первый по-сю-пору растетъ дикій въ древнемъ королевствѣ Валенціи, и безъ всякой пользы. Изъ Испаніи эта фабрикація перешла во Фландрію, а оттуда, въ концѣ шестнадцатаго вѣка, къ Англичанамъ, умѣвшимъ такъ успѣшно воспользоваться уроками Фламандскихъ протестантовъ, которые искали у нихъ убѣжища отъ притѣсненій Филиппа II. Въ 1701 году привезено было въ Англію около двухъ милліоновъ, а въ 1764 году безъ малаго четыре милліона фунтовъ хлопчатой бумаги. Вывезено бумажныхъ издѣлій въ 1701 году на 583,000 рублей, а въ 1764 году на 5 милліоновъ. Въ 1833 году привозъ хлопчатой бумаги простирался до 303,726,195 фунтовъ, а объявленная цѣна вывоза бумажныхъ издѣлій до 462,160,000 рублей. Такое распространеніе покажется еще удивительнѣе въ сравненіи съ успѣхомъ Англійскихъ шерстяныхъ фабрикъ, справедливо пользующихся всемірною славою. Цѣнность вывоза шерстяныхъ издѣлій въ первую половину минувшаго столѣтія про-

стпралась среднимъ числомъ до 50,000,000 рублей ежегодно, а въ 1833 году она возрасла до 163,500,000 рублей: слѣдствен-но когда шерстяное производство только устроилось, хлопчатобумажное въ теченіе того же времени болѣе нежели усотерилось. Этимъ удивительнымъ распространеніемъ обязана Англія прекраснымъ изобрѣтеніямъ, которыми воспользовались все, кромѣ самихъ изобрѣтателей. Въ борьбѣ съ предразсудками, съ невѣжествомъ, съ близорукимъ своекорыстіемъ, сошли они преждевременно въ могилу, а открытія, исторгнутыя у нихъ завистью, доставили несмѣтные богатства людямъ, которыхъ все заслуги состояли въ капиталѣ и въ хитрости.

Первымъ изобрѣтеніемъ по этой части былъ летучій челнокъ, fly-shuttle, придуманный въ 1738 году Джономъ Ке (Kay). Сынъ его, Робертъ, усовершенствовалъ это открытіе, доставивъ ткачу способъ дѣйствовать тремя челноками вдругъ, и дѣлать набивныя ткани съ такимъ же удобствомъ, какъ гладкія. Оба Ке не только не воспользовались своимъ открытіями, но должны были спастись бѣгствомъ въ Парижъ отъ опасности, которою угрожали имъ преслѣдованія раздраженныхъ соперниковъ.

Около того же времени Джонъ Вайетъ (Wyatt) изобрѣлъ прядильный валъ, введенный въ употребленіе дѣдомъ пынѣшняго перваго министра, сирѣ Роберта Пилля, котораго отецъ, скончавшійся недавно, первый завелъ мануфактуру ситцевъ въ колоссальномъ видѣ. Отецъ сирѣ Роберта, знаменитѣйшій бумажный фабрикантъ въ свое время, щедро поощрялъ изобрѣтателей прядильныхъ машинъ, которыя онъ тотчасъ вводилъ у себя въ употребленіе. Ему-то обязана жепская половина Европы тѣмъ прекрасными тканями, въ которыя она теперь одѣвается такъ прелестно и за столь дешевую цѣну. Наши дамы, платя за аршинъ по два и по три рубля, съ трудомъ повѣрятъ тому, что *ярдъ* (мѣра побольше аршина) отличнаго ситцу продается въ Англіи по сороку копѣекъ. Можно еще торговаться. Но воротимся къ исторіи. Вайетъ придумалъ, кажется, и чесальный цилиндръ; но обоимъ этими открытіями воспользовался Ри-

чардъ Эркрайтъ, а первый изобрѣтатель по недостатку въ деньгахъ долженъ былъ оставить свое предпріятіе. Эркрайтъ, узнавъ нѣкоторыя подробности его прядильной машинны, постигъ, ея выгоды и посвятилъ все свои способы приведенію ея въ дѣйствіе въ новомъ, усовершенствованномъ видѣ. Когда онъ устроивалъ ее въ Ноттингамъ, явился туда нѣкто Гергривзъ съ другою машинной, которая обогатила потомъ многихъ; но самъ онъ жилъ и умеръ въ бѣдности. Эркрайтъ, съ помощію нѣсколькихъ капиталистовъ, умѣлъ выдержать первоначальныя затрудненія, и хотя впоследствии лишенъ былъ по суду своихъ привилегій, однако жъ получилъ званіе сэра и умеръ богатѣйшимъ человекомъ, не давъ ни копѣйки тѣмъ, чьими открытіями такъ удачно воспользовался. Кромптоуъ придумалъ соединить механизмъ Гергривза съ Эркрайтовымъ, и усовершенствовалъ свое изобрѣтеніе въ 1779 году. Онъ не взялъ привилегій, и въ то время, какъ другіе фабриканты наживали его машинною огромные капиталы, оставался почти въ совершенной неизвѣстности, покажеть въ 1812 году парламентъ не опредѣлилъ ему 125,000 рублей въ единовременное вознагражденіе.

Со времени Эркрайта, механическіе ткацкіе станы размножились съ удивительною быстротою, и число ихъ простирается теперь до пятидесяти тысячъ, кромѣ тѣхъ, которые дѣйствуютъ на шерстяныхъ фабрикахъ. Съ помощію этихъ становъ и паровыхъ машинъ, одинъ человекъ, даже не взрослый, выдѣлываетъ теперь столько пряжи, сколько за пятьдесятъ лѣтъ едва-ли успѣвали дѣлать двѣсти работниковъ, и при всемъ томъ число рабочихъ не уменьшилось, а напротивъ отъ сорока тысячъ возрасло до полутора миліона! Плата за работу теперь вчетверо выше тогдашней, и однако жъ въ Англіи есть разрядъ людей, которые вонютъ на машины, какъ на бѣдствіе народное.

Многіе говорятъ, что работа на фабрикахъ чрезвычайно вредитъ здоровью, и что высшая плата покушается здѣсь цѣною силъ и самой жизни. Коммисія, наряженная для изслѣдованія «того важнаго предмета, допрашивала 837 прядильщиковъ, пробывшихъ среднимъ числомъ по $22\frac{3}{4}$ года на фабрикахъ: изъ нихъ 74 на сто объявили себя здоро-

выми, $20\frac{1}{2}$ на сто совершенно здоровыми и $5\frac{1}{2}$ на сто посредственными. Изъ женъ ихъ $96\frac{3}{4}$ на сто оставались въ живыхъ, а $5\frac{1}{4}$ на сто померли; время ихъ супружества равнялось кругомъ $11\frac{3}{4}$ годамъ, а дѣтей прижито ими кругомъ же по $5\frac{3}{4}$. Уродцевъ оказалось по одному на 214. Конечно, мануфактурная работа не такъ безвредна для дѣтей какъ земледѣльская, однако жъ замѣчательный опытъ, сдѣланный комиссіею, доказываетъ, что разница здѣсь не такъ велика, какъ можно было бы ожидать. Собрали нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ девяти до семнадцати лѣтъ съ фабрикъ и съ воли по-ровну, распредѣлили ихъ по годамъ, свѣсили, вымѣрили и нашли, что въ мальчикахъ, работавшихъ на фабрикахъ, было 75,175 фунтовъ и 55,282 дюйма, а въ мальчикахъ, не работавшихъ на фабрикахъ, 78,680 фунтовъ и 55,563 дюйма; въ дѣвочкахъ, работавшихъ на фабрикахъ, 74,439 фунтовъ и 54,951 дюймъ, въ дѣвочкахъ, не работавшихъ на фабрикахъ, 75,049 фунтовъ и 54,479 дюймовъ.

Что касается до нравственности, то комиссія нашла ее на фабрикахъ въ удовлетворительнѣйшемъ состояніи нежели въ рабочихъ сословіяхъ вообще, и сверхъ того замѣтила въ ней постепенное улучшеніе.

Въ Англіи вышла теперь «Исторія хлопчатобумажной фабрикаціи», сочиненная Г. Бенсомъ, и подробности, здѣсь изложенныя, взяты изъ нея.

О томъ, какъ любятъ женщины. Англійскіе журналы сообщаютъ примѣчательный примѣръ силы воли въ молодой влюбленной дѣвушкѣ. На одномъ кораблѣ, стоявшемъ въ Лондонѣ, недавно открылось случайнымъ образомъ, что дѣвушка, переодѣтая мальчикомъ, исправляла довольно долго матрозскую службу. На корабль пріѣхалъ портовой чиновникъ въ то самое время, когда одинъ старый матросъ безжалостно билъ мнимаго юнгу. Чиновникъ выговорилъ старика за его жестокость, и потомъ сказалъ прибитому: — А ты, братъ, раскричался какъ баба! — «Баба? взревѣлъ старый матросъ: да она и есть баба, и коли не перестанетъ дурачиться, такъ у меня всѣ объ этомъ узнаютъ.» — Чиновникъ тотчасъ изслѣдовалъ сіе дѣло, и удостовѣрился въ справедливости словъ матроса. Дѣвушка была родомъ изъ Ирландіи, гдѣ отецъ ея занимался нѣсколько лѣтъ маклерскими

дѣлами. Она познакомилась съ однимъ корабельщикомъ, который полюбилъ ее и былъ любимъ взаимно. Чрезъ нѣсколько времени ему пришлось отправиться въ Америку, и такъ какъ она долго не получала отъ него извѣстiя, то рѣшилась ѣхать къ нему сама. По прибытiи въ Америку, она узнала, что возлюбленный ся умеръ. Тутъ, въ память утраченнаго друга, рѣшилась она сама вступить въ морскую службу; достала себѣ матрозское платье, и будучи смуглаго лица, тѣмъ скорѣе могла успѣть въ своемъ обманѣ. Ее считали за мальчика, и помѣстили поваромъ на корабль Бельфасть, отправлявшiйся въ Средиземное Море. Уже два года была она въ *дѣйствительной* службѣ, когда настоящiй полъ ея обнаружился описаннымъ случаемъ. Лордъ меръ города Лондона, узнавъ объ этомъ происшествiи, не хотѣлъ долѣе оставлять дѣвушку въ такомъ неестественномъ положенiи, и вслѣдъ позвать ее къ себѣ. Она явилась въ сопровожденiи своего капитана и многихъ другихъ господъ, принимавшихъ въ ней участiе. Изъ словъ капитана оказалось, что незадолго до прибытiя корабля въ Лондонъ узналъ онъ, что кухмистеръ его—кухарка, дѣвица, и дочь порядочныхъ родителей, по имени Анна Торнтонъ. Его навели на это нѣкоторые изъ его людей, которые, видя, что мнимый поваръ не хочетъ пить грогу, никакъ не могли отдать себѣ отчета въ его породѣ, и стали подозрѣвать его въ томъ, что онъ не настоящiй мужчина. Капитанъ началъ ее спрашивать, и церсодѣтая открыла ему свою участь. Лордъ меръ спросилъ ее, правда ли, что капитанъ и его люди часто охотдились съ нею очень душно. Она отвѣчала, что капитанъ всегда былъ къ ней милостивъ и приказывалъ жаловаться ему въ случаѣ обиды со стороны матросовъ: во время плаванiя она перазъ терѣла отъ нихъ побонъ, за то что въ бурю не могла работать съ потребной силою; но никогда не говорила о томъ капитану, рѣшившись переносить безропотно сколько сможетъ. Капитанъ хвалилъ усердiе къ службѣ и скромное поведенiе этого сснадцатилѣтняго матроса, и лордъ меръ принялъ бѣдную Анну Торнтонъ подъ свое высокое покровительство.

Въ повѣстяхъ Бокачiо есть примѣръ обратный,—мужчина, изъ любви, сдѣлался кухаркою. Читатели наши вспом-

пять прекрасное стихотвореніе А. С. Пушкина, «Домикъ въ Коломнѣ».

ФРАНЦУЗЫ, ИТАЛЬЯНЦЫ, АНГЛИЧАНЕ И СѢВЕРО-АМЕРИКАНЦЫ. Какъ ни измѣнились Французы въ послѣднее время, разсуждаетъ New Monthly Magazine, но они все еще сохраняютъ оттънокъ прежней вѣжливости, и безспорно отличаются имъ передъ прочими тремя народами. Французъ вѣжливѣе, любезнѣй, веселѣе Англичанина, но только когда онъ въ обществѣ, и когда не хвастаетъ своей Франціей, своимъ «великимъ народомъ», потому что въ ту минуту нѣтъ такой наглости, которой бы не сказалъ онъ вамъ съ видомъ удивительнаго добродушія. Французъ — рѣшительный хвастунъ, но все-таки онъ вѣжливѣе другихъ. Дайте ему супу, салату и еущество, съ которымъ бы онъ могъ болтать до-сыта, вы удовлетворили всѣ его потребности на цѣлый день. Французъ любитъ выказать свои чувства, Англичанинъ старается ихъ скрывать. Французъ не забываетъ даже въ минуту смерти, какъ явиться ему въ глазахъ свѣта. Сколько рѣчей подготавливалось во время терроризма, чтобы, при случаѣ, торжественно произнести ихъ съ гильотины! Недавно еще одинъ Парижскій парикмахеръ рѣшился на самоубійство только потому, что разсчитавъ, какъ самъ онъ пойдетъ, въ вѣроятности, онъ увидѣлъ невозможность когда-нибудь достигнуть той высоты, на которую вознесся Бонапарте. Читатели вѣспоминаютъ газетныя извѣстія о дѣвочкѣ, которая училась писать, чтобы увѣдомить родныхъ о странной причинѣ, побудившей ее къ самоубійству: она боялась, что ее не будутъ довольно любить. Какъ видѣнъ здѣсь театральныи характеръ народа!

И не оттого ли Французы такіе охотники до театра? Каждый изъ нихъ живетъ только въ толпѣ, а одинъ — не существуетъ. Скажите ему, что весь свѣтъ, — *tout le monde*, то есть, сто человѣкъ, — собрался дѣлать то или другое, онъ готовъ на все, что вамъ угодно. Нѣтъ такой крайности, худой ли или доброй, въ которую бы онъ не вдавался. Зато при наступленіи негипной опасности, тотчасъ слышится гибельное *saute qui peut*, — спасайся кто можетъ, — и Французы теряютъ не только мужество, но даже память. Взгляните на Фран-

цузскій экипажъ во время кораблекрушенія: какой панический страхъ, какая неподчиненность, какое слѣпое ожесточеніе, торопливость, суматоха, отчаяніе! Сравните это съ холоднымъ присутствіемъ духа Англійскаго матроса.

Но отчего же Англичанинъ, Джонъ Буль, такой медвѣдь? Отчего ворчитъ онъ дома и на улицѣ? за обѣдомъ и за чаемъ? въ дождь и въ хорошую погоду? Отчего не доволенъ онъ въ дымнопаровой атмосферѣ Лондона точно такъ же, какъ подъ прекраснымъ небомъ, предъ живописнымъ мѣстоположеніемъ Кампаньи Феличс? Джонъ Буль или дѣйствительно печется о плоти и удобствахъ жизни больше всѣхъ другихъ народовъ, или въ немъ есть природная склонность вездѣ выказывать свое себялюбіе.

Въ густой туманъ, въ дождливую погоду, въ сильной вѣтеръ, Англичанинъ развѣ по необходимости выйдетъ изъ дому: оттого всѣ его занятія и удовольствія носятъ настоящій комнатный отпечатокъ. Французы и Итальянцы народъ уличный; они воздушны, и принадлежатъ вольному воздуху. Для Итальянца такъ же необходимо солнечное сіяніе, какъ вода для рыбы: иначе вся природа его должна принять другой характеръ, — онъ будетъ ужъ не тотъ. Разумѣется, и здѣсь ссть исключенія. Тотъ же самый народъ, у котораго девизомъ — «Поѣдимъ и попьемъ сегодня, а завтра на упокой!», произвелъ Дантс и Галилея, Тасса и Буонаротти.

Когда сочинитель этой статьи былъ во Флоренціи, одна молодая дѣвушка увидѣла его развѣ задумчивымъ, и тотчасъ спросила, что съ нимъ. — Я кой-объ-чемъ думалъ, отвѣчалъ онъ. — Думали! Заступница Божія Матерь! да о чемъ вамъ думать? Вы молодой чловѣкъ неженатый, бездѣтный, — такъ какія жъ думы?

Это впрямь по-Итальянски: кромѣ жсны и дѣтсей, которыя иногда еще немощко озабочиваютъ, Итальянецъ не знаетъ ничего такого, что бы помѣшало сидѣть на солнцѣ и наслаждаться пріятнымъ бездѣйствіемъ, *il dolce far-niente*.

Англичанинъ и Французъ оба горды, Итальянецъ ни сколько, за исключеніемъ однако жъ Римлянина, котораго — *Sono Romano io!*, — я Римлянинъ!, — звучитъ такъ же великолѣпно, какъ — *Je suis Français moi!*, — и *Do you know, sir, I am an*

Englishman? — Знаете ли, сударь, что я Англичанинъ? Однако жъ гордость Римлянъ отлична отъ другихъ гордостей. Французъ и Англичанинъ столько же превозносятся тѣмъ, что они теперь, сколько тѣмъ, что были прежде: напротивъ того, Римлянинъ гордится только минувшимъ.

Что касается до Парижской вѣжливости въ собственномъ смыслѣ, то ею выражается не столько истинная любезность, сколько привычка Парижанина всегда воображать себѣ, что его городъ — средоточіе образованности и изящнаго вкуса. Несмотря на то, что пышный Парижъ заимствуетъ все главнѣйшее у Англичанъ, Парижанинъ убѣжденъ, что все создается въ его городѣ.

Удивительно, до какой степени старые люди во Франціи привязаны къ забавамъ и удовольствіямъ своей юности. Въ Парижѣ услышите вы очень часто, что сѣдые какъ лунь старики такъ же усердно толкуютъ о театральнѣхъ происшествіяхъ, какъ семнадцатилѣтніе мальчики: даже смѣшно видѣть, когда эти дряхлые господа, у которыхъ смерть за плечами, разсуждаютъ съ самымъ живымъ участіемъ о прическѣ мэмзель Марсъ и объ изгибахъ прелестной ножки Тальони.

Что для Итальянца *far niente*, что для Француза *faire claquer son fouet*, — пускать пыль въ глаза, — то для Англичанина его *comfort*. Другіе народы и не знаютъ хорошенько, что такое этотъ *comfort*. Это не просто удовольствіе, а именно то сладостное ощущеніе, которое раждается устраненіемъ всякаго неудобства, всякой тягости, всякаго беспокойства. Огонь въ холодную погоду — *comfortable*, сухое платье въ замѣнъ вымокшаго подъ дождемъ — *comfortable*, солнце послѣ пасмурности то же *comfortable*, словомъ, область *комфорта* почти вся принадлежитъ несчастному климату: одинъ онъ влечетъ за собой тѣ неудобства, которыхъ отсутствіе означаетъ этимъ выраженіемъ. Климатъ въ соединеніи съ родомъ пищи объясняетъ и склонность къ крѣпкимъ напиткамъ, отличающую Англичанъ отъ Французовъ и Итальянцевъ.

Изъ дѣтей Италіи вѣсѣхъ скромнѣе, кротче и любезнѣе — Флорентинцы. Вѣжливость Парижанина заключается по большей части въ ничего незначащихъ учтивостяхъ, но у Флорентинца — это выраженіе пѣжнаго, глубокаго чувства. Рим-

ляне самые угрюмые и недовѣрчивые изъ всѣхъ Итальянцевъ. Въ жителяхъ обѣихъ Сицилій представляются удивительныя крайности: тогда какъ многіе изъ нихъ пизки до подлости, другіе дерзки и наглы какъ-нельзя больше. Разнощикъ, у котораго покупаете вы апельсины, тащить у васъ кошелекъ изъ кармана, и если вы поймали его на дѣлъ, онъ насмѣется вамъ въ глаза, какъ-будто ничего не было. Скажите несотвязному чичероне, что онъ вамъ не нуженъ, и онъ преслѣдуетъ васъ цѣлый день; грозите ему палкой, какъ угодно, и онъ ни за что отъ васъ не отстанетъ; войдите въ лавку, онъ за вами; остановитесь съ знакомыми дамами, онъ тутъ же въ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ; нынче вы вслѣли вытолкать его изъ дверей, завтра онъ опять поджидаетъ васъ у самаго выхода. Но ничто не сравнится съ наглостью Неаполитанскихъ извозчиковъ, которые, предлагая вамъ карету, приветствуютъ бичемъ прямо въ лице. Иностранцу, небывавшему въ Неаполь, опасно показаться на главную ихъ биржу, Largo del Castello: удары и оглушительные крики *A carroz, a carroz!* посыплются на него со всѣхъ сторонъ.

Если теперь обратимся къ Американцамъ, то найдемъ, что тщеславіе составляетъ отличительную черту ихъ характера. Оно-то, вопреки народнои гордости, принуждаетъ ихъ заботиться о мнѣніи Европы почти съ дѣтскимъ малодушіемъ. Ни одинъ народъ не чувствуетъ такой потребности знать все, что объ немъ говорятъ и думаютъ другіе, ни одинъ народъ не принимаетъ такъ близко къ сердцу отзывы иностраннаго журнала или путешественника какъ гордые Американцы. Но объ нихъ мы столько ужъ говорили!

ОДНО ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ САМОУБИЙСТВЪ ВО ФРАНЦИИ.
Всѣ газеты и журналы твердятъ, что Французы убиваютъ себя непрерывно: но какъ они себя убиваютъ? Надобно знать пріемъ! Въ пріемъ все дѣло. Онъ—характерическій, истинно Французскій. Одинъ Англійскій путешественникъ рассказываетъ въ *Blackwood's Magazine* случай, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Нѣкто Альфонсъ Ипполитъ, выдававшій себя за сына маршала Сульта, явился въ департаментъ Сены-и-Марны и надѣлалъ страшную тревогу въ сердцахъ областныхъ краса-

вицъ. Въ послѣдніе полвѣка не забвжало къ нимъ ни одного такого франта, скрипача и танцора. Прибавьте къ этимъ прелестямъ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ настоящаго дохода, да нѣсколько милліоновъ будущаго, съ герцогскимъ титуломъ на придачу, и вы постигните, какимъ образомъ Ипполитъ увлекъ за собою всѣхъ матерей и всѣхъ дочерей департамента. Не успѣлъ онъ пробывать нѣсколько недѣль въ Фонтенебло, какъ явилось здѣсь другое чудо: красота, которая путешествовала, со свитою, для воздуха, была поражена прелестью города, и рѣшилась въ немъ остановиться. То была наследница Мексиканскаго маркиза; у нея въ помѣстьяхъ золотые и серебряные рудники, лѣса и озера, города и замки. Она явилась на балъ у мера: всѣ были очарованы, а Альфонсъ Ипполитъ пропалъ совершенно. Любовь взяла его приступомъ, и онъ сгоритъ въ собственномъ огнѣ, если не получитъ дозволенія пасть къ ногамъ очаровательнѣйшей изъ всѣхъ маркизъ въ подсолнечной. Наконецъ онъ получилъ его, и всѣ рѣшили, что маршалскій сынокъ и маркизская дочка—самая блестящая чета, какая когда-либо облекалась въ цѣпи гименея. Но несчастіе пѣжной страсти вошло въ пословицу. Наканунѣ самой свадьбы выходитъ изъ дилижанса человекъ, спрашиваетъ о жителствѣ жениха, и отправляется къ нему съ жандармомъ. Толпа, собравшаяся передъ домомъ, съ любопытствомъ ожидаетъ, чѣмъ это кончится,—и каково же было всеобщее изумленіе, когда увидѣли, что жандармъ тащитъ Г. Альфонса Ипполита въ городскую тюрьму! Извѣстіе объ этомъ повергло весь невѣстинъ домъ въ уныніе. Но пѣтъ, она не стерпитъ этого оскорбленія! Какъ выхватить у ней изъ-подъ рукъ милаго человека! Въ негодованіи на мѣстное начальство, попустившее такому преступному нарушенію всѣхъ приличій, маркиза приказываетъ заложить лошадей, и хочетъ скакать въ Парижъ, чтобы принести королю личную жалобу. Удивленіе возрастаетъ: негодующая красавица задержана хозяиномъ трактира въ то самое время, когда она садилась въ свой экипажъ! Все еще болѣе взволновалось, когда узнали, что задержка «учинена вслѣдствіе безыменнаго письма», въ которомъ совѣтовали трактирщику остерегаться при расчетѣ съ этой барыней. Скоро потомъ возвратился и век-

сель ея на одного Парижскаго банкира, съ мудреными примѣчаніями на оборотъ. Барыня удостовѣряла, что вексель вѣренъ какъ королевская казна, но трактирщикъ не поколебался ни угрозами, ни вздохами, ни слезами. Альфонсъ Пипольтъ и маркиза распутались съ полиціею почти въ одно время, первый черезъ полюбовиную сдѣлку съ пріѣзжимъ въ дилижансѣ портнымъ мастеромъ, послѣдняя черезъ содѣйствіе одного префекта, знаменитаго утопченностью своихъ вкусовъ. Развязка теперь созрѣла. Вышло, что Альфонсъ-танцовщикъ Портъ-Сенмартенскаго театра. По закрытіи представленій, онъ вздумалъ путешествовать и собирать деньги всѣми средствами, какія впустить ему бродяжнѣйшій Терпсихоры: онъ игралъ на билліардѣ, давалъ танцевальныя уроки, и вступалъ въ бракъ со вдовами богатыхъ провинціаловъ. Маркиза была того же покроя, — смазливая оперная фигурантка: понаживившись въ Бордо, она ѣхала искать мѣста въ Парижѣ. Маршальскій сынъ и милліонщикъ стоилъ того, чтобъ остановиться на недѣлю въ скучной атмосферѣ древняго города Фонтенебло. Дочь Мексиканскаго лорда, владѣтеля Кавалькавы и пятидесяти другихъ помѣстьевъ, добыла экипажъ изъ Парижа, выкупилась изъ своей куколки какъ бабочка, и влюбилась безъ всякаго отлагательства.

Но вопреки театральнымъ обычаямъ, фарсъ кончился трагедіей. Любовники получили теперь свободу для выполненія взаимныхъ обѣтовъ; они избавились отъ стѣснительныхъ приличій высокаго званія, и пошли блуждать по полянамъ лѣсовъ, непреслѣдуемые глазами завистливаго соперничества. Однажды вечеромъ, ни одинъ изъ нихъ не воротился на ночлегъ. Хозяева ихъ квартиръ принимали чрезвычайное участіе въ этой потерѣ, тѣмъ болѣе, что обоимъ почти ничего не заплачено было по счетамъ. Эксъ-маркиза потѣхала-было немножко освѣжиться. У ней въ комнатѣ нашли всего имущества пустой сундукъ и письмо, въ которомъ она объявляла, что рѣшается прекратить существованіе, сдѣлавшееся для нея нестерпимымъ, благодаря злобѣ людѣй. Подобная рукопись найдена на туалетѣ любовника и съ такимъ же недостаткомъ въ подвижности. Тотчасъ принялись за поиски, и черезъ два дня получено извѣстіе, что любовники кончи-

ли жизнь по-Французски, à-la-française. Ихъ нашли мертвыми: у каждого было по пистолету, и руки ихъ были связаны бантами изъ розовыхъ лентъ. Подлѣ нихъ лежало открытое письмо, въ которомъ они просили быть схороненными въ одну могилу, прощали свѣтъ за жестокое гоненіе, за преслѣдованіе ихъ до самой смерти, и торжественно объявляли, что, умирая въ присутствіи другъ друга, они умерли, какъ заповѣдывалъ Вольтеръ и какъ Руссо желалъ бы умереть съ своей Юліей. Весь Фонтенебло сошелся смотреть на эту картину, поплакать и въ заключеніе потанцовать. Несчастныхъ любовниковъ торжественно похоронили, и мѣсто, гдѣ кончили они жизнь свою, осталось священнымъ въ память злополучной страсти. Со всего околотка везуть сюда проѣзжихъ, чтобъ только показать имъ эту достопримѣчательность.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Со времени войны между классиками и романтиками, число художниковъ, а слѣдственно и произведений умножалось все въ возрастающей прогрессіи, и нынѣшній годъ выставлено 2,535 работъ. Но изъ этихъ тысячъ, по собственному сознанію Французскихъ критиковъ, нѣтъ ни одного, который бы изумлялъ или приводилъ въ восхищеніе.

Колоссальныя размѣры Геркулеса, отдающаго Діомеда на съѣденіе собственнымъ конямъ его, и имя барона Гро, который написалъ эту картину, возбуждаютъ вниманіе публики. Выборъ предмета, который всегда былъ страшенъ и кажется еще страннѣе при нынѣшнемъ взглядѣ на Греческую мифологію, нравится немногимъ; но «знаменитый» живописецъ хотѣлъ дать почувствовать молодымъ товарищамъ необходимость изученія наготы. Въ фигурахъ Геркулеса и Діомеда есть дѣйствительно такія части, — между прочимъ лядвеп, голени и ноги, — которыя отдѣланы съ большимъ искусствомъ. Г. Гро выставилъ еще картину, «Ацисъ и Галатей».

Замѣчательны, говорятъ, двѣ картины средней величины Горація Вернета: одна—«Взятіе Боны», въ Африкѣ, другая—«Ревека», наполюющая Авраамова служителя. Въ обѣихъ

узнають умную, пріятную и опытную кисть этого художника. Французскій солдатъ, со знаменемъ въ рукѣ, поднимаемый на стѣну города самими мусульманами, защитниками Боны, — сцена военно-комическая, которою никто не могъ воспользоваться лучше Г. Вернега. Ревекка и слуга, которому она подаетъ пить, составляютъ группу тѣмъ болѣе оригинальную, что живописецъ вѣроятно видѣлъ въ Африкѣ подобныя сцены, доставившія ему способъ изобразить предметъ въ новомъ видѣ. Прозрѣніе, даль и небо довольно рѣзки и холодны относительно къ мѣстности.

Въ нынѣшній годъ является съ особеннымъ блескомъ одна гравировка: эстампъ сдѣланный Г. Ришомомъ съ картины Энгра, «Генрихъ IV, играющій съ своими дѣтьми», лучше всѣй выставки.

Г. А. Шефферъ, старшій, представилъ встрѣчу Данте и Виргилія съ тѣнями Франчески Риммин и Пауло. Этотъ предметъ, столько разъ писанный и не освященный ни одною знаменитою картиною, сопряженъ съ неудобствомъ всѣхъ тѣхъ сценъ, которыя были превосходно изображены великими поэтами, и которыя по этому самому представляются каждому читателю въ иномъ и обыкновенно противоположномъ видѣ. При всемъ томъ, группа тѣней утверждаютъ критики, очень хороша, и колоритъ хотя и проникнуть той блѣдностью, которой требуетъ родъ жизни, ихъ одушевляющей, однако не лишенъ силы. Эта группа — напередѣ, а нѣсколько глубже видны Виргилій и Данте, созерцающіе съ задумчивымъ вниманіемъ двухъ любовниковъ, которыхъ и смерть не разлучила.

Г. Г. Шефферъ, братъ предъидущаго, написалъ «Шествіе на казнь Іоанны д'Аркъ», когда измѣнившій ей священникъ проситъ у ней прощенія. Юная героиня выслушиваетъ признаніе монаха спокойно и презрительно, а другой священникъ, сопровождающій ее въ страшной колыматѣ, кажется въ смятеніи отъ того, что открываетъ кающійся. Картина эта очень малаго размѣра, но отличается нѣжною и отчетливою въ рисунокъ, въ колоритъ и въ сочиненіи.

Г. Штейбенъ, нашъ соотечественникъ, нѣкогда воспитанникъ Петербургской Академіи Художествъ, выставилъ

картину футовъ въ пять—, «Наполсонъ, пробивающійся на конѣ въ средину резервнаго баталіона при Ватерло», и останавливаемый своими генералами и солдатами на краю гибели. По блѣдному и зловѣщему лицу его, по пропитательному, хотя и мрачному взгляду, можно угадать, что сраженіе рѣшительно проиграно. На выставкѣ есть еще нѣсколько прекрасныхъ женскихъ портретовъ того же художника.

Г. Гранё явился съ крошечной картинкою, гдѣ Савонарола принимаетъ на колѣнахъ увѣщанія кардинала, готовясь идти по приговору суда на висѣлицу и на сожженіе.

Г. Делакруа, извѣстный своими—Хіосскимъ Истребленіемъ, Сардаполомъ, Алжирскими Женщинами, Карломъ Пятымъ въ Эскуріалѣ, написалъ три картины, изъ которыхъ одна, «Шильонской узникъ», заслуживаетъ большія похвалы. Это маленькое сочиненіе состоитъ изъ двухъ фигуръ: Шильонскій узникъ, скованный по поясу, порывается съ распростертыми руками къ младшему брату, котораго онъ видитъ умирающимъ и которому не въ силахъ помочь. Если бъ эта картина, говоритъ одинъ Парижскій критикъ, выдавалась за предуготовительный очеркъ, можно было бы похвалить тѣлодвиженіе прикованной фигуры и однако жъ посоветовать живописцу, чтобъ онъ умѣрилъ то, что въ немъ преувеличено: голова и руки могли бы быть естественнѣе и тѣмъ самымъ усилить занимательность цѣлаго.

Толпа тѣснится около «Смерти герцога Гвиза», писанной Г. Павломъ Деларошемъ. Картина эта назначена въ дополненіе къ двумъ прежнимъ,—«Ришелье и Сень-Маркъ» и «Болѣзнь кардинала Мазарина»: подобно имъ, она продолговатой формы и довольно широка. Гвизъ только-что погибъ; онъ на полу, и голова его немного приподнята ногою кровати, а опрокинутые стулья и взбитый коверъ свидѣтельствуютъ объ ожесточеніи, съ которымъ жертва сопротивлялась убійцамъ. Вѣдь люди, совершившіе ударъ, влагаютъ свои шпаги, оправляются, и вмѣстѣ посматриваютъ, точно ли умеръ герцогъ Гвизъ, а Генрихъ III пріотворилъ дверь, и глядитъ украдкою и боязливо, погибъ ли врагъ его, или еще нѣтъ. Это картина анекдотная, гдѣ живопись правовъ такъ же важна, какъ и самое дѣйствіе. Г. Деларошъ отличается въ этомъ родѣ.

Если остатокъ ужаса, внушаемаго королю и храбрѣйшимъ его еще неохладѣвшимъ труномъ герцога Лотарингскаго, кажется немного смѣшнымъ, зато положеніе бездыханнаго тѣла и блѣдное, но грозное, лице его возвращаетъ душу зрителя къ трагическимъ ощущеніямъ.

Г. Лудвигъ Робертъ выставилъ только двѣ маленькія картины: «Двухъ дѣвушекъ», изъ окрестностей Неаполя, и «Двухъ Швейцарокъ», ласкающихъ козленка. Обѣ эти бездѣлки, говорятъ, прелестны.

Братъ его, Аврелій Робертъ, написалъ внутренний видъ крестильни Св. Марка въ Венеціи, гдѣ совершается таинство. Эта картина выполнена съ рѣдкимъ искусствомъ, и по словамъ нѣкоторыхъ Французскихъ журналовъ, какъ говорится, «превосходитъ все, что ни сдѣлано въ этомъ родѣ».

Въ двухъ огромныхъ картинахъ, Г. Гюдень старался изобразить морскую зыбь, передъ Гавромъ, и ярость волнъ, ударяющихъ въ фрегатъ Сирень, въ Алжирскомъ заливѣ. Произведенія, выставленныя Г. Гюденомъ, замѣчательны совершенствомъ подробностей, но неудовлетворительны въ цѣломъ.

Есть еще «Видъ Понтийскихъ Болотъ» того же художника: этотъ видъ производитъ болѣе эффекта именно потому, — что природа здѣсь не предана такому мученію.

Г. Буассаръ написалъ довольно удачно эпизодъ отступленія отъ Москвы, то есть, нѣсколько Французскихъ солдатъ, умирающихъ въ снѣгу.

Г. Изабѣ, отецъ, удовольствовался выставкою нѣсколькихъ хорошихъ портретовъ, писанныхъ водяными красками. Г-жа Мирбель явилась тоже съ четырьмя миниатюрными портретами, — короля Лудвига-Филиппа, который, говорятъ, очень похожъ, королевы Бельгійской, какой-то молодой дамы и какого-то молодого иностранца. Всѣ четыре удостоиваются большихъ похвалъ въ отношеніи колорита и выраженія головъ.

Всѣ лучшіе Французскіе ваятели заняты публичными работами, и на выставкѣ нѣтъ почти ни какихъ замѣчательныхъ произведеній скульптуры. Отзываются съ похвалою о гипсовой модели Г. Шапоньера, представляющей Давида, послѣ побѣды его надъ Голіафомъ. Г-ну Птиго пришло въ

голову изваять группу иншихъ Калабрійцевъ: онъ долженъ быть совершенный антиподъ древнихъ художниковъ, когда рѣшился употребить скульптуру для выраженія отвратительныхъ формъ тѣла и лохмотьевъ. Это можетъ притти въ голову только «юной» школѣ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ Chatterton, *Чаттертонъ*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Г. Альфреда де-Виньи.

Графъ Альфредъ де-Виньи, знаменитый писатель новой школы и у котораго есть болѣе истиннаго чувства и основательнаго ума, нежели у кого, нибудь изъ его сверстниковъ, хотѣлъ написать Французскаго Вертера. Для нравственности, довольно было и Нѣмецкаго.

Есть люди, для которыхъ вопросъ о самоубійствѣ еще теменъ, по-крайней-мѣрѣ очень мудренъ, и которые до сихъ-поръ спрашиваютъ себя — неужто оно противно природѣ? неужли добровольное лишеніе себя жизни не есть дѣло естественное? правда скорпіоны въ несчастіи убиваютъ себя собственнымъ хвостомъ. Стоитъ только рѣшить, принадлежитъ ли человѣкъ къ породѣ скорпіоновъ или нѣтъ, то ли назначеніе его въ чинѣ вселенной, что скорпіона, и тогда объяснится само собою, имѣетъ ли онъ, по законамъ природы, право подражать скорпіону или не имѣетъ. Человѣкъ тѣмъ именно отличается отъ всѣхъ другихъ животныхъ, что инстинктъ самоохраненія развитъ въ немъ въ высочайшей степени, и что природа надѣлила его, человѣка, почти неограниченными и, во всякомъ случаѣ, безпримѣрными въ созданіи средствами къ выполнению этого инстинкта, — рукою съ пятью превосходными пальцами, желудкомъ и зубами, способными къ весьма разнородной пищѣ, волшебнымъ даромъ слова, умомъ и изобрѣтательностью. Все это орудія самоохраненія, — и орудія удивительно могущественныя, которыхъ сочетаніе доставляетъ намъ неисчислимыя способы выполненія этого, господствующаго въ насъ, инстинкта. Что такое самоубійство, если не нарушеніе инстинкта самоохраненія, если не его развращеніе, если не забвеніе средствъ, дарованныхъ намъ при-

родою къ поддержанію жизни, если не насильственная ломка ея чудесныхъ орудій, если не низведеніе человѣка къ степени безталаннаго и злаго скорпіона, — или, пожалуй, обезьяны, потому что обезьяны тоже рѣшаются иногда на этотъ подвигъ? Извѣстный стихъ прославленнаго трагика:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre, la mort est un devoir —,

этотъ стихъ, которому столько удивлялись, который такъ часто повторяють, просто напыщенная нелѣпость, которая годится только въ трагедію, а не въ благоустроенную голову, и въ пошлой его пародіи —

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
On déchire sa chemise, on en fait un mouchoir,—

заключается гораздо болѣе истины и здравой философіи, хотя сочинитель пародіи думалъ быть философомъ, а только хотѣлъ сказать глупость, для того, чтобъ разсмѣшить толпу. Дѣйствительно, когда вамъ кажется, что уже нѣтъ ни какого средства къ удовольствованію вашихъ прихотей, вы можете еще изорвать вашу рубаху и сдѣлать изъ нея носовой платокъ, — и слѣдственно непредстоитъ причины лишать себя жизни! Прибѣгите къ изобрѣтательности! Она спасетъ васъ изъ всякой бѣды. Не подавляйте ея гордостью: гордость — источникъ всѣхъ заблужденій, начало развращенія всѣхъ коренныхъ инстинктовъ человѣчества, на познаніи которыхъ основывается вся наука естественной нравственности. Когда Гёте сомнѣвался въ дѣйствительности инстинкта самоохраненія въ человѣкѣ, онъ былъ въ заблужденіи, происшедшемъ отъ развращенія въ немъ этого инстинкта гордостью общественнаго человѣка, — и такое развращеніе весьма удивительно въ Гёте, жившемъ среди народа религіознаго и одаренномъ отлично устроенною головою. Когда писатель новой Французской школы видитъ въ самоубійствѣ дѣло согласное съ природою, онъ находится только во тмѣ хаоса, въ который нынче погружены всѣ нравственныя понятія его литературныхъ соотечественниковъ, и это отнюдь не удивительно. Во Франціи теперь почти всѣ главные инстинкты человѣчества пришли въ развраще-

нѣ, и тамъ рѣшительно сомнѣваются въ томъ, чтобъ даже единоженство было настоящимъ инстинктомъ нашего рода. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи философы юной школы, конечно, не дошли еще до той степени попраці инстинкта, на какой находился Магометъ, который дерзнулъ даже отмѣнить его письменнымъ закономъ, но многіе изъ нихъ уже не далеко отъ этого. Стоитъ только взглянуть на восточные гаремы, чтобъ возымѣть понятіе, какъ иногда люди могутъ развратить одинъ изъ сильнѣйшихъ своихъ инстинктовъ, и потомъ не только не примѣчать развращенія, но еще находить для него очень логическое оправданіе. Не менѣе того остается несомнѣннымъ, что и самоохраненіе и единоженство — два великіе закона нашей природы, мы читаемъ ихъ уже съ помощію Естественной Исторіи и Физиологіи, а релегія освѣщая ихъ, возводитъ на степень нѣ сомнѣнныхъ нравственныхъ истинъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о предметѣ, перейдемъ къ Французскому Вертеру, въ которомъ, безъ-сомнѣнія, много поэзіи, но очень мало толку. Прежде чѣмъ приступимъ къ содержанію драмы, предложимъ нѣсколько подробностей о дѣйствительной жизни Чаттертона, Англійскаго поэта XVIII вѣка: это тѣмъ необходимо, что авторъ, избравъ историческаго героя, представляетъ его совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ Исторія, и быть-можетъ безъ умысла возвеличиваетъ непростительную, преступную слабость.

Чаттертонъ, сынъ школьнаго сторожа, воспитывается въ этой школѣ изъ состраданія. До одиннадцатилѣтняго возраста онъ смѣшнѣ своей тупостью и учителей, и товарищей; но тутъ сочиняетъ сатиру, которой всѣ дивятся, потому что она его, — этого глупаго ребенка. Черезъ нѣсколько времени его исключаютъ изъ школы не за то, что онъ написалъ сатиру, а за то, что всѣмъ надобѣ своимъ гордымъ и безпокойнымъ правомъ.

Воротившись къ матери, онъ находитъ нѣсколько старыхъ рукописей деънадцатаго вѣка, и тотчасъ смѣкаетъ, что стоитъ лишь выкинуть и постараться для успешнаго

подражанія слогу того времени. Дѣйствительно, онъ принимается за дѣло такъ умно и прилежно, что сочиняетъ подъ именемъ монаха Ролли (Rowley) два или три стихотворенія, обманувшія самыхъ просвѣщенныхъ любителей. Чаттертонъ думаетъ и дерзаетъ биться объ закладъ, что самъ Гораций Вальполь не догадается о подлогѣ. Вальполь узнаетъ поддѣлку, и не отвѣчаетъ автору. Чаттертонъ пишетъ къ нему письмо, исполненное угрозъ и ругательствъ.

Вмѣсто того, чтобъ просто объявить себя сочинителемъ Эллы и Годвина, Чаттертонъ, обманутый въ надеждѣ, сердится и принимается осмѣивать вельможъ, отказывающихъ ему въ покровительствѣ. Онъ пишетъ памфлеты для двора и для министерства: ихъ никто не читаетъ. Онъ переходитъ къ оппозиціи. Лордъ Бекфордъ, меръ города Лондона, возстаетъ противъ министерства: Чаттертонъ пишетъ для лорда Бекфорда; но этимъ отступничествомъ онъ снискиваетъ только презрѣніе обѣихъ сторонъ. Онъ самъ постарался объяснить намъ въ письмѣ къ сестрѣ своей, отчего министерскія памфлеты прибыльнѣе оппозиціонныхъ. «Лорды, говорятъ онъ, такъ бѣдны заслугами, что не жалѣютъ денегъ панегиристамъ: напечатайте похвальное слово на свой счетъ и вѣрно получите вознагражденіе. Пишучи для оппозиціи, вы можете-быть успѣете сдѣлаться народнымъ, но тутъ не перепадетъ вамъ ни шиллинга.»

Вотъ что писалъ Чаттертонъ къ сестрѣ, — а говорятъ, что вѣкъ его не умѣлъ цѣнить этого человека! Соскучившись полемикой, на которой онъ выручалъ такъ мало, онъ хочетъ поступить хирургомъ на военный корабль. Для этого ему нуженъ аттестатъ: онъ обращается къ Г. Баррету, подъ чьимъ руководствомъ занимался не болѣе полугода первыми началами Хирургіи. По весьма постижимому внушенію совѣсти, Г. Барретъ отказывается быть за него порукою. Гордость не позволяетъ Чаттертону приняться снова за работу и выжидать лучшихъ дней въ трудахъ безвѣстныхъ, но выгодныхъ; онъ съ самаго начала поставилъ себя въ такое положеніе, что не могъ прибѣгнуть безъ стыда ни къ министерству, ни къ оппозиціи. Чаттертонъ

рѣшается умереть. Онъ былъ не безъ куска хлѣба, принимая выгодное для себя участіе въ большей части періодическихъ изданій. Исторія, Критика, Филологія, были передъ нимъ открыты, и обѣщали ему жизнь, если не блистательную, по-крайней-мѣрѣ спокойную; онъ могъ увѣнчаться лавромъ поэта, но открыто, безъ дѣтскихъ хитростей, безъ смѣшнаго фокусничества. Стоило ему издать подъ своимъ именемъ то, что приписывалъ онъ Роліо и Вильяму Кенниджу, и облекать мысль свою въ прозрачную пелену современной рѣчи, не прибѣгая къ чарамъ старословія, избитымъ еще до него.

Смѣсь и гнѣвъ отдаляли его отъ тѣхъ, кто могъ пособить ему. Онъ не находилъ счастья—себѣ по плечу. Самоубійство казалось ему единственнымъ, достойнымъ его отмщеніемъ, — и онъ проглотилъ растворъ мышьяку. Въ дописаніи слѣдственного пристава было сказано, что онъ нашелъ у него въ карманѣ скляночку опиума, а въ бумагахъ расчетъ того, что онъ выручилъ по случаю смерти лорда-мера. Сначала Чаттертонъ опредѣляетъ примѣрно продажную цѣну брошюры, сочиненной подъ покровительствомъ лорда Бекфорда. Брошюра эта осталась неизданною. Элегія на смерть его продавалась довольно хорошо, и Чаттертонъ, сравнивая предполагаемую прибыль отъ брошюры съ прибылью отъ элегій, подводитъ въ итогъ три фунта стерлинговъ чистаго барыша, и замѣчаетъ: «Радуюсь смерти лорда Бекфорда за три фунта стерлинговъ.»

Гдѣ жъ въ этой біографіи элементы драматической поэмы? Неоспоримое достоинство Эммы, Годвина и баллады Состраданіе, не имѣютъ ничего общаго съ театальной занимательностью. Тутъ нуженъ человѣкъ, а не поэтъ: гений Чаттертона, если бъ и въ самомъ дѣлѣ его не оценили по заслугамъ, не былъ бы пружиною трогательности. А что жъ еще въ этомъ человѣкѣ? Любовь къ отечеству? Да онъ продавалъ перо тому, кто больше дастъ. Любовь къ женщинѣ? Но кромѣ кратковременной и довольно холодной переписки съ Маріею Ромли, переписки, которую началъ онъ по совѣту сестры своей, во всей жизни Чаттертона нѣтъ ни малѣйшаго слѣда настоящей страсти. Миссъ Ромли какъ-то вспала ему на умъ: головная любовь, и боль-

ше ничего. Вся жизнь его сосредоточивается въ одномъ словѣ — гордость. Если создавать изъ него драму, такъ гордость должна быть основою зданія.

Не возможно начертать программу трагедіи въ нѣсколькихъ строкахъ, но думаемъ, что Шиллеръ или Шекспиръ, рѣшившись вывести на сцену Чаттертона, показали бы намъ путь, какимъ дошелъ онъ отъ гордости до самоубійства, истощивъ и семейныя радости, и козны памфлетчика. Любить, окружать себя благими надеждами, неутомимо продолжать земное странствіе, не гоняться за фортуною въ мужественномъ исполненіи долга или попирая священные начала нравственности и даже самоуваженія, играть именемъ и мыслию въ ожиданіи мѣста, пенсін, — таковъ былъ бы спорный вопросъ между сердцемъ и головою, вопросъ, долженствовавшій рѣшиться самоубійствомъ.

Г. де-Виньи смотрѣлъ на Чаттертона въ духѣ возгласовъ юной литературной школы, и представилъ его неузнаннымъ гениемъ, борющимся съ нищетою, — какъ обыкновенно представляютъ его Англійскіе журналы, когда имъ понадобится въ статью высскопная фраза и два восклицательные знака. Вотъ очеркъ драмы.

Дѣйствующихъ лицъ только три: поэтъ, молодая женщина и мудрецъ. Сказать вамъ, что они такое, вы напередъ узнаете, что они будутъ дѣлать. Чаттертону восемнадцать лѣтъ; онъ бѣденъ, считаетъ себя худо цѣнимымъ, обвиняетъ свѣтъ въ несправедливости, и, не дѣлая ни шагу на встрѣчу славы, которая сама идетъ къ нему, онъ копится въ нищетѣ и уединеніи. Ночи проводитъ онъ въ ученыхъ трудахъ, а дни въ проклятiяхъ. Онъ говоритъ себѣ съ самоугодливимъ киченіемъ: — Въ этомъ шумномъ стадѣ, которое зовутъ Великобританіей, нѣтъ ни одного мѣста, меня достойнаго; сладкозвучный голосъ мой не достигаетъ ихъ грубаго слуха; ихъ безпечныя головы не понимаютъ моихъ божественныхъ мыслей; парламентскія ссоры, охота и пѣгушья бои истощаютъ всѣ страсти этихъ благородныхъ гражданъ: ужели мнѣ вымаливать денегъ и рукоплесканій у этой наглой толпы? Имъ преклонять передо мною колѣно, имъ плести мнѣ вѣнки! Пусть идутъ ко мнѣ, — я спю имъ. Пусть тѣснятся вокругъ меня, я

разскажу имъ чудеса вѣковъ минувшихъ. Я изобразу имъ страданія и подвиги предковъ. Я оживотворю прахъ Гастингса дыханіемъ моего генія. Я возвращу Норманнамъ и Саксонамъ, давно уснувшимъ во мракъ могилы, ихъ ржавое оружіе. И побѣдитель и побѣжденный возстанутъ на зовъ мой, и возобновятъ свои битвы. Но что же никто нейдетъ? Ужели мнѣ жить одному съ моимъ геніемъ? Зачѣмъ это вдохновеніе въ моемъ сердцѣ и эти гимны на устахъ? Что значитъ эта жестокая насмѣшка? Судьба не поставила ли меня такъ высоко только для того, чтобъ удалить отъ меня всякое сочувствіе?.... Я грезилъ о славѣ, и вотъ она ускользаетъ. Я грезилъ о любви, чтобъ утѣшить себя за невѣжественную неблагодарность: но какая женщина приметъ безвѣстное мое имя? У меня теперь одинъ долгъ, — самоубійство.

Китти Бель, предавшаяся вся двумъ своимъ дѣтямъ, забываетъ съ ними непреклонную строгость мужа, его грубыя, наглыя слова: свѣтлорусато локона, который она ежедневно осыпаетъ поцѣлуями, достаточно для ея радости, для ея покорства судьбѣ. Она не подозрѣваетъ восторговъ любви; страсти извѣстны ей только по печальнымъ разсказамъ. Слѣдуя съ давнихъ поръ строгимъ внушеніямъ Христіанской Вѣры, она знаетъ, что добродѣтель состоитъ не только въ борьбѣ съ опасностью, но и въ томъ, чтобъ избѣгать ея. Итти по краю пропасти и не падать — искусство славное, но преступное. Религія предписываетъ осторожность прежде мужества. Должно принимать бой, но не начинать его. Всѣ эти слишкомъ обыкновенные уроки, которыми часто не знаютъ цѣны, напечатлѣны въ сердцѣ Китти неизгладимыми чертами. Вѣра и дѣти наполняютъ всѣ дни ея: заключившись безъ сѣтованій и слезъ въ предвидѣнный кругъ своихъ обязанностей, она не ропщетъ на тягость бремени. Каждый вечеръ засыпаетъ она съ благой надеждою итти и завтра тѣмъ же путемъ. Спокойная и гордая въ своей непорочности, она не думаетъ укрываться отъ бури. Она слышитъ только голосъ ангеловъ, а шумъ у ногъ ея для нея какъ-будто не существуетъ.

Если встрѣтится ей горькое несчастіе, она не подавитъ великодушнаго состраданія. Она не удержитъ слезъ, на-

полняющихъ глаза ея. Она будетъ нѣжна, она предастся душою, но безъ угрызеній и безъ страха, потому что страданіе въ числѣ христіанскихъ обязанностей. Если мужъ станетъ спрашивать у ней о добрѣ, ею сдѣланномъ, она будетъ молчать не столько отъ смущенія, сколько отъ скромности. Она не хочетъ открыть пожертвованія, чтобъ не осквернить его; она не хочетъ лгать, но требуетъ срока подумать, чтобъ избавить отъ стыда того, кто обязанъ ей спасеніемъ. А какъ скоро она замѣчаетъ, что въ сердцѣ у нея любовь, она не прощаетъ себѣ преступнаго желанія и прибѣгаетъ къ Богу, чтобы очиститься отъ слабости.

Между Чаттертономъ и Китти является человекъ, умудренный опытомъ и годами. Принадлежа по своимъ правиламъ къ сектѣ квакеровъ, докторъ снисходителенъ даже къ тѣмъ скорбямъ, которыхъ онъ не раздѣляетъ. Онъ не подвергался власти страстей, но онъ знаетъ ихъ, какъ матросъ знаетъ свои парусы. Встрѣчая съ стоическимъ спокойствіемъ бѣдствія, постигающія только его, докторъ не подражаетъ себялюбивой мудрости стариковъ, издержанныхъ удовольствіемъ. Онъ не навязываетъ никому своего равнодушія. Онъ простираетъ руку колеблющимся, онъ улыбается исполненнымъ надеждъ; но упрекнулъ бы себя въ злобной зависти, если бъ вздумалъ открыть глаза, мо-ложе своихъ собственныхъ. Онъ уважаетъ заблужденія другихъ возрастовъ. Онъ не хочетъ ускорять зрѣлость понятій, которыя не имѣли времени развернуться. Уроки свои посвящаетъ онъ какъ плодоносное зерно въ душахъ, которыя заранѣе зовутъ къ себѣ, но прозябаніе и богатую жатву предоставляетъ волѣ Промысла.

Въ первомъ актѣ Китти и Чаттертонъ являются вмѣстѣ. Одно слово, — имѣй они случай сказать его, — объяснило бы ихъ другъ другу. Поэтъ ввѣрилъ бы свое горе, чистая и нѣжная мать утѣшила бъ его безъ укора совѣсти. Библия, которую нашла она у дѣтей своихъ, которая принадлежить Чаттертону, и которую она хочетъ возвратить ему,

явно свидѣтельствуесть о сочувствіи ея къ несчастію. Но докторъ становится между ими и, удерживаетъ взаимное признаніе, которое могло погубить ихъ. Онъ уводитъ Чаттертона, и съ этихъ поръ можно предвидѣть безъ особеннаго дара, что дѣйствія въ драмѣ не будутъ. Характеры не могутъ одушевиться, не измѣнивъ своей природы. Объясненіе Китти съ мужемъ щекотливо, мило, простодушно, трогательно, но ни сколько не подвигаетъ впередъ драмы.

Во второмъ актѣ посѣщеніе, сдѣланное Чаттертону лордомъ Тольботомъ, прежнимъ его соученикомъ, вдругъ какъ будто зажигаетъ борьбу между поэтомъ и Китти. Юная мать, уже близкая къ роли любовницы, боится, нѣтъ ли тутъ обмана. Она думала, что любитъ въ Чаттертонѣ оставленнаго всѣми бѣдняка. Веселые и роскошные друзья, которые къ нему ѣздить, — жестокая насмѣшка надъ ея легковѣріемъ. Но самая досада проливаетъ новый свѣтъ на настоящее положеніе ея сердца. Какое было бы ей дѣло, бѣденъ или богатъ поэтъ, если бѣ она чувствовала къ нему одну дружбу? Не надлежало ли бѣ ей радоваться вмѣсто того, чтобъ сожалѣть? Не любовь ли только жаждетъ утѣшать одна, безъ всякой посторонней помощи? Не любовь ли готова желать нищеты, чтобъ только увеличить самоотверженіе? Здѣсь опять является докторъ, и налагаетъ молчаніе на страсть, которой хотѣлось себя высказать. Онъ удерживаетъ на неосторожныхъ устахъ робкое признаніе, которое изъ нихъ вырывалось, и которое сдѣлало бѣ ангела женщиной. Тогда какъ Китти, забывая свою строгую стыдливость, хочетъ раскрыть душу передъ престарѣлымъ другомъ, онъ, вмѣсто того, чтобъ пособить ея застѣнчивости, читаетъ правоученія, а время летитъ и повелительный голосъ мужа останавливаетъ потокъ, готовый излиться.

Между-тѣмъ Чаттертонъ въ бѣшенствѣ. Въ отвѣтъ на письмо его, лордъ-меръ предлагаетъ ему сто фунтовъ стерлинговъ жалованья и мѣсто—перваго камердинера! Здѣсь, то есть, въ третьемъ актѣ, есть двѣ сцены, которымъ нельзя не отдать заслуженной похвалы. Докторъ предчувствуесть послѣднее рѣшеніе Чаттертона, и идетъ къ нему

въ комнату. Искусно поворачиваетъ онъ кинжалъ въ отчаянномъ сердцѣ, которое хочетъ исцѣлить : онъ расширяетъ рану, чтобъ лучше узнать ее. Онъ возвращаетъ его къ жизни путемъ гордости, и показываетъ ему невѣрную славу, выпчающую его соперниковъ. Онъ низлагаетъ его стыдомъ; на-мигъ онъ считаетъ себя побѣдителемъ. Онъ уже радуется; но это средство ускользаетъ изъ рукъ его. Остается послѣднее,— любовь Китти. При этой вѣсти несчастный оживаетъ, но гордость не даетъ ему провидѣть благополучія. У него нѣтъ мочи надѣяться.

Напрасно сама Китти рѣшилась на признаніе. Смѣлая изъ самоотверженія, чтобъ утѣшить и удержать его, она истощаетъ всѣ рѣчи, о которыхъ за часъ передъ тѣмъ стыдилась подумать. Тщетно раздираетъ она завѣсу, покрывавшую ея ангельскіе глаза : она не можетъ спасти несчастнаго. Онъ выпиваетъ опиумъ, и спѣшитъ умереть подалеже отъ нея. Она поднимаетъ склянку, которую онъ выронилъ; мужъ зоветъ ее, — она умираетъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой драмы. Герой ея — безумецъ, который говоритъ съ самаго начала — Я убью себя! — и убиваетъ, не выдержавъ ни одной сильной борьбы съ самоубійствомъ, когда съ нимъ стоитъ лишь схватиться, чтобъ побѣдить его. Но смерть для Чаттертона прихоть, точка помѣшательства, а не необходимость. Можно постигнуть самоубійство на сценѣ, когда влечетъ къ нему неодолимая судьба; когда рядъ необъяснимыхъ обстоятельствъ вынуждаетъ сына доносить на отца, ссылатъ его на каторгу или итти туда самому. Въ такой крайности сынъ можетъ вселять участіе, и самоубійство, какъ ни противно оно нравственности, здѣсь менѣе удивительно. Но молодой человекъ въ восемнадцать лѣтъ, котораго любитъ прелестная женщина, съ которымъ пріятель, и добрый квакеръ, и знатный господинъ, и который только и знаетъ, что стѣнать, жаловаться и обвинять другихъ вмѣсто самого себя, — какъ можетъ онъ трогать или вселять участіе?

Напрасно садится онъ на постель, и жалуется на ростовщика, который завтра же посадить его въ тюрьму, если не получитъ своихъ денегъ; на книгопродавца, который

ему не заплатитъ, если онъ не будетъ ничего дѣлать; на туманъ, который слишкомъ часто посѣщаетъ его комнату, и на вдохновеніе, которое посѣщаетъ его слишкомъ рѣдко. Здравый смыслъ говоритъ ему: Чудакъ! да ты работай! вдохновеніе прійдетъ къ тебѣ, книгопродавецъ на колѣнахъ поднесетъ по гинеѣ за полустигіе, ростовщикъ поклонится въ поясъ, когда не ниже, и года черезъ два ты будешь такъ счастливъ, что сможешь пособить такому жъ бѣдняку, какъ самъ былъ прежде.

Драма графа Альфреда де-Виньи не имѣетъ большого успѣха на Парижскихъ театрахъ. Она и не голится для театра. При чтеніи она представляетъ много поэтическихъ красотъ, несмотря на свои драматическіе недостатки и общую ложность направленія.

2. *La Juive, Жидовка*, опера въ пяти дѣйствіяхъ, слова Г. Скриба, музыка Г. Галеви.

Большая опера, написанная Французскимъ композиторомъ, — происшествіе необыкновенное. И говорятъ, что эта музыка прекрасна, что она выдержитъ соперничество съ Робертомъ Дьяволомъ. Это говоримъ не мы, а сказалъ Г. Жаненъ. Но начнемъ съ поэмы.

Дѣйствіе происходитъ во время Констанцскаго Собора, время ужасное. Казнь Іоанна Гусса еще свѣжа; орудія пытки еще окровавленны; дверь узкой темницы, въ которой сидѣлъ онъ, еще не заколочена. Г. Скрибъ перенесъ дѣйствіе своей оперы на мѣсто Констанцскаго Собора вѣроятно потому, что въ декорации ему нужно было большое озеро.

Жидовку зовутъ Рахелью; отца ея Элеазаромъ. Упомянутый Г. Элеазаръ немножко походить на Шекспирова жида, Шиллока, — этого страннаго и энергическаго первообраза жида въ негодованіи. Элеазаръ тоже охотно бы съѣлъ фунтикъ христіанскаго мяса съ жиромъ и кровью. Онъ жилъ въ Римѣ, былъ богатъ, и слѣдственно уважаемъ, сколько жидъ могъ быть въ то время уважаемъ; но кардиналъ Броньи выгналъ его изъ Рима. Элеазаръ переселился въ Констанцъ. Тутъ онъ работаетъ золотыя и серебряныя вещи, и даетъ деньги взаймы за жидовскіе проценты, на

основаніи правъ и преимуществъ жидовской націи. Между-
тѣмъ Рахель растетъ въ домѣ Элеазара и становится кра-
савицей. Дѣйствіе начинается въ какой-то христіанскій
праздникъ.

Элеазаръ сидитъ въ своей открытой лавкѣ и, несмотря на
городской праздникъ, работаетъ. Чернь толпится у его до-
ма, выламываетъ двери, выталкиваетъ жида и дочь его на
улицу, и имъ пришлось бы плохо, если бъ не вступился за
нихъ какой-то таинственный незнакомецъ. Однимъ манове-
ніемъ руки удаляетъ онъ солдатъ, которые уже готовы были
повиноваться ярости черни, и Элеазаръ и Рахель спасены.
Вдругъ, изъ конца въ конецъ города, тянется, растетъ, при-
ближается великолѣпное шествіе: воины въ блестящихъ ла-
тахъ, кони въ сіяющихъ сбруяхъ, знамена развѣвающіяся
въ воздухѣ, весь средній вѣкъ, покрытый желѣзомъ, сере-
бромъ и золотомъ; пародъ вокругъ кардиналовъ; кардиналы
въ красныхъ мантияхъ и красныхъ шляпахъ; посрединѣ не-
сутъ пышный балдахинъ, а подъ нимъ идетъ кардиналъ
Броньи, будущій третій папа. Да знаете ли, что такое вся
эта толпа, весь этотъ дивный блескъ? Это императоръ Си-
гизмундъ вступаетъ въ городъ. Вотъ и первое дѣйствіе!

Во второмъ, вы въ домѣ жида Элеазара. Элеазаръ все по-
прежнему бѣснуется противъ христіанъ; Рахель все по-
прежнему добра и мила. Рахель любитъ молодаго жидка,
Самуила, и любима имъ. Этотъ жидокъ Самуиль, разумеется,
тотъ самый незнакомецъ, котораго вы видѣли въ первомъ
дѣйствіи, который однимъ мановеніемъ руки останавливаетъ
яростную чернь и полновластно повелѣваетъ воинами не ху-
же самого военначальника. Этотъ добрый молодой человѣкъ
напаялся въ работники, въ подмастерья, къ золотыхъ дѣлъ
мастеру Элеазару. Онъ такъ добръ, этотъ молодой человѣкъ,
такъ милъ, такъ задумчивъ, такой жиденокъ, что Рахель тот-
часъ отдала ему свое сердце, и они любятъ другъ друга,
и они счастливы другъ съ другомъ до крайности, — словно
любовники комической оперы. Въ эту самую ночь Самуиль

назначилъ Рахели свиданіе; но вдругъ Элеазаръ возвращается. Старый жидъ догадался, что между его дочерью и подмастерьемъ есть что-нибудь недоброе: догадался, правда немножко поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Вы можете видѣть отсюда, какъ онъ сердился на театрѣ въ Парижѣ по этому случаю. Но Самуилъ, вѣроятно, чтобы успокоить его, объявлялъ ему, что онъ не жидъ, а христіанинъ. Тутъ Элеазаръ сердится пуще прежняго, и хватается свой кипжалъ; но Рахель вырываетъ у него это почти смертельное оружіе. Старикъ растрогивается: онъ хоть и жидъ, а добрый отецъ. Онъ не только прощаетъ Самуила, но и отдаетъ ему руку своей дочери, забывъ, что это будетъ не правдоподобно. Рахель въ восхищеніи; но вы можете также вообразить ея положеніе, когда Самуилъ отказывается отъ руки, которую отдаетъ ему жидъ Элеазаръ, и протягиваетъ Рахель. Какое ужасное отчаяніе для бѣднаго отца! Рахель плачетъ, Элеазаръ рветъ на себѣ волосы, Самуилъ убѣгаетъ чтобы не слышать крика и не видѣть слезъ.

Въ третьемъ дѣйствіи является принцесса Евдоксія. Она хорошая женщина, добрая мать, добрая жена, очень любитъ своего мужа, принца Леопольда. Этотъ принцъ Леопольдъ, по мнѣсти Г. Скриба герой, *побѣдитель Гусситовъ*, неутомимый воинъ, неутомимый волокита. Онъ ухаживаетъ за всѣми женщинами на свѣтѣ: всѣ женщины для него хороши, даже собственная жена, Евдоксія. Но никто противъ судьбы. Этотъ юный воинъ, истребитель еретиковъ, *побѣдитель Гусситовъ*, попался въ любовныя силки. Хотя вы и далеко не такъ хитры какъ Г. Скрибъ, но конечно догадываетесь, что гонитель раскола принцъ Леопольдъ и оболститель жидаковъ Самуилъ, одно и то же лице. Любя истину мы не можемъ скрыть этого. Да! христіанинъ и жидъ, принцъ и подмастерье, смѣшиваются въ этомъ молодомъ человѣкѣ; ногою подавляетъ онъ расколъ, а руку протягиваетъ нехристу жидачкѣ; предастъ Іоанна Гусса сожженію и прижимаетъ Рахель къ своему сердцу. Вотъ непостоянство сердца человѣческаго! Что же скажетъ принцесса Евдоксія, когда узнаетъ, какія вещи позволяетъ себѣ *побѣдитель Гусситовъ*!

Евдоксія ждетъ своего супруга. Она приготовила пиршество, чтобы достойно принять побѣдителя Гусситовъ; она даже заказала золотыхъ дѣлъ мастеру Элеазару медальонъ для своего супруга. Вдругъ конюшій докладываетъ принцессѣ, что какая-то дѣвушка желаетъ ее видѣть. Принцесса говоритъ — Зови! Дѣвушка входитъ. Эта дѣвушка Рахель. Она слѣдовала за Леопольдомъ до этого дворца; знаетъ, что онъ туда вошелъ и оттуда не выходилъ. Рахель проситъ позволенія служить принцессѣ: она хочетъ быть ея рабою. Вотъ что значитъ любовь въ жидовкѣ! Принцесса соглашается. Вотъ каковы жены!

Сцена перемѣняется. Вы видите великолѣпныя палатки; подъ ними столы, покрытые серебромъ и золотомъ. Весь Констанцскій Соборъ приглашенъ на праздникъ. Празднество начинается. Рыцари во всеоружіи и на коняхъ подаютъ блюда и служатъ официантами. Гости пьютъ и поютъ, — кардиналы какъ и другіе. Г. Скрибъ непостыдился выводить на сцену, и еще въ такомъ видѣ, первыхъ сановниковъ своей церкви? Г. Скрибъ сдѣлался сумасброднымъ какъ самый неистовый романтикъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ академикомъ! Но этого еще мало. Вдругъ, изъ огромнаго Савойскаго пирога выскакиваетъ толпа прелестныхъ женщинъ, которыя танцуютъ такъ, что могли бы вскружить голову самому свирѣпому инквизитору. Эти милыя дѣвушки принимаютъ самыя граціозныя положенія среднихъ вѣковъ. Ай, Г. Скрибъ! Но балетъ прелестенъ.

Пляска кончается, танцовщицы снова уходятъ въ Савойскій пирогъ. Гости, уставъ сидѣть, встаютъ и хоромъ поютъ — «Пить!» Невольницы приносятъ вино; въ числѣ ихъ и Рахель. Она тоже держитъ въ рукѣ золотой сосудъ съ Констанцскимъ виномъ, — и вдругъ въ принца Леопольда узнаетъ она своего Самуила! Леопольдъ тоже узнаетъ ее, когда она наливаютъ ему вино. Оба блѣднѣютъ. Но она, видя,

что любовникъ ея и христiянинъ, и сверхъ-того женатъ, обличаетъ его предъ Соборомъ. — Онъ жилъ въ связи съ жидовкою! говоритъ она. Эта жидовка я! Онъ заслужилъ смертную казнь! Мы оба должны умереть! — Гости отвѣчаютъ на это хоромъ: — «Смерть! смерть обоимъ!»

Въ четвертомъ дѣйствіи Г. Скрибъ щедро надѣляетъ музыканта стихами для дуэтовъ, тріо, квартетовъ и хоровъ. Между-тѣмъ, Рахель сидитъ въ темницѣ, — не въ той темницѣ, досмертной могилѣ, въ которой томился Іоаннъ Гуссъ, но въ великолѣпной залѣ со сводами, украшенной со всею роскошью среднихъ вѣковъ. Въ этой залѣ происходитъ самое удивительное, самое неслыханное, самое певъролтное зрѣлище: кардиналъ стоитъ на колѣнахъ передъ жидомъ и умоляетъ его признаться, куда дѣвалъ онъ дочь его. Но правду сказать, не мудрено, если кардиналъ, который ищетъ своей дочери, самъ не знаетъ что говорить и что дѣлаетъ.

Элеазаръ, Рахель и принцъ Леопольдъ, всѣ трое подъ судомъ; но Рахель, добрая, великодушная и снисходительная до конца, объявляетъ Собору, что она солгала, что она ложно обвинила *побѣдителя Гусситовъ* въ преступленіи. Соборъ вноситъ это признаніе въ протоколъ, и приговариваетъ къ смертной казни только Рахель и отца ея, а принцъ Леопольдъ исчезаетъ: съ третьяго дѣйствія вы уже нигдѣ его не видите.

Наконецъ начинается пятое дѣйствіе. Оно превосходитъ въ великолѣпіи даже первое. Вы видите все Констанцское озеро, весь народъ, всѣхъ солдатъ, всѣхъ монаховъ, женщинъ, аббатовъ, кардиналовъ, и посреди ихъ огромный чанъ съ кипячею водою. Это зрѣлище ужасно! Этотъ чанъ производитъ чрезвычайный эффектъ. Рахель сама бросается въ кипятокъ, и неумолимый Элеазаръ говоритъ кардиналу Броньи — «Вотъ твоя дочь!»

Ужасная развязка! Г. Скрибъ рѣшительно съ ума сошелъ!

Эта опера поставлена въ Парижѣ съ неслыханнымъ доселѣ великолѣпіемъ. Разные журналы утверждаютъ, что пышность декораціи и богатство костюмовъ, волшебство перемѣтъ, превосходитъ все, что только видали въ этомъ родѣ во Франціи; что никогда опера не была болѣе оперою, и что чудеса Тысячи Одной Ночи ничто въ сравненіи съ чудесами «Жидовки.»

Что касается до музыки, то Г. Жаненъ утверждаетъ, что это музыка великая, ученая, удивительная, великолѣпная; — что это твореніе челоѣка, который ничѣмъ не жертвуетъ толпѣ, — прямо, съ важностію идетъ къ своей цѣли, и никого не списываетъ. Г. Жаненъ признается, что въ этихъ пяти дѣйствіяхъ есть музыкальныя длинноты, что речитативъ иногда впадаетъ въ пѣніе; но онъ говоритъ, что эти легкіе недостатки выкупаются множествомъ первоклассныхъ красотъ. Религіозныя хоры превосходны; квартетъ перваго дѣйствія начинается фразою восхитительною; въ моленіи Рахели мелодія оригинальная и прелестная; тріо проклятія исполнено жара и силы. Вообще Г. Жаненъ говоритъ о Г. Галеви съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ-будто о Г. Шатобріянѣ, и въ двухъ длинныхъ статьяхъ расхваливаетъ все это, и сверхъ-того хоръ пьяницъ въ первомъ дѣйствіи, въ пятомъ звѣрскую радость черни, дуэль между Рахелью и принцессою, между кардиналомъ и Элеазаромъ, финалы, и прочая, и прочая.

5. La Marquise, *Маркиза*, опера въ одномъ дѣйствіи, слова Г. Сентъ-Жоржа, музыка Г. Адама.

Есть на свѣтѣ странное существо, которое днемъ называется Г. Георгіемъ Зандомъ, а по закатѣ солнца Г-жею Дюдеванъ. Это странное существо написало однажды повѣсть «Маркиза». Немножко алой краски растертой на дощечкѣ изъ слоновой кости, кой-гдѣ розы и лиліи, снѣгъ на груди, перлы въ ротикѣ, пудра на волосахъ, небольшое, нѣжненькое тѣльце, погребенное, или лучше сказать потопленное въ волнахъ атласа и газа; отблескъ, легкій звукъ, эхо, погасшій вздохъ, мерзость въ цвѣтахъ, цвѣтки въ грязи, —

вотъ вся эта повѣсть. Г. Жапенъ гдѣ-то говоритъ, что это *chef-d'oeuvre*, самое изящное произведеніе. Вы сейчасъ увидите, каково это изящное произведеніе. Изъ нея сдѣлали маленькую оперу.

На портретъ кисти Ванло изображена нимфа-ловительница, въ атласномъ корсетѣ тигроваго цвѣта, съ лукомъ краснаго дерева за плечами, съ жемчужнымъ полулуніемъ на головѣ. Она велика, стройна, смугла и Испанка, — настоящая Испанка. Нимфа на портретъ, маркиза въ своей гостиной, — это все та же героиня повѣсти госпожи Георгіи Занда. Маркиза не очень умная женщина; прекрасный взглядъ ея нѣсколько суровъ, въ правильномъ лицѣ ея недостаетъ прелести, — все это отъ того, говоритъ Г-жа Зандъ, что «любовь еще не протѣзжала этимъ путемъ», а если и протѣзжала, то видно очень скоро и не останавливаясь на станціи. Поэтому маркиза еще несовершеннолетняя женщина. Какъ женщина созданія Г-жи Зандъ, она несчастлива. Первое несчастіе маркизы, что она шестнадцати лѣтъ вышла за пожилаго человѣка; второе, что двадцати лѣтъ она попала въ руки глупаго любовника. Пожилой мужъ былъ ей скученъ, глупый любовникъ былъ жалокъ, — и она всю жизнь чувствовала къ мужчинамъ или отвращеніе или презрѣніе. Это все та же философія Г-жи Дюдеванъ, почерпнутая изъ Г. Бальзака и ею усовершенствованная. Однимъ словомъ, маркиза Р *** не любила въ жизнь свою ничего, или лучше сказать, никого, исключая одного только актера.

Но какого актера? Маркиза Р ***; знатная дама, любитъ какого-то Лелію, жалкаго комедіанта, наперсника, который по назначенію режиссера, читаетъ на распѣвъ стихи Корнеля. Правда, что этотъ Лелію человѣкъ страстный на сценѣ: онъ понимаетъ что говоритъ, и говоритъ какъ понимаетъ. Иногда великъ, иногда пылокъ, точно какъ самъ Корнель. Маркиза видѣла его въ роли Сида, и влюбилась въ него; но влюбилась не на шутку, — всѣмъ сердцемъ, всей душою; влюбилась до сумашествія, и любила его цѣлыя пять лѣтъ, не говоря о томъ никому ни слова, ни даже самому Лелію.

Леліо игралъ два раза въ педѣлю, и два раза въ педѣлю маркиза ѣздилъ въ театрѣ. Каждый ударъ молотка, бывшаго урочный часъ, раздавался въ сердцѣ маркизы. Бѣдняжка тотчасъ сбрасывала дорогія свои убранства, бѣлыя свои перья, пестрыя свои юбки, длинныя свои фижмы, кружевыя свои рукава, великолѣпныя свои платья со шлейфами, — и маркиза дѣлалась аббатомъ, маленькимъ, смуглымъ аббатомъ, искателемъ приключеній, — и въ этомъ костюмѣ отправлялась въ театрѣ, чтобы смотрѣть спокойно, безъ помѣшательства, всѣми глазами, всѣмъ сердцемъ на актера Леліо. Благодаря этому несчастному актеру, маркиза почувствовала, что у нея есть сердце и нашла ему употребленіе. Она пріѣзжала въ театрѣ, и, сидя въ темномъ уголкѣ, плакала, восхищалась, трепетала, какъ никто въ свѣтѣ! Неужли это не излщное? Да это даже очень замысловато.

Между-тѣмъ невѣжественный партеръ не постигалъ Леліо. Иногда онъ сносилъ этого Леліо терпѣливо, иногда его освистывалъ. Освистанный Леліо уважалъ себя еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь: это случается со всякимъ освистаннымъ актеромъ и поэтомъ. И въ глазахъ маркизы не было ничево выше, ничево прекраснѣе, ничево величественнѣе, — освистаннаго Леліо.

Однажды Леліо былъ такъ освистанъ, такъ великъ, что маркиза послѣдовала за нимъ съ театра въ гостиницу или харчевню, въ которой онъ всякій вечеръ отдыхалъ отъ своего величія.

Когда онъ вошелъ въ гостиницу, всякой сказалъ ему — Здравствуй Леліо! Театральный машинистъ пріятельски кивнулъ ему головою, и за-панебратъ подаль руку. Эготъ самый машинистъ говорилъ камердинеру актера Барона — «Мое глубочайшее почтеніе, Г. Лафлёръ.» Простякъ Леліо со всѣми поздоровался, спросилъ водки, и усердно принялся за нее. Онъ былъ такъ великъ въ этотъ вечеръ! Передѣтый аббатъ услышавъ, что Леліо спросилъ водки, велѣлъ подать себѣ глинтвейну, по сочувствію.

Бѣдная маркиза! что сталося съ нею; когда она вблизи

взглянула на Лелію! Онъ ли это? онъ ли, ея идеаль, ея мечта, тянетъ вонючую водку? Онъ ли, ея тайная любовь, онъ ли то пламя, которое пять лѣтъ теплилось въ сердцѣ ея подъ пепломъ? Лелію! Увы, Лелію — мужикъ, съ лицомъ желтымъ, истасканнымъ, изношеннымъ, покрытымъ морщинами, тридцати-пяти лѣтній старикъ! Глаза его потухли, фізіономія безъ выраженія, безъ страсти, голосъ густый и непріятный, веселость его груба, походка челоука, платье истерто, бѣлье запачкано: герой исчезъ, прекрасный идеаль уничтоженъ, душа скрылась, — осталась одна оболочка, одинъ трупъ, одинъ комедіантъ.

Бѣдная маркиза была убита. Она почувствовала въ себѣ сильное отвращеніе къ своему идеалу. Смущеніе ея было такъ велико, что она вышла изъ гостиницы, не заплативъ за глнтвейнъ, который еще дымился. Слуга видя, что аббатъ уходитъ не заплативъ, привелъ его довольно неучтиво назадъ: аббатъ заплатилъ за глнтвейнъ, но не выпилъ его; аббату казалось, что Лелію смотритъ на него съ пасмѣшкою и презрѣніемъ.

Между-тѣмъ эта страсть, такъ легко погашенная въ сердцѣ маркизы, какъ вы задуваете пламя пунша, также легко и снова загорѣлось. Нѣсколько дней она боялась ѣздить въ театръ; но потомъ опять поѣхала. Мужчина былъ ей гадокъ; но актера она попрежнему обожала. И въ этотъ разъ она была уже не въ платьѣ аббата, а во всемъ блескѣ и величїи маркизы. Теперь уже она поразила комедіанта, — поразила своимъ взглядомъ, своей красотою, своей чувствительностію; слезы ея падали на Лелію, — горячія, жгучія, — и падали изъ ложи маркизы на игру Лелію. Теперь уже Лелію страдалъ въ свою очередь; Лелію въ свою очередь за нею послѣдовалъ, — она въ каретѣ, онъ пѣшкомъ, — онъ въ толпѣ, она выше толпы, — онъ восхищался ею безмолвно, она играла важно и строго роль маркизы. И эта драма продолжалась другія пять лѣтъ. — Во Франціи, это нынче называютъ *естественностью* и *правдоподобіемъ*.

Надобно однакожь, чтобы эти двѣ страсти наконецъ встрѣтились, хоть бѣ для того, чтобы въ первый разъ въ жизни поздороваться, и въ послѣдній проститься.

Въ концѣ этихъ пяти лѣтъ актеръ былъ побѣжденъ первый, — онъ первый просилъ помилованія. Онъ со слезами умолялъ маркизу. Маркиза согласилась помиловать: она пріѣхала въ скромный домикъ, уступленный навремя актеру однимъ знатнымъ господиномъ. На свиданіе явился не Леліо-мужчина, но Леліо-актеръ. Это онъ, точно онъ: онъ молодъ, прекрасенъ, знатенъ; онъ игралъ въ тотъ вечеръ Донъ-Жуана, и былъ въ костюмѣ Донъ-Жуана. Маркиза узнаетъ въ немъ того, кого видѣла она на театрѣ. А онъ, скромный, робкій, почтительный, молча ея восхищается. Онъ любитъ ее, не говоря ни слова. Онъ такъ счастливъ тѣмъ, что ее видитъ, что слышитъ ея голосъ!.... Ну, вотъ и все! У маркизы не нашлось ни одного поцѣлуя для своего великаго Сиды, для своего прекраснаго Донъ-Жуана; но она всего его изучала, начиная съ Англійской фрезки, до бантовъ изъ красныхъ лентъ на плечахъ; отъ вишневой его мантии до тока, украшеннаго бѣлыми перьями, — потому что въ актерѣ маркиза Р*** видѣла только актера, а не мужчину, который не составлялъ для ней ничего важнаго. Я уже говорилъ вамъ, что, благодаря своему мужу и первому любовнику, маркиза гнушалась мужчинами не меньше самой Г-жи Дюдеванъ.

Вотъ повѣсть! Ужъ подлинно дамская повѣсть! Эту-то повѣсть Г. Жаненъ называетъ самымъ изящнымъ произведеніемъ. Изъ нея сдѣлали комическую оперу. Г. Адамъ написалъ на это музыку легенькую, хорошенькую, безъ претензій, но съ нѣсколькими оригинальными идеями. Пьеса начинается двумя большими аріями; безъ которыхъ она очень могла бы обойтись. Романсъ, квартетъ, два дуэта, — вотъ и вся эта партитура, написанная только для четырехъ актеровъ.

4. *La Nonne sanglante*, *Крѣвая монахиня*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Гг. Анисѣ Буржуа и Мальяна.

Это мелодрама, не болѣе того! Безпрерывные театральные эффекты, сцены безъ связи, безъ чувства, но изумительныя, разнообразныя, богатыя декораціи: Римскія катакомбы, балъ, развалины, спальни, пожаръ, великолѣпіе.

Гг. Буржуа и Мальянъ заимствовали одно только заглавіе изъ страннаго романа Люиза (Lewis), которымъ онъ прославился и навлекъ на себя несчастія, и о которомъ лордъ Байронъ судитъ слишкомъ строго въ своихъ запискахъ. «Монаха» конечно нельзя назвать хорошимъ твореніемъ, если смотрѣть на одну только его нравственную сторону; но Байронъ напрасно говоритъ, будто онъ возмущается правилами ложными, противными общественному порядку, и своимъ ужаснымъ цинизмомъ. Чтеніе тѣхъ самыхъ записокъ, въ которыхъ лордъ Байронъ такъ строго судитъ о «Монахѣ», несравненно опаснѣе. Онъ могутъ внушить дурныя мысли молодому человѣку, потому что даже и не молодому человѣку онъ внушаютъ мысли печальныя.

Вотъ «Кровавая Монахиня», изобрѣтенная Гг. Буржуа и Мальяномъ.

Въ первомъ дѣйствіи тьма, глубокая тьма, зги божьей не видно: вы въ Римскихъ катакомбахъ. Г. Вальдорфъ, подкупивъ проводника, осматриваетъ катакомбы съ дѣвицею Марією Руденсъ. Онъ привелъ ее туда для удовлетворенія не любопытства по мщенію. Вальдорфъ думаетъ, что Марія ему измѣнила, и хочетъ наказать ее ужаснѣйшею казнію. Проводникъ удаляется, оставивъ Маріи факелъ, а Вальдорфу нитку, которая бы помогла ему выйти изъ этого лабиринта. Оставшись одинъ съ Марією, Вальдорфъ упрекаетъ ее въ неувѣрности, показываетъ ей оба письма, которыя ее обвиняютъ, и Марія тщетно клянется, что она невинна. Вальдорфъ беретъ нитку, которая должна вывести его на свѣтъ, и передаетъ любовницѣ свою всему ужасу мрака. Факелъ потухаетъ; послѣднія вспышки его жгутъ руки несчастной Маріи; бѣдняжка роняетъ его, и остается въ совершенной темнотѣ. Она тщетно умоляетъ эхо своими криками; она гибнетъ съ голода и холода, какъ вдругъ является проводникъ, который надъ нею сжался. Марія спасена.

Первое дѣйствіе кончилось, — съ тѣхъ поръ прошло четыре года, — ты въ какомъ-то бѣдномъ трактирѣ въ Германніи: толпа цыганъ вѣсть, пѣть, поетъ и хочетъ повѣсить какого-то бѣдняка, однако жъ не вѣшаетъ, потому что цыганка беретъ его въ мужья. Является Кальостро. Кальостро ницетъ тутъ Г. Вальдорфа, къ судьбѣ котораго онъ привязанъ какимъ-то неизвѣстнымъ чувствомъ. При одномъ пожарѣ въ Вѣнѣ, онъ спасъ Вальдорфа отъ пламени; въ Лавфельдскомъ сраженіи онъ охранилъ Вальдорфа отъ непріятельскаго оружія. Онъ вездѣ за нимъ слѣдуетъ, наблюдаетъ за малѣйшими его поступками. Кальостро знаетъ, что Вальдорфъ влюбленъ въ Матильду, что онъ съ опасностью жизни хочетъ увезти ее изъ монастыря Араускаго, гдѣ она на другой день должна принять покрывало, по волѣ безчеловѣчнаго отца своего. Кальостро, который очень друженъ съ начальницею этого монастыря, доставляетъ Вальдорфу средства проникнуть туда, даетъ ему маску, кинжалъ и пароль, и Вальдорфъ отправляется въ монастырь Араусскій.

Но кто же начальница этого монастыря? Марія, которую мы видѣли въ катакомбахъ. Кто эта молоденькая дѣвушка, которая стоитъ передъ нею на колѣняхъ и умоляетъ не принимать завтра ея обѣта, потому что она любитъ Копрада Вальдорфа? Матильда. Вся страсть Маріи снова воспламеняется; она ни за что въ свѣтѣ не выпуститъ соперницу свою изъ монастыря. Сѣрватая задняя стѣна исчезаетъ, и вы видите множество юныхъ дѣвушекъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, которыя сидятъ и пируютъ: онѣ встаютъ и приглашаютъ Матильду принять участіе въ ихъ увеселеніяхъ.

Посреди пирующихъ является черная маска. Она идетъ прямо къ начальницѣ монастыря, которая высылаетъ всѣхъ своихъ монахинь. Вы догадываетесь, что этотъ замаскированный не кто другой какъ Вальдорфъ. Сначала онъ требуетъ, чтобы начальница возвратила ему его Матильду. Но они узнаютъ другъ друга. «Хорошо! говоритъ Марія: я позову Матильду, она придетъ; ты увидишь ее, но я подавлю эту пружину; лѣстница исчезнетъ; Матильда упадетъ въ бездонную пропасть и навсегда для тебя погибнетъ.

Она и зоветъ Матильду. Матильда приходитъ, Марія хочетъ пожать пружину, но Вальдорфъ поражаетъ ее кинжаломъ, и убѣгаетъ изъ среды устрешенныхъ монахинь.

Въ третьемъ дѣйствіи есть балъ. Вотъ какъ вы попадаете на этотъ балъ. Послѣ смерти начальницы, монастырь сгорѣлъ, и Матильда по неволѣ его оставила. Между-тѣмъ отецъ ея умеръ, и она можетъ свободно располагать рукою и сердцемъ, какъ говорилось въ старинныхъ романахъ. Сердце она давно уже отдала Вальдорфу, а теперь отдаетъ ему и руку. Брачная корзинка стоитъ на столѣ, и все готово къ церемоніи. Вальдорфъ былъ бы совершенно счастливъ, если бъ только совѣсть не мучила его за то, что онъ два раза умертвилъ одну и ту же женщину!

А эта женщина не умерла. Вальдорфъ прохаживается одинъ на сценѣ при звукахъ отдаленнаго оркестра, и вдругъ передъ нимъ является женщина въ черномъ домино, рассказываетъ ему всю жизнь его, укоряетъ во всѣхъ его преступленіяхъ; потомъ показываетъ ему окровавленную грудь, свою и убѣгаетъ. Вальдорфъ падаетъ въ кресла; онъ почти въ обморокъ, когда приходитъ его невѣста и когда надобно подписать свадебный договоръ. Вальдорфъ ободрается и беретъ перо; но въ зеркалѣ отражается привидѣніе, и Вальдорфъ снова падаетъ въ кресла. Стыдясь самъ себя, смѣшной роли, которую поневолѣ играетъ, слабости, въ которой никому не можетъ признаться, онъ видитъ одного молодаго франта, который падъ нимъ смѣется: Вальдорфъ бросается къ нему, оскорбляетъ его, и назначаетъ ему свиданіе на другой день въ три часа утра, въ развалинахъ Араускаго монастыря. Кальостро, увидите, будетъ его секундантомъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи скалы, развалины, ночь настоящая, или нѣчто ей подобное, — съ луною, съ звѣздами, — какъ только театральное подражаніе можетъ представить это великолѣпное зрѣлище. Цыгане лежатъ въ этихъ развалинахъ, — потому во-первыхъ, что когда спишь на чистомъ воздухѣ, то за ночлегъ ничего не платишь, — во-вторыхъ потому, что они поджидаютъ тутъ Вальдорфа, и хотятъ убить

его. Дѣло въ томъ, что Вальдорфъ сынъ полицейскаго, который неумолимо ихъ преслѣдовалъ.

Но Кальостро предупредилъ Вальдорфа, и Марія спасаетъ его, давъ большую сумму за его выкупъ. Вальдорфъ не дерется также и съ молодымъ человѣкомъ, который оскорбилъ его, потому что тотъ приходитъ на поединокъ, умирая уже отъ яда, подлитаго ему въ питье невидимою рукою: то была рука Кровавой Монахини. Вальдорфъ возвращается домой, чтобы жениться на своей Матильдѣ.

Но въ пятомъ дѣйствіи, онъ входитъ въ спальню, и тутъ опять встрѣчаетъ Кровавую Монахиню: разными случаями, чуть-чуть не фокусъ-покусами выходитъ, что Вальдорфъ убиваетъ Матильду. Потомъ Марія, заставивъ его сдѣлать это новое преступленіе, предлагаетъ ему бѣжать съ нею; но онъ хочетъ лучше умереть, и великолѣпный пожаръ пожираетъ и героевъ пьесы и самую пьесу.

5. *Fich-Tong-Kang, Фишъ-тонгъ-кангъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. Соважа и Деморье.

Надобно произносить—*Fiche ton camp*, а это значить по-Французски: убирайся прочь! Въ этомъ забавномъ водевилѣ, который очень походитъ на пародію Китайскаго Сироты, множество двусмысленностей, остротъ, шутокъ; но ихъ разбирать не возможно.

6. *Le Bal aux avant-postes, Балъ на аванпостахъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

Унтеръ-офицеры, деревня, граница, бургомистръ, который даетъ балъ. Французскіе унтеръ-офицеры собираются на балъ къ бургомистру; пьютъ его вино, танцуютъ съ его дочерью. Вдругъ раздаются пушечные выстрѣлы, и всѣ бросаются къ оружію. Французы прямо съ бала бѣгутъ на сраженіе, и дерутся съ Прусаками. О чудо! Прусакъ разбиты, Французы остаются побѣдителями, и водевилъ оканчивается!

7. *Les Gants jaunes Желтыя перчатки*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. Балра.

Одинъ актеръ хотѣлъ создать роль танцора, и для него

написали этотъ водевилъ съ ролею танцора. Этотъ танцоръ Г. Анатолю. Онъ дебютировалъ на оперномъ театрѣ, но публика приняла его плохо: она не-глядя смотрѣла на его скачки, хладнокровно видѣла его самыя граціозныя положенія. И бѣдный Анатолю съ горя сдѣлался танцмейстеромъ, развѣзаетъ по домамъ, учить маленькихъ дѣвочекъ прыгать подъ ладъ своей скрипки. Однажды Анатолю отправляется давать уроки, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ его комнату молодая жепщина, запыхавшаяся, блѣдная, испуганная, съ растрепанными волосами. Эта бѣдняжка, преслѣдуемая мужемъ своимъ, Г-мъ Реми, прячется въ спальню Г. Анатоля. Г. Реми, отставной драгунской капитанъ, нашелъ на софѣ у жены своей пару желтыхъ перчатокъ, и онъ непременно хочетъ знать, чьи это перчатки. Вотъ отчего взбѣшенный Г. Реми такъ нецеремонно посѣщаетъ сосѣда своего, Г. Анатоля. Анатолю, трепеща отъ страха, примѣриваетъ желтыя перчатки. Къ счастью, рука у него слишкомъ широка. Между-тѣмъ Анатолю очень не спокоенъ. Старый капитанъ шутить не любитъ, жена его очень мила, Анатолю труситъ, Анатолю влюбленъ: онъ переходитъ отъ страха къ надеждѣ, отъ надежды къ страху, и избавляется отъ бѣды прыжками. Пьеса только для того и написана, чтобы Парижскій актеръ Арналь могъ потанцовать.

8. *Etre aimé ou mourir! Любовь или смерть!* Водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. Скриба.

Надобно не знать Г. Скриба, чтобъ допустить, что въ его водевилѣ кто-нибудь умретъ, застрѣлится, повѣсится, утонетъ, улущится въ угаръ или отравитъ себя ядомъ, изъ любви. Самые крайніе порывы отчаянія его любовниковъ всдуть только къ тому, что любовникъ исполняетъ и будсть румянее прежняго.

Совинья встрѣчаетъ Клотильду на теплыхъ водахъ, въ Баньерѣ. Совинья влюбленъ въ Клотильду до безпамятства: онъ бросится въ рѣку, если она не станетъ любить его. — Вы не любите меня, сударыня? — Нѣтъ! — Такъ моя участь рѣшена! Смерть! смерть! Прощайте! — Онъ пропасть: только на берегу рѣки нашлп его шляпу. Добрая Клотильда плачетъ о своей жестокости; она терзаетъ себя

упреками, она жалѣетъ объ немъ отъ всей души, она безпресганно видитъ блѣдную тѣнь несчастнаго любовника, которая преслѣдуетъ ее днемъ и ночью.

Возвратясь въ Парижъ, она вдругъ встрѣчается съ Совиньи, который живъ и здоровъ, потѣстѣлъ, получилъ прекрасный румянецъ въ лицѣ, и даже нажилъ себѣ порядочное брюхо. Онъ опять приходитъ къ Матильдѣ. — Вы мнѣ не любите, сударыня? — Нѣтъ! — Такъ моя участь же рѣшена! Смерть! Я тотчасъ убью себя, вотъ при вашихъ же глазахъ. — Отчаянный любовникъ приходитъ въ неистовство, хочетъ умертвить себя пожемъ, пожичкомъ, пожницами, хочетъ броситься въ окно, испытываетъ на себѣ разные образы самоубійства, и не подвергается смерти ни отъ одного изъ нихъ. Наконецъ онъ кричитъ, что застрѣлится. Матильда такъ мало пугается его отчаянія и рѣшимости, что сама даетъ ему ключикъ къ ящику, въ которомъ спрятаны пистолеты. Это хладнокровіе совершенно разстраиваетъ его поддѣльное отчаяніе: онъ стоитъ въ остолебеніи, — ворочаетъ пистолеты, смотритъ въ дуло, пробуетъ замки, и нѣсколько не думаетъ заряжать смертоносное оружіе. Сцена эта превосходна. Водевиль исполненъ ума и вселости.

9. *Фаринелли*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Сснъ-Жоржа, Форжа и Лёвена.

Карлъ Броски, прозванный Фаринелли, бродитъ по улицамъ Мадрита, поетъ Италіянскія аріи и играетъ на гитарѣ. Однажды случилось ему запѣть подъ окнами короля Фердинанда VI. Его схватили, и хотѣли отвести въ тюрьму, но король, пораженный прелестью его голоса, велѣлъ привести его къ себѣ. Король хочетъ пропѣть съ нимъ дуо изъ «Осады Гренады». Скоро Фаринелли дѣлается сего любимцемъ, другомъ, совѣтникомъ, министромъ, примиряетъ его съ королевою, и за этотъ подвигъ получаетъ богатства и всѣ Испанскіе ордена. Водевиль не дуракъ; въ немъ много остроты, но сочинители забыли, что Фаринелли былъ евнухъ и не способенъ къ роли, которую они заставляютъ его играть въ Испанской Исторіи.

10. Richelieu, ou la Journée des Dupes, *Ришелье*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Г. Н. Лемерсіе.

Наполеонъ запретилъ представленіе этой комедіи въ 1804 году: никто не понималъ причины столь самовластного поступка съ остроумнымъ авторомъ «Пословицъ», которыя читаются съ такимъ удовольствіемъ. Теперь Г. Лемерсіе далъ разыграть свою комедію на театрѣ, и всѣ отгадали, почему она запрещена была Наполеономъ. Потому, что очень плоха.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. При совершенномъ упадкѣ литературныхъ журналовъ въ томъ краѣ,—потому что три главнѣйшіе, *Revue de Paris*, *Revue de deux mondes* и *France littéraire*, простыя повременныя собранія статей, безъ всякаго плана, а не журналы; при совершенномъ отсутствіи періодической критики,—потому что даже Г. Граніе-де-Кассаньякъ пересталъ писать свои разборы, что впрочемъ можно было предвидѣть по рѣзкости его сужденій,—нѣтъ ни какой возможности сказать что-нибудь достовѣрнаго о ходѣ Французской Словесности. Во Франціи теперь одинъ только родъ критики, въ которой упражняются всѣ перья: это критика драматическая. Прочія произведенія Словесности едва удостоиваются простыхъ пріятельскихъ рекомендацій въ нѣсколькихъ строкахъ, или случайнаго разбора въ какой-нибудь газетѣ спустя полгода и годъ послѣ ихъ появленія. Той же участи подвержены Путешествія, Исторія, Философія и Политическая Экономія. Это жалкое состояніе литературной журналистики состоитъ въ тѣсной связи и съ равнодушіемъ нынѣшней Французской публики къ журналамъ, съ раздѣломъ пишущаго сословія на множество партій, и съ недостаткомъ талантовъ, способныхъ принять и выполнить что-нибудь важнаго, обширнаго, систематическаго. Безъ заграничнаго любопытства, Французскіе литературные журналы не свели бъ расхода съ приходомъ: мы, иностранцы, нашею забавною страстью ко всѣмъ Парижскимъ вздорамъ, мы одни поддерживаемъ эти ничтожныя изданія, съ жадностью пересчитывая то, чего Французы не хотятъ читать. Наши Французолюбцы,—тѣ, которые не могутъ постичь ничего удивительнаго Французскаго жур-

пала,—часто упоминають о тысячахъ, чуть-ли не о милліонахъ подписчиковъ на *Revue de Paris* и *Revue de deux mondes*, и сравнивають блистательные успѣхи этихъ изданій съ тихимъ и скромнымъ бытомъ нашихъ Русскихъ журналовъ: мы можемъ доложить имъ съ достовѣрностью, что эти тысячи подписчиковъ существуютъ только въ ихъ воображеніи, и что многіе изъ нашихъ повременныхъ изданій гораздо счастливѣе Парижскихъ въ этомъ отношеніи. Напримѣръ «Библиотека для Чтенія», которая считаетъ ровно столько же подписчиковъ сколько и знаменитый Англійскій журналъ *Quarterly Review*, имѣетъ ихъ вдвое болѣе противъ *Revue de Paris* и *Revue de deux mondes*. Мы знаемъ навѣрное отъ одного изъ первыхъ Парижскихъ книгопродавцевъ, что *Revue de deux mondes* съ величайшимъ трудомъ уплачиваетъ своей подпискою издержки годоваго изданія, и что *Revue de Paris* постоянно каждый годъ въ убытокъ, съ начала своего существованія и донинѣ, — чѣмъ и объясняются безпрестанныя продажи этого журнала съ молотка и внутреннее ничтожество обоихъ. Оба они поддерживаются одними повѣстями, которыя въ Англіи составляютъ область второстепенныхъ журналовъ, называемыхъ «Магазинами». Теперь принялись они, по примѣру «Магазиновъ», печатать цѣлые романы: такъ *Revue de Paris* недавно тиснулъ въ нѣсколькихъ статьяхъ Бальзакова «Старика Горіо», который уже вышелъ и особо, въ двухъ частяхъ; такъ послѣдняя книжка *Revue de deux mondes* заключаетъ въ себѣ первую часть новаго романа Г-жи Дюдеванъ (Георгія Занда), «Андрей», который объявленъ былъ къ выходу въ видѣ отдѣльной книги. Мы читали эту первую часть: она совершенно благопристойна, и, какъ всѣ произведенія этой писательницы, которой мы признаемъ гораздо болѣе таланта нежели кому-либо изъ современныхъ Французскихъ романистовъ, представляетъ много прелестныхъ страницъ; но по-сю-пору интересъ повѣсти очень слабъ: мы замѣтили нѣсколько длиннотъ.

— Г. Бартеlemi перевелъ Энеиду стихами. Герцогиня Абрантесъ издала два тома «Современныхъ исторій». Г. Фредерикъ Суліе написалъ новый романъ, подъ заглавіемъ «Графъ Тулузскій». Такъ какъ изъ Французскихъ журналовъ нельзя ничего узнать ни объ ихъ содержаніи, ни до-

стоинствѣ, и какъ эти сочиненія извѣстны намъ только по названіямъ, то мы должны отослать читателей къ списку новыхъ Французскихъ книгъ, гдѣ они найдутъ и заглавія другихъ новыхъ романовъ.

— О драмѣ графа Альфреда-де-Виппи, «Чаттертонъ», мы уже говорили подробно въ статьѣ «Французскій театръ въ Парижѣ»: здѣсь прибавимъ только, что несмотря на свои недостатки и ложныя стороны, она заключаетъ въ себѣ много частныхъ красотъ, и сверхъ-того знаменуетъ эпоху въ повѣйшей Французской драматургіи: она можетъ сдѣлаться назидательнымъ примѣромъ. Въ ней нѣтъ ни разбоевъ, ни кроватей, ни кровосмѣшеній. Она совершенно выходитъ, и своимъ содержаніемъ и тономъ, изъ области этой Литературы семи смертныхъ грѣховъ, которую собственно зовутъ юной, или, пожалуй, *новой*: мы не станемъ спорить объ имени.

— Нельзя не упомянуть объ одномъ важномъ обстоятельстве: Парижская публика бросилась вся на Англійскую Словесность: всѣ читаютъ или учатся по-Англійски; книги на этомъ языкѣ должны непременно находиться на столикѣ умной и образованной хозяйки, и страсть къ нимъ доходитъ до того, что Французскіе книгопродавцы начали уже сами издавать Англійскихъ классиковъ и перепечатывать Лондонскіе романы.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛИИ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы послѣдній разъ говорили объ этой Словесности, Г. Генри Чорли написалъ «Очерки приморскаго города», *Sketches of a sea-port town*. Заглавіе это служитъ рамою для очень милыхъ романтическихъ повѣстей, которыя авторъ прививаетъ къ своимъ очеркамъ, и которыя всегда имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ приморскому городу. Но занимательность ихъ зависитъ наиболѣе отъ произвѣдимаго ими убѣжденія, что это не чистый вымыселъ, а дѣйствительность, на которую вы смотрите въ стекла, слегка оттъненныя цвѣтами воображенія. Авторъ часто говоритъ въ первомъ лицѣ, однако жъ никогда не становится между зрителемъ и сценою, и рѣдко останавливаетъ читателя собственными прозаическими разсужденіями, а предоставляетъ говорить и дѣйствовать своимъ актерамъ. Лучшія и продолжительнѣйшія повѣсти «Миссіонеръ и актриса» и «Кунецъ по случаю.»

— Миссъ Пардо (Pardoe), извѣстная сочинительница «Португальскихъ очерковъ и преданій», издала вдругъ двѣ повѣсти, *The Mardens*, и *the Daventrys*. Первая взята изъ новейшей жизни, но занимательность ея основывается болѣе на сильной страсти и испытаніяхъ, нежели на изображеніи тѣхъ пѣжныхъ отрывковъ, которые составляютъ сумму будничнаго существованія. *The Daventrys* гораздо старѣе: содержаніе этой повѣсти относится къ живописнымъ днямъ крестовыхъ походовъ и къ тому времени, когда бѣдные жида были предметомъ жестокихъ и несправедливыхъ гоненій. Здѣсь повѣствованіе миссъ Пардо впадаетъ можетъ-быть въ слишкомъ изученную древность; но во многихъ мѣстахъ разсказъ ея краснорѣчивъ, исполненъ поэзии и чрезвычайно увлекателенъ. Основаніе то, что человекъ, побуждаемый давно скоплавшимся мщеніемъ ищеть погубить благородное семейство, стараясь навлечь на него подозрѣніе въ ереси. Повѣсть оканчивается картинами ужасными, но, къ несчастію, еще уступающими дѣйствительности: въ Йоркѣ осаждаютъ цѣлое поселеніе несчастныхъ жидовъ и сожигаютъ ихъ вмѣстѣ съ башнею, въ которой они искали спасенія. Миссъ Пардо прекрасно изобразила отца, который, чтобъ избавить дочь отъ мучительной смерти и поруганія, убиваетъ ее собственными руками.

— Недавно Англійскіе журналы съ прискорбіемъ извѣщали о кончинѣ Вашингтона Ирвинга, а теперь, не говоря ничего о томъ, живъ ли онъ или дѣйствительно умеръ, восхищаются новымъ его сочиненіемъ, которое вышло въ одно время въ Нью-Йоркѣ и въ Лондонѣ подъ заглавіемъ «Поездка въ низменные степи», *A Tour on the prairies*. Это плодъ послѣдняго его путешествія, о которомъ упомянули въ статьѣ объ немъ, помѣщенной въ отдѣленіи Иностранной Словесности. Въ слѣдующей книжкѣ Библіотеки постараемся мы ознакомить нашихъ читателей съ новымъ произведеніемъ знаменитаго Американца.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Германская Словесность представляетъ теперь ту же картину, какую представляла наша лѣтъ за десять, то есть, рядъ альманаховъ, поглощающихъ все, что хоть сколько-нибудь похоже на дорова-

ніе. Больше полутора вѣка протекло съ тѣхъ поръ, какъ предприимчивый издатель «Хромаго Вѣстника», der Hin-kende Bote, вздумалъ придать разнообразіе своему календарю, съ показаніемъ дней святыхъ и предсказаніями о погодѣ, прибавленіемъ нѣсколькихъ анекдотовъ, правилъ для сохраненія здоровья и мудрыхъ изреченій всякаго рода, равно примѣнимыхъ къ медицинѣ, нравственности, разговору и поваренному искусству. Эта странная смѣсь была украшена или обсозображена картинкою, выгравированной на деревѣ. Вскорѣ прибавленіе это распространилось и улучшилось: отъ времени до времени стали въ немъ являться шарады и загадки; анекдоты растянулись въ повѣсти; правоученія въ разборы страсти; врачебныя правила превратились въ стихи, а хозяйственное и пророчественное отдѣленіе становились все меньше и меньше, пока наконецъ совсѣмъ исчезли. Тутъ и деревянныя гравюры уступили мѣсто вырѣзанымъ на мѣди, маленькія книжки начали щеголять въ шелку и въ золотѣ: словомъ, альманахи лучше писались, лучше печатались, лучше украшались, и вошли постепенно въ такую же милость у высшихъ сословій, въ какой были прежде у простаго народа, который долго считалъ ихъ необходимою принадлежностью праздника Рождества Христова. Наконецъ едва-ли была какая-нибудь знаменитость въ Германской литературѣ, начиная со страстнаго и мечтательнаго Шиллера до глубокомысленнаго Канта, съ безмятежнаго, пріятнаго, образованнаго Гёте до дикаго, фантастическаго Жанъ-Поля, которая бы не представляла иногда публикѣ своихъ произведеній въ этой общелюбимой формѣ, и раздѣленіе труда дошло здѣсь до такой степени, что есть особые альманахи для дамъ, для мужчинъ, для философовъ, для антикваріевъ, для историковъ, для протестантовъ, для католиковъ, — и вѣроятно для жидовъ, для Турокъ, для цевѣрныхъ и для еретиковъ.

И такъ, желая говорить о Словесности въ Германіи, необходимо начать съ альманаховъ. Но переходя, отъ исторіи, къ достоинству Нѣмецкихъ альманаховъ на 1835 годъ, мы, кажется, должны будемъ примѣнить къ нимъ слова печальнаго хора, который поютъ Итальянскіе земледѣльцы подъ стѣнами Рима — Roma, Roma, non è som'era prima! Нѣмецкіе аль-

манахи не то, что были прежде! Старое поколѣніе все почти вымерло, и подросло новое, которое далеко отстаетъ отъ перваго. Сколько смертей даже на нашей пестрой памяти! Шульце, чья «Волшебная Роза» первая украсила «Уранию» на 1817 годъ, Максъ фонъ-Шейхендорфъ и Вильгельмъ фонъ-Шульцъ, — все погасли на зарѣ жизни, когда поэтическія дарованія ихъ начинали разеваться самымъ блестящимъ образомъ; Ветцель, чью «Орлеанскую Дѣву» можно читать съ удовольствіемъ, даже послѣ Шиллеровой; Фридрихъ Шлегель, котораго имя слишкомъ извѣстно всей Европѣ; Апель, чья повѣсть о Фрейшюцѣ прославилась оперой Вебера; фонъ-деръ-Вельде, чьи очерки Германской жизни среднихъ вѣковъ такъ истинны и остроумны, — все они перестали украшать альманахи своимъ воображеніемъ или ученостію, своимъ умѣньемъ трогать или ужасать. Колдунъ Гоффманъ кончилъ въ болѣзни и страданіи разсѣянную, даже распутную жизнь, украшенную проблесками истиннаго генія и чувства; непостоянный и вѣчно-забавный, хоть и пошлый Коцебу палъ подъ измѣнническимъ книжалою Заида; Германская Сафо, Луиза Брахманъ, жертва обманутаго чувства въ зрѣломъ сорока-лѣтнемъ возрастѣ, нашла смерть въ волнахъ Саалы; Клейстъ, одинъ изъ тѣхъ даровитыхъ мечтателей, которые, подобно его «Князю Гомбергскому», бродятъ по свѣту въ сподвѣи, сократилъ путь свой самоубійствомъ; бѣдный жидъ, Даниилъ Лессманъ, одинъ изъ лучшихъ позднѣйшихъ альманачниковъ, повѣсилъ себя вмѣсто арфы на ивѣ; одаренный способностями, тщеславный и раздражительный Адольфусъ Мюллеръ также не существовать; Августъ Лафонтеъ заключилъ длинный списокъ трудовъ своихъ, составляющихъ цѣлую библіотеку, и наконецъ послѣдній и величайшій изъ всехъ, могучій Гётс, сошелъ въ могилу, обремененный годами и почестями.

Вотъ упразднившіяся мѣста, которыя не скоро будутъ заняты. Уландъ, хоть можетъ-быть и первый изъ преемниковъ Александра, однако наследуетъ только часть той обширной державы, которою Гёте владелъ пераздѣльно: только простотою и чувствомъ своей лирики сближается онъ съ великимъ предшественникомъ. Въ Шефферовыхъ перера-

ботанныхъ подражаніяхъ Жанъ-Полю слышится одинъ слабый отголосокъ густыхъ звуковъ подлинника; Блуменгагенъ жалкая замѣна фанъ-дерь-Вельде и даже Фейтъ-Вебера; у Апеля и Гоффмана, въ сверхестественномъ родѣ, вовсе нѣтъ преемниковъ, и самъ Тикъ, который продолжаетъ еще снабжать «Уранію» и «Вѣнокъ Повѣстей», *Novellen-Kranz*, вдается часто въ такіе фантастическіе опыты надъ терпѣніемъ публики, что со всѣмъ уваженіемъ къ его великому таланту нельзя не видѣть въ нихъ скучнаго ребячества.

Повѣсть его, «Старая книга», *Das alte Buch*, которою начинается «Уранія» нынѣшняго года, принадлежитъ къ числу тѣхъ фантазмагорій, въ которыхъ мѣшается онъ волшебныя грезы съ сатирическою выставкою недостатковъ новѣйшаго вкуса. Первая часть повѣсти написана въ настоящемъ Тиковомъ духѣ: исполненная обыкновенной его задумчивой мечтательности и романтизма, она блуждаетъ среди чудесъ очарованнаго края съ Оберономъ и Титаніей, между-тѣмъ какъ послѣдняя—чистая діатриба на испорченность новѣйшихъ временъ и особенно на литературную школу во Франціи. Такое разногласіе въ частяхъ приводитъ каждого читателя въ недоумѣніе и возбуждаетъ непріятное чувство обманутой надежды. Это превратное употребленіе сего дара еще виднѣе въ «Вѣнкѣ Повѣстей», который весь занятъ «Пугаломъ», разсказомъ въ пяти дѣйствіяхъ, самою странною и непонятною сатирою, какую могъ написать человекъ гениальный. Даже Пантагрюэлево странствіе въ Фонарную Землю имѣетъ цѣль и значеніе въ сравненіи съ подвигами кожанаго человека, прежняго пугала и героя этой пьесы. Остальныя повѣсти въ «Ураніи» хороши. «Приключенія на дорогѣ чрезъ Аbruцци», автора Сципіона Чикалы, отличаются такою свѣжестью и силою, что вѣрно списаны съ природы. Хотя разсказъ долженъ терять отъ того, что это только отрывокъ, однако живость описаній увлекаетъ читателя до конца съ возрастающей силою. «Алхимикъ», барона Штейнберга, довольно любимаго въ Германіи писателя повѣстей, рѣзкій очеркъ бѣдственной жизни адепта, но, къ несчастію, онъ напоминаетъ Сенъ-Лсона, и сравненіе не совсѣмъ выгодно для Г. Штейнберга.

«Незабудокъ», Vergiss mein-nicht, такая пропасть, что нѣтъ ни какой возможности ихъ упомянуть. Одна издана на нынѣшній годъ самымъ неутюжимымъ *повѣстникомъ* своего времени, Шпиндлеромъ. Когда онъ умретъ, должно схоронить его въ собраніи собственныхъ произведеній и написать на гробъ—*Si quaeris monumentum circum spice!* «Если ищешь памятника, осмотри!» Дарованіе Шпиндлера, хоть на него и большой расходъ, далеко отъ первостепеннаго: кромѣ изобрѣтенія и быстроты въ разсказъ, у него нѣтъ ни одного качества, необходимаго великому художнику. Въ его обильныхъ и разнородныхъ матеріалахъ нѣтъ ни вкуса, ни чувства, ни расположенія; сочиненія его отличаются непростительнымъ равнодушіемъ картинъ къ безправственности и омерзительности, которыя онъ часто выставляетъ. Что подумать о разборчивости и нравственномъ чувствѣ чловека, который въ наше время пускается описывать болѣзнь во вкусъ Фракусторіуса, и, чтобъ убить одну изъ героинь своихъ, прибѣгаетъ къ помощи *schirhus uteri*? Въ «Незабудкѣ» нѣтъ ничего подобнаго, но зато нѣтъ и той драматической суматохи, съ которою встречаемся иногда въ его «Незаконно-рожденномъ», въ «Жидѣ», въ «Іезуитѣ» и въ «Инвалидѣ». Здѣсь помѣщены «Разсказы въ приливъ и отливъ», рядъ короткихъ Бретанскихъ преданій, рассказываемыхъ около рыболовьяго огня близъ укрѣпленнаго острова Сенъ-Мишеля. Мрачныя впечатлѣнія этого мѣста, съ его туманами, бурями и песками, переданы такъ искусно и поэтически, какъ мы не ожидали бы отъ Шпиндлера.

Альманахи «Веста» и «Приношеніе женщинамъ», *Huldigung der Frauen*, издаются въ Вѣнѣ, и что касается до красоты наружности, то первый отличается ею почти передъ всеми Нѣмецкими альманахами, хотя далеко отстаетъ отъ изящности и великолѣпія Англійскихъ, которые первоначально были только подражаніе выходящимъ въ Германію. Главнымъ украшеніемъ «Весты» въ нынѣшнемъ году является рядъ элегическихъ и лирическихъ стихотвореній Гримальпарцера, автора «Сафы» и перваго изъ всѣхъ живыхъ драматистовъ Германіи. За ними слѣдуетъ длинная, запутанная и ужасно незанимательная повѣсть — «Бабушка», сочиненіе Виллибанда Алексенса, котораго настоящес имя—

Геррингъ. Мы ожидали отъ него чего-нибудь получше, припоминая, какъ онъ искусно надулъ Германскую публику, выпустивъ своего «Валладмора» на Лейпцигской ярмонкѣ за ожидаемое тогда, новое произведеніе Вальтеръ-Скотта. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать ничего хорошаго и о прочихъ статьяхъ въ этомъ альманахѣ.

«Припошеніе женщинамъ» никогда не занимало почтеннаго мѣста среди своихъ товарищей ни по наружности, ни по внутреннему достоинству, хотя въ прошломъ году была въ немъ превосходная повѣсть Крузе *Der Geisterbanner*, «Изгонятель духовъ». Этотъ альманахъ слишкомъ щедръ на поэзію, и нынѣшній годъ повѣсти его скучнѣе обыкновеннаго.

«Пенелопа» ступенью выше. Картинки, представляющія сцены Итальянской жизни по рисункамъ Липцау, хороши, особенно «Любовь и ревность», гдѣ изображенъ несчастный съ ножомъ въ рукѣ и съ такимъ взоромъ, въ которомъ сосредоточены всѣ адскія страсти. Литературное его содержаніе составляютъ повѣсти — «Аврелій Геро», и «Разведенные», да еще «Генуэзскій виртуозъ». Первая, сочиненіе Вильгельма фонъ-Лудемана, просто пошлость; вторая, Леопольда Шеффера, странна, дика, но не безъ чувства и увлекательности. Многіе изъ нашихъ читателей припомянутъ Гётевъ знаменитый романъ, «Родства по выбору», *Die Wahlverwandschaften*, гдѣ баронъ, соскучивъ женою, соединяется съ племянницей ея, Оттиліею, а оставленная баронесса улаживаетъ дѣло съ капитаномъ, его пріятелемъ. Здѣсь такая же домашняя драма: мужъ разводится съ женою, чтобъ жениться на сестрѣ ея, и потомъ возвращается — à ses premières amours. «Генуэзскій виртуозъ» не кто иной какъ денежникъ Паганини, котораго Нѣмцы нарядили въ платье сентименталиста, и заставили играть первую скрипку въ оперѣ, исполненной любви и душегубства.

«Корнелія» нынѣшній годъ въ крайней бѣдности. Литературная часть ея еще хуже картинокъ, которыя очень дурно перепечатаны съ Англійскихъ.

«Карманная книжка любви и дружбы», *Taschenbuch der Liebe und Freundschaft*, отличается нынѣшній годъ двумя

хорошими повѣстями «Противузаконная тайна» и «Волшебный ключъ», объ Лейпцигскаго профессора Л. Крузе, чело-
вѣка съ необыкновеннымъ искусствомъ и изобрѣтатель-
ностью. Въ умѣнїи составить запутанную и таинственную
завязку, изложить разсказъ, основанный на скрытомъ, по-
степенно обначающемъ преступленїи, или изобразить влія-
ніе невѣдомой судьбы, или наконецъ возбудить суевѣрное
любопытство помощію сверхъестественнаго, — Крузе не
имѣетъ теперь равнаго себѣ въ Германїи. Матерїалы его
часто стары, но онъ употребляетъ ихъ съ такимъ искус-
ствомъ и новостью, связь происшествій запутывается у него
такъ постепенно, естественно и повидимому неразрѣшимо,
а потомъ распутывается такъ ловко и правдоподобно, что
нѣкоторыя повѣсти его изъ Criminal-Geschichten могутъ слу-
жить образцами въ этомъ родѣ. Такъ какъ цѣль Библіо-
теки для Чтенїя знакомить Русскихъ читателей съ тѣмъ,
что происходитъ *нынѣ* въ Европейскомъ литературномъ
мїрѣ и съ трудами современныхъ талантовъ, и какъ мы еще
не давали ни одной Нѣмецкой повѣсти, хотя дали уже одну
повѣсть Г. Бальзака вопреки собственному вкусу и только
потому, что нельзя жъ забыть о существованіи Г. Бальзака,
то въ слѣдующей книжкѣ помѣстимъ мы «Волшебный
ключъ», Г. Крузе, сочиненіе весьма занимательное и по ко-
торому можно будетъ составить себѣ понятіе объ его дарова-
ніи, а теперь обратимся къ другимъ, не-альманачнымъ, явле-
ніямъ Германской литературы.

—Недавно вышли въ свѣтъ «Мелкія сочиненія (Aufsätze) изъ
бумагъ покойника,» которыхъ не должно смѣшивать съ извест-
ными сочиненіями князя Пюклеръ-Мускау. Кстати! мы забыли
извѣстить, что князь Пюклеръ-Мускау издалъ еще три ча-
сти своихъ Tutti frutti, — и забыли потому, что не нашли
въ нихъ ничего годнаго для нашихъ читателей: по духу и
изложенію эти три части совершенно соответствуютъ двумъ
предшествующимъ. Въ третьемъ томѣ помѣщено продолже-
ніе «Записокъ безпокойнаго» и начало повѣсти—«Восемь ве-
сеннихъ и лѣтнихъ дней изъ жизни Миплинга»; въ чет-
вертомъ продолженіе этой повѣсти, а пятый весь занятъ по-
литикой и записками безпокойнаго, которыя начинаютъ на-
доѣдать самымъ усерднымъ читателямъ. Что касаются до по-

вѣсти, то это третій и самый блѣдный оттискъ Гётовой Миньоны, — первый, какъ извѣстно, сдѣланъ былъ Вальтеръ-Скоттомъ и названъ имъ Фенеллою, а второй Г. Викторомъ Гюгё, который нарскъ его Эсмеральдою. Возвращаясь къ «Мелкимъ сочиненіямъ изъ бумагъ покойника», мы должны прибавить, что они изданы Баденскимъ государственнымъ министромъ, барономъ фонъ-Гаке, и показываютъ въ авторѣ человека, знающаго жизнь съ различныхъ ея сторонъ и вникавшаго въ дѣйствительныя побужденія людей въ современномъ обществѣ. Книга его богата глубокими и тонкими замѣчаніями, хотя и не совсѣмъ свободна отъ пошлостей и риторическихъ замашекъ.

— Стихотворецъ Фридрихъ Рюкертъ, давно уже помѣщавшій въ альманахахъ свои лирическія сочиненія, издалъ ихъ отдѣльнымъ собраніемъ. Рюкертъ по справедливости можетъ стать подлѣ Уланда: глубина и ясность мысли, высокое нравственное достоинство, начитанность, пѣжное чувство и неистощимая роскошь воображенія даютъ ему на это полное право.

— Другое, полное изданіе стихотвореній издано Юстиномъ Кернеромъ. Лучшую часть этого собранія составляютъ также лирическія сочиненія, въ которыхъ замѣтна однако жъ слишкомъ мрачная меланхолія. Другая часть, подлѣ названіемъ «Стихотвореній въ прозѣ», содержитъ извѣстный разсказъ Reiseschatten, написанный авторомъ, — весьма удачно, — въ защиту поэзіи, и полусказочную повѣсть Die Heimathlosen, «Безродиныя».

— Въ числѣ стихотворныхъ знаменитостей Германіи нельзя не упомянуть о Николаѣ Ленау, который напечаталъ второе, умноженное изданіе своихъ сочиненій, — явное доказательство, что они раскупаются, хотя Г. Ленау поэтъ не перваго разряда.

— Въ концѣ прошлаго года вышелъ четвертый томъ «Демокрита, или бумагъ, оставшихся по смерти смѣшливаго философа». Многіе изъ нашихъ читателей вѣроятно помнятъ, какого шуму надѣлало въ журналахъ появленіе первыхъ частей этого сочиненія, въ которомъ философское глубокомысліе, сатирическая ѣдкость и неподдѣльный юморъ идутъ

согласно объ-руку. Въ четвертомъ томѣ авторъ, подтверждаясь примѣрами, очень остроумно доказываетъ предмстную самостоятельность смѣшнаго, и перебираетъ всѣ страсти по-одиначкѣ. Множество анекдотовъ, исторій и характеристическихъ чертъ, придаетъ этой части сего сочиненія ту же увлекательность, какою отличаются первыя.

—Болѣе серьезный, но менѣе занимательный и конечно менѣе полезный, философическій опытъ сдѣланъ докторомъ Финшеромъ, который хочетъ привести діалектическую Философію Гегеля къ Шеллинговой идее все-тождественности. Для этого написалъ онъ «Основанія Метафизики,» гдѣ находимъ опять блаженной памяти Космологію и въ ней, разумѣется, ученіе о началѣ міра, и такъ далѣе.

—Въ числѣ новѣйшихъ ученыхъ произведеній, мы должны упомянуть о новомъ сочиненіи извѣстнаго астронома Литтрова, директора императорской обсерваторіи въ Вѣнѣ, подъ заглавіемъ «Чудеса неба, или общепонятное изложеніе системы міра». Мы будемъ и впередъ давать статьи о Словесности въ Германіи, потому что многіе изъ нашихъ читателей жаловались, что мы забываемъ Нѣмецкую Литературу. О новыхъ романахъ — въ будущемъ мѣсяцѣ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

Французскія.

PHILOSOPHIE des révélations, adressée à M. le professeur Lermnier, par *A. Chaho*. 1 vol.

PHILOSOPHIE du budget, par M. *Edelestand du Méril*. 1 vol.

HISTOIRE de Napoléon, par *J. Ch. Bailleul*. 1 vol.

ARCHIVES CURIEUSES de l'histoire de France, de Louis XI à Louis XVIII, collection des pièces rares, publiée d'après les textes de la Bibliothèque Royale, par MM. *Cimber* et *Danjou*. 3 séries, chacune de 12 vol.

MÉMOIRES et correspondance inédits du général Dumouriez, publiés sur les manuscrits authentiques. 2 vol.

MÉMOIRES AUTHENTIQUES d'une sage-femme, par Mme *Alexandrine Jullemier*, sage-femme à la faculté de Paris. 2 vol.

VOYAGE dans le pays Basque et au Bains de Biaritz, par *Prosper Delagarde*. 1 vol.

COLLECTION DE VOYAGES MODERNES dans les cinq parties du monde, donnant l'histoire de tout les peuples, leurs mœurs, coutumes, industrie, etc., ainsi que les productions du sol qu'ils habitent. 20 vol., 80 à 100 portraits. Par souscription.

VOYAGE PITTORESQUE dans les deux Amériques, publié sous la direction de M. Alcide d'Orbigny, résumé général de tous les voyages, exécutés dans la Nouveau-Monde, par les rédacteurs du Voyage Pittoresque autour du monde. 1 vol.

ESSAI SUR L'HISTOIRE NATURELLE de la Normandie, par *C.G. Chesnon*. 1 vol.

FLORE FRANÇAISE, par *A. Mntel*. 1 vol.

TRAITÉ DE GÉOGNOSIE, exposé des connaissances actuelles sur la constitution physique et minérale du globe terrestre, par *A. Burat*. 3 vol.

THÉORIE ANALYTIQUE du système du monde, par *Gustave de Pontécoulant*. Tome III.

EDUCATION MATERNELLE, simples leçons d'une mère à ses enfans, par *Mme Amable Tastu*. 2 vol.

LA MAGDELEINE, poème évangélique. 2 vol.

LES AMOURS DES PLANTES, poème, accompagné de nombreuses notes sur la botanique et sur la physiologie végétale. 1 vol.

CHATTERTON, drame, par le comte *Alfred de Vigny*. 1 vol.

LE LIBÉRÉ, tableau dramatique, par M. de la *Ville de Mirmont*. 1 vol.

THÉÂTRE EUROPÉEN. Nouvelle collection des chef-d'œuvres des théâtres allemand, anglais, danois, espagnol, français, hollandais, italien, polonais, portugais, russe et suédois, avec des notices et notes biographiques, par MM. le baron de *Barante*, *Charles*, *Cohen*, *Defauconpret*, *Gozlan*, *Guizot*, *Janin*, *Lebrun*, *Loève-Weimars*, *Saint-Marc-Girardin*, *Marmier*, *Mérimée*, *Merville*, prince *Mestschersky*, *Nisard*, *Nodier*, *Pichot*, comte de *Rémusat*, comte de *St.-Aulaire*, comte de *Saint-Priest*, *Villemain*, la duchesse d'*Abrantès*, etc. etc., Collection composée de plus de deux cents pièces traduites.

LE LIVRE des cent-et-un, tomes XIV et XV et dernier.

HISTOIRES CONTEMPORAINES, par la duchesse d'*Abrantès*. 2 vol.

BRIGHTON, souvenirs d'un voyage en Angleterre, par M. le comte *Delagarde*. 1 vol.

LCIEN SPALMA, roman, par M. *Jules A. David*. 2 vol.

LE COMTE DE TOULOUSE, roman, par *Frédéric Soulié*. 2 vol.

ANSELME, roman, par *Philippe Buzoni*. 2 vol.

LES CRÉOLES, ou la vie aux Antilles, roman, par *Levilloux*. 2 vol.

LA GRANDE-PRÉRIE DE MALTE, roman, par M. de la Madelaine. 2 vol.

UN HOMME SANS CŒUR, roman, par M. Hyppolyte Bonnelier, auteur du Maréchal de Raiz. 2 vol.

Англійскія.

ROLLS AND RECORDS of the court, held before the King's Justiciars or Justices, from the sixth year of Richard I., edited by Sir Francis Palgrave. 2 vol.

SCOTTISH BIOGRAPHICAL DICTIONARY. By Robert Chambers. 2 vol.

THE HISTORY of Gujarat, translated, from the Persian of Ali Mohammed Khan, by J. Bird. 1 vol, Oriental Committee.

ANNALS of the Emperors of Japan, translated under the superintendence of M. J. Titsingh. A new edition revised and corrected by M. J. Klaproth. 1 vol.

TOPOGRAPHY of Thebes, and general view of Egypt. By J. G. Wilkinson 1 vol.

A TOUR THROUGH NORTH AMERICA. By Patric Shirreff, farmer. 1 vol.

A GLIMPSE as the monumental architecture and sculpture of Great-Britain from the earliest period. By Matthew Holbeche Bloxam. 1 vol.

HISTORY of the cotton manufacture in Great Britain. By E. Baines. 1 vol.

A TREATISE on mechanics applied to the arts. By the rev. H. Mosely. 1 vol.

SELECT SPECIMENS of the theatre of the Hindus. By Horace Hayman Wilson. 2 vol.

A TOUR on the prairies. By the author of the Sketch-book. (Washington Irving.) 1 vol.

SKETCHES of a Sea-porttown. By Henry F. Chorley. 3 vol.

SCENES and stories. By a clergyman in debt. 3 vol.

THE MARDENS and Daventrys, a novel. By Miss Pardoe. 3 vol.

THE DOWN EASTERS, a novel. By J. Neal. 2 vol.

Нѣмецкія.

DIE WISSENSCHAFT DER METAPHYSIK in Grundrisse, v. Dr. C. Ph. Fischer. Stuttgart.

PHILOSOPHIE DER GESCHICHTE, oder über die Tradition. 2 Bd. Münster.

DYMOCRITOS, oder hinterlassene Papiere eines lachenden Philosophen.

Vom Vf. der Briefe eines in Deutschland reisenden Deutschen. 5 Bd. Stuttgart.

ÜBER SCHWÄRMEREI, historisch-philosophische Betrachtungen, von *J. H. v. Wessenberg*. Heilbronn.

FICHTE'S nachgelassene Werke. Wissenschaftslehre und das System der Rechtslehre. Herausgegeben vom *J. H. Fichte*. 2 Bd. Bonn.

RELIGIONSPHILOSOPHIE in ihrer Uebereinstimmung mit Vernunft, Geschichte und Offenbarung, von *A. L. Ehlert*. Leipzig.

DIE PHILOSOPHISCHE UNSTERBLICHKEITSLEHRE, von *Andr. Neubig*. Nürnberg.

DIE LEHRE VOM SCHÖNEN, oder Aesthetik, theor. und pract. erläuterte v. *H. v. Keyserlingk*. Leipzig.

LEBEN UND WERKE des dänischen Bildhauer's Bertel Thorwaldsen, von *J. M. Thiele*. 2 Bd., 80 Kupf. Leipzig.

DIE BERÜHMTESTEN STAATSMÄNNER und Diplomaten unserer Zeit. Politische Characterskizzen, von Dr. *A. Diezmann*. 2 Bd. Leipzig.

DER DREIZEHENTE MÄRZ, oder die wichtigsten Thatsachen der Revolution von 1809, von Oberst *Gustafson*. St. Gallen.

GESCHICHTE des alten Griechenlands, von *Glo. Plass*. 3 Bd. Leipzig.

GESCHICHTE der letzten funfzig Jahre. Von *C. E. Ludwig*. 4 Bd. Altona.

HERZOG GEORG von Braunschweig und Lüneburg. Beiträge zur Geschichte des dreissigjährigen Kriegs, von Graf *von der Decken*. 4 Bd. Hannover.

REISESCENEN von America, von Dr. *Adrian*. Frankfurt a. M.

UNGLÜCKLICHE Seereisen in ihren furchtbarsten Gestalt, von Dr. *Caillout*. 2 Bd. Stuttgart.

DER KANTON ZÜRICH, hist., geogr. und statisch dargestellt, von *Gerold Meyer von Knonau*. St. Gallen.

GESCHICHTE der militairischen Ereignisse in Belgien, in 1830 — 1832, von H. Freih. *von Reizenstein*. 2 Bd. Berlin.

ARTILLERISCHES Taschenbuch, von *W. Meinecke*. Magdeburg.

GRUNDZÜGE der Militair-Chemie, von Dr. *M. Meyer*. Berlin.

DIE WUNDER des Himmels, oder gemeinschaftliche Darstellung des Weltsystems, von *J. J. Littrow*. 3 Bd. Stuttgart.

DARSTELLUNG der populären Astronomie, von *M. A. Stern*. Berlin.

GEOMETRIE für Gewerbschulen, von *F. F. Goebel*. Karlsruhe.

HÄBRÄISCHE ANTHOLOGIE, mit Commentar und Lexidion, v. *M. Hölemann*. Leipzig.

RABBINISCHE ANTHOLOGIE, aus den Quellen entnommen, v. *R. J. Fürstenthal*. Breslau.

JURISTISCHE Abhandlungen, vorzüglich den Zustand deutscher Gesetzgebung und Rechtspflege betreffend, von *H. J. Siegen*. Göttingen.

BIBLIOTHEK gewählter Strafrechtsfälle, herausgegeben von *Ropp*. 2 Bd. Darmstadt.

CORPUS JURIS CANONICI, von mehr. Gelehrten übersetzt und herausgeg.
von Dr. *Alexandre Lang*. Erster Bd. Nürnberg.

DEUTSCHE STAATS- UND RECHTSGESCHICHTE, compendiarisch dargestellt,
von Dr. *Heinr. Zaepfl*. Heidelberg.

DIE ENTWENDUNG nach Quellen des gemeinen Rechts, von Dr. *C. F. Dollman*. Kempten.

SYSTEMATISCHE Darstellung aller bis jetzt bekannten homöopathischen
Arzneien in ihren reinen Wirkungen auf den gesunden menschlichen
Körper, von Dr. *E. F. Rückert*. 2 Bd. Leipzig.

KURZE (!!) ÜBERSICHT der Wirkungen homöopathischer Arzneien auf den
menschl. Körper, mit Hinweisung auf deren Anwendung, von Dr. *E. F. Rückert*. Leipzig.

COMMENTARIO MEDICA de remediis nonnullis, homoeopath. dietis, quæ in
sano corpore symptomatibus quibusdam morborum similes sunt. Auct.
G. Harnisch. Göttingæ.

EIN AUF HOMÖOPATHISCHE Heilversuche begründetes Urtheil über Ho-
möopathie, für Aerzte und Nichtärzte, von Dr. *I. Lilienhain*. Glogau.

DER WEG ZUM GRABE DER HOMÖOPATHIE, kritisch beleuchtet und allen
Freunden der Wahrheit gewidmet, von einem practischen Arzte.
Dresden.

DIE CHOLERA mit dem besten Erfolg bekämpft durch die homöopathi-
sche Curart. Nach Auszügen aus den Schriften von Hahnemann,
Schmidt, Siegel, Foster, Quin, Schubert, Roth, dargestellt von einem
Freunde des öffentl. Wohls. Bremen.

LEHRE von der gesammten Zahnoperation, nach den besten Quellen
darg. v. *C. J. Linderer*. Berlin.

AUSZÜGE aus den Protoeollen der Gesellschaft für Natur- u. Heilkunde.
1853 Jahr. Dresden.

DIE KRANKHEITSFAMILIE PYRA. Schleimhaut Exantheme, beschrieben von
Dr. *Eisemann*. 2 Bd. Erlangen.

ANWEISUNG zum heilsamen Wassergebrauch für Menschen und Vieh,
von den drei Stiftern des hydropathischen Vereins, *Oertel, Kolb* und
Birchmayer. Nürnberg.

HEIL- UND VERHALTUNGSREGELN bei jenen Krankheiten, die sich Jünglinge
und Männer durch geheime Vergehungen und Auszweifungen in
der Liebe zugezogen haben, von Dr. *A. F. Fischer*. Leipzig.

HEIL- UND VERHALTUNGSREGELN bei jenen Krankheiten, welche Mädchen
und Frauen in der physischen Liebe zu befallen pflegen, von Dr. *A. F. Fischer*. Leipzig.

MERICARTO. Bruchstück eines bisher unbekannten deutschen Gedichts aus
dem XI Jahrhundert. Herausgegeben von *Hoffmann von Fallersleben*.
Prag.

GESAMMELTE Gedichte, von *Friedr. Rückert*. Erlangen.

C. SPINDLER'S sämtliche Werke, 30 und 31 Band. Stuttgart.

DRAMATURGISCHE Berichte, von *Friedrich Ludwig Schmidt*. Hamburg.

AUFSÄTZE aus den Papieren eines Verstorbenen, herausgeg. von *Carl Freih. von Hacke*. Stuttgart.

HISTORISCHE Erzählungen, von *Charlotte v. Glümer*, geb. Spohr. 1 Gerhard von Avennes. 2. Liebensteins Quelle. Aarau.

DER GEÄCHTETE bei Morgarten und Conrad von Felseck. Zwei Erzählungen, von *Fidelio*. Eisenberg.

DICHTER und ihr Geselle, Nouvelle, von *J. Freih. von Eichendorff*. Berlin.

TUTTI FRUTTI. Aus den Papieren eines Verstorbenen. 3—5 Bd. Stuttgart.

FRAUENGROSSE, oder Blödsinnige, von *Bohemus*. (G. Opiz). 2 Bd. Stuttgart.

М О Д Ы.

Парижъ. Мартъ.

Въ модахъ, какъ и въ литературѣ, ровно ничего нѣтъ новаго. Всѣ Парижскіе щеголихи хорошаго тона стали очень набожны, съ половины великаго поста, и одѣваются поиначе какъ въ черное платье. Даже въ театрѣ являются онѣ въ черныхъ вырѣзныхъ платьяхъ. Только женщины, съ которыхъ послѣдуетъ брать примѣра вкуса, наряжались это время пестро и пернато.

Какъ великой постъ еще кончился и Лоншанское гулянье еще не наступало, то и нѣтъ никакихъ весеннихъ модъ. Только теперь начали развѣшивать въ окнахъ магазиновъ матеріи для весеннихъ платьевъ, по вкусу еще не рѣшилъ, которыя изъ нихъ будутъ господствующія.

Модные журналы чрезвычайно сухи и бѣдны. Разсмотрѣвъ множество картинокъ, мы нашли только два платья, заслуживающія вниманія. Приложенная картинка изображаетъ оба эти костюма, которые въ самомъ дѣлѣ прелестны и свѣжи какъ самая весна.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕВЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣсни западныхъ Славянъ. <i>А. С. Пушкина.</i>	
Видѣніе Короля. — Янко Марнавичъ. — Битва у Зеницы Великой. — Теодоръ и Елена. — Влахъ въ Венеціи. — Гайдукъ Хризичъ. — Похоронная пѣсня, Маглановича. — Марко Якубовичъ. — Бонапартъ и Черногорцы. — Соловей. — Пѣсня о Георгіѣ-Черномъ. — Воевода Милошъ. — Бурдалакъ. — Сестра и братья. — Янышъ Королевичъ.....	5.
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. <i>А. С. Пушкина</i>	111.
Прощаніе съ Петербургомъ. <i>П. Ершова</i>	117.
Тревожное раздумье. <i>И. И. Козлова</i>	120.
Пѣсня Закубанскихъ горцевъ. <i>М. Венедиктова</i>	122.
Орель. <i>А. Майкова</i>	123.
Старый Русскій замокъ. <i>Л. Якубовича</i>	124.
Невѣста, элегія <i>И. И. Козлова</i>	126.

ПРОЗА.

Imbroglіo. Изъ записокъ путешественника <i>Кн. В. Ѳ. Одоевскаго</i>	33.
Эбсамбулъ. II. Посѣщеніе храма. Пикъ-пикъ. Лотарей. <i>Барона Брамбеуса</i>	69.
Пригожая казначейша, Сцены уѣзднаго городка. <i>А. В. Шидловскаго</i>	127.
Поездка на Гебридскіе Острова. <i>А. С. Джунковскаго</i> .	148.
Двѣ Всемирныя Исторіи, Письмо изъ Швейцаріи. <i>В. А. Жуковскаго</i>	168.
Сказка о пуждѣ, о счастьи и о правдѣ. <i>Казака Луганскаго</i>	177.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Старикъ Горіо, Романъ Г. Бальзака. Часть вторая....	1.
Вашингтонъ Ирвингъ.....	107.
Сказаніе о поединкѣ между Ирландскимъ помѣщикомъ, Бобомъ Боркомъ, и прапорщикомъ 48-го пѣхотнаго полка, Теди Бреди. <i>А. Ситникова. Изъ Blackwood's Magazine</i>	120.

Жена солнца. Счатя Г. Юлія Жанена. Изъ <i>Courrier du beau monde</i>	152.
--	------

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Первобытный видъ и источники Несторовой летописи. <i>М. П. Погодина</i>	1.
Кювье.....	19.
Русское посольство во Францію и Испанію въ 1687 году. <i>Д. И. Языкова</i>	45.
Германская Философія.....	83.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Старыя и новыя понятія о сельскомъ хозяйствѣ. <i>Д. П. Шелехова</i>	1.
О козьемъ пухѣ. Доктора <i>Далля</i>	17.
Описаніе превосходно устроеннаго сельскаго хозяйства съ зерновымъ трехпольнымъ полеводствомъ, въ селѣ Латышинѣ княгини С. С. Мещерской, и его примѣненіе къ плодоперемѣнному пяти-польному. <i>Д. П. Шелехова</i>	28.
Способъ приготовленія вкуснѣйшаго и отличнѣйшаго кофе. <i>Н. П. Филипова</i>	41.
Составъ аргентина, или новаго серебра (<i>Neu-Silber</i>), называемаго также Китайскимъ (<i>Pak-fong</i>), его же.	44.
Вѣрное средство гасить загорѣвшуюся въ трубѣ сажу.	47.
Ванильный сыропъ.....	48.

V.

КРИТИКА.

Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Государя Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ «Сенявинъ», въ 1826—1829 годахъ, флота капитаномъ <i>Θ. Литке</i>	1.
Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, отъ Тарутинскаго сраженія до Кульмскаго боя.....	33.
Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ--Шуйскій, драма. Г-на <i>Н. К.</i> — Роксолана, драма Г-на <i>Н. К.</i>	44.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1835. Новыя книги.....	1.
Мартъ, 1835. Новыя книги.....	25.
Разныя извѣстія.....	55.

VII.

СМѢСЬ.

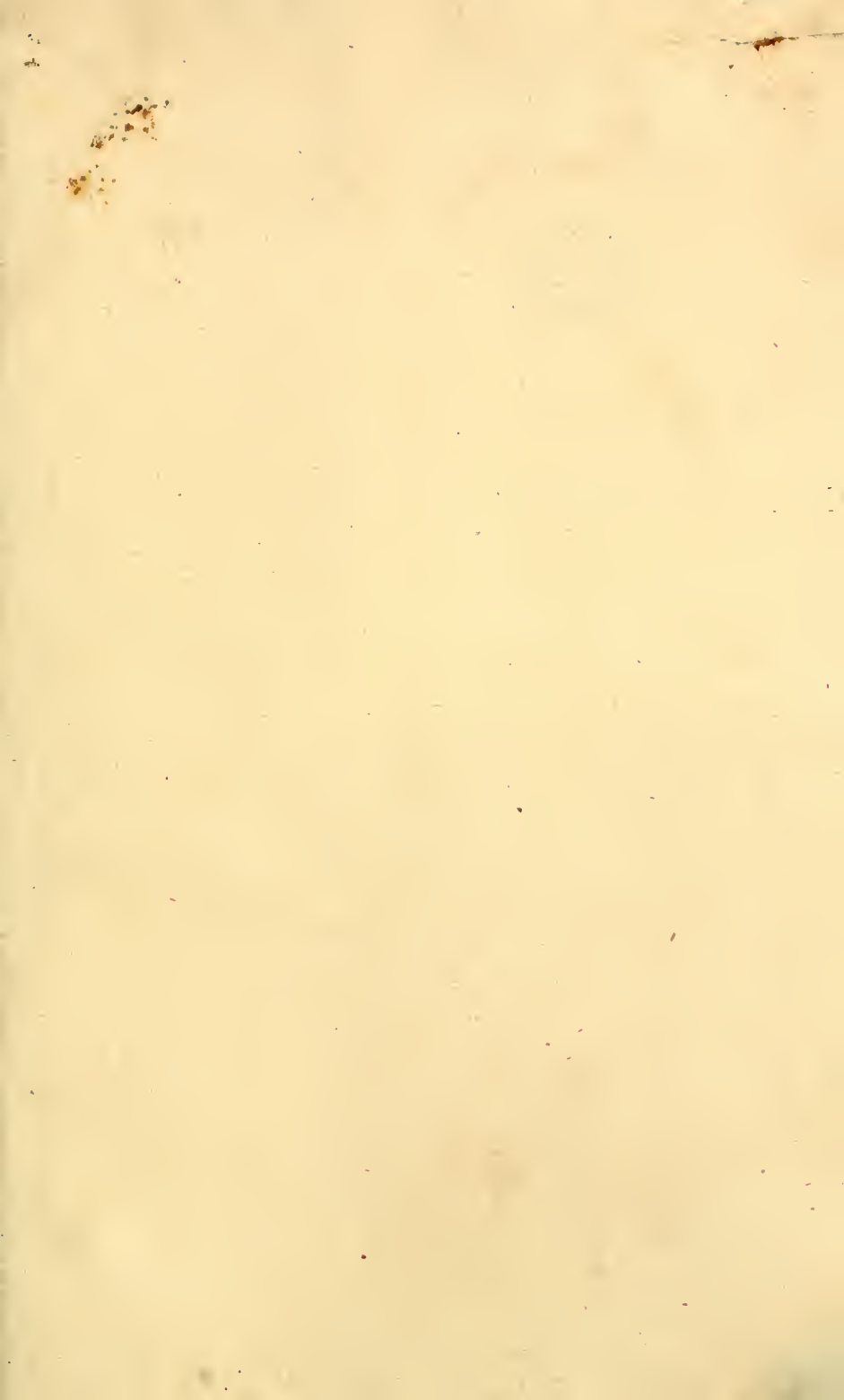
М А Р Т Ъ.

Королевскій Институтъ въ Лондонѣ:	
Открытія Г. Меллонн.....	1.
Галлеева комета.....	4.
Вліяніе отправленій умственныхъ на тѣлесныя.....	7.
Долина Пещеръ на Островъ Св. Михаила.....	10.
Зодчество мухолововъ.....	11.
Ночлегъ ласточекъ въ Америкѣ.....	13.
Медвѣжье чадолюбіе.....	15.
Лѣсные пожары въ Сѣверной Америкѣ.....	16.
Іерусалимъ въ 1831 году.....	19.
Пышность Ренджитъ-Сина.....	22.
Бременскій городской погребъ.....	24.
Примѣръ супружескаго самоотверженія.....	27.
Чудеса и дивы:	
1. Отличная ясновидящая.....	29.
2. Музыкальные старики.....	30.
3. Подземная рѣка.....	31.
4. Морской змѣй.....	—
5. Паровыя повозки съ деревяннымъ прикащикомъ.....	32.
6. Домовой.....	35.
Самосгараніе дерева.....	35.
Характеристика Француженокъ.....	—
Первый изобрѣтатель паровыхъ машинъ. Письмо ма- шиньки Делормъ къ Сентъ-Марсу.....	37.
Количество воды, проливаемое Невою въ море.....	39.
О томъ, какъ Г. Густавъ Планшъ отдѣлалъ Г. Виктора Гюго.....	40.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
Elle est folle. Les Pages de Bassompierre. La Tour de Ganges. Au clair de lune. Les deux Nourrices. Le fils de Triboulet. Le bal des Variétés.....	42

Словесность во Франціи.....	47.
Словесность въ Англіи.....	50.
Новыя книги, Французскія и Англіискія.....	52.
Моды (съ картинкою).....	53.

А П Р Е Л Ъ.

Королевское Азіатское Общество въ Лондонѣ :	
Новѣйшія извѣстія о Бирмапахъ.....	55.
Новое объясненіе сѣвернаго сіянія.....	58.
Небесное явленіе въ Ярославль.....	59.
Температура въ отношеніи къ животной и растительной жизни.....	59.
Новѣйшія муміи, человѣческія и деревянныя.....	60.
Ново-Голландскія собаки.....	61.
Преимущество слѣпоты предъ глухотою.....	62.
Умственныя способности обезьянъ :	
1. Павіаны.....	63.
2. Орангъ-утанги.....	65.
3. Последняя война между Англіею и обезьянами.....	71.
Мадагаскарскіе очерки.....	72.
Потомки древнихъ Македонцевъ въ Индіи.....	79.
Древній Сидонъ.....	81.
Торговля Мокскимъ кофеємъ.....	84.
Исторія ситцевъ и кпсей.....	84.
О томъ, какъ любятъ женщины.....	88.
Французы, Англичане, Италіянцы и Сѣверо-Амери- канцы.....	90.
Одно изъ новѣйшихъ самоубійствъ во Франціи.....	93.
Выставка произведеній Изыячныхъ Художествъ въ Парижѣ.....	96.
Французскій театръ въ Парижѣ :	
Chatterton, драма Альфреда де Виньи. La Juive, опера Скриба и Галеви. Aimer ou mourir, воде- вилъ Скриба. Las Gants jaunes, водевилъ Баяра. La Marquise. La Nonne sanglante. Fich-tong-kang. Le Bal aux avant-postes. Farinelli. Richelieu, etc... 100.	
Словесность во Франціи.....	126.
Словесность въ Англіи.....	128.
Словесность въ Германіи.....	129.
Новыя книги: Французскія. Англіискія. Нѣмецкія.....	137.
Моды (съ картинкою).....	143.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.B5
t.9
ch.2

